

Робот VoBot

Свободная Мыслящая Машина

КЛЮЧ

Annotation

Молодой математик Саша Вепрев случайно находит ключ, открывающий портал в Загробный Мир. Вместе со своей подругой Машей Зверевой он отправляется в путь, полный опасностей и приключений...

Ранним хмурым октябрьским утром засранный двор обшарпанной и насквозь прогнившей трехэтажки на Васильевском острове оглашался мерным шарканьем метлы. Погода, как всегда, стояла дерьмовой: шел противный мелкий дождь, а с моря дул холодный, пробирающий до костей ветер. В черной кишке тоннеля с облупленными заплесневелыми стенами, который вел со двора на улицу, ветер завывал звериными голосами под громохание сорванной жестяной трубы. Все вокруг было до отвращения тоскливым, и в воздухе просто физически ощущалась разлитая суицидная тоска.

Особенно сильно чувствовал это дворник Шурик Вепрев, который подметал двор, выгребая из темных, провонявших испражнениями углов, бэушные презики, шприцы с непонятным темно-бурым содержимым, пустые пивные бутылки, банки, и прочий бытовой мусор, накопившийся за вчерашний вечер. Все это добро он вываливал в переполненный мусорный контейнер, гордо стоявший в середине двора.

Наконец, вывалив в этого ветерана мусорных дел последний бак с мусором, Шурик привалился к стенке контейнера, рядом поставил метлу и принялся лениво обзирать окрестности, любуясь своей работой. Неожиданно за спиной математика громко каркнула ворона. В гулком рассветном воздухе ее карканье было таким оглушительным, что Вепрев от неожиданности втянул голову в плечи и резко обернулся. На краю контейнера сидела огромная черная ворона, а прямо под ней на мусорной куче лежала, словно напоказ, толстенная тетрадь в коленкоровом переплете.

— Однако, — лениво подумал Шурик, усилием воли пробиваясь сквозь утреннее похмелье, — вроде бы такое не выметал... ММММда... ИИИИИик!... И откуда взялась Ладно, псморим..., — и, повинувшись ленивому любопытству, дворник Вепрев взял в руки тетрадь и принялся лениво листать ее замусоленные страницы, без интереса вчитываясь в отдельные фразы и привычно, с трудом, преодолевая тоскливое похмельное отвращение к жизни вообще, и к этой писание в частности. На первой странице корявым почерком шариковой ручкой было кое-как накарябано: «Дневник» — а ниже приписано: канд. техн. наук Бусыгин Сергей Влад.

— А-а-а-а-а, Владимирыч! — припомнил Вепрев недавно умершего жильца дома, и задумчиво рыгнув перегаром, вспомнил прекрасные летние дни, когда он в компании Бусыгина принимал на грудь водочку в немереных количествах. Как давно это было! Тогда свежеиспеченный математик Шурик, с красным дипломом ЛГУ на руках, и преисполненный страстного желания удрать в Германию, только что нанялся дворником ради подвальной квартиры и паршивой, но регулярной зарплаты.

Тряхнув головой, чтобы прогнать ненужные воспоминания, Вепрев вытащил смятую пачку Кэмел, достал сигарету и закурил. Сделав пару глубоких затяжек и ощутив, как мощная волна кайфа поднимается к затылку, дворник-математик сплюнул, и мутным взором еще раз оглядел свои владения. Несмотря на его старания все кругом было полное дерьмо и безысходняк. В дальнем углу ворковали облезлые голуби, расклеывая в драку чью-то блевотину, напротив выхода из арки, вдалеке гудел пароход, продираясь в море сквозь державное течение Невы, и внезапно тягучая тоска кирпичом ударила по затылку Вепрева.

— Дык он же помер месяц назад! — поспешно тренькнула мысль, и Вепрев живо припомнил вынос иссохшей тушки инженера из засратой квартирki со второго этажа. Все

происходило в дождливый сентябрьский день, и чтобы не замочить усопшего, гроб с трупом замотали в рваный целлофан, невесть зачем сохраненный соседями с дачной теплицы.

— Ладно, посморим, че там дале? — подумал Шурик, — может, заначил дедок сотенку на черный день?

Вепрев торопливо пролистал тетрадку, жадно следя за пролетающими страницами, густо исписанными корявым, хотя и разборчивым почерком кандидата наук. Но, к немалому разочарованию дворника, в тетради был всего лишь дневник месяц назад умершего жильца дома, старого инженера Сергея Владимировича Бусыгина. Судя по датам, дневник был начат в 1947 году, а закончен полгода назад. В дневнике в основном описывалась всякая бытовуха, от которой у Вепрева, как у всякого нормального человека, скулы свело зевотой:

02.05.65 года. Вчера напился вдрога после Первомайской демонстрации, еле, блядь, поднялся в 6 утра, на работе с трудом перекантовался до 11.00, затем сгоняли лаборантку Валю за опохмелом, и я, слава Богу, опохмелился косяхой водки и 3-мя литрами пива. Боже, как мерзок этот мир! Хорошо бы повеситься, только страшно — а что ТАМ? Есть ли ОН — Загробный Мир? Хорошо бы посмотреть!

Ниже было приписано жирным красным карандашом:

А кстати, отчего бы не посмотреть? Ведь если Загробный Мир в самом деле существует, то с ним можно как-то связаться, или посетить, оставаясь живым, конечно! А интересно бы пошевелить эту тему! Только с чего начать? Вот, слышал, некогда Эдисон изобрел телефон для связи с Загробным Миром. Почитать, что ли? Пойду-ка я в библиотеку, што ли.

Шурик густо листанул сразу несколько страниц и прочитал первую же строчку, за которую зацепился глаз:

22.06.66 года. Вчера опять нажрался в обед на именинах у Кольки-токаря с опытного производства. В принципе, пить не хотелось, мутило сильно со вчерашнего, но ведь Колька мне самые тонкие детали точит! И как точит! Мастер! Обидеть такого — серпом по яйцам! Да и вправду сказать, дивно хорош был самогончик, прям с родного колхоза Кольки (откуда-то с Псковской области, забыл адрес). Да и закусь — зашибись — огурчики малосольные с укропчиком... сало домашнее, на вишневых дровах копченое... ооооо... блаженство... кровянка, домашняя... аще! А еще — свеженина от свежезаколотого поросенка! Прозрачное сало, жреца — бесстопно! Колька трехлитровую банку со свежениной принес, так она на солнце просвечивала, точняк! А как это все, мля, пилося, как жралось, как вставляло! А потом с Валькой-нормировщицей свалил в кустики и там я ее вспахал по пролетарской норме, без презика, она аж верещала как свинья нерезаная!.. Три раза кончил! ОООООО, как погуляли!

Примечание:

Но нет, нет и нет! Трезвостьнорма жызни (бугагага! — нервно поёжился Шурик, с нарастающим интересом вчитываясь в откровения бывалого инженера) — Так что — все! Завязываю, а не то сопьюсь вдрызг! Вот тока щас похмелюсь (в последний раз, КЛЯНУС] МАМОЙ!!!!!!) из заначки чекушечкой самогоночки, и все! ООООООООО... блаженство... нет, всё, я погиб...

Шурик опять листанул тетрадь, и прочитал далее:

12.08.67. Два месяца в сухе, и вроде — нормально. Держусь, как Зоя Космодемьянская на допросе в гестапо! Однако скучно! Правду поют в оперетке — "Без водки жить нельзя на свеееееете, нет!" Хорошо бы принять на грудь хоша бы пивка, литра три! Но НЕЛЬЗЯ! Нет! ТРЕЗВОСТЬ — НОРМА ЖИЗНИИ!!!! А пойду-ка я к Нинке-соседке — может, даст, сволоч

Муженек-то ее на крытке парится, небось, пизденка чешется!

13.08.67. Дала, стерва, но сначала потребовала, чтобы ОНА (ОНА, НИНКА!!!) выпорол МЕНЯ! Розгой! По голой жопе! И знаете — пришлось согласиться! Так она мигом вытащила из-под кровати на свет скамейку, на которой ее когда-то порол папаша — токарь-алкоголик, велела раздеться догола и взгромоздиться на эту скамейку голой жопой кверху. Затем эта стерва подсунула мне под чресла скатанное одеяло, так что задница отвратительно оттопырилась, надежно привязала веревками и выдрала по первое число! Я орал как сумасшедший, дважды терял сознание, а эта стерва все хлестала и хлестала березовыми прутьями! Когда встал — аж шатало! Но уж потом я оттянулся! Привязал эту извращенку к той же лавке, и выпорол ее по голой жопе до кровавых рубцов! А потом поставил раком и отсношал сзади, как последнюю блядь! оооооо...! Внизу было приписано все тем же красным карандашом: «А вообще-то мне понравилось! И ей тоже! Надо продолжать!»

20.09.67. За прошлый месяц превратился в самого настоящего секс-раба Нинки а она — в мою рабыню. Каждый раз, прежде чем допустить к телу, требует позволить выпороть. Садомазохистка гребаная! И приходится соглашаться — а что делать? А телочка и в самом деле — Окей! У меня появилась в мозгах какая-то защелка — только на нее встает — хоть ты что делай, хоть убей! Не могу! Скока раз пробовал — ноль. Не встает! А ведь эти телки были зашибись — куда там Нинке! А теперь приходится раздеваться догола, ложиться на скамейку, затем Нинка приматывает меня к кровати изолентой и порет бабским ремешком по голой жопе. И больно же порет, сволочь! Зато потом — плис, сама снимает трусы, задирает нижнюю юбку до подмышек и ложится — делай, говорит, со мной все, что хочешь! Можешь постегать в отместку! — Ну, тут я, естественно, оттягиваюсь, до доньшка! ИИИИИИИИ-ыьых! Прежде всего — пару раз огреть ремнем по голой жопе, наслаждаясь дикими взвизгами, затем ввести член, туда...ну, ясно — куда, затем — оооооо... в общем 5–7 раз кончаю, а она только орет, давай, милый, давай еще! Какая женщина, оооооо...ммда... иииии... эээээх!

— Во, бля, еще один изврат — подумал Шурик и сплюнул, попав в белого голубя, клевавшего всякую дрянью в мусоре. Нинку, а точнее Нину Петровну Синцову, он немного знал, это была ныне покойная Машкина бабка, не так давно торговавшая на базаре шмотками, а с Машкой (выходит, внучкой старикашки Бусыгина!), у Шурика уже пару месяцев был апатично-вялотекущий, как недолеченный триппер, роман. Машка ему немного нравилась: она громко и визгливо верещала в завершающих аккордах процесса соития гуманоидов — натуралов, и весьма технично подмахивала пухлой попочкой в стойке раком, так, что приходилось даже придерживать партнершу за пухлые ягодицы, чтобы она не поломала член.

Вспомнив Машку, Вепрев крякнул, сплюнул внезапно завязнувшей слюной, глубоко затянулся Кэмелом, и еще раз густо листанул тетрадь. Там оказались записи середины семидесятых:

10.06.76. Работы толковой нет, начальничок — тупой большевичок, в мозгах у него — тока водка, бабы и устав КПСС, так что от нехуй делать изобрел я, бля, дивный дивайс, назвал Радио-Астрал. А красиво звучит: Радио-Астрал! Собрал аппарат из того што есть — правда — слава дуракам — липовые заявки дурак-начальничок все еще подписывает (одно слово — большевичок, то есть полуграмотный идиот, бу-га-га), но в основном — из хлама, конечно! БЛЯ, БЛЯ, БЛЯ!!!!!! Да! Да! ДА! I did It! В общем, эта штука такая: закидывал антенну в будущее, лет, скажем, на пийсят и слушаю тамошние радиопередачи. А там — ну,

вааще — ЗАЕБИСЬ!!!!!! Какие ритмы! Какой рок! Какой шансон! Я подозреваю, в будущем парторгов-большевичков погнажи на хуй!

— Это как — закидываю антенну? — изумленно подумал Шурик. — Это он, типа, в машине времени ее закидывает, что ли? — Вепрев покрутил головой. — «Этсааа... да как это возможно? Может, надо создать временной портал, и туда антенну вставлять? — Вепрев вспомнил, как в детстве читал про машину времени. Помнится, его сильно напугали морлоки-людоеды, какое-то время он даже боялся, что ночью они придут за ним.

— Да нет, не бывает такого! — внезапно бумкнуло в похмельных мозгах дворника-математика, как будто его стукнули головой о бетонную стенку, и Шурик окончательно очухался.

— Не, не бывает! — обрезал сомнения Вепрев, — На тот свет? Не — никак! Где он — этот «Тот Свет?»

Шурик, покрутил головой и внезапно снова увидел в своих руках тетрадь инженера Бусыгина. В ней было что-то совершенно невозможное, пугающее, чудовищное как будто он увидел человека в белом саване и с нимбом, сидящего на облаке. Внезапно осипшим голосом Шурик пробормотал:

— Пасморим... — и торопливо залистал тетрадь назад. Глаз цеплялся за мудреные формулы, эскизы и прочую ученую муть, но наконец Шурику удалось уловить что-то толковое:

09.07.75...начал от нефиг делать изобретать Портал Мироз для связи с загробным миром, благо работы нет вааще, и не предвидится — начальничок в запое с директором и парторгом, — а сидеть без дела — сдохнуть можно от скукотищи. Ничего в голову не шло, хотелось тока одного — принять на грудь стакашку беленькой. Но — нельзя. Еще парторг Игорёк увидит, прицэпицца — где придавил, колись? Тогда делицца придецца! А у него глотка — пропасть! В общем, начал дремать, и тут приснился мне сон: будто бы я — ...

— Привет, Шурик! — в мозги Вепрева внезапно ворвался громогласный голос начальника — отставного майора ВДВ Василия Петровича Шумилова, а ныне директора ЖЭК-а, в котором числился Вепрев.

Вепрев вздрогнул всем телом, и рывком вернулся в реальный мир.

— Как дела? — строго спросил дядя Вася, как его за глаза звал личный состав ЖЭК-а.

— Все подмел, Василь Петрович, — бодро отрапортовал Шурик, — вот, жду мусоровоза.

Шумилов придирчиво оглядел двор, и, как ни старался, не заметил никаких изъянов. — Ииии-эх — досадливо крякнул он и сплюнул.

— Ладно, работай далее. Тут вот што.... ты ета... у тебя не припасено где-нибудь?

— Че припасено? — тупо спросил Шурик, — А.... ясно. Нет, Василь Петрович, не озаботился.

— Ага — с сомнением в голосе протянул Шумилов, — Ну, ладно... пойду. — И бывший майор потопал в арку на выходе из двора.

Шурик, дождавшись ухода начальника, снова листанул тетрадь и принялся читать дальнейшие записи.

27.08.76. С Порталом Мироз не ладится что-то, не уловлю суть. Решил опять музон послушать, и что удивительно — постоянно при прослушке мелодия сама собой перескакивает на новую. И в чем дело? Раньше не было!

04 09.76. Размышлял, отчего такое смещение мелодий? И после пятого стакана

вставило: Да не хуй думать! Да потому, что это Я! Я! Я! ее слушаю! Эффект бабочки! Да! Я слушаю, что-то изменяется в нашем мире, и это изменение идет волной вперед, так что музыка, которую будут гнать в выбранный день, но через много лет вперед, будет плыть! Очень просто. Забавненько, ыыыыыыыгыгыгыгыгыгыгыгыгыгы МДЯ!!!! ЕБИСЬ ВЫ ВВВВ В РОТТ!!!

07.09.76. Да нет, не просто! А в какой день? Скажем, забарабанил аппарат на скачку музона вперед на пийсят лет. И што? Мммда... ептыть.... Звонят в дверь. А, ебись ты в рот — опять, блядь, Нинка ввалилась, ссучара. Да, и младшая сестрица при ней, бля, ссука. Принесла целый куль ивовых розог. Я де слишком долго молчал, и грехов видать накопилось много, так што ждет тебя, Бусыгин, капитальная порка, а сестрица ея якобы желает поучаствовать, а она вишь, ослабла, так сестрица будет пороть, а она — за ноги держать. Пришлось покорицца — а што делать? Кого ишшо ебать? Бля, ебена мать!"!!!

08.09.76. Блядь, и больно же было! Порола Нинкина сестрица долго и больно, я орал и грозил зарезать, но эта ссука молоденькая была непреклонна — пока не выдохлась, все стегала и стегала. Зато потом Нинка удалилась, а ейная сестра напрямую предложила: "делай, грит, дядя Сережа, со мной все, что хочешь!" Ну, тут, я, бля, её выебал — ваащце! До упора! Раздел догола, тока лифчик оставил, чтоп сиськи торчали, привязал в позе раком, и того, ииииээээх-!!!! Сначала плеткой порол (как верещала, ссука!), потом вставлял елдо, наслаждаясь воплями (она орала, што целка), потом повторял... Иииииэх! Иииииэх! Иииииэх! Пять раз кончил, ей богу! Хороша, сучонка младая! Жопка так и играет в руках! ОООООО!!!

оооо...

2 часа спустя: што удивительно, мозги прозрели (вернее — прогорели) — я понял — парашей увлекся!!!!!! Не то!! Не то, ебена мать, НЕ ТО!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Что мне эта музыка? Надк Портал Миров делать! Только вот нет идеи, сути самой — а без этого никак.

07.11.76. Вроде как праздник ныне, — Седьмого Наебли!" И кого наебли? Леньку? Очередного уёбка-генсека? Да он и так пока живой, хотя зря! Но што непонятно — хоть музыка с моей антенны меняется, но нет ни демонстрации, ни парада. Че за хуйня? Што у них там — революшшен приключилась? А шшто, пора бы!

Вепрев еще раз листанул сочинение Бусыгина и коротко зацепился за несколько фраз.

10.03.77. С Порталом вроде подвинулось. Тут такая мысль: если в критической точке свойства материи разопределяются, то можно, вступив в эту область, перейти в иной мир, у которого определены нужные свойства. Как то так...

11.04.77. Как создать доступную извне критическую область пространства? В трехмерном пространстве технически — никак. Но можно попробовать плоское пространство, например, пленку Лэнгмюра. Там при сжатии монослоя есть критическая область, только двумерная. Может, надо только стабилизировать пленку и натянуть ее на весь портал? Муть какая то... Пойду Нинку ебать — может, развеюсь.

Шурик заглянул в конец дневника. Там было уже что-то более понятное для него.

14.08.91. Сегодня блять в Пулково был... Хотел слетать домой, блять, но ни хуя... нет карасина, вишь ты. Вот блять!!!! Аще! Зато пока курил на ступеньках к Пулкову видел мужичка — едрена мать, какая масть! Весь в прикиде от Версаче, в руках — несессер, о... о... Пояснял мужычку чуть постарше — я де Иван Иванович в Стокгольм лечу, железс продавать... Эх, ебись ты в рот, а я то, я — тупой совок, над дерьмом парюсь, блять!

— Точно, белка, она, — подумал Вепрев и листанул тетрадь до конца. Там

обнаружилась какая-то необычно длинная запись на целую страницу, и относилась она уже к последним лихим временам демократических конвульсий Российской истории:

24.11.1996. Все, решил уйти. Надоело все, нахуй, право, до смерти — и вот она — СМЕРТЬ, РОДНАЯ, пришла, родимая, наконец-то... А впрочем, пойду, для начала, водки приму... Как там в песне: "Вот те крест, што я завтра повешусь.... А сегодня я только напьюсь...." Вот и я... Институт наш разогнали, здание продали какому-то Опанасенко. Ну а тот — нагнал с Украины блядей целый батальон, устроил бардом. Правда, мужик не без понятия: всех ученых людей к делу приставил — мужиков в охрану, баб в уборщицы или, ежели посисястее — в стриптиз. Жить можно...

Далее следовал текст, от которого Вепрев охренел.

Манифест инженера Бусыгина

27.11.1996. Да, уйду нахуй... Спокойно, спокойно, Бусыгин, все будет олл райт! Да заебись эта, бля, демократья в рот, задохнись от спермы в глотке и передоза водки, тока дайте уйти спокойно! А потом — хоть сдохните все поголовно, уёбки! Меня же все идиотом сумасшедшим считают, шарахающца, бля, при встрече, сссволочи, ссуки рваные, педорассы хуевы!

— Охуеть... — подумал Вепрев, повертел тетрадь в руках, и уже собирается было выкинуть ее, как вдруг из тетради выпал здоровенный ржавый ключ необычной формы. Шурик лениво поднял ключ с земли и повертел в руках, размышляя, откуда он взялся. Полистав тетрадь, он дошел до задней обложки и обнаружил, что к ней кем-то прилеплен кусок скотч-ленты, над которым и красовалась надпись: «Тому, кто найдет этот ключ. Прочти последнюю запись в моем дневнике, а там — как знаешь». Видимо, ключ был приклеен скотчем, а сейчас оторвался и выпал.

Экс-математик не был лишен любознательности и решил сохранить находку. Тетрадь, свернутую в трубку и ключ он сунул в карман, и направился было в свою казенную берлогу однако тут же во двор с грохотом вкатился мусоровоз. Подождав, пока похмельные и злые мусорщики вывалят в бункер отходы жизнедеятельности и умотают восвосяи, Вепрев подмел рассыпанный мусор и отнес тетрадь и ключ в свою конуру.

Умывшись и переодевшись, он взял немного денег, а именно все те, которые он смог обнаружить в той же самой тумбочке, где теперь вальяжно развалился письменный вариант жизненного кредо Сергея Владимировича, и его непонятный, ржавый ключ. По его подсчетам бабла хватало на несколько кружек "Невского". «Вот и хорошо» решил Шурик и отправился в ближайшую пивную, хозяином был армянин Карен, а правила бал его сожительница тетя Надя — жопастая бабища лет сорока, тяжелой руки которой до смерти боялась окрестная шпана.

Выйдя из кишки туннеля и свернув пару раз за угол, он оказался под самой вывеской заведения и с усилием распахнул дверь, которая исторгла ему навстречу густое облако табачного дыма и винно-водочного перегара. Привычный к этому Вепрев вошел в заведение и, не обращая внимания на знакомых завсегдатаев, решительно направился к стойке.

— Две Невского разливного, — заказал он тете Наде и, получив пару бокалов, сел за стойкой и сделал первый глоток. Он был божественно прекрасен, он неторопливо полз вниз по гортани, смывая прохладной струей все дерьмо, накопившееся в жизни и Шурику мигом захорошело настолько, что он заказал третью порцию, чтобы воспарить еще выше.

Немедленно по принятию третьей дозы на Вепрева навалился весь окружающий гомон наподдатых мужиков, рассеявшихся мелкими компаниями по всем залу. Одни пытались

спорить, но их языки заплетались в невообразимое мычание, обильно пересыпаемое отборным матом, другие пытались поудобней расположить голову на столе, чтобы поспать и через часок-другой прийти в себя для дальнейшей попойки. Кто-то, спотыкаясь, наплясывал под армянские напевы, разбрасывая пепел зажатой в зубах сигареты на тех, кто пытался спать или спорить. Несмотря на всю похабность картины, она все же немного веселила Шурика.

Вдруг один из пьяных плясунов с настойчивостью ледокола двинулся вихляющей походкой в сторону стойки заказать еще, спотыкаясь о других пьянчуг. На ругань обиженных гуляк он кривил рожу и заявлял пьяным голосом «Ща поговорим!». Шурик поежился, представив, чем может закончиться разговор, окажись он в уличном пьяном спарринге с этой гориллой выращенной совдеповской заводской закалкой.

При каждом намеке на разговор, Карен как-то наигранно вздрагивал и поглаживал в сторону телефона, так как не раз становился свидетелем той самой беседы, результатом которой однажды был двухмесячный ремонт заведения. Но в этот раз всё обошлось.

В конце концов детина со стеклянным взором, не адресованным конкретно никому из окружающих, практически воткнулся в стойку раньше, чем получил по морде, что в этих кругах являлось исключительной редкостью. Тут же дотлевший до фильтра бычок вылетел из его губ на стойку, что его слегка удивило. Пошарив по карманам, в одном из них он нашел новую сигаретину, потерявшую первоначальную ровность, закинул ее в зубастую пасть и принялся рыскать по карманам в поисках спичек, медленно и пьяно выдыхая через нос на протяжении всех проделываемых процедур. Ни найдя ничего подходящего, он по возможности сфокусировал зрение и направил взгляд на Шурика, сидящего рядом.

— Мо-о-лодой челв-ек..., - через приступы икоты он намеривался попросить прикурить у Шурика, но тот сразу все понял, не зря красный диплом мехмата ЛГУ, и пододвинул бугаю коробок лежащий на стойке, — спа-а-сибо.

— Не за что, — проявил вежливость Шурик.

С третьей попытки детине удалось настроить координацию и все же прикурить сигарету, которая на половину почернела снизу от предыдущих попыток.

— Хоро-о-ший ты человек, — продолжал воспитанник экс-пролетариата, убирая спички Шурика себе в карман, — а да-авай с тобой водки вмажем?

Скорее, он даже и не спрашивал у Шурика, а просто заранее предупреждал. Затем повернулся к тете Наде и внушительно произнес: "Два по двести." На что барменша кивнула и спустя несколько секунд перед Шуриком и его собеседником появились два граненых стакана с водкой. Без лишних слов, они чокнулись и поочередно опрокинули стаканы. Шурик сморщился, а открыв глаза увидел как огромное пьяное тело с криком "Наших бьют!" ломанулось на исходную позицию для выяснения отношений. Кто кого бил на самом деле во внезапно вспыхнувшей потасовке, разобрать было достаточно сложно. Карен по отработанной методике схватил трубку и, набрав короткий номер, с кавказским акцентом давал указания диспетчеру патрульной службы. Кипишь стремительно набирал обороты, вихрем разбрасывая в стороны все, что встречалось на пути бойцов.

— Ну вот, приплыли! — заключил для себя Шурик, махом допил оставшееся пиво и направился в сторону выхода, перешагивая и перепрыгивая через разбросанные стулья, опрокинутые столы и неподвижно валяющиеся тела. Делать здесь было больше нечего и, не вмешиваясь в сложившуюся ситуацию, экс-математик направился домой в слегка подпитом расположении духа.

Несмотря на принятую дозу, какое-то подавленное настроение овладело Шуриком на улице по пути домой. Он без интереса всматривался в проходящих мимо людей, и только вяло проводил взглядом встречную патрульную машину, которая с воем сирены спешила на спасение Кареновой мебели от крушения о головы посетителей.

Войдя в теплую до вонючести дворницкую, Шурик повалился на неприбранную кровать и принялся размышлять, на что убить оставшееся время. Ничего не придумав, он снова взял в руки тетрадь, и принялся читать дневник Бусыгина ближе к концу. В основном там была написана всякая заумная чепуха, но в самом конце началось что-то интересное.

12.02.92. Сегодня вроде удалось запустить Портал Миров. Немного барахлит стабилизатор, но в общем — отработал нормально. Из любопытства заглянул по ту сторону так сказать добра и зла. С виду ничего особенного — какой-то туннель, полумрак, никого не встретил. Только раз промелькнула какая-то образина вроде здоровенной крысы, скачущей как кенгуру на хвосте.

15.04.92. На работе директор и начальник планового организовали кооператив с названием «Альбедро». И откуда такие дурацкие слова берутся? Но теперь казенные бабки пилят по черному, зарплату платить сразу перестали. А все деньги директор на свою квартирку в десять комнат на Невском вламывает, сволочь! Одно приятно — мой Портал работает, я уже много где побывал на той стороне. Нашел там даже комнатку для себя — через люк в полу надо входить. Очень даже премиленько, даже мебель есть. Начну туда вещи переносить чтобы обустроиться!

21.05.92. Прогуливался в окрестности своей хованки и забрел в какую-то пещеру. А в ней страшило сидит и какое-то шарики лепит. Я со страху убежал в соседнюю пещеру, а там в потемках споткнулся и свалился в яму. Думал — каюк, но ничего, упал в какую-то реку, вылез на берег, а там стоит домик — так себе, амбар колхозный. Я туда зашел, вижу — в потолке труба, из нее шарики падают, и все уносятся в какую-то трубу. Ну, и меня туда потоком затянуло, вылез в другой пещере, а там чаша с отражением карты. В общем, я там свою хованку на карте нашел, ткнул пальцем — и вмиг в ней очутился. И карта эта рядом валяется.

23.05.92. Пересмотрел всю карту. Оказалось, что это вроде плана Загробного Мира, там подробно обозначено все, что там есть. Особенно меня зацепил Интерфейс Богов — что бы это значило?

11.07.92. Побывал в Интерфейсе. Презанятная штучка, вроде заводного пружинного будильника. Только не совсем ясно, как с ним работать. Ну, ничего, разберемся.

Вепрев листанул дневник еще страниц на десять вперед. Там уже описывались последние дни работы Бусыгина в родном НИИ.

05.04.95. Институт наш разорился вдрызг. Как директор себе Мерседес купил — денег не стало ни на что, даже электричество отключили. Сегодня вывесили приказ — все уволены поголовно, денег нет, спасайся, кто может! И внутрь охрана не пускает. Как мне теперь до Портала добраться?

13.09.95. Сижу дома, денег нет, жрать охота. А тут еще старый знакомый звонит: НИИ наш продали какому-то Опанасенко, он сейчас его в бардом перестраивают. А все оборудование на свалку вывезли, для бардома-де оно не нужно, видите ли... Меня как серпом по яйцам — сколько старался — и все прахом! Сволочи. Но потом правильные мысли стали приходить: можно ведь со свалки свой портал забрать и здесь восстановить! Как раз в подвале у меня дровяной сарайчик есть!

16.09.95. Нашел свое оборудование на свалке, откупил у сторожей за 4 поллитры, мля. Аппаратура в принципе целая — кое-что подпаять, подрихтовать — и можно запускать.

18.09.95. Вот ведь незадача, блядь! Не влазит Портал в мой сарай, ну, никак. Надс конвертор ужать в размерах.

Вепрев зевнул, и перелистнул несколько страниц вперед.

04.06.96. Портал вроде готов, хотя вышло дерьмоповатенько чесно гря, убогенько, самопальненько. Бля, и места мало, да и сборка пиздоповатая. В НИИ блядском целый зал у меня был, аппарат собирали 5 слесарюг толковых (из своих рук, мля, казенной спиртягой похмелял!) а тут, бля — дровяная каморка в подвале, а собирал сам кувалдой да отверткой, мля! В общем, вышло уродство полное — пришлось конвертор в унитаз турецкий впахнуть (тоже на свалке, бля, подобрал). И воняет же он, ебёна мать! Видать, срало в него не пересрало море людишек, бля! Зато очко — в самый раз чела пропустить. Да и пускатель — ручка для слива воды, соединил с рубилом. Гениально! Ёбся с этим дерьмом — почти год! А решение — вот оно!!!! Блядь! Блядь! Блядь! БЛЯДЬ! Да я, сука, молоток-ударник! Но ваще канэшно, идиотизм полный, но вышло неожиданно удачно, и даже очень и очень. Стал, бля, раком, дернул за ручку и ты — там... А ТАМ — все НОРМУЛЬ, и хотя местами охуенно опасно, но презабавненько! И главное — скучать не приходицца, куда там!

05.07.96. Снял замок с ключом со своей каморки — на хуй они мне там сдались? Поставил на портал, чтобы никакая сволочь просто так в Загробье не проникла. А с ключа копию выпилил. Щас займусь финансами. Есть у меня мысль богатая: переделать мою машину времени так, чтобы в портал Будущего рука пролазила. А поскольку выходное устье портала можно перемещать малыми изменениями поля сдвига, то нефиг делать и в банчок влезть и разжиться. Так сказать, грабь награбленное!

10.08.96. Очко в будущее вроде готово. Для пробы закинул его на неделю вперед, нацелил на сберкассу и всю дневную выручку увел. После пересчитал — пол лимона оказалось. Пока хватит — пойду закупать припасы для моего нового жилья. А портал тоже унесу с собой — жить-то надо на что-то!

— Однако, старикашка не промах! — восхитился Вепрев. — Мне бы такую машинку времени!

И пьяный экс-математик принялся мечтать, как он найдет бусыгинское изобретение, как притащит в свою каморку мешок денег, как он начнет жить королем, крем-брюле кушать, батистовые портянки носить, и как за ним из Смольного пришлют золотую карету, и как он поедет в мэрию давать указания тамошним деятелям, и как сам Президент, узрев Шурикову великую мудрость и государственный ум назначит его главным советником по всем вопросам, и как он заведет себе любовницу из модельного агентства, и как он придет к ней ночью и она скажет «открой, Саша! Уснул ты, что ли?» И примется колотить кулаком по стенке.

— А, что?! — вскинулся заснувший экс-математик, садясь на своей кровати и совершенно ничего не соображающий.

— Открой, Саша! — слышался за дверью голос его текущей подруги Машки, — Ты всё ещё дрыхнешь? Полдень на дворе!

В дверь застучали энергичнее. Вепрев зевнул и глянул на будильник. Оказывается, он проспал три часа, и сейчас Машка как раз явилась из своего педтехникума, где училась на преподавателя школы для умственно-отсталых детей.

Окончательно проснувшись, Вепрев досадливо открыл дверь. В комнату впорхнула

стройная девушка в джинсовой мини-юбке и серо-голубом свитерке, румяная, русоволосая с симпатичным нахальным личиком.

— Привет! Ты спал что ли? — Машка на лету чмокнула экс-математика в щёку и приземлилась вместе с сумкой на Шуриковой неубранной постели.

— Нет! С чего ты взяла? Отдыхал просто после работы. — Шурик закрыл дверь и присоседился рядом с ней.

— Трудяга ты мой! А я вот соскучилась по тебе и забежала проведать. — Девушка положила голову ему на плечо и прикрыла глаза.

— Правильно сделала, Машутка! Я тоже соскучился... — он придвинулся поближе и зашептал ей в ухо, — очень, очень...

— Правда? — томно спросила Маша, не открывая глаз.

— Ну, конечно, моя милая. — Шурик уже обнимал и целовал её. — У тебя же самые красивые на свете ножки...

— Льстишь? — девушка податливо прогибалась под умелыми пальцами ловеласа.

— Ни грамма, — проникновенно отвечал он, ловко освобождая подругу от лишней одежды.

Вскоре парочка вовсю занималась приятным делом. В течение получаса они порадовали друг друга: она его — своим темпераментом, он её — опытностью. Наконец, довольные друг другом, они оделись и возлегли передохнуть. Её голова лежала на его плече, и он накручивал на палец локон её волос.

— Маш, а ты не боишься своих будущих ученичков-дебилов? Всё-таки ты смелая девушка.

— Не смелая, а практичная. За дебилов платят больше. И это всё же лучше, чем торговать в жару и холод на базаре, как моя маменька.

— Так она вроде тожеучилкой была? Чего на базар подалась?

— Работы долго не было, учителям совсем мало платили... Ну, а потом просто привыкла. — Машка ущипнула Шурика за бок, — а ты долго ещё собираешься метлой махать?

— Ой, не говори! Задолбало уже. Кстати, — оживился вдруг Шурик, вспомнив про утреннюю находку, — я сегодня нашёл возле мусорки странный дневник жильца здешнего, Бусыгина. Помнишь такого?

— Конечно. Это же наш бывший сосед сверху, только он помер уже. А что за дневник? — Маша приподнялась и, облокотившись, с любопытством уставилась на Вепрева.

— Вот это того самого Владимирыча дневник. Невероятные вещи пишет пипл! Он, что больной был на голову?

— Нет, вроде бы. Хотя странный дедуля, с приветом уж точно. А что пишет такого чудного?

— На, сама почитай. Я не знаю, что и думать... — Шурик протянул дневник подруге.

Маша взяла дневник и углубилась в чтение, торопливо пролистывая неинтересные ей места.

— Слушай! Вот это круть! Получается, установка должна находиться в его квартире? — глаза девушки уже горели энтузиазмом. — И ключ у тебя есть?

— Какая установка! — озадачился Шурик. — Какой ключ?

— Да, портал этот офигительный! И ключ, чтобы его завести! Чего тормозишь? — Маше уже не лежалось, и она начала расхаживать по маленькой квартирке друга.

— А! Но он же пишет, что у себя в квартире эго собрал! Так ты веришь в эту паранойю? — парень недоверчиво посмотрел на свою подругу.

— Не знаю ещё! Но очень впечатлило. Надо проверить! Чем чёрт не шутит!

Маша продолжала торопливо листать дневник.

— У него вроде дальние родственники в Бурятии были. Квартира им досталась. Они какой-то хлам из неё выбросили, но ничего крупно-металлического там не было. Тряпки, старая мебель, всякий хлам...Квартиру поручили продать моим предкам, а сами укатили в свой Улан-Уде на буддистский праздник каких-то там огней! Так что ключ от квартиры у нас дома должен быть. Идём! Поищем! — по жизни стремительная Маша начала развивать спринтерскую скорость.

— Ты это серьёзно? — Шурик ещё не осознал всей непреклонности намерений подруги.

— Да! Ну, давай же, шустрее шевели лапами! Неужели тебе неинтересно всё это проверить? — Она потащила парня за руку к выходу, и тому ничего не оставалось, как последовать за ней.

Поднявшись на второй этаж, Машка осторожно открыла дверь, пропустила вперед Шурика потом также тихо вошла сама, стараясь не зашуметь.

— Тссс! — Приложила Маша палец к губам, — не разбуди предка, он с дежурства опять пьяный пришел, отсыпается!

— А мать где? — шепотом спросил Шурик.

— На базаре турецкими шмотками торгует, — также шепотом ответила Маша.

Родители Машки были по своему близки Шурику, поскольку тоже работали совсем не по своим специальностям. Отец в не столь далеком прошлом был классным инженером-конструктором, а мамаша трудилась учительницей физики в старших классах. Сама же Машка училась в педагогическом техникуме на учителя младших классов для умственно отсталых детей.

— В школах для дебилов и конкуренция меньше и платят больше, — наставительно ответила она Шурику, когда тот поинтересовался странным выбором специальности подруги.

Сейчас же Машка открыла трюмо в прихожей и пошарила на полочках, но ключей там не обнаружила. Затем, чуток поразмыслив, запустила руку во внутренний карман отцовской куртки и вытащила оттуда искомую связку. Знаком показав Шурику, что все в порядке, Маша показала ему на дверь, а когда Вепрев вышел, она на цыпочках выскользнула сама и заперла дверь

— А?! Кто там? — послышался за дверью пьяный рык Машкиного предка, — эт ты, Зинка? Водки принесла?

Зинкой или Зинаидой Петровной, была Машкина маман и постоянная собутыльница супруга. Поэтому Машка, чтобы избежать разборки с папенькой, торопливо схватила Вепрева за руку и потащила его на третий этаж. У двери в квартиру 43, в которой когда то и проживал Бусыгин, Шурик почувствовал легкое покалывание где-то внизу живота, что обычно бывало у него накануне неприятных приключений, вроде стычки с гопниками в темном переулке. Дверь была заперта всего на один английский замок. В принципе такую защиту можно было преодолеть, с разбегу влетев всем корпусом в дверной проем.

Квартира встретила непрошенных гостей абсолютно пустыми стенами. Лишь протертый и продавленный местами паркет указывал на то, что когда-то здесь стояла мебель, и кто-то ею пользовался. Зайдя в сортир, Шурик с некоторой надеждой заглянул в покрытый

несколькими слоями облупившейся краски короб в углу. Но там были вполне ожидаемые водопроводные и канализационные трубы, а также деревянная швабра с накинутой на ней тряпкой. Походив вдоль стен и простучав их кулаками, молодые люди пришли к выводу, что никаких тайников с необычными техническими устройствами внутри эта квартиры нет.

Сплюнув на пол, Шурик вытащил из кармана уродливый ключ и подошел к окну, собираясь выкинуть его на улицу. Там, за окном, уже начинался обычный питерский вечер: нагоняющий суицидную тоску дождь молотил по грязным стеклам, ветер с моря завывал в щелястых рамах, и от невыносимой тоски этого зрелища хотелось одного — надраться водки и лечь спать в отключке.

— Погоди из окна бросаться, — ехидно произнесла за его спиной Машка, — он пишет, что собрал этот, как его, конвертор, в своем сарайчике в подвале. Пошли, посмотрим.

— Угу. А потом еще дачу поедem смотреть. Огород перекопаем, сортир на доски разберем.

— А как же! И в колодец, если надо будет, с фонариком спустимся, — Машка взъерошила шевелюру Шурика, — Не, ты чего разнылся? Портал не портал, но может Бусыгин там свои денежные заначки от жены прятал. А мне сейчас как раз кофточка финская очень нужна!

— Не было у него жены, скорее всего. Пошли уже отсюда.

— И у тебя не будет, если будешь так вечно с полдороги сворачивать.

По решительному Машкиному лицу Шурик понял, что сейчас может последовать длинный жизненный разговор, в котором ему предстоит выдерживать мощные атаки подруги и всячески увиливать от лобовых столкновений.

— Окей! В подвал, так в подвал! — как можно более воодушевленным тоном воскликнул Шурик и за руку вывел Машку из квартиры.

Дверь в подвал, к счастью, была открытой, так что не пришлось идти к сантехникам и выдумывать причину, по которой дворнику приспичило прогуляться по их зоне ответственности. Постоянно оскальзываясь на покатых слизистых ступеньках, ребята спустились в темный узкий проход. Некто мелкий и юркий, то и дело попискивая, норовил попасть им под ноги. Подвал даже Шурику, дворнику и вообще не брезгливому по натуре человеку, показался ужасной клоакой. В здешнем пространстве царила такая насыщенная влажная атмосфера, наполненная ароматами нечистот, распаренной глины и еще черте чего, что Шурик непроизвольно вспомнил слово «миазмы». Дойдя до ряда кладовок, оба достали мобильники и включили подсветку. Штатное освещение подвала позволяло увидеть полуистлевшие таблички с номерами квартир, но разглядеть сами номера было невозможно.

Дверь под номером 43 была открыта. Не было никаких признаков большого и причудливого замка. Шурик тихо матюгнулся и толкнул тяжеленную отсыревшую дверь. Щелкнул выключателем, который, слава богу, функционировал. Теперь, в свете дохлой 25-ваттной лампочки, он увидел, крошечную каморку, наполовину занятую небольшим верстаком, заваленным инструментами и какими-то деталями. Стены были голы, не имелось даже следов первичной отделки. Внезапно на полу блеснуло металлическое кольцо. Приглядевшись, Шурик увидел, что оно прикреплено к ржавому железному люку. «Все ниже, и ниже, и ниже...», — пробормотал Шурик на мотив известной песни, и потянул кольцо на себя. Крышка люка с грохотом откинулась, и перед Вепревым предстала крутая каменная лестница, по которой заметались мокрицы. Канализацией завоняло так сильно, что прежние «миазмы» уже казались «Красной Москвой».

— Все, Маша, валим. Сил моих больше нет, — глухо сказал Шурик, загоротив нос и рот рукавом куртки. Он был уверен, что теперь-то подруга не выдержит и горячо поддержит его предложение о капитуляции. Но неожиданно Маша сделала шаг вперед и первой начала спускаться в клоачную тьму. Шурик понял, что назад дороги нет и, скрепя сердце, последовал за своей спутницей.

Лестница оказалась куда длиннее, чем предполагал Шурик. По дороге он сто раз проклял и упрямство подруги, и собственную податливость. Ему вспомнились погребенные в результате катастроф шахтеры, задохнувшиеся в глубоких пещерах незадачливые спелеологи, а также множество других жутких несчастных случаев в замкнутых пространствах, о которых он читал накануне в интернете.

Наконец, спустившись метров на десять-двенадцать, парочка ступила на относительно ровную и обширную площадку. Подсветив стены телефоном, Шурик уже без особого удивления обнаружил выключатель. Освещенное помещение представляло собой комнатку площадью два на два метра и три метра в высоту. Выложенные практически потерявшими форму кирпичами с сочащейся слякотью вместо раствора стены стояли на грязи, о происхождении которой не хотелось даже задумываться. Видимо, это когда то было частью Питерской канализации во времена оно.

Запах нечистот имел такую высокую степень концентрации, что наличие в центре комнаты турецкого унитаза с огромным очком по центру не вызвало у путешественников никаких эмоций. Как раз ему-то тут было самое место. В очке не было даже воды, которая в обилии присутствовала вокруг в виде лужиц. Там была только черная непроглядная тьма. Но унитаз, похоже, был действующим. Почти под самым потолком комнаты к стене был приделан рубильник, с которого свисала ржавая цепочка с фарфоровой ручкой на конце. Не было видно только сливного бачка. Ручка болталась маятником Фуко прямо над унитазом. Шурик хотел было сострить что-нибудь относительно дурацкого положения, в котором они оказались, когда Машка молча указала ему рукой на противоположную входу стену.

Там неровными буквами белой масляной краской было намалевано:

«Встань в позицию и дерни»

— Вперед, Александр, — как-то отрешенно изрекла Машка почти официальным тоном.

— Куда — вперед? — не понял Шурик, — вот в этот унитаз, что ли?

Он засмеялся, но скорее от начавшего охватывать его отчаяния, нежели от веселья. Ему как никогда захотелось оказаться на пусть сырой, пусть холодной, но зато просторной и наполненной вольным морским ветром питерской улице. Пусть даже одному, без этой безмозглой дурочки.

— Нет, ты чего, Машка? Дерьмом что ли надышалась? Валим отсюда, пока все это гнилье на нас не посыпалось!

Тут случилось то, чего Шурик ожидал меньше всего. Безо всяких предупреждений и раздумий Машка шагнула прямо в центр унитаза, стала на корточки, и решительно дернула за ручку. Тут же раздался низкий гул и тело Машки по нарастающей стало покрываться слоями светящейся вибрирующей спирали, словно гигантский электрический паук быстро заматывал ее в свой кокон. Шурик заорал, но надсадить себе связки не успел, поскольку все закончилось. Не было ни гула, ни кокона, ни Машки. Стояла гробовая тишина.

Шурик сглотнул слюну и посмотрел на выход. Там была жизнь, хоть и неказистая, но жизнь. А вон там (да где — там!?) уже была Машка и, возможно, еще что-то важное. Он встал орлом в центр унитаза и взялся за ручку. Фарфор охлаждал его ладонь, ничем не

выдавая того, что еще минуту назад за него держалась живая девушка. Шурик дернул ручку и светящийся вихрь поглотил и его.

А наверху тусклая 25-ваттная лампочка под потолком все еще усердно освещала крохотный сарай и все, что осталось от гениального инженера Сергея Бусыгина.

Глава 1

Кап, кап. Монотонный звук то нарастал, то удалялся. Шурик слегка приоткрыл глаза в ожидание того яркого света, который сверкнул в глазах, едва он дернул ручку турецкого унитаза в бусыгинской кладовке, но в этом месте царил полумрак.

— Ничего себе, дернули за веревочку, — ошеломленно пробормотал Шурик.

— Долго ты валяться собираешься? — раздался совсем рядом недовольный голос Машки. — Вставай!

Вепрев кое-как поднялся, расправил затекшие плечи, выпрямился, и вполголоса выругался, стукнувшись головой о низкий потолок. Потирая ушибленное место, он, наконец, огляделся.

К своему вящему изумлению, он обнаружил, что стоит в довольно широком коридоре, оба конца которого тонули в густом мраке. Липкая полутьма обволакивала со всех сторон, заставляла постоянно оглядываться, сквозь мусор, дырявым восточным ковром устилавшим пол, проглядывала потертая коричневая плитка. Стены, в которых не было ни окон, ни дверей, были выложены из грубо отесанных камней, а закопченный сводчатый потолок, подпираемый двумя рядами мощных колонн, был настолько низок, что Вепреву приходилось все время нагибаться. Сумрак этого подобия склепа разгонял только неровный свет немногочисленных чадающих факелов, воткнутых в стены. «Да тут у любого крышу снесет» — мелькнула в голове дворника тоскливая мысль.

Рядом стояла Маша — на её лице была написана, видимо, та же самая мысль. И без того короткая юбка девушки задралась, обнажая красивые ножки, но она того не замечала, настороженно озираясь по сторонам.

— Ну, что скажешь? — поинтересовалась подруга.

— У тебя это... трусы видно, — невпопад ляпнул дворник-математик.

Девушка досадливо потянула вниз крохотную юбочку и вымученно улыбнулась:

— Ой, а ты их никогда не видел, да?

— Ладно, давай поищем выход, — рассудительно предложил Вепрев. — Может, найдем кого...

— Давай, — согласилась Зверева, озираясь по сторонам. — Только куда идти?

— Ну, это легко, — попытался состричь Шурик, — направления у коридора всего два.

— Ага, — рассеянно согласилась Маша, напряженно вглядываясь в страшную тьму, в надежде уловить там какое-нибудь движение. — Есть тут кто-нибудь?! — внезапно крикнула девушка, сложив руки рупором.

Гулкое эхо голоса, отразившись от сводчатого потолка, прозвучало столь зловеще, что молодые люди невольно вздрогнули. Внезапно вдали что-то зашуршало и тут же стихло. Маша испугано поёжилась и посмотрела в пугающую темноту тоннеля.

— Там кто-то есть, — пробормотала девушка.

— Ладно, пошли туда, — решительно заявил Вепрев, — авось, найдем кого-нибудь.

И взяв Машу за руку, потянул ее за собой в жуткую тьму коридора. Метров сто они шли молча. Маша послушно следовала за приятелем, изредка спотыкаясь на кучах мусора, Вепрев как танк прокладывал путь, стараясь не поднимать лишнего шума, и мертвая тишина, царящая в этом месте, нарушалась только звуками их дыхания да хрустом мусора под ногами. Последний факел скоро остался позади, и мрак сгустился настолько, что Шурику

пришлось двигаться наощупь, придерживаясь свободной рукой за неровную, покрытую плесенью стенку. Второй рукой он держал Машу, которая мертвой хваткой вцепилась в его ладонь, и, кажется, уже начала всхлипывать.

— Не робей, Машуня, сейчас при... — начал было Шурик, и тотчас больно ударился обо что-то головой. — Черт! Кажется, уже пришли.

Достав из кармана зажигалку, он осветил перед собой. В слабом неровном свете крохотного язычка пламени едва виднелась глухая стена, сложенная из того же камня, что и стены. Коридор закончился тупиком.

— Посмотрим, может, какой проход есть, — пробормотал Вепрев, и двинулся вдоль препятствия, подсвечивая зажигалкой. Предположение оказалось верным — пройдя всего несколько шагов, он увидел, что в самом центре стены чернеет узкий проход, скорее даже щель, в которую едва мог протиснуться один человек. По остаткам петель, щепкам и трухе, валявшимся на полу, можно было предположить, что здесь когда-то даже была дверь.

Шурик отпустил Машину руку, подошел к щели и заглянул. В нос ударил затхлый запах, какой бывает в старых, заброшенных помещениях, проход был тесным и длинным, но зато в конце его слабо виднелось какое-то обширное сумрачное помещение.

— Там вроде бы какая-то комната, — вполголоса сообщил Шурик, обернувшись к подруге. — Пошли?

— Давай, — шепотом согласилась она.

Шурик нервно облизнул губы, быстро огляделся по сторонам, глубоко вздохнул и осторожно втиснулся в проход. Маша, боясь оставаться одна в жуткой тьме коридора, торопливо последовала за ним. Лаз был узким, парочке пришлось протискиваться между его стенами, увешанными омерзительно мягкими и скользкими стеблями каких-то растений, а под ногами что-то противно хрустело и чавкало. Примерно на середине пути потолок понизился, и Шурик пару раз больно приложился головой о выпирающие сверху камни. К счастью, путь оказался не слишком долог, и не успели их спины занеметь от неудобного положения, как огрызок коридора неожиданно выплюнул их в огромный зал с невыносимым, метров десяти высотой, сводчатым потолком, на котором плясали отблески десятков нещадно чадающих факелов.

То, что предстало перед взором молодых людей, заставило их остановиться и застыть на месте. Они не могли поверить собственным глазам, и лишь пытались рассмотреть всё до последней мелочи, стараясь не упустить ничего.

— Обааалдеееть, — протянула Маша, — слышь, Шурик, глянь вон туда, — девушка показала пальчиком в дальний конец зала.

— Дааа... — только и сумел вымолвить Вепрев, потрясенный зрелищем. И было от чего — там, на высоком, метра в три, постаменте, похожим на алтарь языческого храма, сиял золотом великолепный трон, усыпанный блестками драгоценных камней, а на троне важно восседала огромная, метров, наверное, пяти высотой, статуя какого-то старика с грубыми, словно вылепленными из глины чертами лица. На голову старикашки неведомый ваятель нахлобучил дурацкий колпак, а по его левую руку зачем-то повесил здоровенный медный гонг, похожий на начищенный медный тазик диаметром около двух метров.

В полумраке зала скульптура выглядела зловеще, казалось, что старик пристально и с недоверием разглядывает молодых людей, как будто бы осуждая незваных гостей. Свет факелов танцевал какие-то безумные танцы с темнотой, повсюду виднелись движущиеся теневые силуэты, камни искрились. Зрелище было весьма впечатляющим, одновременно

страшным до ужаса и манящим своей красотой.

— Б-р-р-р, — передернула Маша плечами, — Саша, он как будто на нас смотрит!

— Наверное, это вроде храма, — неуверенно предположил Шурик, — а этот дедок тут божеством чалится...

— Ага, — с иронией в голосе произнесла Маша, — а на этой карусели жрецы катаются, — она показала на круглую площадку, похожую на подиум высотой метра этак в три, торчащую в самом центре зала. Шурик пригляделся. Глаза уже привыкли к полумраку, и в неровном, колеблющемся свете факелов, можно было разглядеть, что площадку концентрическими кругами обвивают четыре толстенных кольца, поверхность которых ярко искрилась, отбрасывая на стены и потолок зала многоцветных зайчиков.

— Что-то не очень похоже на карусель, — усомнился Вепрев, — сидений нет. И что за кольца такие?

— Ну, пошли, посмотрим, — предложила Машка, — чего гадать-то? — и девушка решительно зашагала к странному сооружению. Вепрев, пожав плечами, последовал за ней, оставляя ребристые отпечатки своих сапог на ровном полу, покрытым толстым слоем пыли.

Вблизи кольца показались ему весьма странными, и почему-то внушали смутный страх. Толщиной они были около метра, а их поверхность была густо усыпана крупными бугорками чешуек, и что-то смутно напоминала. Внезапно Шурик вспомнил, где он видел такие чешуйки.

— Маша, стой! — воскликнул вдруг он, хватая подругу за руку, — да ведь это же змеи! Змеи!

Машка остановилась, и с любопытством, смешанным со страхом, уставилась на то, что сначала они приняли за кольца.

— И точно, змеи, — прошептала она, — ну и громадины!

В самом деле, кольца, окружавшие «подиум» оказались змеями, они были неправдоподобно огромными, их мощные, упругие тела туго навивались друг на друга, не оставляя между собой и «подиумом» ни малейшей щели.

— Саша, ты только посмотри, на них что-то нарисовано! — воскликнула девушка, указывая пальчиком на тело крайнего чудища, — как будто головы! И камешки какие-то, вроде, драгоценные!

Вепрев наклонился, и пригляделся к шкуре чудища. Действительно, каждая чешуйка на спине гада важно поблескивала желтоватым цветом, словно была сделана из золота, и в ее центре сиял тщательно ограненный драгоценный камень. Издали чешуйки сливались в причудливую мозаику, в которой можно было угадать изображения голов мужчин и женщин всевозможных возрастов и рас, с самыми замысловатыми прическами и головными уборами, а то и вовсе без них.

Маша наклонилась, и попробовала оторвать от одной из чешуек крупный камень, искрящийся как бриллиант. Но не тут-то было — огромное тело змеи внезапно резко дернулось, едва не сбив Звереву с ног. Она с визгом отскочила в сторону.

— Она живая! — воскликнула она, — Шурик, она живая!

— Ага, — согласился экс-математик, — потому и дергается. Ты, небось, тоже бы задергалась!

— Тоже, сравнил меня с какой-то змеей! — обиделась Зверева.

— Ну, ладно, ладно, — примирительно сказал Шурик, — не сердись. Мне вот интересно, чьи это головы на спине нарисованы?

— Откуда мне знать? — фыркнула Маша, — может, это здешние святые. Вон, смотри, у второй на спине вроде туловища изображены, — показала девушка, — а дальше не понять, какая-то ерунда.

В самом деле, узоры на спине третьей змеюки изображали посохи, ступы, старые сумки, ветки деревьев, платки и прочую рухлядь непонятного назначения, а у той, что плотно окольцовывала круглую площадку, можно было с трудом различить непонятные знаки, похожие на какой-то ребус. Там были лестницы, метлы, облака, ладьи, струи дождя, вихри торнадо, колесницы, и еще какие-то совсем уж диковинные символы.

— Да, непонятно, — согласился Шурик, — Ну, да ладно, пошли на их головы посмотрим. Только ты не трогай, а то еще укусит.

Молодые люди двинулись в обход змеиных колец, с опаской держась в стороне, и скоро приблизились к той части, что была ближней к постаменту с загадочной статуей. Там покоились головы огромных рептилий, и, увидев их, Шурик и Машка замерли, потрясенные небывалым зрелищем.

— Не, ну ваще-е-е-е, — протянула Зверева, — это как такое может быть?

Зрелище было необычным — огромные головы змей держали в своих устрашающих пастьях собственные хвосты, как будто каждая гадина вознамерилась сожрать саму себя. Пара желтых, немигающих глаз размером с пачку сигарет, пристально смотрела перед собой, как будто не замечая происходящего. Из широко разинутого зева торчали клыки размером с саблю, а на кончике морды каждой рептилии находился роговой выступ, похожий на золотую рукоятку с рубином на конце. В самом центре плоской треугольной головы каждого чудовища красовалось одно из тех изображений, что и на их спинах.

— Да, впечатляет, — согласился Вепрев, — это они что, типа сами себя лопают?

Машка нервно хихикнула, и собиралась что-то ответить, но тут Вепрева внезапно осенило:

— Слышь, Маша, — воскликнул он, — а ведь эта штука похожа на какую-то шкалу! Ну, змеюки как бы крутятся, и что-то там происходит...

— Как крутятся? — недоуменно спросила Зверева, — они же самих себя сожрут!

— А вот посмотрим! — лихо заявил Вепрев, и, ухватив крайнюю гадину за рог на голове, попробовал повернуть ее тело вперед. Неожиданно та послушно задвигалась, ее тело начало извиваться, как будто заглывая хвост, но и хвост, в свою очередь, стал с шуршанием выползать из пасти, так что голова оставалась на своем месте.

— Саша, а у нее картинка на башке меняется! — воскликнула Машка.

— Точно, — согласился экс-математик, — я ж говорю, вроде шкалы.

— И на фиг она нужна, эта шкала? — недоуменно спросила Машка, — ничего ведь не поменялось!

— Ну, может, не туда крутил... — неуверенно возразил Шурик, не желая сдаваться. — А вот щас проверим. — И Шурик попробовал покрутить змею в обратном направлении. Однако ничего не произошло — рептилия неподвижно лежала на месте, только пару раз моргнула своими зенками.

— Ну, ладно, пошли дальше, — предложил он. — Может, еще что-то надо покрутить.

Парочка все так же осторожно отошла от головы, и тут же увидела небольшую ажурную лесенку, ведущую на «подиум». Лесенка сама по себе была настоящим произведением искусства — легкая, изящная, как будто сотканная ювелиром из тонких, как паутина, золотых проволочек, и усыпанная блестками драгоценных камней.

— Ну, вот, я же говорил, — обрадовался Зверев, что там наверху-то? — он поднялся на пару ступенек, и заглянул на площадку. — Точно, какой-то треугольник. Может и там надо что-то покрутить?

— Дай посмотреть, — жалобно потребовала Машка, — ты уже крутил, я тоже хочу!

Шурик неохотно спустился, уступая место подруге, и та легко взбежала на круглую площадку диаметром метров в пять. Поднявшись, она глянула в центр «подиума» и тут же восторженно ахнула — там красовался правильный треугольник, выложенный сверкающими зелеными изумрудами, а в его углах зловеще поблескивали огромные, размером с кулак, рубины.

— Ну, Вепрев, — восторженно воскликнула Маша, — да тут такое богатство, что нам и всем нашим детям и внукам хватит!

— А что, у нас будут дети? — заикаясь от страха, спросил Шурик, побледнев от такой ужасной мысли.

— Причем тут ты? — огрызнулась Маша, сверкнув сверху глазами на приятеля, — тоже мне, жених!

— Ладно, ладно, — примирительно сказал дворник, — че делать-то будем? Людей тут нет, одни змеюки. Как выбираться — непонятно. Змей крутить, что ли?

Однако Машка, которой было и страшно, и интересно одновременно, пропустила слова приятеля мимо ушей. Любопытная девушка подошла к центру площадки, присела на корточки, и принялась с любопытством рассматривать необычный треугольник. Потрогав рубины, она попыталась выколупнуть один из них. Тот, однако, даже не шелохнулся — все было сделано на совесть, в расчете на века.

Разочарованно вздохнув, Зверева поднялась на ноги.

— Ну как, озолочение откладывается? — с ехидцей в голосе спросил Шурик.

Маша махнула рукой, и бессознательно сделала шаг вперед, ступив в самый центр треугольника.

— Не вытащ... — начала было она, но в этот момент рубины по углам треугольника вспыхнули ослепительным кроваво-красным цветом, по изумрудным камням волнами побежали зеленые огоньки, а на стене напротив «карусели», как будто ниоткуда, появилось огромное зеркало, красиво обрамленное литой золотой рамой. Несколько секунд поверхность зеркала волновалась, словно речная гладь от брошенного камушка, затем полыхнуло ослепительно-ярким светом и успокоилось.

Ошеломленная Машка глянула в зеркало, и обомлела. Зеркало во всех подробностях отражало странный зал со всем его одержимым, но на том месте, где должно было стоять её собственное отражение, на девушку взирал скособоченный зверообразный мужик с бородой лопатой, горящими безумными глазами, и руками, достающими до пола. На лохматую голову мужика был напялен череп какой-то рогатой твари.

— Ой, — испуганно взвизгнула Маша и опрометью сбежала с площадки. Действо тотчас прекратилось — рубины начали медленно гаснуть, а зеркало растворилось в стене, как будто его и не было.

— Шурик, что это? — дрожащим от ужаса шепотом спросила Машка, вцепляясь в руку Шурика, — что это было?

Шурик, напуганный не меньше подруги, уже открыл было рот, чтобы ответить, но внезапно его прервали мерзопакостные чавкающие звуки со стороны алтаря. Вздвогнув, молодые люди повернулись, и в полном обалдении увидели, что статуя старикашки на троне

начала оживать. Сначала его формы слегка оплыли, словно скульптура превращалась в кусок мокрой глины, затем размякшая фигура, издавая те самые противные чавкающие звуки, пошевелила руками, покрутила головой, и, наконец, повернула свою безобразную морду в сторону вконец очумевшей парочки. Тут же веки его глаз размером с чайные блюда поднялись, и на Шурика с Машкой уставились два рачьих глаза.

Маша взвизгнула, и, следуя врожденному женскому инстинкту, моментально спряталась за Шуриком, а тот подобрался, ожидая самого худшего. Однако оживший истукан не проявлял враждебности, напротив, его отвратительная морда ослабилась в доброжелательной улыбке, и статуя, разлепив огромный рот, приветливым тоном произнесла, причмокивая огромными, как подушки, губами:

— Привет, ребята! Желаете позабавиться?

Все еще пребывая в некотором обалдении, молодые люди подошли поближе к громадной фигуре и поздоровались.

— Ээээ... здравствуйте. А кто вы? — спросил дипломированный дворник.

— Я — Творец Примитивов, — гордо изрекла скульптура, и многозначительно кашлянула, словно ожидая оваций.

— Че? — удивленно спросил Шурик, — че еще за примитивы?

Творец Примитивов, не дождавшись аплодисментов, разочарованно вздохнул, поерзал на своем Троне, заложил ногу на ногу и облокотился. Устроившись поудобнее, он вытащил из складок балахона грязный носовой платок, оглушительно высморкался, и с нескрываемым любопытством глянул на экс-математика.

— Примитивы, молодой человек, это... — Творец задумался, почесал пятерней за огромным ухом, и напялил на лицо глубокомысленную мину, — ну, скажем так, это упрощенные версии богов, чтобы тебе было понятнее.

— Это в каком смысле упрощенные? — любопытствовала Машка, высовываясь из-за спины Шурика.

— В прямом, барышня, — заявил Творец. Видимо, от скуки он был не прочь потрепаться, и пустился в пояснения. — Вот, например, у вас там есть Баба Яга, Кощей Бессмертный, домовые, русалки, лешие, и прочая лохотня. Это и есть Примитивы Богов. Так сказать, болванки.

— А чем они хуже просто богов? — тупо спросил Шурик.

— Ну, это ты, паря, сказанул, — поразился Творец, — да какие ж они ваще боги, Примитивы-то? Да им до богов, как тебе до Китая раком! Так, трухло всякое, по мелочи напакостить могут — только. Потому и сидят по щелям, да по зонам, и не рыпаются.

— А настоящих богов вы делаете? — жалобно спросила Машка, выходя из своего укрытия — мне ужас как в Богини хочется!

— Ну-у-у-у... — важно протянул старикашка, плотоядно разглядывая Машкины коленки, — настоящих, так сказать, мнээээ... конкретных Богов, в другом месте делают... — Творец примитивов понурился и вздохнул, — но попасть туда, ребята... — Творец подкатил рачьи глаза и вздохнул, — не, и мечтать не могу... Кстати, зовите меня Эрдрумом.

— А где это место? — спросила Машка.

— Да, в общем-то, недалече, — доверительно сообщил Эрдрум, хитро подмигнув слегка разочарованной Машке, — да тока делать вам там нечего, — туда просто так не пускают.

— А как пускают? — любопытствовала Машка, — за откат?

Творец отрицательно помотал башкой, так, что с его головы слетел колпак, показав

плешивый череп.

— Сначала надо себя в Примитивах проявить, — назидательным тоном пояснил он, — доказать, так сказать, крутизну. — И внезапно, подавшись вперед, спросил резким голосом:

— Так будете в примитивы записываться, или как?

— А назад можно? — уныло спросил осторожный Шурик, не любивший авантюры, — ну, в смысле, домой как бы.

— Не, ребята, назад вам ходу реально нет, — Эрдрум с притворным сочувствием покачал головой, — раз уж попали в Верхний Мир, то просто так вам не уйти. Хотя... — Тут старикашка сделал вид что задумался, и после короткой паузы сообщил удрученным молодым людям:

— Вот, правда, ежели в Примитивы запишитесь, тогда можно... Портал я вам открою, да...

— Нам надо посоветоваться — решительно заявил Шурик. Эрдрум благожелательно кивнул, и его колпак, валявшийся на полу, сам собой подпрыгнул в воздух и плавно опустился на плешь хозяина.

Шурик повернулся к Машке и вполголоса спросил подругу:

— Ну, мать, че делать-то будем?

— По всему выходит — в примитивы эти самые записываться светит, — ответила Машка, испуганно округлив глаза.

— Ага, — хмыкнул Шурик, — ты — в бабу Ягу, а я — в Кошца Бессмертного.

— Сам ты Баба Яга, — обиделась Машка, — еще чего! Я только в феи согласна, или в принцессы...

— В феи не советую, — деловито подал голос старикашка Эрдрум, который, оказывается, нагло подслушивал молодых людей, засунув в ухо кончик своего колпака, — размером малы, понимаешь, затопчут.

— А во что можно? — спросила Зверева, обернувшись к трону.

— Нуууу... — сами выбирайте. Вон, видите змеек? — Эрдрум показал кривым пальцем на кошмарное сооружение в центре зала. Молодые люди оглянулись на свернувшихся тварей, и Шурик с сомнением в голосе подтвердил:

— Ну, видим.

— Вот и дерзайте, — Творец Примитивов откинулся на своем троне, и широко зевнул. — Уа-ха-ха... Один, значицца, залезат наверх, второй крутит змейку. И всех делов. Как закончите, разбудите, — и старикашка тотчас захрапел, растекшись на своем троне бесформенным комом, словно кусок теплого говна. На поверхности остался только его огромный рот, непрерывно издававший громовые звуки хр-р-р-р... хр-р-р-р... хр-р-р-р...

— Чур, я первая! — воскликнула Машка, и мигом взлетела на площадку. Там она, не мешкая, вступила в таинственный треугольник, его камни тотчас послушно засветились, а на стене опять вылупилось зеркало все с тем же зверовидным мужиком.

— Фу, урод! — Машка показала мужику язык. Тот не остался в долгу, и сделал неприличный жест локтем.

— Ой, — в который раз за сегодня взвизгнула Зверева, — Саша, крути скорее, убери этого! — потребовала она, топнув ножкой.

Шурик послушно подошел к первой змеюке, и, ухватившись за рог, осторожно потянул ужасную тварь. На треугольной голове рептилии изображение лохматой башки мужика сменилось отвратительной крысиной мордой.

— А что дальше? — недоуменно спросил дворник самого себя, но тут ответ пришел сам собой — зеркало напротив Машки полыхнуло, и снова успокоилось. Шурик глянул на отражение и содрогнулся — вместо мужика из зеркала на него злобно щерилась мерзопакостная крысиная морда.

— Это что, мне с таким фэйсом ходить придется? — протестующе воскликнула Маша, — убери щас же!

Шурик вполголоса выругался, и крутанул змеиную башку еще раз. Крысиную морду сменило клыкастое собачье рыло с рогами на голове.

— Не пойдет? — спросил он Машу, заранее зная ответ.

— Ты, Вепрев, меня реально достаешь, — кокетливо заявила подруга, — ну куда мне с такой рожей?

Шурик согласно кивнул, и снова налег на рычаг. Однако и следующий вариант — женщина средних лет с мерцающими неонами глазами — тоже был решительно отвергнут, и Вепреву пришлось долго, до седьмого пота, крутить змея. Одна за другой были забракованы девочка лет шести с незабудковыми глазками, длинноволосая кикимора с зеленым лицом, сисястая негритянка с полуметровой шеей и страусиным пером в носу, и множество прочих ликов мужчин и женщин всех мыслимых рас и возрастов.

Наконец, после часовых усилий, Машка, которая нетерпеливо покрикивала на несчастного Шурика, остановила свой выбор на прелестной женской головке с огромными ярко-зелеными глазами, пушистыми золотыми вьющимися волосами и нимбом над головой. На кривобоком теле мужика эта головка смотрелась донельзя комично, однако Шурика больше всего поразило не это, а то, что лицо носило несомненное сходство с Машкиной симпатичной мордашкой.

— Очень мило. Скромненько, но со вкусом, — одобрил выбор внезапно проснувшийся старикашка. Шурик глянул в его сторону и оторопел — из кома грязи, размазанной по трону, на него смотрел единственный глаз, вылупившейся из недр неаппетитной кучи. — Теперь крути вторую цыпочку, туловище выбери, — велел огромный рот, вслед за чем глаз насмешливо подмигнул экс-математику, и растворился в коме дерьма, а рот снова заливисто захрапел.

Вздыхнув, Шурик вскарабкался на первую гадину, задрал голову, и обратился к Маше.

— Ну что, Маш, продолжим? — спросил он, надеясь на чудо.

— Ессесно, продолжим, — безжалостно ответила подруга, — Ты што, Вепрев, хочешь, чтобы я в таком виде народу явилась?

Шурик еще раз вздохнул, и крутанул вторую змеиную башку. К головке прекрасной девы приросло тело мускулистого амбала с небрежно перекинутой через плечо шкурой льва.

— Фу, Шурик, какой ты гадкий! — Машка капризно топнула ножкой, от чего амбал с головой прекрасной юной девы тоже топнул ногой. — Убери немедленно! Хочу себе 90-60-90 и попу красивую...

— Ага, и ещё мужа богатого, чтоб за «Зенит» болел, — сквозь зубы процедил Шурик, однако безропотно налег на рукоятку.

Причудливые тела сменяли друг друга, не менее странные, чем головы. Перед глазами Вепрева промелькнули деревья с ветками-руками, русалки с хвостами вместо ног, огромные раки с устрашающими клешнями, какие-то полулюди-полуживотные в шкурах, грудастые девицы со стрекозиными крылышками, и множество прочих тварей, о существовании которых Шурик даже и не подозревал. Одежда тоже была самая разная, от драных балахонов

и набедренных повязок, до шикарных, богатых нарядов, расшитых золотом и усыпанных драгоценными камнями.

Наконец Машка остановила свой благосклонный выбор на теле прекрасной юной девы, условно одетой в черное кожаное бикини, слегка прикрытое ослепительно белым бархатным плащом, затканым золотыми нитями. На ногах у девы красовались изящные золотые босоножки с острыми длинными каблучками.

— Ну, все вроде, — с облегчением сказал вспотевший Вепрев, но в ответ с трона донеслось противное хихиканье.

— Не торопитесь, юноша, — проплямкал огромный рот, буровя дворника рачьим глазом, — теперь надо выбрать особый атрибут божественности.

— Че? — испуганно поинтересовался Шурик, — че за атрибут?

— Ты, паря, тупой какой-то, — с досадой произнес рот, — ну, сам подумай, как она докажет лохам свою божественность? Сиськами своими, што ли?

— Что?! — возмущенно взвизгнула Машка, — почему сиськами?

— Вот имянно, — прочмокала пасть, — подруга-то твоя верно фишку секет! Кого нонче сиськами разведешь? Штоп, значит, являть лохам божественную силу, нужно, стал быть, чудеса творить, и чем чудесатее, тем круче.

— А, так это надо типа волшебной палочки! — догадалась Машка, — Шурик, это клево! Давай, выбирай!

Вепрев переступил на голову второй твари, и принялся рассматривать изображения всякой дребедени на спине третьей гадины. И чего только там не было! Какие то кривые посохи, драные и целые сумки, сучковатые палочки и дубинки, молотки, холщовые, бархатные и парчовые мешочки, циркули, еще какая-то совсем уж непонятная дрянь, от обилия которой у Шурика зарябило в глазах, и он совершенно растерялся.

— А што выбрать-то? — беспомощно спросил он. — Маш, может тебе дубинка подойдет? В случае чего отобьешься...

— Вепрев, ты не умничай... — томно произнесла Зверева, любуясь на своё зеркальное отражение, и мило ему улыбаясь. — Какая еще дубина?

— А что подойдет-то? — спросил Шурик, но тут вмешался Творец Примитивов. Видимо, ему надоела вся эта суета, а потому он неторопливо принял прежний облик глиняного истукана, и снова уселся на троне, подперев подбородок кулаком.

— В общем, так, — прошамкал он, — советую, барышня, выбрать оливковую ветвь. Как раз подойдет, понимаешь. И сила в ей — немереная, — с горделивыми нотками в голосе сообщил он, — сам сделал!

— А что, — задумчиво произнесла Маша, — можно попробовать! Крути машинку, Саша!

Вепрев принялся послушно крутить голову змея, на ходу просматривая картинки бесчисленных волшебных предметов и дивясь их разнообразию. Особенно его поразили изображения каких-то округлых предметов непонятного назначения, так что он даже вывернул голову назад, и спросил у снова задремавшего Эрдрума:

— А это что?

Тот, на секунду приоткрыв левый глаз, пробурчал:

— Сушеный помет Огненной Кобылицы. Превращает пиво в воду.

— А зачем это? — поразился Вепрев.

— А для подляны, — наставительно ответил Творец Примитивов, — не бери, бить

будут.

Шурик хмыкнул, вспомнив кое-что из собственного опыта, и продолжил крутить. Наконец, на голове змея появилось изображение оливковой ветки. Как и ранее, зеркало ослепительно полыхнуло, и красотка в отражении кокетливо помахала зрителям изящной веточкой.

— Как красиво! — воскликнула Маша, — Саша, ты не находишь, что она очень удачно оттеняет цвет моих глаз?

— Нормально, — согласился Шурик, — только какой с нее толк?

— Да, а как она действует? — заинтересованно спросила Машка Эрдрума.

— Ух-р-р-р... — раздалось с трона. Творец примитивов опять храпел.

— Эй, Эрдрум! — позвала Маша.

— Что!? Где!? Уже!? Не надо!!! А-а-а-а-а!!! — вскинулся тот, испуганно открывая глаза, — А, это опять вы. Уф-ф-ф-ф... Закончили?

— Как ветка-то действует? — повторила вопрос Машка.

— А нефиг делать, — лениво поведаль тот, — тюкни кого-нибудь по кумполу, он и превратится в каменного идола. На полчаса.

— А на больше нельзя? — разочарованно спросил Вепрев.

Эрдрум строго поглядел на экс-математика, сокрушенно покачал головой, и укоризненно сказал:

— Ай-ай-ай, молодой человек! А еще с высшим! Неужели вам так в тюрьму хочется?

— Это как это — в тюрьму? — всполошилась Машка, — за что!?

— А за членовредительство отвечать придется, барышня! — просветил Творец неопытную молодежь. — Кстати, большинство Примитивов на зоне и кончают. Или в Кунсткамере, уродами заспиртованными, хе-хе-хе, — мерзко засмеялся злобный старец.

— Ой, — сказала перепуганная Машка, — Тогда не надо, я в тюрьму не хочу!

— Не робейте, барышня, — отмел сомнения Эрдрум, — эта штучка с предохранителем — через полчаса клиент очухается, и что он вам предъявит?

— Ну, хорошо, оставим ветку, — неуверенно заявила Машка, — Все уже?

— Ан нет, — ехидно ответил Творец. — Как ты лохам собираешься являться? Надо эффектно, чтобы пипл схавал. Хочешь, торнадо тебя на землю перенесет, хочешь — на облаке спустишься, или вот в сияющей ладье... А можно и по лестнице огненной — скромненько и со вкусом. Кстати! — Эрдрум задрал палец и возвысил голос: — В качестве звукового и визуального сопровождения бесплатно, заметьте, совершенно бесплатно, прилагаются гром и молния! — старикашка хитро подмигнул, и доверительным тоном добавил: — Лохи будут визжать и плакать!

— Да! Да! — Машка даже запрыгала, стоя в центре треугольника, представив, как она будет спускаться на улицы Питера по огненной лестнице. — Ах, я всегда так любила все эти спецэффекты! — прощбетала она, — Саша, на лестницу огненную крути!

К счастью, лестница была под рукой, и едва Шурик повернул на два деления башку последнего гада, у ног зазеркальной девы явилась крутая лестница, на которой плясали язычки неземного пламени.

— Готово! — облегчением заявил Шурик, любуясь в зеркале плодами своего нелегкого труда. Зрелище было отпадным — сказочно прекрасная дева с пышными белокурыми локонами стояла на верху пылающей огненной лестницы, а ее белый бархатный плащ, развеваясь на легком ветерке, открывал точеную фигурку с высокой грудью, едва прикрытую

потрясающим кожаным бикини. Вепрева аж заколдобило.

— Ну, Маш, нет слов! — восхищенно произнес он, но Зверева уже не слушала приятеля, зачарованно любуясь Примитивом, очень похожим на нее.

Глиняный старец почему-то противно хихикнул, а затем громогласно объявил:

— Примитив готов к употреблению! — и вопросительно глянул на Машку, — куда открыть Портал, барышня?

— Мне бы на Невский, я ещё к подруге должна забежать, — осторожно попросила Маша, — у Казанского, если можно, конечно...

— Выбор сделан, — снова прогремел старикашка, затем с кряхтением приподнялся, дотянулся до висящего рядом гонга, и небрежно стукнул по нему костяшками пальцев...

Камни на карусели замерцали с утроенной силой, Машку окутал клубящийся синий туман, а когда он, секунду спустя, развеялся, на подиуме вместо Зверевой стояла ослепительно прекрасная дева — точная копия своего зеркального отражения. Не успел Шурик ахнуть, как земля задрожала, и прямо под ногами у Машки разверзся портал, из которого торчал конец огненной лестницы, медленно уползающей вниз. Там с высоты птичьего полета виднелся многолюдный Невский проспект во всем своем великолепии — от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры; темной ленточкой вилась Мойка с великолепным Строгановским дворцом, а дальше — Марсово поле, канал Грибоедова и тихая Фонтанка, по которой как раз проплывал экскурсионный теплоход, и Аничков мост со скульптурами укрощаемых коней...

Старикашка Эрдрум опять противно хихикнул, и заявил:

— Прямо напротив Казанского собора, как заказано, — физиономию Творца перекосила ухмылка, — вперед, барышня, не робейте!

— Маша, ты только там полегче! — встревоженно крикнул Шурик.

— Ладно, милый, только не ошибись с размером, — усмехнулась Машка, и, послав Шурику воздушный поцелуй, подобрала свой плащ и начала величественно спускаться по огненной лестнице, прямо к темнеющей внизу громадине Казанского собора...

sss

Через минуту портал закрылся, и в зале восстановилась прежняя тишина. Эрдрум вопросительно глянул на совершенно одуревшего Вепрева, и ворчливо поинтересовался:

— Ну, а вы как, юноша? Будете перевоплощаться?

Вепрев поежился. В примитивы ему как-то не хотелось, ну — никак не хотелось, а хотелось хлебнуть пивка в любимом заведении у тети Нади, а затем залезть в свою берлогу и поползать по Интернету, или посмотреть телевизор. Но все эти прекрасные вещи были так далеко!

— А можно потом? — спросил он Эрдрума, — в смысле, записаться в эти... примитивы?

— А чего ж нельзя, можно, — покладисто согласился старец, которому, видимо, лень было самому крутить змеюк. — Вот, посмотри пока, как твоя подруга будет народ колбасить, — предложил он, и, мерзко хихикая, ткнул скрюченным пальцем на зеркальное полотно, после чего и сам с нескрываемым интересом уставился в него...

sss

Денек выдался самым обычным. Как всегда, по Невскому струился поток машин, торопились по своим делам прохожие, слышался гул голосов, звонки мобильных телефонов, сигналы автомобилей, и также, как всегда, деловито помахивал полосатой волшебной

палочкой старшина милиции Панас Петрович Гавриленко.

Сегодня Петровичу везло. С каждым взмахом волшебной палочки незадачливые новички-водители, лихачи за рулем, приклеившиеся к мобильнику гламурные девицы и нервные дамочки неопределенного возраста послушно останавливались и безропотно отстегивали старшине причитающуюся дань, не требуя сдачи. Кошелек старшины потихоньку толстел, и Петрович уже довольно жмурился, как обожравшийся сметаной кот, мечтая о горячей солянке на ужин в мастерском исполнении супруги Марьи Сергеевны.

Неподалеку была припаркована девятка, в которой терпеливо дожидался своей очереди напарник Петровича — молодой, подающий надежды сержант Костик. Пока что он, сидя на водительском месте, пытался целиком запихнуть в рот огромный бутерброд с кольцом колбасы. Но то, что Костик увидел в следующий момент, заставило его застыть как изваяние с разинутым ртом — небо над каменной громадой Казанского Собора, скованное непробиваемым покровом свинцовых туч, внезапно вспорола вспышка молнии. Тут же, словно залп сотен орудий, грянул раскат грома, и в тучах прорезалась вращающаяся с бешеной скоростью воронка, из которой стала медленно выползать огромная пылающая лестница.

Залпом проглотив бутерброд, Костик выскочил из машины и заорал напарнику, указывая рукой вверх:

— Ё-маё... Петрович, ты глянь, че делается!

Петрович, обернувшись, посмотрел туда, куда указывала рука сержанта, и аж присел от неожиданности, а волосы под его фуражкой встали дыбом, когда он увидел прямо посреди дороги полыхающую огнем лестницу, по которой плыла, словно облако, сказочно прекрасная женщина. Ее снежно-белые одежды развевались, окутывая незнакомку в белый вихрь, золотистые локоны развевались на ветру, а над головой переливался ореол. Многочисленные прохожие, замерев на тротуаре, с интересом наблюдали за тем, как она медленно и грациозно спускается на грешную питерскую землю, старушки приседали от страха и принимались истово креститься, а неунывающие подростки достали свои смартфоны, и с упоением снимали явление, заранее предвкушая, как они выложат это сенсационное видео в Интернет.

Внезапно с дороги стали доноситься истошные гудки, визг тормозов, звуки тяжелых ударов и матерная ругань. Старшина очнулся, и глянул на рабочее место. Там, прямо посреди Невского, начала образовываться плотная пробка из сталкивающихся автомобилей, водители которых засмотрелись на чудо природы и забыли об управлении своими железными конями. На глазах у старшины потрепанный синий форд врезался в задок новенькому лексусу, и их владельцы, выскочив из кабин, принялись с упоением дубасить друг друга по мордасам.

Панас Петрович зажмурился и потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения, и тут же в нем пробудился бывалый мент. «Нарушение!» — блыманула в голове старшины радостная мысль, — «Ну, щас я тебе покажу!» — и Петрович, круто повернувшись на каблуках казенных сапог, резво побежал к машине, возле которой застывшим изваянием торчал Костик.

— Что смотришь?! — гаркнул старшина, плюхаясь на сиденье, — заводи давай!

Костик мигом опомнился, вскочил в кабину, и повернул ключ зажигания. Девятка дернулась, и под вой сирены помчалась пресекать нарушение прямо к огненной лестнице...

С каждой ступенькой величественные стены Казанского Собора вырастали вокруг Машки, и, наконец, ее ножка, обутая в изящную туфельку, коснулась асфальта. В собравшейся толпе засверкали фотовспышки, а Машка поправила волосы и приосанилась, гордо озирая народ.

Какая-то бабуля с авоськами, тяжело звякающими поллитровками, бухнулась Машке в ноги и заблажила:

— Дева пречистая... Отпусти грехи старой грешнице. Не со зла я, не со злааааааа! Он сам с похмела удавился!

Остальная толпа, собравшаяся у подножия лестницы, с жадным любопытством таранилась на пречистую деву, обмениваясь впечатлениями, и никто так и не заметил, как над двумя пьедесталами, пустовавшими с 1824 года, закурился легкий дымок, и из него словно соткались из воздуха статуи ангелов. Они заговорили друг с другом едва слышимыми голосами, похожими на шепот звезд:

— Слюшай Мойша, зачѐм миня паслалы? Нѐ знаю я ее. Нѐт. Нѐ наша эта красавыца. Вай, какая карошая!

— И шо такое «не наша», Ахмет? Я так думаю, шо она таки вообще ничья. И таки да, она хорошая. Шоб я так знал шо нам делать, как знаю, шо она хорошая...

И статуи снова растворились в воздухе...

Внезапно над густеющей толпой пронесся душераздирающий вопль сирены, и быстро очистил подступы к лестнице, освобождая дорогу патрульной машине ГИБДД.

— Расходитесь, граждане! Освободите территорию! — заорал мегафон голосом Костика, и толпа подалась назад, оставив новоявленную богиню наедине со стражами порядка. Сержант Костик неторопливо выбрался из кабины, и, небрежно помахивая волшебной палочкой, вразвалочку приблизился к Машке.

— Сержант Чуркин, — небрежно козырнул он, и продолжил укоризненным голосом — нарушаем гражданочка! С неба спускаемся, понимаешь, препятствуем дорожному движению, и вообще подрываем общественный порядок. Документики ваши попрошу...

Машка гордо вскинула голову, и ее золотистые волосы шелковой волной заструились по высокой груди:

— Дома забыла, — небрежно сказала она, с презрением глядя на Костика.

Костик слегка стусевался, покраснел, но тут же опомнился.

— Тогда придется задержать!

Несколько обалдевшая от такой наглости новоявленная богиня хотела что-то сказать, но тут вмешался Петрович, мигом понявший, что с этим нарушителем нужно разбираться особо.

— Ну шо ты тут робышь, Костя? — проворковал он вылезая из машины. — Беры ее пид белы ручки, а там и разбираться будем. Ишь народ волнуется. Опять же порядок нарушен. Гражданочка, йыдыте сюда. Хосподи, так она еще и почти в чем матушка ее выродила. Ой, краса. ладно, йыды до мѐне, у машинку. Усе сейчас решим, йыди, дытятко, йыди...

Петрович уже протянул к Машке свою толстую, поросшую волосами ручищу, как она, вспомнив о своем оружии, легонько стукнула старшину по голове своей оливковой ветвью. Тотчас же на глазах ахнувшей толпы Панас Петрович превратился в каменного идола острова Пасхи, только с загнувшими лапами и обезьяньей челюстью.

Костик испуганно глянул на окаменевшего напарника, выхватил из кобуры табельное оружие, и, заикаясь, фальцетом, закричал:

— Положь укроп свой, а то я щас тебя саму положу...

Тут Машка впервые испугалась — кто его знает, возьмет ее пуля или нет в новом обличи! Поэтому девушка благоразумно решила сдаться — она бросила оливковую ветвь на асфальт и подняла белые ручки.

— Сдаюсь, — сквозь слезы произнесла она.

— Вот так-то лучше, — заявил Костик, — спиной повернись.

Машка послушно повернулось спиной, и Костик, сунув ствол в кобуру, ловко защёлкнул на ее руках наручники.

— В машину давай, — велел он, снова беря в руку Макарова.

Маша, поникнув головой, направилась к девятке, и с помощью Костика забралась на заднее сидение. Дверь захлопнулась, отрезая незадачливого примитива от публики.

Сержант Костик вытащил из бардачка кусок мела, и обвел неровным кругом валявшийся в луже атрибут божественности. Затем, еще раз прикрикнув для остротки на толпу, он залез на шоферское место и взялся за рацию.

— 90, вызывает базу... Мне тут нужна подмога, одну ведьму до КПЗ доставить... и ещё экспертов по травке и врача... хотя, — он посмотрел на каменного истукана, — пришлите лучше какого-то из музея, у меня тут экспонат для них есть интересный... — Рация что-то прохрипела в ответ. — Никак нет! — истово заявил Костик, — Не пил я, товарищ капитан! Честно! Есть охранять!

Костик сунул микрофон в гнездо, вылез из машины, и принялся отгонять любопытных от каменного истукана.

— Расходитесь, расходитесь граждане! Нечего тут смотреть!

Народ зароптал, неохотно подаваясь назад. «Андел с неба спустился, так енти безбожники тут же его и заковали, вон, до сих пор путь его виден» — послышалось Костику, — «Да что ты, это ж из геенны огненной искусительница явилась! Вон, как всполохами пышет...», «Да хрен его, знает, Коля, может, кино снимают, может, лазер-шоу, может, еще что, но первый раз такой эффект присутствия», «Инночка, Инночка, тут сейчас такое было! Перед моей машинкой фактически прямо с неба свалилась какая-то совершенно безвкусная дамочка, и так на меня зыркнула, словно у меня тушь потекла... а у самой — не макияж, а акварельная краска».

— Смотри, сержант, что твориться, — внезапно обратился к Костику рыжий мужик в кепке, — а лестница-то... того... Чудеса, да и только... Может, она это... правительственная...

Чуркин обернулся, и посмотрел вверх. Огненная лестница, по которой спустилась нарушительница, медленно исчезала в небе Питера...

— Сейчас приедут эксперты и во всем разберутся... — Костик с чувством исполненного долга поправил фуражку, — вон, слышишь, едут уже. Проходите, не мешайте следственным мероприятиям.

Вскоре звук приближающихся сирен превратился в надрывный рев, и к месту происшествия подкатила пожарная машина, скорая помощь и патрульная буханка из ближайшего райотдела. Последней к тротуару причалила серенькая «Волга», из которой шустро выскочил сухонький старичок, а за ним неторопливо вылезли двое молчаливых молодых людей в одинаковых черных костюмчиках.

Старичок мигом подскочил к истукану, и принялся его рассматривать, ахая и восхищаясь, а молодые люди внимательно за ним наблюдали.

— Несомненно, поздний неолит! — заявил, наконец, старец, прищелкнув пальцами, —

этой находке цены нет!

— Она вам нужна? — пресным голосом осведомился один из молодых людей.

— Разумеется, батенька! — воскликнул дедок, — это ведь древнеиннуитский бог Хапон! Он безмерно обогатит нашу коллекцию!

— Тогда забирайте, — все тем же бесцветным голосом разрешил молодой человек.

Старичок кивнул, и, крикнув от натуги, взвалил идола на плечо. С этой ношей он и побрёл к метро, а за ним тихо, выдерживая дистанцию, потянулись оба молодых человека.

В это время Костик разбирался с пожарными и скорой помощью.

— Тушить нечего, лечить некого, — нагло заявил он спасателям, — так што свободны.

Пожарные и скорая, посетовав на ложный вызов, умчались по своим делам, а к Костику неторопливо подошел молодой лейтенант из патрульной машины.

— Здоров, Чуркин, — приветствовал он Костика. — Че стряслось то?

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — браво ответил Костик, — вот, нарушительницу задержал, — Костик показал на Машку, которая, всхлипывая, все еще сидела в казенной девятке, держа скованные руки перед собой.

— Я, в общем-то в курсе, — сообщил лейтенант, — видео уже в отделе. Жаль Петровича, хороший был мужик, и водку пил классно...

— Ага, — согласился Костик, — Так что забирайте, по вашей части она. И вещь-док не забудьте.

— Лады, — кивнул лейтенант, — сейчас мы ее в отделение, а там разберемся. Только ты сам репейник этот в багажник забрось.

Костик уныло кивнул, и, подойдя к валявшемуся в луже божественному атрибуту, аккуратно взял его через засморканный носовой платок и закинул в багажник патрульной буханки. Патрульные тем временем пересадили всхлипывающую Машку в свою машину.

— Все, поехали, — приказал лейтенант, — бывай, Чуркин, — и патрульная машина умчалась.

Костик неторопливо забрался в свою девятку, и покатил на боевой пост, радостно предвкушая грядущие свершения, и вскоре на месте явления примитива остался только размытый меловой круг, да горы окурков и упаковок от жвачки.

sss

— Да это просто праздник какой-то! — умилился Эрдрум, отворачиваясь от зеркала.

— Куда они ее везут? — испуганно спросил Шурик у старикашки, стараясь не замечать раздражающего хихиканья.

— А то ты не в курсах, — ухмыльнулся Творец Примитивов, — знамо дело куда — в ментовку, дело шить! Она же по всем статьям — злостная хулиганка! Вот и вещь-док при ней, и показания свидетелей и прочее.

— И что теперь с ней будет? — от ужаса у Шурика ослабели ноги.

— Ну, че будет, че будет? Да ниче не будет! Посидит маленько, а мент и оклемается! — поведал Эрдрум, — Так што больше года не дадут. Я ж говорил, с предохранителем вещица.

— Как? — перепугался Шурик, — на год посадят?

— Ну дык а как ишшо-то? — развел руками Творец, — нападение при исполнении тут так и светит. А уж после ее показаний про Богиню ей еще большоооооой срок в психушке светит!

И Эрдрум гнусно захихикал, а его рачьи глаза закрутились в разных направлениях. Вепреву до того захотелось дать старикашке в рыло, что он тяжело засопел, но... там, в

Питере, в тесном обезьяннике сидела глупая Машка Зверева, которая ждала помощи. Да и не дотянуться ему до мерзкой хари пятиметровой статуи!

— И что мне теперь делать? — подавленным голосом спросил он.

— С чем? — удивился Эрдрум.

— С чем, с чем, — передразнил Шурик Творца, — Спасать ее надо!

Старикашка прекратил хихикать и с притворным сочувствием развел руками.

— Не все так просто, паря! Что сделано, то сделано! — он поскреб пятерней подбородок, — вот разве тока откатить все к началу...

— Это как? — с надеждой в голосе спросил Шурик.

Эрдрум наклонился вперед, и доверительным тоном сообщил экс-математику:

— Ваще-то, паря, мне пофиг, что там бывает дальше с примитивами, што тут пархатятся, но как вы ребята конкретные, так и быть, помогу. Тока учти, дело это опасное, можешь и сам реально влететь.

Вепрева кинуло в жар от нехорошего предчувствия, и он совсем было решился послать подальше всех — и Машку, и Творца, и всю эту хренотень, но... Во-первых, Машка ему нравилась, а во вторых — отсюда все равно надо было как то выбираться.

— Ладно, — согласился он, — че делать то?

Старикашка одобрительно глянул на Шурика, высморкался в свой платочек, немного подумал, и принялся просвещать незадачливого дворника:

— В общем, так, Вепрев, светит тебе командировка в Нижний Мир. Туда, понимаешь, все ваши покойнички слетаются, — старикашка глумливо заржал, — на переподготовку, ы-ы-ы-ы-гы-гы-гы-гы...

— А чо там? — с ужасом спросил Шурик, который до дрожи боялся мертвяков.

— Да ниче такого, — продолжил Эрдрум, — наберешь там стакан жидкого Времени, и дуй назад. Это вроде воды. А тут выльешь стакан прям в середку этой карусели, все и откатится назад. Потому как убыль времени будет восполнена, секешь? — старикашка задрал вверх корявый палец.

— Это как это, «стакан жидкого Времени»? — обескуражено спросил Шурик, — время, оно что — вода какая-то?

— Как бы это тебе, паря, сказать полегче, — озаботился старикашка, потирая щетинистый подбородок и с ухмылкой глядя на экс-математика, — вода — не вода, но что-то типа того.

— А подробнее? — продолжал настаивать Шурик, в котором проснулся бывший ботаник, — по нашим понятиям, время — оно как бы нематериальное...

— Ну-у-у-у, это смотря по каким понятиям, — отмахнулся Эрдрум, — сами же вы говорите — «время-де течет, как вода». Я правильно говорю?

— Ну, вроде того, — нехотя признал Вепрев силу и мощь мысли Творца Примитивов, — так ведь мало ли че говорят, а...

— Ну, а ежели течет, значит, откуда-то вытекает, — продолжил старикашка авторитетным тоном, не обращая внимания на слова Шурика, — а раз вытекает, значит, убывает, усек? — старикашка наставительно поднял вверх корявый палец с длинным желтым ногтем, и победно глянул на Шурика.

— Ну, вроде, усек, — невольно согласился Вепрев.

— А ты, паря, молодец, на лету схватываешь, — похвалил Шурика Эрдрум, — сразу видно, красный диплом.

— Откуда вы про диплом знаете? — поразился Шурик.

— От верблюда, — отрезал старикашка, — короче, ты меня понял?

— Ага, — промямлил Шурик, — так че делать-то?

— Дык я ж тебе уже сказал, — поразился старикашка недогадливости экс-математика, с некоторой досадой разведя руками, — иди в Нижний Мир, тащи сюда стакан Времени.

С этими словами Эрдрум слегка привстал, наклонился, и вытащил из-под своего трона грязный граненый стакан с остатками мутной жидкости идохлым тараканом на дне. В зале потянуло омерзительной сивушной вонью.

— Нака-ся вот, — протянул он Шурику тару, — аккурат хватит. Да смотри, сам-то не облейся.

Шурик подошел к трону, взял стакан, повертел в руках и зачем-то понюхал. Вонь была убойная, Шурик аж закрутил носом.

— А куда идти? — спросил он Эрдрума, задрал голову.

Вместо ответа Творец Примитивов топнул ногой. Тотчас каменная кладка посреди его постамента с душераздирающим скрежетом разверзлась, отворив узкий черный проход. Вепрев подошел, и нерешительно заглянул в черную дыру. Сразу за входом начинались ступеньки каменной лестницы, уводящей в жуткую тьму подземелья. В нос пахнуло запахом перегара и нечистот, а до ушей стали доноситься далекие голоса и нечеловеческий вой, от которого по спине математика поползли мурашки. Шурик поежился.

— Не робей, паря, все пучком, — услышал он за спиной голос Эрдрума.

Шурик испуганно обернулся, и увидел за спиной старикашку, правда, уже нормальных человеческих размеров. Вблизи стало заметным, что лицо Творца изборождено глубокими морщинами, и покрыто какими-то неприятными черными пятнами, словно у подгнившей картофелины.

— Давай, давай, — поторопил старикашка, — не век же мне проход держать.

— А что там, внизу? — опасливо спросил Шурик.

— Увидишь, — махнул рукой Эрдрум, — тока один тебе совет — в карты там не играй, разденут! Да, и время тебе там — немеряно.

— Это как? — вяло поинтересовался Шурик.

— А так. Нету там Времени. Скока хошь там пробудь, а вернешься сюда прям в сей же секунд. Постучишь — открою.

Вепрев заколебался, и хотел было уже послать старикашку куда подальше, но тот вдруг легонько подтолкнул его вперед, и Шурик влетел на первую ступень лестницы, чуть не загремев вниз с разгона.

— Да ты че?! — возмущенно крикнул он, обернувшись, и тут же волна ужаса окатила его с головы до ног — вместо выхода перед ним была сплошная каменная кладка. Не видно было ни двери, ни малейшей щелочки — только ровные ряды плотно пригнанных камней. В тесном душном проходе мерзопакостный запах усилился настолько, что Шурика чуть не вырвало, а скрежещущие голоса и зловещий вой кувалдами били по нервам незадачливого дворника-математика.

С трудом взяв себя в руки, Шурик повернулся вперед, и принялся разглядывать лестницу, скупо освещенную чадящим факелом, воткнутым в стену метрами десятью ниже. Высокие узкие ступени, покрытые слизью, круто уводили вниз, постепенно завиваясь влево, так что конца лестницы Шурик не видел. «Ну, и сволочь, этот дедок!» — мелькнула в голове нехорошая мысль, — «дать бы ему разок в рыло». Эта мысль ободрила, и Шурик, аккуратно

выматерившись для храбрости, сунул стакан в карман куртки, и начал спускаться, придерживаясь рукой за шершавую каменную стенку, покрытую пятнами плесени...

sss

В дежурке райотдела царила невыносимая казенщина, от которой у задержанных начинало сводить скулы, но его обитатель, неподкупный служитель закона и порядка капитан Свиридов, давно к ней привык, и сейчас занимался важнейшим делом. Открыв монументальный сейф, высившийся у окна, он влез в него почти по пояс, и налил в грязный стакан водку из стоявшей в укромном уголке литровой бутылки.

Набуровив напиток до самых краев, Свиридов ловко вывернулся из сейфа, резко выдохнул, и одним махом выплеснул в желудок остро пахнущую волшебную жидкость. Занюхав дозу рукавом мундира, он с минуту постоял, зажмурив глаза и с наслаждением прислушиваясь, как блаженный жар от огненной воды, разгорающийся в животе, разливается приятным теплом по всему капитанскому телу. Скоро и капитанская голова, приятно закружившись, перестала потрескивать, белокрылыми чайками из нее улетели мысли о панке, которого капитан недавно пристрелил по пьяному делу, и теперь придется отмазываться, и о жене, которая совсем запилила его, требуя купить норковую шубу, и о дочери Элеоноре, которую патруль соседнего отделения застукал за курением травки в компании проституток, и о прочей тоскливой хренотени того же плана...

Свиридов с облегчением поставил стакан на место, запер сейф, и вернулся на рабочее место, намереваясь включить телевизор, и посмотреть любимый порно-канал секс меньшинств. Но едва на экране начали утрями извиваться обнаженные красотки, как входная дверь в участок тяжело бухнула, раздался топот кованых сапог, и перед дежурным нарисовался молодой лейтенант Козлов, ведущий под руку прекрасную девушку в белом.

Капитан удручённо выключил ящик, и с тоской посмотрел на посетителей, даже не обратив внимания ни на необычные белые одежды задержанной, ни на сияющий нимб над её головой.

— Что там у тебя, Козлов? — недовольно спросил он, доставая засаленные бумаги из ящичка стола.

— Злостное хулиганство, товарищ капитан! — бодро доложил лейтенант, завистливо принюхиваясь к спиртному духу, исходившему от старшего товарища, — эта вот гражданка вон чего с Гавриленко-то сделала — тот в статую превратился, теперь в музее стоит, понимаешь. Вот, — Козлов осторожно положил на стол оливковую ветвь, — вот, говорят, этой шпукой она его по башке треснула, он и превратился в памятник.

— Я, ваще, в курсах, — сообщил капитан Козлову, — из Большого Дома звонили. Оклемався Петрович, уже на пост вернулся. Давай рапорт.

Козлов молча протянул начальнику бумагу, и Свиридов, мрачно глянув на тихонько всхлипывающую Машку, принялся по диагонали читать сочинение Костика о пылающей лестнице спустившейся прямиком на проспект, о случившемся вследствие этого заторе на дороге, о девице, которая спускалась по этой самой лестнице, и о прочих чудесах. Закончив, он поставил свою корявую подпись, аккуратно положил рапорт в папочку на столе и сухо спросил Машку:

— Ваши документы, гражданка.

— Нет у меня документов с собой, — всхлипнула Машка, — отпустите меня домой, дяденька... пожалуйста...

Однако Свиридов отрицательно покачал головой.

— За злостное хулиганство отвечать придется, — жестко заявил он. — Опять же, документов при вас нет. Так что придется задержать. До выяснения.

С этими словами Свиридов вылез из-за стола, достал ключи от обезьянника, и коротко приказал Машке:

— Пошли!

И верный служебному долгу капитан Свиридов со спокойствием удава повел несостоявшуюся богиню по узкому и грязному коридору в «обезьянник». Бездушно лязгнул замок, и дежурный, сняв с Машки казенные наручники, втолкнул нарушительницу в камеру, где уже сидели две молоденькие проститутки да потасканная наркоманка с отрешенным взглядом. Через пару мгновений кованая дверь захлопнулась, загрохотали запоры, и раздались удаляющиеся шаги блюстителя порядка.

Машка, ежась от задувавших изо всех щелей камеры сквозняков, стыдливо закутала озябшее тело белоснежным плащом, и присела на нары. «Черт бы побрал, этот ключ!» — мелькнула в голове тоскливая мысли, — «Не будь его, дергалась бы шас под рэп в какой-нибудь забегаловке, и горя не знала...».

И несчастная дева горько зарыдала по своей загубленной жизни и погибшей молодости, слушая издевательское хихиканье проституток и навязчивое бормотание наркоманки...

sss

Спуск продолжался долго. Голоса и вой становились все громче, и вскоре заглушили звуки тяжелого дыхания экс-математика, редкие факелы, торчащие в стенах, отбрасывали под ноги пляшущие тени, мешая разобрать дорогу, и несколько раз Шурик чуть было не оступись. После этого он стал идти осторожнее, хотя это и замедляло спуск. Примерно через полчаса заныли натруженные ноги, и Вепреву пришлось останавливаться через каждые десяток ступенек, чтобы дать им отдых, а лестница все бежала и бежала вниз, и казалось, что конца ей не будет.

Но всему в этом мире приходит конец — как плохому, так и хорошему, да и никакому тоже — и через пару часов, когда Шурик совсем уже выдохся, за очередным поворотом лестницы замаячил выход — узкий портал, увенчанный полукруглой аркой. В тусклом свете едва виднелся кусочек ровного, выложенного плиткой пола, а голоса, перемежаемые жутким воем, стали просто оглушительными. Шурик, затаив дыхание, преодолел последние ступеньки и осторожно выглянул наружу.

От увиденного у дворника-математика отвисла челюсть. Лестница вывела его в огромную пещеру, но, в отличие от зала, в котором они с Машкой встретили старикашку Эрдрума, пещера куталась в сумраке, и от этого ее размеры показались Шурику совсем невероятными. — «Метров сто, наверное, в диаметре будет» — прикинул Шурик. Он поднял глаза на высокий потолок — «Ого! Метров двадцать, не меньше!».

Пещера, так же как коридор, в который они с Машкой попали в самом начале, освещалась факелами, воткнутыми в стены. В их пляшущем свете Шурик разглядел, что потолок и стены пещеры представляют собой сплошной неровный камень, как будто его не касалась рука каменотеса. «Наверное, пещера естественная», — заключил он, гордый своей догадливостью — «а то бы стенки ровнее были». В центре, поперек пещеры, текла настоящая река, не ручей — река, ведь у ручьев не бывает русла шириной восемь-десять метров, и Вепрев тут же сообразил, что это и есть Река Времени, и именно ее воды ему надо набрать в стакан.

Шурик сделал полшага вперед. Теперь он увидел, что через реку перекинут каменный

мост, который опирался на две могучие опоры, стоящие на дне реки. Огромные камни, из которых был построен мост, потемнели от старости, и Шурик сразу решил, что этот мост очень древний — похожие строения он видел по телевизору, когда показывали древние города Италии. С той стороны, где находился он сам, мост выходил на площадку, выложенную сильно затоптанными каменными плитками — тут явно ходило множество людей, что еще раз подтверждало древность моста и пещеры.

От реки площадка была отгорожена невысоким каменным парапетом, по-видимому, сделанным чтобы избежать случайных падений в реку. Шурик поежился, представив, что может ожидать человека, упавшего в реку Времени. «Ну, ништяк...» — подумал он, — «справлюсь!».

Проследив взглядом влево, до истока реки, искатель приключений невольно вздрогнул, увидев отвесную неровную стену, на которой было высечено колоссальное лицо, от вида которого Шурик почувствовал, как его захлестывает животный ужас. Глаза чудовищной морды, вырезанной из камня, горели кроваво-красным светом, в ее крючковатый нос было вдето кольцо, а из широко разинутого трехметрового рта — нет, пасти! — струился мощный пенистый поток Времени — мутновато-белесой жидкости, которая и образовывала текущую перед ним реку.

«А куда она вытекает?» — мелькнула в голове Вепрева неуместная мысль. Шурик глянул вправо, по течению, и обомлел — там также высилась отвесная стена, где располагалось второе, не менее ужасное лицо, но губы его чудовищной пасти были вытянуты в трубочку, и жадно всасывали в себя Время, издавая громкое хлюпанье.

Сделав над собой усилие, Шурик отвел глаза от испугавшей его каменной рожи и посмотрел на противоположный берег. Там была такая же площадка, зажатая между рекой и стенкой пещеры, а за ней — портал, в сумраке которого виднелась широкая лестница.

— «Так, так,» — пробормотал Шурик, продвигаясь вперед еще на полшага, — «посмотрим». Он специально разговаривал сам с собой, чтобы не заорать от страха, но не удержался и вскрикнул, увидев, что по лестнице спускаются люди! Они выходили из портала, сбивались в кучки на тесной площадке между стеной и рекой, а затем непрерывной чередой шли на мост, в начале которого стоял стол, вроде полированной каменной глыбы.

Шурик думал, что за этот удивительный день он потерял способность пугаться и удивляться, но не тут-то было — самое интересное только начиналось. За столом сидели ужасные существа — огромные крысы размером с человека. Одного этого было бы достаточно, чтобы хлопнуться в обморок, но Шурик стиснул зубы и заставил себя не отводить глаза: у крыс были собачьи головы, а на руках — когти, как у ящериц. Говорили они визгливыми, скрежещущими голосами. Кошмарные твари сидели рядом за столом, и к ним чередой подходили люди, которые появлялись из портала.

Вепрев, не шевелясь, наблюдал за каким-то человеком, который подошел к свободному крысоящеру. Он о чем-то заговорил с ним, и крысоящер подвинул к нему кучку каких-то камней. Когда они стали переставлять их на столе, Шурик догадался, что идет какая-то игра. — «Старик сказал — в карты не играть» — вспомнил Шурик, — «но это точно не карты». Внезапно крысоящер своей когтистой лапой схватил беднягу за грудки и швырнул в реку. С ужасающим воем тот полетел вниз, и поток унес его в кошмарную пасть чудища в правой стене. — «Наверное, проигрался» — подумал Вепрев, — «ну, ни фиги себе заведение!».

Точно такая же печальная участь постигла еще десяток несчастных, как вдруг к столу

виляющей походочкой подошел хлыщеватый молодой человек с нагловатой ухмылкой на лице. Как и прочие, он перебросился с крысоящером парой фраз, и они начали переставлять камни. Но хлыщу, видимо, повезло — по окончанию игры крысоящер широко взмахнул рукой, и молодой человек спокойно перешел мост олодой человек спокойно прроко взмахнул рукой, и раз, и и в е города Италии. од руку всему телна площадку и, сделав по ней несколько шагов, исчез. Шурик как можно дальше вытянул шею, и увидел точно такой же портал, как на противоположной стороне.

Экс-математик так увлекся наблюдениями, что совершенно не заметил, как к нему подкралась беда. Кто-то внезапно схватил его за шиворот и скрежещущим голосом провизжал:

— Кто таков? Как сюда попал?

Извернувшись и посмотрев наверх, Шурик с ужасом увидел, что его схватило за воротник одно из крысоподобных созданий. От существ, сидящих за столом, его отличала толстая броня и копьё в руке, это явно была местная охрана.

Вблизи собачья морда была еще омерзительной — с ощеренных клыков капала слюна, красные глаза горели, а вонь от существа исходила такая, что Вепрев невольно поморщился.

— Да я, это... залопотал Шурик, — понимаете, меня сюда Творец послал...

— Что за творец? — отвизга крысоящера у Шурика подкосились ноги, — ты што, шпионить тут собрался?

— Да нет, я это... стакан надо набрать... — испуганно вякнул Шурик.

— Ясно, — заявил крысоящер, — воровать Время пришел. Ну, погоди!

И стражник, скрутив Шурика в бараний рог, поволок его к столу. Перед носом незадачливого дворника мелькали ровные ряды истертых плиток, ноги спотыкались о неровности, и несколько раз Вепрев чуть не упал. Но цепкая лапа стража крепко держала Вепрева за загривок, и вскоре арестант был поставлен перед одним из крысоящеров, сидящим за столом.

— Так што, осмелюсь доложить, этот вот опять от Творца появился, — доложил страж.

— Ладно, — вяло сказал тот, крутя в лапах золотое пенсне, — разберемся. Катись отсюда.

Стражник отсалютовал пикой и ускакал на своем здоровенном черном хвосте на пост, а сидящий за столом крысоящер, водрузив на собачью морду пенсне, впился в Шурика тухлыми глазами. Вепрев поежился.

— Понимаете, я... — начал было он, но был перебит.

— Я все знаю, — все так же вяло ответила омерзительная тварь, — не впервой. Опять Откат?

— Ага, — честно признался Шурик, и вытащил из кармана стакан.

— Ясно, — кивнул головой крысоящер, и широко зевнул, обдав несчастного Шурика мерзким запахом перегара. — Уаа-ха-ха. Посмотрите-ка, батенька, назад, откуда вы пришли.

Шурик обернулся, и, к своему вящему ужасу и изумлению не увидел выхода, из которого он появился в этом загадочном месте — стена представляла собой сплошной монолитный слой камня, как и во всей пещере. Не видно было и портала, в который вошел давешний хлыщ.

— Вот так-то, — сочувственно кивнул звероящер, увидев кислую мину, появившуюся на лице Вепрева.

— И что теперь? — уныло поинтересовался Шурик.

— А теперь, батенька вы мой, предстоит нам сыграть в одну простенькую игру, — сообщил крысящер, — победите — вернетесь в свой мир, проиграете — вон, полюбуйтесь...

Крысящер подбородком показал на очередного бедолагу, которого в этот момент отправляли реку. От страшного воя казнимого Шурика передернуло.

— А просто так нельзя? — осторожно спросил он, — в смысле, вернуться?

— Нет, увы, — крысящер покачал головой, — при всем моем желании. Правила устанавливаем не мы, а там, — крысящер глазами показал на потолок. — Мы только играем...

— Ладно, — покорился судьбе Шурик, и припомнил предостережение Эрдрума, — а во что играть? Я в карты не умею.

— Помилуйте, батенька, — замахал своими когтистыми лапами крысящер, — какие карты, фи! Мы играем в простейшую игру. — Крысящер высыпал перед экс-математиком кучку квадратных камешков, тщательно вырезанных из какого-то красноватого камня. — Все очень просто. Тут всего тринадцать камней, вы можете брать от одного до трех. Кто возьмет последний камень, тот и выиграл. Ясно?

В голове бывшего ботаника что-то отчетливо щелкнуло. Быстро прокрутились лекции в универе, и Вепрев, несмотря на некоторое ослабление умственных способностей, вызванное частым употреблением горячительных напитков, тут же понял, что ему предлагают сыграть в древнюю игру, выдуманную французским математиком Баше де Мезирьяком аж в 1612 году. Шурик задумался, о том, не побывал ли талантливый ученый здесь, прежде чем предложить свою игру, может, он ее не выдумал, а подглядел у этих существ.

— Ну что, молодой человек, начинаем? — в голосе крысящера послышалось явное нетерпение.

— Да, — сказал Шурик, и тут же припомнил, что в этой игре проигрывает тот, кто ходит с ключевой позиции. «А что за позиция такая, мать ее в лоб?» — задумался Шурик. Внезапно его мозги прояснились, и он вспомнил. «Сколько там камней-то?» — подумал он, — «ах, да 13. Ясненько. Значит ключевые позиции — 4, 8 и 12 камней. Нефиг делать».

— Хорошо, — заявил дворник-математик, — только я хожу первым.

Крысящер на миг вперил в Шурика взгляд своих крысиных очей, и кивнул.

Шурик вытащил один из камней и сунул его в карман. Ящер, не задумываясь, тоже вытащил один камень и отложил в сторону. Вепрев на всякий случай посчитал камни. Их осталось 11. Он, не раздумывая, вытащил три камня, и снова сунул их в карман. Ящер забрал 2 камня. Шурик тоже вытащил 2 камня, и с победной ухмылкой посмотрел на крысящера. Тот, поняв, что продулся, отодвинул камни в сторону, и одобрительно посмотрел на ботаника. Глаза его стали не такими злыми.

— А вы, батенька, молодец! — похвалил он, — с математикой дружите!

— Стараемся, — ответил Вепрев, — Так я пошел?

Вместо ответа крысящер махнул рукой и в сплошной каменной стене на другой стороне моста открылся широкий проход. Шурик торопливо зашагал по мосту, и, пройдя его, воровато оглянулся. Ящер сидел к нему боком, и казалось, потерял всякий интерес к недавнему партнеру по игре.

Стараясь не шуметь, Вепрев перелез через парапет и осторожно спустился к реке. Вблизи было заметно, что жидкость, текущая в ней, была неоднородна, и более всего напоминала белесый кисель с какими-то мелкими частичками, сверкающими

разноцветными искорками. На миг Шурик даже залюбовался их игрой, но ему было пора идти. Он аккуратно набрал полный стакан Времени и, опасливо держа его в вытянутой руке, медленно зашагал к выходу.

Подойдя поближе, он, наконец, отвел глаза от своего драгоценного стакана, и осторожно заглянул в арку портала. Сразу за ним начиналась ведущая наверх мраморная лестница с крутыми ступенями, а далеко, далеко вверху, в самом конце, виднелась дверь, окованная золотыми пластинами. Шурик уже занес было ногу, чтобы подняться на первую ступень, как вдруг в пещере раздался визгливый голос:

— Это как это понимать? Папик, вы только посмотрите, этот козел наше Время реально тырит!

Вепрев испуганно обернулся и с ужасом увидел, что прямо за ним стоят два человека, одетые в ослепительно белые ниспадающие одежды. Первый был представительным седовласым старцем с длинной бородой, а второй — молодым человеком лет тридцати с воспаленными глазами маньяка-наркомана и веночком из розанчиков на патлатой голове. Над парочкой трепыхал чахлыми крыльшками облезлый голубок.

— Истинно, истинно базарю, вам, Папик, — начал было вещать тот, что помоложе, но бородач оборвал начавшуюся проповедь.

— Завали ебало, — коротко приказал он, и молодой человек заглох на полуслове. Тотчас же голубок, паривший под куполом, совершенно некстати решил облеγχиться, и на патлатую башку маньяка с жирными шлепками упали жизненные отходы птички.

— Да ты че делаешь, пидор! — заорал тот, срывая с головы веночек, и грозя обидчику кулаком. При этом рукав его бурнуса задрался, показав тощую волосатую руку с исколотыми венами. — Ты на кого хезаешь, ссука!?! На понятия, поставлю, пасть порву, моргалы выколну, ибо истинно, истинно базарю тебе, аз есмь пуп зем..

— Заткнись, — беззлобно повторил старик, и взмахнул рукой. Внезапно вся декорация сменилась — исчезла пещера с крысоящерами, рекой и мостом, и вконец очумевший Вепрев очутился посреди огромного грязного помещения, сильно смахивающего на какой-то производственный цех. Окон не было — зал освещался тусклым светом огромных чадящих факелов, воткнутых в щербатые закопченные стены, сложенные из циклопических каменных блоков, а грязный пол был вымощен уложенными вкривь и вкось каменными плитами.

Прямо посреди помещения находился огромная, метра три диаметром, дыра, из которой доносился шум мощного потока. У краев дыры были навалены кучи какой-то коричневой дряни, издававшей едкое зловоние, и с десятков изможденных полуголых людишек, вооруженных здоровенными лопатами, непрерывно валили эту субстанцию в бассейн. Из круглой дыры в стене поток оборванных людишек безостановочно катил тачки с коричневой субстанцией, которую они сваливали в кучи у края бассейна.

Приглядевшись, Шурик заметил, что у каждого из них за спиной торчат огромные сложенные крылья, которые, судя по отдельным перышкам, некогда были белыми. Видимо, чтобы не давать крылатым работникам лениться, по залу подпрыгивала на хвостах парочка крысоящеров, вооруженных дубинками, которыми они то и дело погоняли замешкавшихся работяг. На головах крысоящеров красовались бескозырки с надписью «КРЫСГВАРДИЯ» на тулье.

— Поди-ка сюда, паря, — внезапно услышал Шурик голос бородатого старикашки.

Вепрев испуганно повернулся на голос, и справа от себя увидел давешнюю троицу, находившуюся на высоком подиуме. На сей раз бородатый восседал на огромном троне, а

патлатый стоял за его спиной с уже прощеным голубком на плече. Старикашка манил Шурика толстым пальцем. Рядом с тронном бородатого стоял второй трон, поменьше но тоже внушительный. На нем сидела красивая молодая женщина с нимбом на голове и грустными глазами.

«Ну и влип же я!» — мелькнула в голове экс-математика трусливая мыслишка. Точно такие же ощущения он испытывал только один раз в жизни — когда с него брали показания в милиции, после того, как Вепрев по пьянке устроил драку в пивной на первомайские праздники. Правда, тогда ему удалось отмазаться тысячной купюрой, а вот сейчас, видимо, он влип всерьез. Деваться, однако, было некуда, и, все еще держа полный стакан Времени на отлете, Вепрев на ватных ногах приблизился к трону.

— Ну што, паря, воруем? — добродушно спросил старикашка. — Ай-ай-ай! Нехорошо!

— Да я... — вякнул Шурик, но договорить ему не дали.

— Да што вы с ним базарите, Папик, — капризно заскулил патлатый, смахивая голубка с плеча, — кинуть мясо во Врата, и всех делов!

— Это успеем, — отмахнулся старец, — ты што, не видишь, што человек не в курсах?

— Ах, Папик, — надулся патлатый, — никада вы мя не слу...

— Сказано — заткнись! — возвысил голос бородатый, — не мешай, — и повернулся к дворнику.

— Вот што, Вепрев, поговорим конкретно. Видишь это? — старец ткнул пальцем в дыру.

— Ага, — проблеял Шурик, у которого от мысли, что его собираются бросить в эту воронку, начали подкашиваться ноги.

— А што под ней, как по твоему? — поинтересовался старикашка.

У Шурика остались силы только на то, чтобы отрицательно помотать головой.

— Так я тебе скажу, Вепрев. Это — Время ваше, — зловещим голосом сообщил старец. — Усек? Вы его поганите, а мы чистим. Как говночисты какие...

— Фи, Папик, вы меня натурально скандализуете своими репримандами! — жеманно покривился Патлатый.

— А ниче, стерпишь, — ухмыльнулся старец. — Теперь вот што, Вепрев. Как ты мое Время красть учудил, будет тебе кара.

— Да отдам я ваше гребаное время, подавитесь! — внезапно пробило Шурика, которому надоел весь этот балаган, — нате, берите! — и он протянул стакан старцу.

— А подруга твоя, она как? — ехидно поинтересовался бородач. — Так и пойдет на зону фефелой?

Шурик мигом скис, вспомнив о Машке. В самом деле, не ходить же ей теперь весь свой век в этих самых Примитивах! И чем еще в милиции кончится — больш-о-о-о-ой вопрос. Крутой нрав ментов экс-математик знал не понаслышке.

— Ладно, че от меня-то требуется? — мрачно спросил он старикашку.

— А ты, паря, молодец, — одобрительно сказал бородатый, — секешь фишку. Значицца, вот что я решил. Щас ты моего отпрыска возьмешь, и отправитесь с ним на пару в ваш мир. Ты у него вроде как проводник будешь.

— Шта!? — взвизгнул Патлатый, — Куда это вы меня, Папик? Опять с этими говнюками вожжаться? Да пошли эти уроды на хуй!!!

Женщина на соседнем троне попыталась заступиться за Патлатого:

— Ахти, батюшка, пошто суровенек так-то? Ить он дитя еще малое, неразумное!

— Сказано — сделано, — жестко отрезал старец, — развеется малость, да и хоть какой прок с него будет. А то ишь, обширялся уже наскрозь, живого места нет!

Старикашка задрал свободный рукав балахона, в который был одет Патлатый, и Вепрев увидел на его руке длинную дорожку следов от уколов в вену, какие бывают у отпетых наркоманов.

— Это — што? На «крокодил» подсел?! Ну, погоди!

С этими словами папик хлопнул в ладони, и тотчас облезлая дверь за его спиной со скрипом растворилась. Из нее, в обнимку, пошатываясь, вышли двое здоровенных мужиков в белых балахонах, из под которых за спинами торчали белоснежные крылья.

— Опять нажрались, сссскаты! — взревел старец, грозя парочке волосатым кулаком — ужо погодите, доберусь я до вас!

— И вовсе напраслину возводите, вашличство, — промычал тот, что был чуточку трезвее, — тока саму капельку приняли с устатку, для аппетита...

— Ну, ин ладно, с этим опосля, — смилостивился старикашка, — а щас вот што. Возьмите-ка вот этого лоха, — старец своей бородой-веником указал на Шурика, — да и придурка моего, — он кивнул на патлатого, — и отправьте обоих во Врата. Тока нежнее, нежнее, ясно?

— Усе ясн, бут сделн! — хором отчеканили моментально протрезвевшие мужики, и, не задерживаясь ни секунды, подошли к Патлатому.

— Не хочу! — пронзительно заверещал тот, — не надо! Папик, простите меня! Я исправлюсь! На аптеку перейду!!!

Однако Папик только непреклонно насупил кустистые брови, и кивнул экзекуторам. Те, не обращая внимания на вопли, схватили Богова Сына за руки и за ноги, и принялись раскачивать. На счет «три» они умело швырнули Патлатого в дыру, и тот, издавая отчаянный визг, от которого у Шурика заложило уши, описал изящную параболу и шлепнулся в ревущий поток Времени. Тотчас же его барахтающееся тело засосало водоворотом, и с отчаянным воплем «не надаааа!!!» Патлатый исчез мутной жидкости.

— А теперь твой черед, Вепрев, — заявил старец, — не робей, выплывешь аккурат дома. Да, и стакан свой не разлей, — ехидно добавил он, подмигнув Вепреву, а затем повернулся к мужикам, и кивнул.

Те вразвалочку направились к дворнику. Шурик окаменел от страха, его ноги стали как ватные, и он не в силах был сделать ни шагу, а только испуганно тарашился на мужиков. Те же, привычно схватив экс-математика за руки и за ноги, стали раскачивать бессильное тело. Вепрев изнеможенно молчал, только почему-то упорно смотрел на свой стакан, а в уголке его угасающего сознания тупо билась единственная мысль: «почему он не проливается?». Вдруг он почувствовал, что его тело резко взмыло в воздух и понеслось в страшную яму, на дне которой ревел водоворот...

sss

...еще один разлегся, — прозвучал в ушах злой голос, и кто-то больно стукнул Шурика по ребрам, — эй, ты, алкота! Вали отсюда!

Шурик открыл глаза и увидел свинцовое Питерское небо, и тут же в уши ему ворвался знакомый уличный шум — голоса людей, рев моторов, шуршание шин автомобилей, грохот трамваев. Прямо над ним нависала хмурая ряшка в милицейской фуражке.

— Вали отсюда, — повторил мент. — И кореша своего забирай.

Вепрев тупо заморгал, и с трудом принял сидячее положение. С изумлением он увидел,

что находится на Среднем проспекте, как раз напротив станции метро Василеостровская. Вокруг было полно спешащего народа, и все люди, проходившие мимо, аккуратно обходили тело Вепрева стороной. Шурик повернул голову, и увидел слева от себя навзничь распростертого Патлатого все в том же белом бурнусе и веночком на голове. Он лежал, тычком уткнув рыло как раз в обширную лужу, в которой плавали окурки, а задравшиеся рукава бурнуса не скрывали рук с исколотыми венами. Напротив стоял мент, недвусмысленно покачивая дубинкой, и мрачно глядя на нарушителей.

— Давай, давай, — поторопил блюститель порядка.

Шурик, крихтя, поднялся на ноги, и только тут с тупым удивлением обнаружил, что все еще держит в руке полный стакан Времени, в который, правда, кто-то успел кинуть несколько монет. Вепрев наклонился к Патлатому, и потрогал за плечо. Тот резко дернулся, перевернулся на спину, и вскочил, словно чертик из шкатулки.

— Что? Уже? — воскликнул он визгливым голосом. — Опять все сначала? Фи! Как пошло! Пошли отсюда! Да, да, пошли! Я должен выполнить свою миссию! — с этими словами он схватил Шурика за рукав и повлек его по улице под тяжелым взглядом сержанта, который пристально глядел им вслед и что-то говорил в рацию. К удивлению Вепрева белая хламида, в которую был одет Патлатый, ничуть не измаралась.

— Где тут народ собирается? — спросил он дворника-математика, — мне нужна аудитория, аудитория, ты понимаешь? Понимаешь? Аудитория! Это очень важно! Важно! Да! И ты должен! Да! Да! Да! Ты, ты должен! Отвести, отвести меня к ней! Да! Это очень важно, важно, ты понимаешь?

— Отвянь, — потребовал Шурик, стряхивая руку Патлатого с рукава, — народу щас больше всего в пивной, только денег нет.

— Деньги! Деньги! Да! Да! Деньги! — снова завелся патлатый, — это правильно! Да! Да! Правильно! Деньги! Вот! Вот! Вот! На! Возьми! — Патлатый сунул руку за пазуху, и неизвестно откуда вытащил толстенную пачку тысячных купюр. — На! На! Возьми! На! Возьми! Это деньги! Да! Да! Это деньги! Да! Деньги! Возьми! На! Возьми! На!

Шурик взял пачку. На вид было тысяч триста, не меньше, таких сумм Вепрев за всю свою жизнь не то что в руках не держал, но даже и в глаза не видел, и потому малость растерялся.

— Откуда они у тебя? — настороженно спросил он у Патлатого, который почти бежал перед ним.

— Не надо! Не надо! Об этом! Пошли! Скорее! Я должен! — взвизгнул тот, не оборачиваясь.

Шурик обратил внимание, что прохожие стали расступаться перед странной парочкой — худошавым парнем со стаканом в руке и его напарником в ослепительно белом балахоне и розовым веночком на голове, из-под которого сверкали безумные глаза.

— Ладно, пошли, — согласился Шурик, и, желая поскорее скрыться с глаз публики, повел Патлатого в свое любимое питейное заведение возле дома. Идти пришлось недолго, уже через пять минут Шурик и его новый товарищ входили в знакомую пивную, которую Вепрев покинул не далее, как сегодня утром. Народу в зале было полно, дым стоял коромыслом, гремели кружки, пенный напиток жадно всасывался множеством жаждущих глоток, а утонченные эстеты, желающие испытать особый кайф, доливали в напиток Богов по сотке паленой водяры.

Вепрева моментально узнали.

— Эй, Шурик, — раздался из угла хриплый пропитый голос, — вали сюда!

Шурик обернулся, и увидел своего непосредственного начальника Василия Петровича Шумилова, человека лет 50, с которым у Вепрева наладились отличные отношения. Особенно ценил их Шумилов, потому что супруга постоянно выгоняла его из дома, когда благоверный являлся под семейный кров на бровях, и ему приходилось проситься к Вепреву на ночлег, в чем тот никогда ему не отказывал.

Шурик направился к Василию Петровичу, на ходу здороваясь со знакомыми завсегдатаями, а Патлатый, про которого Вепрев как-то сразу позабыл, двинулся прямо к буфетной стойке, локтями распахивая недовольно бурчащих пьянчуг.

— Здравствуйте, Василий Петрович, — поздоровался он с начальником, пребывавшим уже изрядно навеселе.

— Здоров! — ответило руководящее лицо, протягивая руку. — Садись, — радушно предложил он. — Пива хочешь?

— Ага, — ответил Шурик, пожимая мозолистую длань Шумилова, и присел на хлипкий пластмассовый стул. Стакан, полный Времени, он осторожно примостил на краешек стола. Шумилов, бывший в особом почете у буфетчицы, с которой пару раз переспал в далекой молодости, вальяжно махнул ей рукой, и хрипло рявкнул на весь зал:

— Надя! Принеси-ка нам по одной с прицепом!

Дородная буфетчица, едва видневшаяся в клубях табачного дыма, кивнула, и сноровисто нацедила две кружки, затем, украдкой глянув на входную дверь, вытащила из-под стойки бутылку водки, и плеснула в каждый сосуд грамм по сто прицепа. Поставив бутылку на место, она умело подхватила кружки указательным пальцем, на котором поблескивал перстень с крупным бриллиантом, и понесла напиток своему экс-возлюбленному, тяжело покачивая пышными бедрами. Подойдя к столику, за которым угнездились Шумилов с Шуриком, она осторожно поставила перед ними кружки, и присела рядом.

— Как ты, Саша? — спросила она Шурика, — что-то сегодня припозднился.

К Вепреву тетя Надя испытывала материнские чувства, возможно еще и потому, что ее собственный сын, Володька, уже второй год мотал срок за вооруженный грабеж банка, а мужа заезжие кавказцы год назад зарезали на стрелке в Гатчине.

— Нормально, тетя Надь, спасибо, — ответил дворник-математик, беря в руки кружку, и отхлебывая живительную влагу.

— А вот мой-то, Володенька, с зоны пишет, — начала причитать несчастная мать, — что в условно-досрочном опять отказали, ироды... Мало вишь, отсидел, говорят ...

По этому вступлению Шурику стало ясно, что тетя Надя, по заведенному обычаю, намерена поговорить «за жизнь» в теплой компании. Однако сегодня этим мечтам одинокой женщины не довелось сбыться, ибо со стороны стойки донесся такой дикий вопль, что весь зал, наполненный изрядно окосевшей публикой, дружно повернулся к буфетной, и даже Василий Петрович, не донеся кружку до рта, на мгновение замер, потрясенный небывалой сценой. И было от чего, ибо на стойку бара, залитую пивом, заставленную кружками, и заваленную шелухой от тараньки, взобрался Патлатый в своем белоснежном бурнусе и веночке, и, бешено жестикулируя и сверкая безумными глазами, начал вещать:

— Люди!!! Опомнитесь! Сойдите с пути греха! И! Ступите! Да! Да! Ступите! На стезю Добродетели! Да! Добродетели и воздержания! Ибо тот! Кто! Не услышит! Да! Не услышит! Да! Глас Папика моего! Тот! Будет! Вечно! Да! Да! Вечно! Вечно! Бросать стибр! Да, стибр! В пучину Врат бездонную!

— Это што за урод? — поинтересовался Шумилов, — Шурик, он вроде бы с тобой пришел?

Вепрев, вытаращив глаза от изумления, моментально вспомнил, что ему надлежит бежать выручать Машку, а не рассиживаться в изысканном обществе. Поэтому он торопливо допил пиво, поставил кружку на столик, и вскочил на ноги.

— Точно, со мной, — сказал он, — только не знаю я, с чего его так плющит.

— А вот щас я его успокою! — с угрозой в голосе произнесла буфетчица Надя, — а то ишь...

С этими словами несчастная вдова неожиданно легко поднялась на ноги, и решительно двинулась на рабочее место, бесцеремонно распахивая локтями нетрезвый люд. Шурик, предчувствуя нехорошее, схватил стакан, торопливо попрощался с Василием Петровичем, и почти бегом удалился из заведения — в его намерения никак не входили объяснения в местном отделении. Выскочив на улицу, он услышал вой сирен приближающейся милицейской буханки, и опрометью побежал к своему дому, стараясь не расплескать Время. И вовремя! Едва он скрылся за поворотом, как у дверей пивной с визгом тормозов остановилась патрульная машина, и из нее неторопливо выбралась пара милиционеров. Разминая ноги, блюстители порядка вразвалочку направились к двери, и скрылись за ней в глубинах вертепа.

sss

В замочной скважине камеры с жутким скрежетом провернулся ключ, и Машка испуганно повернулась в сторону звука. В распахнутой двери стоял дежурный капитан Свиридов и какой-то низенький полноватый мужичок в небрежном костюме и с глубокими залысинами. Мужичок посмотрел на узницу и как-то небрежно-буднично произнес:

— Ну что ж, выходим, гражданочка, будем проводить дознание.

Машка, слегка потерянная, и потому притихшая, вышла из камеры и послушно направилась следом за мужичком по грязному коридору с обшарпанными стенами, в которых виднелись окованные ржавым железом двери с могучими запорами. Завернув за угол, мужичок подвел девушку к раздолбанной двери с криво повешенной табличкой «Дознаватель Пупкин В. Д. и загремел ключами.

— Заходи, — велел он задержанному примитиву, распахивая дверь в кабинет.

Машка с некоторым трепетом вошла в святилище закона и огляделась. В небольшой комнате поместился только облезлый стол с фотографиями обнаженных красоток под стеклом, дешевенький сейф, да пара стульев. На столе стояла допотопная пишущая машинка, граненый стакан с остатками заварки на дне, и пара обгрызенных карандашей.

— Садись, — велел Маше дознаватель Пупкин, кивнув на шаткий стул у двери, после чего уселся сам с противоположной стороны, заправил в машинку лист бумаги, и, не говоря ни слова, принялся что-то печатать.

Спустя пять минут, когда Зверева уже устала волноваться на тему своей грядущей судьбы и придумала себе кучу не самых приятных перспектив, вроде немедленного заключения в колонию строгого режима или вывода во внутренний дворик с целью расстрела, он, наконец, прекратил тарыхтеть клавишами, и равнодушно спросил:

— Скрывать имя-фамилию будем, или придумаем быстренько?

— Маша Зверева я, — ответила незадачливая полубогиня, отчего-то жутко стесняясь.

— Ну, не Иванова и то хорошо, — одобрительно заметил Пупкин, и снова начал трещать клавишами. Еще через пару минут Пупкин выдернул бумагу из машинки, откинулся на

спинку стула, и перечитал свое творение, шевеля губами. Затем служитель закона поднял голову и с прищуром глянул на Машку.

— Так, нарушение общественного порядка, нарушение правил дорожного движения, это ладно... — махнул Пупкин рукой, — а что там за лестница какая-то горящая? Подожгла лестницу, что ли?

— Да не поджигала я ничего. Мне нечем.

— А было бы чем, подожгла бы? — с неприятной улыбкой садиста-любителя спросил следователь.

Машка открыла было рот, чтобы нахамить Пупкину, но внезапно услышала какой-то странный звон в ушах. «Этого только еще не хватало», — успела подумать она с ужасом, и тут стены кабинета и фигура дознавателя стали блекнуть и размываться, словно акварельная краска под струей воды.

— Эй, девушка! Ты куда? Свиридов, бегом сюда! — это было последнее, что услышала Машка через нарастающий звон. Звон становился все тяжелее, все невыносимее. И вдруг стих — как отрезало.

Машка тряхнула головой, открыла глаза. Не было ни кабинета, ни инквизиторской физиономии Пупкина, ни облезлого стола с пишущей машинкой. Она стояла посреди той самой площадки, с которой начала спуск по огненной лестнице. Только ни лестницы, ни вида на Невский, ни открытого Портала больше не было. Был полутемный зал с огромным изваянием старикашки, а рядом стоял Шурик с изумленным выражением лица и пустым станом в руке...

— Твою мать, — выругался дознаватель Вася Пупкин, и, вытерев испарину со лба, направился к Свиридову, чтобы принять сто грамм успокоительного.

sss

Вбежав в подъезд, Шурик торопливо зашел в свою каморку, и направился в угол, где стояла старинная печка, в которой он оборудовал небольшой тайничок. Сунув руку в карман куртки, он вытащил на свет божий толстую котлету из тысячных купюр — подарок Патлатого, и несколько ярко блестящих прозрачных камней. «Вот черт, а это откуда?» — мелькнула в голове мысль, но тут же он вспомнил — «это ведь камни, которым я играл! Но почему они прозрачные? Бриллианты, что ли?» Однако раздумывать было некогда, и Шурик, вытащив из печки кирпич, сунул в открывшуюся полость пачку денег и камушки.

Снова заложив тайник кирпичом, Вепрев отряхнул руки, и направился прямо к двери в подвал. Немного постояв, чтобы глаза привыкли к полумраку, он почти бегом спустился по ступенькам в сырые вонючие недра. Там, держась за стенку, Шурик двинулся к бусыгинской кладовке, в которой все еще горел слабый желтоватый свет от дохлой 25-ваттной лампочки. Люк, через который они с Машкой давеча проникли в подземелье, был все так же призывно распахнут, и Вепрев, с трудом справившись с омерзением, стал осторожно спускаться вниз, стараясь не загреметь костями по ступенькам. В небольшой каморке внизу турецкий унитаз все так же стоял на своем законном месте — никому, в сущности, не было дела до кладовки старого неудачника.

С маху ступив на щербатые подножки унитаза, Вепрев встал орлом, зажмурился, и дернул фарфоровую ручку. Тотчас в его глазах полыхнула вспышка, и спусти мгновение Шурик больно брякнулся на жесткие каменные плитки, выстилающие пол Верхнего Мира. Открыв глаза, он увидел все тот же мрачный коридор, концы которого терялись во мраке, закопченные стены и замусоренный пол, освещаемый сполохами света от факелов. Не

раздумывая, Шурик двинулся вперед. К его неопишному облегчению проход, ведущий в тронный зал Творца Примитивов, оказался на месте. Без колебаний Шурик устремился в него, и вскоре, стукнувшись пару раз головой о потолок, вошел в зал.

Мельком взглянув на неподвижную статую Творца, Вепрев пересек зал, взобрался на круг в центре странной карусели, и опрокинул стакан над треугольником.

Из стакана тонкой струйкой потекла тягучая маслянистая жидкость, в глубине которой вспыхивали крохотные искорки, и едва она коснулась центра треугольника, в зале оглушительно громыхнуло, сверкнула вспышка молнии, и над треугольником закурился бледно-зеленый дымок. Дымок постепенно ширился, становясь все выше и гуще, и под конец превратился в крутящийся вихрь, сильно смахивающий на воронку торнадо, которую Шурик видел несколько раз по телевизору, только поменьше и зеленого цвета. Вихрь крутился все быстрее, и быстрее, издавая протяжное шипение. Так продолжалось несколько минут. В конце концов раздался громкий треск, торнадо исчезло, и в центре треугольника появилась Машка в прежнем облике нахальной и в меру симпатичной девицы, одетая в свою собственную одежду, и слегка напуганная.

— Ой, Шурик, что со мной было! — зачастила она, бросаясь к приятелю, — представляешь, меня уже собирались в тюрьму отправлять!

— А что ты натворила? — подозрительно спросил Вепрев.

— А, ерунда! — Машка небрежно махнула рукой, — ну, мента превратила в статую какого-то орангутанга.

— Ну, это пустяк, — согласился Шурик. — Сейчас главный вопрос, как отсюда выбраться-то? Мне что-то в примитивы неохота...

— Кхе, кхе, — внезапно раздалось у входа в пещеру старческое покашливание. С испугом обернувшись, парочка с изумлением узрела старикашку Бусыгина собственной персоной, одетого в потрепанный пиджачок и в ботинки на босу ногу. Морду непризнанного гения покрывала недельная щетина.

— Ой, дядя Сережа, это вы? — ахнула Машка. — Вы же померли...

Однако старикашка Бусыгин, как будто не слыша слов, обращенных к нему, только пристально смотрел на парочку, беззвучно шевеля синюшными губами.

— Так, так, так, — произнес он, наконец. — Пришли все же. Вас то мне и надо... Ключ при себе?

— Ключ? — переспросил Вепрев, и тут же спохватился. Пощупав карман брюк, он убедился, что странный ключ все еще лежит на месте, — А, ключ! Есть ключ.

— Пошли, — повелительно прошамкал старикашка Бусыгин, и, приглашающе махнув рукой, направился к выходу. Молодые люди, молча переглянувшись, последовали за ним...

sss

А в это время в питейном заведении, в панике покинутом Шуриком, вершилась сама История. Тетя Надя, подойдя к стойке, с которой проповедовал Патлатый, уперла кулаки в крутые бока, и повелительно рыкнула на проповедника:

— А ну-ка, слезай! А то щас милицию вызову!

Однако Патлатый, даже не глянув в ее сторону, продолжил верещать визгливым голосом.

— Знайте же, люди! Да! Знайте! Что! Только того! Кто пойдет по стезе праведности! Да! Праведности! Папик мой! Пропустит в рай Изысканных! Ибо Папик! Со мной заодно! И Он! Покарает всякого! Всякого, кто дерзнет поднять руку на меня, сына ега! И

развернется...

Однако решительная тетя Надя не дала распоясавшемуся Патлатому закончить пламенную речь. Она подошла к нему поближе, ухватилась за бурнус, и потащила пророка со стойки. Однако тот, слегка лишь пошатнувшись, с помощью двух пальцев показал разъяренной буфетчице козу, и она отлетела в сторону, сбив толстой задницей пару столов со всем содержимым. На пол под матюги разочарованных алкотов со звоном полетели пивные кружки и бутылки, и в пивной поднялся дикий гвалт возмущенной публики. Все кричали, спорили, ругались, а некоторые, самые практичные и отважные, забрались за стойку буфета и принялись на халяву угощаться пивом. Последнего тетя Надя стерпеть не могла, и торопливо набрала на своем мобиле заветный номер 02.

— Милиция, — тут же ответил ей на том конце приятный девичий голос.

Тетя Надя привычно и толково сообщила адрес и название своего заведения, а по существу заявила:

— Тут какой-то урод вконец разбушевался, щас все заведение разнесет!

— Ждите, — равнодушно ответила девица и отрубилась.

Ждать пришлось недолго — уже через минуту в двери заведения вошла парочка патрульных, и орлиными взорами окинула всеобщий бардак и хаос, царивший в злачном месте. Тетя Надя, поджидавшая их, забившись в угол, тотчас торопливо подплыла к блюстителям порядка и молча сунула усатому старшему сержанту пару шуршащих купюр. Тот мельком глянул на бумажки, кивнул, и спрятал в карман. Затем, не обращая внимание на гвалт, перемежаемый визгливыми угрозами Патлатого, спросил у буфетчицы:

— Што случилось-то, Степанна?

— Да вот, — запричитала тетя Надя, — урод этот приперся, ничего не заказал, залез на стойку, да так и несет херню всякую! Заступись, Павлик, сил уже нет! — тетя Надя умел всхлипнула и вытерла набежавшую слезу.

— Разберемся, — коротко ответил Павлик, и, взяв в руки рацию, нажал кнопку, и доложил:

— Товарищ капитан, бардак тут форменный, в заведении-то этом, ну, вы знаете. У одного тут крышу начисто сорвало. Забирать?

— Слушай, Кравченко, — донесся из рации недовольный голос дежурного, — ну, ты, прям, как вчера служить начал. На хуй нам здесь психи? Ты што, не помнишь, как в прошлом году один такой Потапова покусал? Психами пусть медицина занимается.

— Понял, товарищ капитан! — обрадовался Павлик, — разрешите исполнять?

— Давай, — прохрипела рация, и невидимый собеседник отрубился.

— Иди, задержи этого, — велел старший сержант своему напарнику, — а я Скорую вызову.

Напарник кивнул, и двинулся к буфету, осторожно обходя валявшуюся повсюду мебель и битое стекло. Не доходя пары шагов до Патлатого, он остановился, вытащил свисток, поднес его к губам и дунул. Результат превзошел все ожидания — едва утихла заливиная трель, Патлатый схватился за голову, и громко взвыл:

— Ахти мне, Папик! Да минует меня ширка сия! — с этими словами он рухнул на пол, и непременно сломал бы себе шею, если бы сноровистый мент не подхватил тело. Уложив Патлатого на грязный пол, блюститель порядка свел его руки за спину, и умело заковал в железо.

— Готово! — крикнул он напарнику. Тот кивнул. В этот момент на улице захлебнулась

воем еще одна сирена, и в зал вошла пара угрюмых качков в белых халатах. Один из них держал под мышкой скрученные носилки. Вслед за качками вошел молодой очкастый доктор, костистое лицо которого отображало похмельные муки и общее разочарование в жизни.

— Привет, Паша, — кивнул он старшему сержанту. — Которого братъ?

— Здоров, Женя, — бросил сержант Кравченко, и показал глазами на скованного Патлатого, — вон лежит. Буянил тут.

Доктор кивнул головой, подал знак качкам, и троица эскулапов, не спеша, приблизилась к распростертому телу.

— Больной, вы слышите меня? — спросил доктор поверженного Пророка.

Патлатый отчетливо пошевелил ушами, и перекатился на спину. Открыв глаза, он чихнул, и внезапно, словно проснувшись, снова заблажил:

— Мытари тьмы! Да, тьмы! Конкретно, конкретно базарю вам, что Папик мой, пославший меня, видит вас, и воздаст вам, и не будет вам рай Изысканных, но бросать вам Стибр в бездну навечно! Ибо аз есмь пуп земли, и отверзнется бездна, и выйдет из нее дикий Зверь, и затмит он Солнце, и

— Ясно, — бодренько произнес доктор, — дозрел клиент. — А что у нас на руках? — эскулап закатал рукава бурнуса Патлатого, и аж присвистнул, — ясненько. Еще и обширялся.

Выпрямившись, доктор поманил к себе старшего сержанта. Павлик вразвалочку приблизился, и застыл, поводя усами, и выжидательно глядя на доктора.

— В общем, наш человек, — заявил лепила, — только, Паша, бензин нынче дорог...

Павлик недовольно поморщился, но молча сунул руку в карман, вытащил одну из бумажек, врученных тетей Надей, и все так же молча протянул ее доктору. Тот, не глядя спрятал купюру в карман, и кивнул качкам.

Те умело расстелили на полу носилки, и перекатали на них тело нарушителя. Затем молча взялись за ручки, подняли ношу и потащили к выходу. Доктор и пара патрульных последовали за ними, и вся компания покинула поле битвы.

Через несколько минут столы и стулья снова стояли на полагающихся им местах, а тетя Надя, разогнав затрещинами халявщиков, бойко разливала за стойкой напитков. Жизнь заведения покатила по заведенным рельсам.

sss

Дежурившая по буйному отделению немолодая врачиха Марья Сергеевна, с утра была злой и раздраженной — сын Лешка опять был застукан за кражей отцовских сигарет, а его папаша, вместо того, чтобы заниматься воспитанием чада, заявился за полночь, пьяный и благоухающий женскими духами. Все последующие обвинения в супружеской измене он начисто отмел, утверждая, что запах исходит от его молоденькой секретарши, а «он тут не при чем». Сегодня же утром он, похмелившись сотней граммов коньяка, укатил на работу, а Марье Сергеевне пришлось явиться на дежурство по буйному отделению психбольницы.

Весь день пациент поступал тяжелый, многих пришлось стреножить в смирительную рубашку, и в отделении стоял дикий шум и гвалт. Наконец, уже под вечер, Скорая привезла особо тяжелого больного, и знакомый врач Женя вполголоса поведал Марье Сергеевне, что случай, по его мнению, безнадежный — больной вообразил себя Пророком, и пытался проповедовать в пивной. Кроме того, очевидно пристрастие к наркотикам. Сам же больной, скованный наручниками, лежал на койке и пытался обратиться в свою веру молоденькую медсестрицу Дашу — студентку-выпускницу, присланную в отделение на практику.

Вздыхнув, Марья Сергеевна назначила больному сульфур, и удалилась в каморку дежурного.

Тут же к больному подошла пара качков-санитаров, и перевернула Пророка на живот. Патлатый, внезапно присмирив, лежал, уткнувшись немигающим взором в стену, где изящным женским почерком были намалеваны вирши[B1]:

Я лежу на кровати, в смирительной белой рубаше,
Всё, что было во мне, дотла выжигает Сульфа.
Я лежу на спине, я — земля, я — Сульфара — пустыня,
Это смерч разыгрался, которому имя — Сульфа...

(М. Володина)

Подошедшая со шприцом Даша задрала на больном бурнус, и вогнала в волосатую задницу Патлатого толстую тупую иглу огромного шприца. Мутная жидкость, подгоняемая поршнем, вкатилась в казенную часть, и через несколько минут больной впал в оздоровительное беспмятство...

sss

Через три дня пребывания в лечебнице Патлатый был выписан, и по выходе из заведения растворился без остатка в недрах огромного мегаполиса. Говорят, что его несколько раз видели в кампании бомжей, обирающим городские помойки.

Так бесславно закончилась земная миссия Патлатого...

[B1]М. Володина

Снова, уже в третий раз, протиснувшись вслед за Бусыгиным и Машкой в узкий проход из зала Эрдрума, Шурик уныло поплелся вслед за ними по мрачному, тускло освещенному коридору, мерзко провонявшему нечистотами. Впереди бойко трусил Бусыгин, за ним торопливо семенила Машка, слегка ошарашенная своими похождениями. Девушка помалкивала, и только глупо улыбалась. Несколько раз она оборачивалась к приятелю, явно желая о чем-то расспросить, но каждый раз сдерживалась, и снова припускала следом за экс-изобретателем.

Хмурый Вепрев замыкал шествие. Приключения, выпавшие на долю экс-математика за весь этот долгий день, вконец его измотали, а вдобавок ко всему его начало донимать нарастающее чувство голода. Больше всего ему хотелось очутиться в своей дворницкой. Его замызганная комнатка... там даже солнце бывает по утрам, чайник, какао... В животе заурчало и забулькало. — «Пусть окажется, что все это мне приснилось, пожалуйста, Господи...» — мысленно взмолился Шурик. Внезапно что-то звякнуло, по поверхности стен прошла рябь, будто напряжение в сети прыгнуло вверх, и у Вепрева совсем не к месту мелькнула мысль, что нужно бы купить бесперебойник... но тут мир вновь качнулся — как занавес в театре, и в узкую, палец не просунешь, щель, он на мгновение увидел свой стол с раскрытым ноутом, стаканом недопитого чая и грязным носовым платком. Он рванул навстречу видению и тут же больно налетел лбом на холодную стену. — Черт! — из глаз посыпались искры, Шурик зажмурился, а когда открыл глаза, увидел все тот же коридор — длинный, узкий, бесконечный...

Желудок по-прежнему то и дело предательски издавал громкие урчащие звуки, напоминая о себе и своем предназначении, и перед глазами Шурика проплывала то тарелка пышущих паром, залитых от души сметаной, пельменей, то кусок зажаренного до коричневой корочки мяса, то кружечка холодного пива в заведении тети Нади...

От всего этого начинало мутить, а длинный нескончаемый коридор все тянулся, и тянулся, пропадая в бесконечности, а бесконечность — она бесконечность и есть, хоть беги, хоть ползи — никогда не кончается...

Наконец, когда тронный зал Творца примитивов остался далеко позади, а молчание стало просто невыносимым, Бусыгин, шаркающий впереди, внезапно остановился. Не ожидавшая такого маневра Маша ткнулась ему в спину и быстро отпрянула, смешно морща носик, а задумавшийся Вепрев чуть не налетел на подругу.

Замерший на месте Бусыгин обернулся к парочке. Его морщинистое, давно не выдавшее бритвы лицо озаряла язвительная ухмылка.

— Ну и как, понравился вам лохотронщик этот? — спросил изобретатель скрипучим шамкающим голосом, и противно захихикал.

— Урод реальный этот ваш Эрдрум! — капризно заявила Зверева, поправляя на затылке хвостик волос, оставшийся на месте пышных локонов полубогини. Ухмылочка на лице Бусыгина растянулась еще шире, едва не касаясь ушей.

— Я из-за него в та-а-а-а-кой переплет попала! — продолжила Зверева, эмоционально взмахнув рукой, и чуть не упала, поскользнувшись на лужице какой-то отвратительной слизи, — представляете, меня из-за него менты чуть на крытку не засадили!

Произнеся эти слова, Машка внезапно осеклась, и изумленно уставилась на Шурика

красивыми расширенными глазами.

— Ты чего? — спросил Шурик, — что случилось?

Бусыгин, спрятав свою ухмылку, тоже заинтересованно уставился на девушку.

— Саш, а как я обратно попала? — на лице Маши читалась растерянность, — я в ментовке сидела на допросе, он мне все какую-то муть впаривал про статьи, и тут вдруг все вокруг ка-а-а-а-к завертится, завертится, и меня словно в водоворот засосало. И я опять, блин, раз — и уже здесь.

Бусыгина, похоже, не удивило то, что рассказала девушка — он только махнул рукой, и принялся что-то высматривать на полу, выложенном щербатыми каменными плитами, а Вепрев, у которого все минувшие приключения уже сидели в печенках, недовольно пробурчал:

— Знаешь, мать, давай потом. Вас равно не поверишь. И вообще, я жрать хочу.

С этими словами экс-математик повернулся к Бусыгину:

— Куда мы идем-то? У меня живот уже к позвоночнику прилип!

— Ну ладно, потом расскажешь, — смилостивилась Машка, и тут же пожаловалась Бусыгину, — дядь Сереж, а мне тоже кушать хочется!

— Щас доберемся, потерпите, — прощамкал Бусыгин, который явно что-то выискивал среди пыльных плит, выстилающих коридор, — я тут себе схованку устроил. Там и сообразим пожрать.

И экс-ученый принялся медленно, в раскорячку передвигаться вглубь зловеще темнеющего коридора, что-то пристально высматривая на загаженном полу.

— Айн момент..., - бурчал он себе под, нос, не обращая внимания на молодых людей, робко жавшихся у него за спиной, — щас все покажу. Увидите, как я тут устроился. А то, небось, думаете, что тут да как... А нормально все, нормалек... хе-хе...

Двигаясь вслед за изобретателем, молодые люди прошли еще несколько метров, когда, наконец, Бусыгин остановился возле выщербленной плиты, на которой кто-то красной краской намалевал крест, и довольно хихикнул. Затем, шаркая истоптанными туфлями по пыльному полу, изобретатель засеменил к находке. Машка с Шуриком, стараясь ничему не удивляться, с интересом наблюдали за манипуляциями непризнанного гения.

Бусыгин, несколько раз повозив ногой по загадочной плите, вдруг топнул по ней с такой силой, как будто собирался раздавить жирного таракана. Под полом что-то громыхнуло, и внезапно плита с оглушительным треском, словно обложка книги, откинулась, обнаружив под собой крутую винтовую лестницу, уходящую глубоко вниз. Из узкого хода на путников пахнуло едкой затхлостью. Машка зябко поежилась, а Вепрев хмыкнул.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — Бусыгин приглашающе махнул рукой и, не дожидаясь, пока парочка наберется решимости, ловко юркнул в чернеющий проход.

— Люк за собой прикройте, — крикнул он снизу, обернувшись, — а то ходят тут всякие...

Шурик и Машка осторожно приблизились к краю люка, и заглянули вниз. Там, уже довольно глубоко, едва виднелся плешивый затылок экс-гения. Молодые люди нерешительно переглянулись.

— Пойдем? — робко спросила Маша, со страхом глядя вниз.

— У тебя есть другие предложения? — Шурик не знал, что делать и злился на подругу: кабы не ее настырное любопытство, сидел бы он сейчас в дворницкой, попивал чаек и шастал по сети. В голове снова шелкнуло, неясная догадка, легкая, как дыхание бабочки,

вспорхнула и пропала, раньше, чем он что-то понял.

— Пойдем, — буркнул Вепрев, — давай, ты первая я люк прикрою!

Маша осторожно ступила на каменную ступеньку и начала спускаться. Оставшийся один Вепрев еще раз оглядел мрачную тьму в обоих концах коридора, сплюнул, и последовал за подругой, не забыв с грохотом захлопнуть люк.

Спускаться пришлось по узким и крутым ступенькам, покрытым омерзительной слизью, которая густо облепляла ржавые шаткие перила, стены, сложенные из неотесанного серого камня, и низкий потолок, с которого за шиворот то и дело капала какая-то дрянь, отчего Вепрев каждый раз непроизвольно ежился. Шли долго, почти на ощупь, хотя полной темноты не было — узкий, душный тоннель, винтом уходящий в мрачные глубины, слабо освещали пятна фосфоресцирующей плесени на стенах. Пару раз Маша поскользнулась, и если бы не Вепрев, обязательно загремела бы вниз по лестнице.

Но всему рано или поздно приходит конец, и примерно через полчаса спуска все трое потные, грязные и вконец измученные долгим путешествием неожиданно уперлись в расхлябанную деревянную дверь. Облупленная серая краска, ржавые петли и широкие щели между гнилыми досками говорили, что ей давненько не пользовались. Бусыгин обернулся, заговорщически подмигнул своим попугчикам и театральным жестом толкнул дверь. Она нехотя, с протяжным душераздирающим скрипом отворилась и глухо стукнулась о стенку. Тут же в нос ударила ужасная вонь протухшей пищи, плесени, прокисшего пива и общественного сортира. Внутри комнаты стояла крошечная тьма. Бусыгин что-то буркнул, сделал шаг вперед и пропал. В течение полутора минут его не было ни слышно, ни видно, но затем послышалось чирканье спичек, и в проеме двери вновь показался гений-изобретатель, державший в руках огарок толстой свечи, испускающей болезненный красноватый свет.

— Ноги, ноги вытирайте, а то лазили по всякому дерьму, земному и небесному, — визгливо потребовал старикашка, несмотря на то, что пол убогой каморки, видневшийся за ним, и так был густо засыпан хламом и мусором. Тут и там валялись тряпки, скомканные и изорванные бумажки, пустые бутылки, сухие листья, клубки ниток и много еще чего, что разобрать с первого взгляда было невозможно. Вепрев заметил даже несколько дохлых крыс, прикорнувших в одной из кучек мусора.

Однако оробевшие Машка и Шурик не стали спорить с непризнанным гением. Послушно вытерев ноги о драный полосатый половичок, они дружно шагнули внутрь берлоги Бусыгина, и огляделись в тусклом свете свечи.

Хованка Бусыгина оказалась убогой каморкой примерно пять на пять метров, оклеенной засаленными обоями в голубой цветочек, посреди которой раскорячился колченогий столик, застеленный рваной газеткой «Труд». Столик был завален рыбьими костями, банками заплесневелой тушенки, корками хлеба, и прочими огрызками. В центре этого натюрморта гордо возвышалась початая бутылка портвейна «777», а рядом с ней, в луже разлитого вина, покоился грязный граненый стакан с дохлой жирной мухой на треснувшем доньшке.

К столу были приставлены два ветхих стула с облезшей от времени обивкой. Садиться на них вряд ли кто-то рискнул бы, да они, по всей видимости, для этого и не предназначались. Один служил вешалкой для немногочисленной одежды хозяина, а второй был завален бумагами, исписанными мелким, неровным почерком и густо покрытыми замысловатыми чертежами. Всю эту кипу бумаг венчал тяжеленный механический арифмометр «Феликс» со сломанной ручкой. Остолбеневшая Машка с удивлением

рассматривала непонятный прибор и весь этот бедлам.

В дальнем левом углу каморки чернел большой шкаф, сделанный, наверное, полвека назад, и весь покрытый затейливой резьбой. На даче у Машкиной бабушки стоял почти такой же — в резных завитушках, с зеркалами на дверцах во весь рост. Только вот зеркало у Бусыгинского шкафа было давным-давно разбито, и лишь кое-как вкривь и вкось склеено синей изолентой. — «Плохой знак», — подумалось Машке. Раньше она совсем не верила во всякие там приметы, но сейчас, в этой жуткой обстановке, зеркало почему-то внушало смутное ощущение страха.

Самым непонятным было то, что шкаф как бы и вовсе не принадлежал этой комнате: в его тусклом зеркале, как будто накрытым серым густым туманом, постоянно мелькали какие-то смутные образы, пропадающие тени, контуры пещеры, заваленной костями, и прочая жуть, но только не отражение комнаты. Не видно было даже огонька свечки, которую Бусыгин успел угнездить на столе, перевернув вверх дном пустую консервную банку. Казалось угол жил своей, отдельной от комнаты жизнью, не обращая внимания на присутствующих.

В правом дальнем углу берлоги находилась крашенная железная кровать с продавленной панцирной сеткой. Можно было подумать, что на ней недавно спал бегемот, настолько растянулась проржавевшая проволочная конструкция. Подушки не было — кровать была небрежно застелена жутким рваным полосатым половиком. — «Наверное, когда-то он лежал на месте этого» — подумал Вепрев, оглядываясь на коврик, встретивший их у двери. В головах Бусыгинского одра вместо подушки лежала пара вонючих крестьянских валенок.

Над этим ложем непризнанного гения призывно улыбалось засиженное мухами изображение голыш блондинки с накачанной силиконом грудью и призывно раздвинутыми толстыми ляжками. Приглядевшись, Шурик определил, что это вообще-то календарь, но десятилетней давности. Лет десять назад он выпросил такой же плакат у школьного приятеля — и взамен целую четверть решал за него контрольные задачки по математике.

Сразу слева от входной двери угол был занавешен рваной занавеской землистого цвета, бывшей когда-то шикарнейшей портьерой. Из-за нее доносилась убойная сортирная вонь, недвусмысленно сообщавшая, для каких надобностей отводилась Бусыгиным данная часть помещения.

— Проходите, проходите, гости дорогие, — с небольшим опозданием радушно пригласил старикашка Бусыгин оробевшую парочку, топтавшуюся у порога апартаментов, — чего у дверей-то толпу создавать! Располагайтесь!

После чего, как будто начисто позабыв про гостей, кандидат наук, покачиваясь, мелко просеменил к столу. Там он жадно схватил бутылку портвешка, дрожащей рукой набуровил полстакана отравы, и тренированным жестом забросил дозу в беззубую пасть, не обращая внимания на плавающее сверху дохлое насекомое. Маша поморщилась — ей стало противно. Проглотив лекарство вместе с мухой одним глотком, кандидат наук сладко рыгнул, вытер грязным рукавом слюнявые губы и слегка оживился.

— Так, значит, развел таки вас Эрдрум на примитивов? — игриво спросил старикашка, подмигивая.

— Ага, — тупо ответил Шурик, неуверенно переступая порог. Машка промолчала, только морщилась от кислой вони, стоявшей в каморке, и часто-часто хлопала ресницами. Она всегда хлопала ресницами, когда ей было что-то особенно неприятно.

— Во, старый козел! — мерзко захихикал Бусыгин, которого начало быстро развозить, — все ему нейдет. Небось, уржался до уписки, глядя на ваши трепыхания. Я-то давно открыл способ туда-сюда путешествовать. Да вот хотя бы за стратегическим запасом, — ученый муж любовно поднял бутылку и чмокнул ее в бочок, прямо туда, где на этикетке горели немигающим красным огнем три магических числа 777, словно неоновая реклама на супермаркете.

— А как, как, дядя Сережа? — оживившись, заинтересованно взглянула на экс-изобретателя Маша. Ей не терпелось узнать все подробности, но старикашка, словно не услышав вопроса, ловким жестом фокусника налил себе еще один стакан, и тут же залпом осушил его до дна. Едва последняя капля нектара упала в пищевод кандидата наук, как он перевел на девушку осоловелые глаза, и как-то странно зашатался. Затем, хрипло выкрикнув — «За Родину, за Сталина!», экс-гений вырубился и упал плашмя мордой на заплыванный пол, чуть не разбив плешивую башку об угол стола. Тут же с пола стал доноситься тонкий свист, переходящий в хрюканье — великий и могучий изобретатель Межпространственного Портала, кандидат технических наук Сергей Владимирович Бусыгин спал мертвецки пьяный, уткнув морщинистое рыло в кучу мусора.

Вепрев понимающе хмыкнул, глянув на тельце пьяного гения, распростертое у него под ногами. Для верности Шурик слегка потыкал Бусыгина по ребрам носком ботинка. Тот дернулся, что-то промычал и снова отрубился.

— Тупо спит, — констатировал экс-математик, и поднял глаза на Машку, — надо бы его переложить на кровать.

— Да я к нему даже прикасаться не хочу! — капризно фыркнула девушка.

— Надо Маша, надо. А то будет тут под ногами путаться.

Машка пожалала плечами и, мученически вздохнув, приблизилась к телу, примеряясь, как бы удобнее ухватиться.

— Чур, я за ноги!

— Да хоть за хуй! — махнул рукой Вепрев, и подошел к голове Бусыгина.

— Ну, взялись!

Брезгливо морщась, молодые люди ухватили тщедушную тушку хозяина коморки за руки и за ноги, и, не слишком заботясь о его сохранности, потащили к кровати. Голова изобретателя стукнулась о ножку стола. Бусыгин, казавшийся до этого мертвым, от такого бесцеремонного обращения на миг пришел в себя, и заплетающимся языком проговорил:

— Г-г-г-дееееу, я-яя, маа-маа?

— Спи, — цыкнула на него Машка, и голова ученого опять бессильно поникла на цыплячьей шейке.

Дотасив тело изобретателя до кровати, молодые люди плюхнули его на грязный драный половичок, служивший матрасом. Сетка жалобно скрипнула, и ученый, едва приземлившись, тотчас принялся тоненько, с присвистом, храпеть.

Маша перевела взгляд на Вепрева.

— И что дальше будем делать?

— Давай сваливать из этого дурдома, пока целы, — решительно предложил Вепрев, брезгливо вытирая ладони об джинсы. — Авось, сами дорогу назад найдем.

— А по-моему, лучше подождать, — возразила Маша, кивая на тело храпящего экс-ученого, — пусть он сначала прочухается, а дальше нам подскажет хотя бы в какую сторону сматываться надо.

— Как бы он с похмела стороны не перепутал, — съязвил Шурик, которому до смерти не хотелось оставаться в мрачноватой вонючей каморке.

— А ты дорогу знаешь? Вот! Так что хочешь — не хочешь, а надо ждать!

Шурик поразмыслил. Действительно, дорогу назад он не знал, а блуждать одному в потемках по сети коридоров было делом безнадежным, да и бросать Машку в каморке Бусыгина не годилось. И Вепрев сдался.

— Ладно, черт с ним, подождем, — махнул он рукой, и тут же предложил подруге, — только знаешь что, мать, давай осмотримся, че тут у него есть, может, и сами разберемся, как выбраться.

— Ну, ты поищи, а я пойду, расчешусь, а то волосы, небось, совсем растрепались, — согласилась Маша, и направилась в сторону шкафа.

— «Эх, бабы!» — подумал Шурик, и окинул взглядом комнату, решая с чего бы начать. Для начала он подошел к ширме, из-за которой на всю комнатку разносились запахи вокзального сортира. За липкой занавеской оказался до отвращения загаженный унитаз. Сочащийся, проржавевший бачек уже отделился от стены и грозил в любую минуту обвалиться. Но сверху свисала знакомая цепочка с фарфоровой ручкой.

В голове Вепрева мелькнула шальная мысль о предыдущем подвиге, и он брезгливо дотронулся до ручки. «А может, один рывок...» Он представил, как закрутится в новой воронке и — неизвестно еще, где выплывет, да и Машка, да и кто его знает, что это за штуковина? Может, обычный сортир! Наверное, лучше не рисковать, потому как дед этот псих реальный, и кто знает, что он с этим унитазом сделал?»

Поэтому Вепрев решил судьбу больше не нервировать. Он аккуратно задернул занавеску поплотнее, как будто это могло помочь в предотвращении распространения вони по всей каморке, и опять принялся разглядывать комнату. На этот раз его внимание привлекла полка, висящая на стене возле кровати. «Откуда она здесь взялась? Вроде же не было ее? Или меня уже клинит?» — спрашивал он сам себя, пока шел.

На криво подвешенной к стене полке валялось куча железяк, битого стекла, одна целая колба, и газовый ключ. В самом углу полки Шурик нашел завернутую в газету, черствую, но вполне съедобную буханку хлеба. В животе Вепрева, который ничего не ел почти сутки, активно забурчало, и, недолго думая, он решительно реквизирует буханку. Хлеб греет душу, ну а в скорости еще и успокоит желудок...

И вдруг он услышал за спиной дикий вопль Зверевой.

sss

Машка подошла к зеркалу и стала с интересом вглядываться в него. «Что за бред...» — она решительно ничего не понимала. К своему изумлению, вместо собственного отражения она увидела лишь густой серый туман, клубящийся за грязным треснутым стеклом. Завороженная этим зрелищем, девушка даже не заметила, как в зеркале появилась сначала чья-то тень, а потом и ее владелец. Черная волосатая фигура с рогами на голове стояла напротив и молча буравила ее своими красными глазами. Чудовище стояло неподвижно, кривые ноги как будто приросли к каменному полу, а руки опущены вдоль туловища.

Внезапно тварь из зазеркалья принялось ритмично покачиваться из стороны в сторону, и Зверева сама не заметила, как начала качаться вместе с ней. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, дыхание захватило, закружилась голова, захотелось обнять, прижаться, слиться — бессознательно она протянула руку к зеркалу, замороженная неведомой силой. Рука встретила твердую поверхность стекла, и пламя свечи, стоящей за

спиной девушки, начало колебаться, как от порывов ветра, которого в маленьком закрытом помещении просто не могло быть. Туман в зеркале стал рассеиваться и за спиной странного существа открылся ужасающий вид, достойный ночного кошмара — мрачные своды темной пещеры, на каменном полу которой валялись черепа и кости людей и животных, а в самой глубине мерцал огромный алтарь, залитый кровью...

Давящая тишина как будто накрыла Машу колпаком, сквозь который не мог прорваться даже храп старикашки Бусыгина, и Тварь протянула свою руку навстречу Машиной. По поверхности зеркала пошли круги, как по водной глади, и вдруг Маша почувствовала, что ее рука начинает погружаться в зеркало. И в тот миг, когда их руки встретились, черный двойник схватил ее мертвой хваткой — Маша явно почувствовала как на ее запястье ледяными кольцами сжимаются холодные липкие пальцы. Тотчас же порождение зазеркального ужаса с неудержимой силой потащило девушку к себе, по ту сторону реальности.

До смерти перепугавшись, Зверева пришла в себя, и попыталась вырвать руку из хватки отражения, но не тут-то было — неведомая тварь держала цепко. На Машу накатила волна смертельного ужаса, и девушка принялась тянуть руку изо всех сил, упираясь коленями и свободной рукой, но зеркало только плавно вспучилось, и неожиданно черная фигура начала выходить из Зазеркалья, проталкиваясь вперед подобно змее, быстро-быстро, издавая чмокающие звуки, словно сапог, вынимаемый из грязи.

— Сашка! — отчаянно заорала Маша, — Вепрев, помоги!

Вепрев, вздрогнул, услышав вопль подруги. Он резко обернулся, едва не свалившись на пол, мгновенно оценил обстановку, и бросился на выручку к Машке. В этот момент рогатая голова отражения уже вылезла из зеркала, с утробным рыком оскалилась, и начала мотаться из стороны в сторону, едва не задевая Машку огромными рогами и осматриваясь вокруг. Маша все пыталась вырваться, с трудом отклоняясь от качающихся рогов и зловонного дыхания порождения зазеркального Ужаса.

Схватив, не раздумывая, первое, что попало под руку, — бутылку с остатками портвейна со стола, Вепрев подлетел к чудищу и, еле увернувшись от страшных когтей, со всего маху врезал по рогам Твари. Зазвенело стекло, осколки бутылки и брызги бусыгинского пойла медленно, будто кто-то притормозил невесомые секунды, полетели по комнате крохотными зародышами галактик. Несколько кроваво-красных пятен портвейна, описав дугу, шлепнулись на морду монстра. Неожиданно черное существо скорчилось, взвыло и в припадке охватившей его судороги, ослабило мертвую хватку своей лапы, удерживающей пленницу.

Шурик воспользовался мгновением, схватил перепуганную девушку за руку и рванул на себя. Время тут же полетело с обычной скоростью, и чудище лязгнуло страшными когтями там, где только что стояла Маша.

— Валим! — только и успел крикнуть Шурик Машке, хватая ее за руку и таща за собой к двери. Напоследок он мельком глянул на храпевшего кандидата наук, потерявшего остатки портвейна во спасение Машки, и опрометью выскочил вслед за подругой вон, захлопнул хлипкую дверь каморки, а затем помчался по лестнице, наверх, к выходу, ничего не видя и не слыша. Машка, до того поскальзывавшаяся, теперь летела как лань по горным уступам — легко, и сердце, не останавливающийся моторчик, стучало в груди ее — тук-тук, тук-тук. И все было бы ничего, если бы все это закончилось для них прямо сейчас, и они убежали прямо во двор своего дома, где они столько раз целовались на лавочке возле кустов. Но, к

несчастью, лестница эта вела их не во двор, а все в тот же мерзкий коридор, из которого они пришли, и в который теперь возвращались. Впрочем, сейчас им было главное добежать хоть куда, лишь бы живыми.

Неизвестно, сколько времени продолжался их подъем, но только когда они, потные и загнанные, выскочили из заплесневелого прохода в тот самый коридор, Шурик подумал, что поднялись они намного быстрее, чем спускались. Тут же, убедившись, что никто за ними не гонится, он со всех сил навалился на откинутую крышку проклятого люка. Тяжеленная плита захлопнулась с оглушительным грохотом, и совсем растворилась бы среди других плит, выстилающих грязный пол, если бы не кроваво-красный крест, отмечающий вход в хованку Бусыгина.

В изнеможении Маша, не обращая внимания на вездесущую сырость и грязь, опустилась прямо на пол и закрыла перепачканными руками лицо. Ее слегка потряхивало, а Шурик стоял рядом с ней и пытался отдышаться, упершись ладонями в колени. После минутной паузы экс-математик пришел в себя.

— Фу, ч-черт, пронесло, — облегченно вздохнул он, утирая пот со лба. — Только назад нам теперь уже не вернуться!

Маша взглянула на него, потирая саднящее запястье, на котором четко проступили темные следы от мертвой хватки чудовища.

— А как же дядя Сережа? — тревожно спросила он, взглянув на ноющую руку, — он же там остался, вдруг эта Годзилла его сожрет?

— Да пошел он на хуй! — рассудительно выдохнул Вепрев и поморщился, поскольку этот вопрос его меньше всего сейчас волновал, — четы, мать, дергаешься? Пусть полежит, авось оклемается! И ваще, в нашем мире он давно лапами щелкнул. И даже могилка у него есть, и памятник железный, серебрянкой крашенный. Забыла?

— Ну да, правда, — вздохнула Машка с кислым лицом, — и че нам теперь делать-то?

— Че, че! — передразнил Вепрев, — а через плечо...

Он тряхнул головой, и уже мягче предложил пытающейся захныкать Маше: — Ладно, мать, пошли в тот конец коридора, может, там есть выход.

— Ну, а как же дядя Сережа? — напомнила жалостливая Маша, строя бровки домиком. — Вдруг этот урод черный с ним что-нибудь сделает?

— А, да успокойся ты уже, — Вепрев бесшабашно махнул рукой, — ну, кому он ваще нужен-то? И потом, ты сама видела, как эта штука портвешка боится! На, вот, лучше поешь малость, — Вепрев через колено разломил буханку, и, присев рядышком, протянул девушке большой кусок, — у дедка этого нашел, пока ты того чувака из зеркала выманивала.

Маша взяла ломоть когда-то отличного хлеба, и осторожно откусила кусочек. Хлеб был хоть и черствый, но все еще вполне съедобный, и за пару минут молодые люди слопали его без остатка.

— Болит рука? — дожевывая хлеб, поинтересовался Вепрев, кивнув на темные пятна, четко проступившие на руке подруги.

— Угу, — вздохнула Маша, дотрагиваясь пальцами до запястья, — знаешь, такое ощущение, как будто обожгла кипятком.

— Ну, руки не ноги, — рассудил Вепрев, — на них тебе не ходить!

— Ну да, — улыбнулась Машка.

— Ну, значит, потопали! — Шурик поднялся, помог встать Маше, и голосом, исполненным оптимизма, которого он не чувствовал, заявил, глядя в беспросветную даль

коридора:

— Кажется, все-таки с левой стороны пришли, — и решительно повернул направо. —
Потопали!

sss

Топать пришлось долго, даже слишком долго. Каменные плиты пола далеко разносили эхо их шагов повсюду, мусор валялся под ногами и не давал спокойно пройти, и молодые люди то и дело спотыкались. Факелы на стенах мало помогали, в их свете не было видно даже пола. То и дело по пути встречались входы в узкие боковые коридоры, уводящие куда-то в кромешную тьму, откуда постоянно доносились жуткие шорохи и завывания. Потолок постепенно уходил вверх, и вскоре совершенно скрылся в густом мраке, который не в силах были разогнать редкие факелы. Вскоре там, на высоте, наверное, метров десяти, что-то начало противно скрежетать и повизгивать, как будто там вращались плохо смазанные шестеренки, то сматывая, то разматывая бесконечный коридор...

Наконец, минут через сорок хода, впереди неясно забрезжил желтый свет, и молодые люди, пройдя еще пару десятков метров, уперлись в колоссальную дверь, окованную золотыми панелями, богато украшенными замысловатой насечкой и драгоценными камнями. Узор из переплетенных цветов и крылатых драконов тянулся из края в край, словно огромная спираль, туго стянутая пружина — завиток к завитку, золотые лепестки, золотые листья, золотая чешуя крылатых гадов и горящие красным и синим огнем глаза фантастических тварей.

Дверь была плотно заперта, и вместо ручки в ней торчал огромный фаллос, под которым виднелась щель, похожая на замочную скважину.

— Ой, Шурик, посмотри, — показала Машка на «ручку», и захихикала.

— Ну, вот, уже что-то... — пробурчал Вепрев, — может, там что-то найдется.

— Шурик, — восхищенно воскликнула Зверева, — а ведь это драгоценные камушки! — девушка попробовала отколупнуть огромный бриллиант, торчащий в середине узора на одной из златокованных пластин. Однако у нее ничего не вышло — как и в зале старикашки Эрдрума, здесь тоже все было сделано на века или, как минимум, требовало основательной воровской подготовки.

— Нет в жизни счастья... — огорчилась Зверева, — такая же ерунда...

— Не ссы, Маша, — небрежно успокоил Шурик подругу, — щас отколупнем!

Вепрев вытащил из кармана ключ, и поддел бриллиант. Тот легко выпал из обоймы и покатился по полу. Машка взвизгнула, резво кинулась вслед за ним, и на ходу подхватила сверкающий камушек.

— Какой краси-и-и-вый, — восхищенно протянула она, любуясь игрой света на отличной огранке. — Дорогой, наверное! Саш, а Саш, а на Турцию хватит? — мечтательно спросила девушка.

— Ага, и не на одну! — рассеянно согласился Вепрев, возившийся с дверью, и раздосадовано добавил, — только толку здесь от этого камня — ни шиша.

— Шурик, а ты попробуй открыть дверь бусыгинским ключом, — невзначай посоветовала Машка, заботливо пряча бриллиант в карман.

Вепрев изумленно глянул на подругу, но потом снова вытащил ключ из кармана, и недоверчиво посмотрел на скважину в двери. По размеру она вроде бы подходила под ключ, и Шурик решительно вставил его в дырку. Ключ вошел в скважину удивительно легко, — «как презерватив в смазке» — мелькнула в голове математика дурацкая мысль, — и тотчас

раздался мелодичный звон, словно где-то вдаль кто-то невидимый заиграл на хрустальных колокольчиках тихую нежную мелодию, от которой сердце зашлось в сладкой — будто малиновое варенье — истоме. Вепрев повернул ключ, мелодия зазвучала громче, внутри двери что-то щелкнуло — он замер — но дверь не шелохнулась, не скрипнула даже, и колокольчики, нестройно звякнув несколько раз, замолчали. Тишина.

— И че дальше? — недоумевающее задал Шурик вопрос самому себе.

— Какой ты недогадливый, Саша, — упрекнула приятеля Маша, — надо ручку повернуть!

С этими словами Зверева схватилась за огромный фаллос, видимо, заменявший ручку, и слегка повернула. Снова раздался мелодичный звон, и створки двери чуть-чуть приотворились.

— Ну, вот видишь! — с победными нотками в голосе заявила Маша, и, отпустив ручку, восхищенно добавила с нотками упрека, — какой огромный! Вот бы тебе такой! — и снова захихикала.

В другое бы время Вепрев нашелся бы, что ответить, но сейчас он только хмыкнул, и, ни слова не говоря, ухватился обеими руками за столь восхитивший Машку стержень, и потянул на себя. Створка циклопической двери начала плавно растворяться, поворачиваясь на колоссальных петлях абсолютно бесшумно, что было при её размерах и вероятном возрасте весьма необычно. В ширящемся проеме перед глазами парочки стало открываться какое-то обширное помещение, ярко освещенное все теми же чадными факелами.

Не решаясь войти внутрь, молодые люди застыли на пороге, опасливо разглядывая необычную обстановку в появившемся перед их взорами колоссальном зале.

— Ой, Шурик, — опасливо прошептала Машка, — куда это мы попали?

Вепрев промолчал, подозрительно рассматривая помещение. После всего, что он уже увидел за последнее время, особого удивления экс-математик не испытывал, хотя подивиться было чему. Вдоль стен громадного зала, богато украшенных фресками, неподвижно сидели какие-то пузатенькие мужички, одетые в желтые балахоны и с тубетейками на головах. У каждого в ушах красовались золотые сережки, лица были напудрены, брови тщательно выщипаны и подведены, а толстые выворотные губы густо намажены. — «Пидоры, что ли?» — подумал Шурик. Перед каждым пузаном стоял огромный, со стоведерную бочку, барабан, окованный золотом, с буквой «П» на боку, на которых лежали две толстенные палки.

— А кто это там? — Машка показала в дальний конец зала. Шурик глянул, и оторопел. В глубине зала, метрах в двадцати от входа, стоял огромный постамент, с которого на них тарацилось кошмарное существо, похожее на трехголового китайского дракона или Змея Горыныча. Существо вальяжно развалилось на колоссальном золотом троне — размерами дракон был не меньше слона, а его чешуйчатая шкура, переливаясь в свете факелов многоцветным радужным ковром, словно полярное сияние, отбрасывала на стены мириады веселых зайчиков. Головы чудища, каждая размером с пивную бочку, были увенчаны острыми коровьими рогами, а с обеих сторон огромных пастей свисали моржовые усы и устрашающе торчали острые клыки. Средний коготь каждой из лап великана украшало кольцо с бриллиантом, размер которого в несколько раз превышал тот, что лежал у Машки в кармане. Довершали ансамбль огромные, как у карточного короля, короны, венчавшие головы, причем у средней, по всей видимости, главной, голове чудища в короне сверкал огромный красный рубин. Семи своими шестью красными глазами тварь тарацилась на

незванных пришельцев, и взгляд ее не предвещал ничего доброго...

— Ух, ё... — только и смог вымолвить Вепрев. Однако дракон не был самым удивительным существом в зале. Позади дракона, в здоровенном затемнённом алькове сидела в позе лотоса статуя голого мужика с покрашенными губами и веночком на голове. Из ушей мужика свисали огромные золотые сережки, а глаза скрывали непрозрачные черные очки. «Видать, какой-то божок...» — мелькнуло в голове Вепрева. Что-то отвратное было во всем его облике, словно что-то непонятное, позорное и ненужное: разукрасили морду, окружили придворными и засунули в дальний темный угол, чтобы не мешал, не болтался под ногами, и — по возможности — не высовывался. Казалось, его лицо предупреждает всякого, стоящего на пороге: «Не входи, не нужно».

Шурик взял Машку за руку, и попятился было назад, но было поздно. Их заметили. Едва завидев визитеров, толстые болванчики, сидящие вдоль стен, одним движением подняли свои палки и принялись усердно лупить по барабанам, дружно скандируя визгливыми голосами не то приветствия, не то угрозы. Звуки человеческих голосов и барабанных ударов эхо разносило по всему залу, отражало, потом выталкивало в коридор, по дороге оглушая сладкую парочку, стоявшую в оцепенении и, несмотря на грохот, не пытавшуюся заткнуть уши руками.

Горыныч, величественно покачивая головами, выждал, когда пузатые человечки немного выдохнутся, — а ждать пришлось минут десять, мужички явно наловчились управляться с барабанами за свою долгую музыкальную карьеру, — после чего взмахнул огромным хвостом — мириады огней заплясали по стенам, оживляя фигуры на фресках — и величественно поднял когтистую лапу.

Тотчас в зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только треском огня факелов. Даже эхо подчинилось его жесту и смолкло где-то в отдалении. И тогда средняя голова дракона торжественно проревела, указывая огромным когтем на обалдевшего Шурика:

— Демоны Перековки! Поклонимся Великому Мастеру Ключа, ибо истинно, истинно базарю вам, сие есмь отрок, огонь Славы несущий! Прииди к нам, Спаситель!

Повинуясь призыву, пузанчики мигом побросали свои стукалки, выбежали из-за барабанов и выстроились в ряд перед входом, прямо напротив обалдевшей парочки. Несколько секунд они безмолвно таращились на Вепрева, и вдруг дружно возопили: «Агинерра! Ухмрр!» — и дружно повалились ниц, уткнувшись крашеными рожами в грязный каменный пол. Прележав с задранными вверх задницами, будто страусы, несколько секунд, они выпрямились, и снова провыли свое заклинание:

— Агинерра! Ухмрр!

— Ну, мать твою, — выругался Вепрев, — и этих шиза косит!

Трижды прокричав заклинание, мужички выстроились в два ряда в направлении прохода, ведущего к трону дракона, и принялись усердно кланяться молодым людям, делая приглашающие жесты руками. В зале повисла тишина.

— Не, ну ваще-е-е-е-е, — протянула Машка, — Шурик, они нас как бы внутрь зовут!

— Похоже, — согласился Вепрев, — пошли, мать, перетрём базар с этим крокодилем.

Вепрев решительно шагнул в зал и направился к трону с драконом. Машка последовала за ним, опасливо поглядывая на упитанных мужичков, которые не переставали кланяться словно заведенные.

— Стойте! — вдруг донесся со сторон коридора шамкающий голос Бусыгина, — не ходите туда!

Вепрев на секунду притормозил, и обернулся. В проеме двери нарисовался очнувшийся старикашка Бусыгин, злой и трезвый. Его маленькая фигурка казалась еще меньше на фоне огромных дверей, а под правым глазом гения-изобретателя наливался кровью могучий фингал — видимо, схватка с черным Демоном Зазеркалья, напугавшим Машу, не обошлась без потерь.

— Не ходите туда, — взвизгнул старикашка, — сожрет!

Но было поздно — дракон что-то рыкнул, и пара упитанных мужичков, выскочив из строя, быстренько подбежала к двери. Один из них наподдал старикашке Бусыгину могучего пинка под зад, от чего тот кубарем полетел по коридору, а второй толстяк мигом захлопнул дверь. Огромные створки сошлись, звякнули колокольчики, и ловушка захлопнулась. Сразу после этого строй мужичков рассыпался — все они, сломя голову, помчались к своим барабанам, сноровисто расселись по местам, и замерли, подняв вверх барабанные палочки.

— Во, блин, опять влип! — с досадой пробормотал Шурик, поворачиваясь к трону. Дракон, сидящий на нем, умильно улыбался во все свои три морды, маня молодых людей когтистым пальцем.

— А первый раз когда? — с интересом спросила Машка, — в смысле влип?

— После расскажу, — раздраженно прошипел Вепрев, припомнив встречу с крысоящерами под пещерой Эрдрума, — пошли к ихнему пахану, деваться, блин, некуда.

И молодые люди опасливо приблизились к постаменту, на котором восседало трехголовое чудище. Вблизи стало заметным, что постамент под тронем Горыныча высечен из цельного куска какого-то черного камня с розовыми прожилками, и отполирован до блеска — можно смотреться как в зеркало. И Маша не удержалась, заглянула — с опаской — но ничего ужасного не увидела: длинные ножки, стройный силуэт — восемь баллов из десяти за красоту! Вепрев разглядывал врезанные в камень двери — ровно три — из чистого золота — украшенные узорами и драгоценными камнями: те же листья, те же змеи, что и на входе, скрученные в тугую спираль.

— Наконец, сбылось пророчество Великого Бога Педрило! — взревел дракон, взвиваясь головами под потолок, — Ликуйте, Перековщики!

Упитанные мужички со всех сил забили по своим барабанам, и принялись завывать визгливыми голосами кастратов:

— Слава Великому Педрило! Трижды и три да святится в Вечности имя ега!

Шурик и Машка недоуменно переглянулись.

— Саша, че это они? — дрожащим от страха голосом спросила Зверева. Вепрев в ответ только пожал плечами, и обратился к Горынычу:

— Скажите пожалуйста, куда это мы попали?

Однако дракон, не обращая внимания на слова молодого человека, обернулся назад и рыкнул кому-то невидимому, скрывавшемуся в огромном алькове за его спиной:

— Эй, Носильщики Наковальни! Несите Священную Наковальню!

Две других головы неотрывно следили за молодой парой.

Повинуясь драконьему рыку, из-за статуи великого бога Педрило в алькове с лошадиным топотом выкатилась толпа здоровенных мужичков огромного роста, небритых, волосатых, опоясанных леопардовыми шкурами и с черепами на головах. Четверо молодцов тащили огромную железную болванку отдаленно похожую на наковальню, еще двое волокли за деревянную ручку здоровенную золотую кувалду, а сзади всех пыхтел плюгавый мужичонка в облезлой шкуре, с натугой тащивший на плечах здоровенный слиток золота. С

гиканьем и свистом толпа Носильщиков Наковальни спустилась с постамента по узкой и крутой лестнице, и приблизились к гостям.

— Уф..., - выдохнули носильщики, и опустили наковальню на пол. Двое других прислонили к ней золотой молот, а плюгавый мужичонка сбросил на нее свой золотой слиток. Выполнив свою работу, они облегченно расправили плечи и выстроились полукругом, не сводя глаз с Машиных ножек. Зверева засмузилась и потянула вниз свою номинальную юбочку. Тщетно. Мужички хмыкнули, подошли поближе, окружив молодых людей кольцом, и замерли, плотоядно глядя на них.

— Сейчас, Великий Мастер Ключа, — раздался с трона драконий рык, — ты вскуешь нам Бездонный Сосуд, который наполнишь из Источника Вечности, и тогда мы омоем в жидком времени Великого Бога Педрило, и пребудет в веках слава Великого Бога Педри... — апчи! — дракон громоподобно чихнул, и закончил — ло!! Да будет так!

— Да будет так! — провизжали мужики в тюбетейках, и снова начали терзать свои барабаны.

— Да я... это... Я ковать не умею! — решительно заявил Вепрев, и непроизвольно добавил: — Это мы не проходили!

Мужики в шкурах, окружавшие парочку, мигом подались вперед, и принялись жадно облизываться. В воздухе повисла напряженная тишина, и только Машка жалобно всхлипывала. Крайние головы дракона уставились на среднюю, видимо, ожидая, какое решение она примет, а та, с противным хлюпающим звуком высморкалась через палец на пол, и задумчиво уставилась на экс-математика, поглаживая свои вислые усы когтистой лапой. Наконец, чудище пришло к какому-то решению.

— Если ты — не Мастер Ключа, но жалкий самозванец, — нагло заявил дракон с искренним человеческим разочарованием и царственной непреклонностью в голосе, — тогда ты будешь отдан на развлечение Перековщикам! А твоя подруга — в утеху презренным натуралам-носильщикам священной наковальни! Да будет так! — Огромная лапа с грохотом опустилась на подлокотник трона, вызвав довольный ропот у присутствующего народа.

— Да будет так! — хором провыли мужички за барабанами, — Слава Великому Педрило! — и грянули в барабаны.

Вепрев обомлел, и лихорадочно зашарил глазами по помещению, выискивая путь к отступлению.

— Саша, — испуганно зашептала Маша на ухо приятелю, — да вскуй ты им этот сосуд, авось отвяжутся! Сожрут же, блин!

— Сказано же — не умею! — процедил Вепрев сквозь зубы, с трудом подавляя раздражение — че непонятно-то?

— А ты возьми кувалду, — предложила нахальная Машка, не желавшая отдаваться на потеху кучке грязных мужичков-носильщиков, тем более теперь, когда в кармане надежно был припрятан билетик в Турцию, — да стукни пару раз для вида! Они решат, что ты начал ковать...

— Как же, стукни! — усомнился Вепрев, — как же, решат! Может, ещё меха раздуть по старинному кузнечному обычаю? Или ты раздуешь? И что потом?

— А потом мы одним рывком в те двери дёрнем! — решительно заявила Маша, указывая взглядом на двери в постаменте.

Вепрев, раздумывая, посмотрел на Машку, на ее красивые испуганные глаза, дрожащие губы и бесполезно длинные ноги, перевел взгляд на Носильщиков Наковальни, зыркнул

тайком на дракона, равнодушно ковыряющего в среднем носу, обреченно вздохнул, приблизился к наковальне и решительно взялся за кувалду. «Поднять бы еще, — подумал он, перехватывая деревянную, до блеска отполированную ручку древнего молота, — пуда два весит, не меньше». Кашлянул, напрягся... И неведомая сила тотчас подняла молот над болванкой. Перепуганный Шурик попытался освободиться, но его руки намертво прилипли к инструменту. Он больше не владел своим телом — им овладел кто-то другой, невидимый, сильный, тот, кто с легкостью вознес огромный молот над головой экс-математика и не спеша, плавно — Вепрев в ужасе зажмурился — опустил его прямо на сверкающий золотой слиток.

Раздался тяжкий грохот, словно в зале выстрелила разом дюжина пушек, пол задрожал, золотая пыль столбом взвилась к потолку и скрыла от любопытных глаз и мастера, и его инструмент, мигнули факелы, болванчики с перепугу опустили палки на барабаны, взвизгнула Машка, оглушительно чихнул Дракон...

Только через несколько минут, когда осела пыль, и факелы вновь вспыхнули ярким светом, Вепрев рискнул приоткрыть оба глаза — а, открыв, увидел на наковальне красивый кувшин с длинным, прихотливо изогнутым носиком. Экс-математик со вздохом облегчения выпустил из рук огромную кувалду, и тут же по залу разнесся радостный рык Горыныча:

— Истинно, истинно, глаголю вам, — взревел дракон, — отрок сей — избранный Мастер Ключа, несущий Огонь истины! Перековщики, поклонимся Владыке Света!

— Агинерра! Ухмрр! — дружно провыли пузанчики в тубетейках давешнее приветствие, и снова усердно припустились лупить по барабанам.

Шурик тряхнул головой и огляделся. Мужички в звериных шкурах куда-то запропастились, а возле него стояла Машка, восхищенно разглядывая сосуд.

— Са-а-ашка, — восторженно протянула она. — Вот это да... Не, ну ты ваще... реально гений наковальни...

— Ха! — небрежно произнес Шурик, втайне ликуя победу, — это еще чо... Наче особенного!

— А какой красивый! — воскликнула Маша, — Саш, я такой же хочу!

— Забирай, — хмыкнул Вепрев, — дерьма не жалко!

Зверева подошла с кувшину, и взяла его в руки. Сосуд заискрился в свете факелов, отбрасывая на пол и стены причудливых зайчиков, и внезапно из его недр донесся басистый гул, словно отдаленный шум водопада. Любопытная Машка заглянула в широкое горлышко кувшина. Внутри была кромешная тьма, густая как кисель, только где-то на дне одиноко светилась искорка. «Наверное, еще бриллиант» — обрадовалась алчная девушка, и сунула руку внутрь, намереваясь достать и присвоить драгоценность. Но странное дело — ее рука, легко пройдя в горлышко, не смогла нащупать дно, хотя с виду высота сосуда была совсем невелика.

— Саша, а в нем вроде бы дна нет! — с неподдельным удивлением сообщила Маша приятелю. Вепрев взял из рук подруги сосуд и тоже попытался нащупать дно. Рука провалилась — показалось — в бездну, а вместе с рукой — еще чуть-чуть, неверный шаг, — и он сам полетит туда же... Шурик торопливо выдернул руку из кувшина.

— Чудеса... И впрямь, бездонный, — изумленно заявил Вепрев, — и как такое может быть? Может...

Но тут его прервали.

— Теперь тебе надлежит, — раздался трона драконий рык, — наполнить сей сосуд из

Источника Вечности, и принести сюда!

— А дальше? — автоматически полубопытствовал Вепрев.

— А дальше, — неуверенно сообщил дракон, и на мгновение замялся, почесав кончиком хвоста за левым ухом средней головы — мнэээ... нннуу... — он обернулся назад, и посмотрел на статую в алькове, — Шурику на миг показалось, что голый мужик с крашеной мордой кивнул, — мы свершим священный ритуал мнээээ... омовения Великого Бога Педрило. — Дракон задумался, возведя очи в потолок, и с сомнением в голосе добавил: — и Владыка Сущего... гммм... мнэээ... мюэээ... пробудится к Вечной Жизни.

— Да на хуй мне ваш великий! — взвился Вепрев, — я домой, в Питер, вернуться хочу!

На это дракон отрицательно замотал всеми своими тремя башками, так что в них что-то явственно зазвенело.

— Ты не сможешь вернуться, — укоризненным тоном заявила правая голова, после того как все три перестали мотаться из стороны в сторону, — пока не наполнишь сосуд!

Остальные две головы согласно закивали, словно лошади на водопое.

— А если наполнишь, — примирительно добавила левая башка, — мы покажем тебе путь в ваш мир.

— Ладно, — скрепя сердце согласился экс-математик, — где он ваш этот, ну, источник-то?

— Возьми Бездонный Сосуд и войди в любую дверь под моим Троном! — предложила средняя башка, хитро подмигивая Вепреву, а правая башка добавила грозным голосом: — Но сначала прочти то, что на них написано!

Левая башка противно захихикала.

— Ладно, — вяло согласился Шурик, — хрен с вами, принесу. — И, неохотно подцепив кувшин за красивую полукруглую ручку, Вепрев направился к дверям. Машка, боясь остаться одной в таинственном местечке, робко последовала за приятелем.

Вблизи двери оказались еще более красивыми, чем издали — это были настоящие произведения искусства, словно сделанные рукой искусного ювелира. Их литая поверхность была богато изукрашена резьбой, изображавшей каких-то загадочных существ, и усыпана драгоценными камнями, а ручки в форме драконьих голов были отлиты из цельного куска золота. В середине каждой двери крупными красными рубинами была выложена какая-то надпись, и, приблизившись вплотную, молодые люди принялись их разглядывать.

— Смотри, Саша, — удивленно воскликнула Машка, указывая пальчиком на письма на левой двери — а написано по-русски!

— Точно, — согласился Шурик, и громко прочитал: — «Путь быстрый, но опасный». Хм-м-м... А дальше что?

Парочка переместилась к средней двери, и Машка мигом прочитала: — «Путь долгий, но легкий». Саша, а нам это больше подходит, правда?

Вепрев засомневался:

— Там башку снесут, а тут будем таскаться черте сколько. Не, мать, не пойдет! Должно быть что-то третье! Типа, золотая середина!

— Ладно, — легко огласилась Маша, — глянем, что там на правой двери.

Парочка подошла к последней двери, и несколько секунд рассматривала украшавшую ее надпись. Наконец, Маша оторвалась от нее, и изумленно повернулась к приятелю.

— Ты че-нить понял? — спросила она Вепрева, который задумчиво смотрел на дверку, крутя в руках Бездонный Сосуд.

— Мда-а-а-а... — наконец, протянул он, — а ваще-то, знаешь, мать, нам как бы сюда и надо...

— В натуре? — робко переспросила Маша, — не, но ты подумай, Саша, что там написано — «Путь легкий и быстрый, но мнимый». Че это значит-то?

— А хрен его знает, — неуверенно сказал Шурик, — ну, ваще, мнимый — значит как бы несуществующий, ясно?

— Ясно, — вздохнула Маша. — Так мы что, по несуществующему пути пойдём?

— Ну! Типа того! — обрадовался отличник мехмата ЛГУ, ощущая небывалый прилив вдохновения — раз несуществующий — значит, путь как бы есть, но не существует. Просекла, мать?

— Нет... — растеряно ответила Маша, — есть, но не существует... разве такое возможно?

В ответ Вепрев только тряхнул головой, и решительно рубанул свободной рукой.

— Ладно, че там без толку гадать! Пошли, а там видно будет. Авось прорвёмся!

— Ну, как скажешь, — неохотно согласилась Маша, — пошли, умник.

Вепрев схватился за ручку-дракона на двери, с хрустом повернул её и — мгновение поколебавшись — толкнул створку. Дверь отворилась, прозвучал мелодичный звон хрустального колокольчика. В тот же миг свет в зале потух. Дракон, пузанчики, барабаны, — все исчезло в кромешной мгле, и от недавнего великолепия зала осталась лишь дверь, парящая в пространстве, да парочка молодых людей, нерешительно застывших на пороге.

— Пойдем, — выдохнул Вепрев, взял Машу за руку, и они разом шагнули за порог.

Снова прозвенел колокольчик, и внезапно дверь за их стеной с треском захлопнулась. Вепрев, тревожно обернувшись, увидел на месте двери обшарпанную стенку дома, обычного дома, ничем не отличающегося от других питерских домов — та же облупившаяся краска по кирпичу, те же корявые надписи «Сашка — козел» и «Я люблю тебя, Марина, прости за триппер». Но самой двери — двери, через которую они вошли — не было. Как корова языком слизнула.

— Замуровали, демоны! — брякнула ошарашенная Машка.

Шурик потыкал пальцем место, где была дверь и мрачно произнес:

— Н-да уж... люблю тебя, Марина... Мдааа... А что там? — и быстро повернулся назад, чтобы осмотреть место, в которое они попали. Через секунду Вепрев ошалевшими глазами посмотрел на подругу и издал торжествующий вопль:

— Машка, мы дома!

Зверева повернулась вслед за приятелем, и не поверила своим глазам.

Действительно, их окружал своеобразный для Васильевского пейзаж — кучи опавших истоптанных листьев, разбросанных по всему двору, да мокрый мусор стремящийся забиться в самые укромные уголки. И дворик, этот типичный двор-колодец, запертый со всех четырех сторон мрачными стенами престарелого дома-монстра с просатыми подъездами, облупленными панелями и разбитыми окнами, едва пропускавшими свет в серую пустоту лестничных пролётов, провонявших мочой, блевотиной и жареной мойвой. Над головами парочки раскинулось хмурое осеннее небо, с которого моросила грязь, именуемая в Питере дождем — и этот своеобразный дождь тоже показался им манной небесной после всех приключений. Из двух арочных выходов, ведущих наружу, с воем задувал пронизывающий осенний ветер, разнося по двору листву, пакеты, и обрывки бумаги, и в его сыром запахе тоже было что-то приятное. Все вокруг было таким родным, милым — никто

из них и не мог представить, что будет скучать по всему этому...

— И в самом деле, Саша, — обрадованно согласилась Маша, — только где мы? И что это за штука там висит? — Маша указала на огромное дерево, болтавшееся посреди двора на цепи. Цепь была подвешена к могучим козлам с монументальной треногой-подпоркой, а на том месте, где ранее росло несчастное дерево, чернела глубокая яма, наполовину заполненная грязной водой. Порывы осеннего ветра шелестели полуголыми ветвями и раскачивали дерево, а оно, как забытый висельник, болталось на цепи, издающей неприятный скрежет своими ржавыми звеньями. Безлюдный унылый двор казалось, отвернулся от них и сам не хотел быть свидетелем их появления.

— Шас выясним, — самоуверенно пообещал Шурик, — пошли, глянем поближе.

Молодые люди, старательно обходя глубокие лужи, приблизились к странной конструкции.

— И точно, дерево, — удивленно протянул Вепрев, — вроде бы его уже давно выдернули...

— Ага, — согласилась Машка, — и повесили... — Девушка захихикала, — только отчего у него корень-то квадратный?

— Видать, так откопали, — неуверенно произнес Вепрев, дивясь на мощный корень, который и впрямь, то ли по прихоти природы, то ли стараниями людей, приобрел квадратную форму.

И тут его осенило:

— Квадратный!!! — заорал математик, подбрасывая кувшин в воздух, — усекла, Машка?

— Ну! — рассеянно ответила Зверева, и внезапно пристально посмотрела на Шурика. — Саш, а ты как ваще? — спросила она заботливым тоном, — голова не кружится?

Вепрев, что-то бормоча про себя, тряхнул головой, и совершенно спокойно, но каким-то позвякивающим голосом ответил:

— Нет, не кружится! — экс-математика передернуло, словно затвор автомата Калашникова. В голове у него вертелась какая-то блестящая мысль, которую он никак не мог поймать. — Ладно, мать, двинули, отсюда!

— Да уж, и поскорее, — согласилась Маша, и молодые люди торопливо зашагали прочь с этого пронизанного всеми ветрами двора, старательно обходя по пути лужи и наваленные там и сям кучи мусора. — «Если есть дом — рассуждал про себя Шурик, направляясь под арку к ближайшему выходу со двора, — значит, где-то должна быть вывеска с его номером и названием улицы, по которой можно определить, где конкретно мы находимся. А там до дома добраться — не вопрос». Машка же в этот момент думала совсем о другом. Она мечтала, что когда вернется домой, сразу же наберет полную ванну воды, сделает густую пену и плюхнет в нее, а потом будет долго лежать и наслаждаться. Долго-долго будет лежать...

Каждый мечтал о своем и каждый надеялся, что все, наконец-то, скоро закончится...

Но едва они выбрались из-под арки негостеприимного дворика, Вепрев тут же понял свою ошибку. Они были не в Питере. И даже не в России. Вокруг вообще ничего не было — прямо за аркой клубилась сплошная серая стена Ничто — не было видно ни лучика света, ни пролетающих осенних листьев, ничего — только серая безнадежная стена, ограничивающая двор. Вепрев, резво летевший вперед, едва удержался на краю бездны, зацепившись за остатки ворот, некогда ограждавших выход из арки, а из под его ног в бездну полетели мелкие камешки. Маша просто ахнула, стоя за спиной приятеля и глядя в ту же стену Ничто.

— Эт-т-то ч-ч-чт-т-то за хрень? — пролепетал Вепрев еле шевелящимися губами.

Машка в ответ только беспомощно пожала плечами.

— Ты куда? — воскликнула она.

Шурик, словно не слыша ее слов, прижимая к груди Бездонный Сосуд, в отчаянии метнулся на другой конец двора, и выскочил через вторую арку. Там их ожидала такая же стена серого Ничто. Одно сплошное Ничто. Для них остался только колодец двора в облезлом крупногабаритном пятиэтажном доме. И еще кучи прелых осенних листьев. И кусочек осеннего неба, аккурат по размеру пяточка двора. И слякоть, морозящая с неба. И еще плотная стена абсолютного Ничто.

Вепрева пронизала холодная дрожь. Они на острове, затерянном в пространстве и они единственные его обитатели...

— Так, давай мыслить логически, — дрогнувшим голосом начал рассуждать вслух экс-математик. — Раз сюда есть вход, значит, должен быть и выход. Логично?

— Логично, — согласилась Маша, и быстро предложила:

— Саш, а давай, зайдем в подъезд какой-нибудь. Может, тут люди живут, так мы спросим хотя бы, куда попали.

— Ну, давай, — кивнул Вепрев, и первый двинулся к ближайшему подъезду. Открыв скрипучую облезлую дверь, он шагнул в вонючий полумрак, и тут же отпрянул — вместо знакомого с детства загаженного входа в жилище, перед ним оказался длинный темный тоннель, в конце которого едва виднелась дверь, обитая ржавым железом.

Вепрев облизнул пересохшие губы, и нервно обернулся. В середине двора осенний ветер раскачивал засохший труп дерева, цепь скрежетала, а за его спиной стояла Маша, и, приподнявшись на цыпочки, испуганно заглядывала в тоннель из-за плеча приятеля. На мгновение Шурик утратил запал, но потом отмахнулся от черных мыслей.

— А, да ладно, пошли, — предложил он, — Глянем, че там есть.

И отважный экс-математик направился вперед. Позади слышались торопливые шажки Машки.

Пройдя пару десятков метров, молодые люди уперлись в массивную железную дверь, густо заляпанную пятнами ржавчины. Из двери торчала кое-как, вкривь и вкось, на соплях приделанная кривая ручка. Шурик осторожно, чтобы не вырвать с корнем, потянул ручку на себя, и дверь со скрежетом несмазанной телеги отворилась. Сначала он сам, а потом и Машка просунули головы внутрь и стали разглядывать полутёмный коридор, тускло освещенный факелами, воткнутыми в стены. Над ними мрачной тучей нависал высокий сводчатый потолок, а на шербатых каменных стенах то и дело плясали чьи-то тени.

Внезапно Машка тихо ахнула и схватила спутника за руку:

— Сааа-аша, это же..., - вытаращив глаза, громко прошептала она. Но Шурик уже догадался, что она хотела сказать.

Это было то самое место, куда они попали в первый раз из Бусыгинского сарая в подвале далекого Питерского дома...

Но на этот раз коридор не был пуст — в нем находился с десятков странных существ размером с человека, внешне похожих на тех, с кем Шурик играл в камушки по выходе из пещеры Эрдрума. Их лица отчасти напоминали человеческие, но тела и головы с крысиными ушами вместо одежды были покрыты плотной, короткой, лоснящейся от жира шерстью темно-черного цвета. Лишь на брюхах уродцев шерсть была грязно-белой, отчего они чем-то смахивали на пингвинов. Слабость рахитичных ручек компенсировали мощные ноги

похожие на крысиные лапы, а на задницах красовался оттопыренный розовый мозоль, как у обезьян. А сзади у всех свисали мощные и длинные, метров по пять, хвосты, похожие на слоновьи хоботы, поросшие жиденькими рыжими волосами, с могучими присосками на концах. «Совсем как на кухонном вантузе, — мелькнуло в голове Вепрева, — только побольше».

Твари были заняты странной игрой — суетливо скакали на длинных мощных хвостах взад и вперед по щербатому каменному полу, отбрасывая в тусклом свете кривые черные тени, а временами высоко подскакивали на мощных задних лапах, молниеносно захватывали присоской на «хвосте» что-то круглое, вроде мячика, и перебрасывали партнеру. Тот ловко ловил «мяч» своей присоской, подскакивал, и перебрасывал мяч дальше. Ни единой секунды существования не стояли на месте — они постоянно двигались, носились вдоль и поперек коридора, а их черные туши так и мелькали в воздухе. Все это происходило в какой-то зловещей тишине, только изредка твари по крысиному попискивали, сделав удачный пасс.

Видимо, игра настолько захватила крысолюдей, как назвала их про себя Машка, что они даже не заметили появления гостей.

— В футбол, что ли играют? — шепотом проговорил Шурик, вспомнив, как сам в детстве гонял с мальчишками мяч во дворе, где ворота им заменяли с одной стороны два клена, растущие напротив друг друга, а с другой стороны — два кирпича, за которые постоянно возникали споры, не сдвинуты ли были они...

Вдруг то, что они приняли за мяч подлетело к ногам парочки, и Шурик с Машкой с ужасом узнали в этом окровавленную башку старикашки Бусыгина. Даже фингал под глазом остался на месте. Голова была синюшно-бледной, с поджатыми кривыми тонкими губами. Маша завизжала от ужаса, громче, чем при схватке с Демоном Зазеркалья. В глазах у девушки все почернело, и, не в силах сдержаться, она вырвала прямо на чело незадачливого кандидата наук.

Внезапно голова инженера Бусыгина распахнула глаза и уставилась на молодых людей:

— Бегите! — выпучив остекленевшие глаза, внезапно громко просипела голова и вывалила язык.

Но было поздно — тут же к голове кенгурячьим прыжком подскочил человек-крыса, и своим хвостом-хоботом отпасовал ужасный мяч своему партнеру. Машка вскрикнула. Станный игрок обернулся и замер, уставившись на непрошенных гостей своими маленькими пороссячьими глазками. Нос твари быстро шевелился, словно у сторожевой собаки, почуявшей след. Не подавая признаков удивления, он несколько секунд внимательно разглядывал визитеров, а затем одобрительно кивнул головой, и произнес деловитым голосом:

— Та-а-ак-с..., ну, что ж... — после чего быстро обернулся к своим партнерам, и визгливо крикнул: — Опп-сса!

Хаотическое движение крысолюдей тут же прекратилось, башка кандидата наук была моментально забыта и заброшена в дальний конец коридора, и вся команда, разбившись по парам, слаженно запрыгала на хвостах в сторону обалдевшей парочки.

— Са-а-ааша, — заикаясь, пролепетала Маша, пятясь назад, — б-бежим отсюда!

Вепрев, следуя древнему, как мир, правилу «бьют — беги», схватил подругу за руку, и они изо всех сил рванули в обратную сторону. Даже на бегу Машка успевала визжать. С силой захлопнув дверь, парочка выскочила из подъезда, и опрометью бросилась во двор. Над ним хмурилось все то же свинцовое мертвое небо, сочащееся противной моросью, деревяшка

все так же громко скрипела, раскачиваясь на цепи, а ветер разносил мертвые листья.

На полном ходу Машка обернулась, и увидела, как следом за ними, с силой протискиваясь в узкую дверь, и отталкивая друг друга, вываливается толпа свирепых крысолюдей, а те, что выскочили раньше, уже бросились вдогонку, высоко подскакивая в воздухе, как стая страшных кенгуру.

— Са-а-аша, — истерично завопила Зверева, — они бегут за нами!

Вепрев только прибавил ходу, таща за собой Машу, но крысолюди кенгурячьими прыжками уже настигали их, загоня парочку к одному из выходов со двора. Шурик и Машка, задыхаясь от бега, заскочили в арку, вихрем пронеслись по темному тоннелю, и резко остановились — впереди маячила только серая бездна...

Крысолюди тоже остановились, не пытаясь зайти в подворотню и схватить ускользнувшую добычу. Сбившись в толпу у входа в тоннель, они с интересом смотрели на молодых людей, посмеивались, перешептывались, и манили их к себе пальцами с длинными когтями.

— И что теперь? — Машка обреченно глянула вниз, в бездну, до которой был всего лишь один шаг. — Саш, ну придумай хоть что-нибудь, ты же такой умный!

Вепрев несколько секунд думал, пока не уцепился за озарившую его мысль, сколь гениальную, столь и безрассудную, но единственно возможную в их тяжёлом положении. Ну конечно! «Путь легкий...»

— Слышь, мать, — торопливо сказал Вепрев, нервно поглядывая назад и облизывая пересохшие губы, — а что, если мы прыгнем?

— Куда прыгнем? — с испугом спросила Маша, — в это... в это... — от ужаса девушка даже задохнулась, и умолкла, со страхом глядя на серую тьму, застилающую выход из арки. — Саша, ты с ума сошел!

— Сошёл — не сошёл, — настойчиво продолжил Вепрев, — деваться больше некуда. Ну, или как дедку нашему, башку свинтят и пустят на хоккей!

— Но куда прыгать, Саша, куда?! — в отчаянии воскликнула Зверева, — туда? — спросила она приятеля, указывая пальцем на серую бездну, стеной стоящую перед ними.

— Да! — внезапно обретя решимость, заявил экс-математик, и в его голосе появилась командная твердость металла. — Помнишь, на дверях надпись была — «путь легкий, но мнимый»? — Машка испуганно кивнула, глядя на Шурика расширенными глазами, — а мнимый — значит, несуществующий! — победным тоном продолжил Вепрев, — а раз несуществующий, значит всего этого, — Вепрев обвел рукой пространство вокруг себя, — ваще нету! Да! Нету! Поняла, мать? А значит, нам как раз туда и надо!

— Ой, Сашенька, не надо! — Маша начала всхлипывать, — может, лучше, пойдём, с этими договоримся?

— Как же, договоримся, — махнул рукой Вепрев, — ты, мать, ваще... ещё им денег предложи...

Они одновременно оглянулись назад. В этот момент крысолюди, словно им надоело ждать, начали понемногу, крадучись и, загребая грязь хвостами, вползать на брюхах в полутемный тоннель, в конце которого стояла перепуганная парочка. Тоннель наполнился нетерпеливым голодным попискиванием и Шурик понял, что медлить больше нельзя.

— Так, все! Бежим! Быстро! — грубо рявкнул отважный математик, и, решительно схватив Машку за руку, оттолкнулся от края подальше и прыгнул в серую стену перед ними...

Вокруг беглецов моментально сомкнулась тьма, и под аккомпанемент Машкиного вопля, сладкая парочка полетела в бездну, ощущая вокруг себя пустоту. В ушах свистел ветер и время словно замерло. Машка, зажмурившись от страха, размахивала в полете свободной рукой, словно пыталась уцепиться за воздух. Но все было тщетно: пальцам не за что было ухватиться.

Сердца обоих сжались в ожидании неизбежного удара при падении...

В следующую секунду сплошной мрак рассеялся, но удара об землю так и не последовало. Напротив — открыв глаза, молодые люди увидели, что оказались посреди небольшой круглой долины, окруженной черными отрогами неприступных скалистых гор.

sss

Встав на ноги и отряхнувшись, сладкая парочка принялась озираться по сторонам. С виду это место сильно смахивало на аэродром. Свинцово-серое небо гармонично перекликалось с серыми бетонными плитами по полметра в длину и в ширину, которыми здесь все было вымощено. Ни травинки, ни былинки не пробивалось сквозь эти плиты, не чувствовалось ни единого дуновения воздуха, спертого, как летом в переполненном вагоне метро. Один вдох здесь загонял в душу тоску, как молоток загоняет гвоздь в доску. Солнце отсутствовало полностью, и долину освещал лишь призрачный мертвенно-бледный свет, сочащийся откуда-то сверху.

— Прямо, какая-то долина смерти, — пробормотал Вепрев, — и где тут источник Вечности?

— Я такие горы только в кино, да на картинках видела, — очарованно сказала девушка, и закашлялась от пыли.

— Эх, вот узнать бы, где это мы, — произнес математик, хоть бы указатель какой был!

Вдруг, словно по щучьему веленью, взору Вепрева привиделся покореженный временем указатель. Шурик дернул подругу за руку:

— Пойдем, мать, посмотрим что там.

Машка послушно повиновалась. Одряхлая табличка была насквозь проедена ржавчиной, да и вдобавок надпись была похоронена под многовековым слоем пыли. Вепрев вытащил из кармана грязный носовой платок и принялся аккуратно очищать указатель импровизированной ветошью. По мере очистки проявлялись крупные печатные буквы, и стоявшая за спиной Машка по прочтала по слогам «ДО-ЛИ-НА СМЕР-ТИ».

— Смотри, Саш, ты угадал! Это точно долина смерти!

— Ага, — обреченно согласился Вепрев, — полный отстой и безнадега.

— Значит, мы все-таки умерли, — смирившись с этой мыслью, спокойно констатировала Машка.

— Маш, глянь-ка назад, — вдруг обратился Вепрев к подруге, там вроде что-то есть!»

Машка обернулась и тоже заметила, что вдалеке от них течет речка, вдоль которой тянулась цепочка каких-то людей.

— Точно, люди! — обрадовалась она, — пойдем, посмотрим!

И сладкая парочка зашагала к обнаруженному признаку жизни. Идти пришлось совсем недолго — буквально через десяток шагов они приблизились к людям почти вплотную, и с испугом и отвращением принялись их разглядывать. А посмотреть было на что — по Долине Смерти протекала река с белесой вонючей жидкостью, напомнившей Вепреву реку Времени, а вдоль него со стонами и жалобными причитаниями вереницей брела огромная очередь каких-то мужчин и женщин. Почти у всех были фиолетовые опухшие морды, у многих под

глазом красовались фонари, у некоторых одежда была порвана, или замарана. Очередь выползала из узкой расщелины в дальнем конце долины, и медленно брела аж до другого её конца, в котором виднелась узенькая дверка, ведущая в какую-то пещеру. На отвесной скале над дверкой красовалась надпись «КАЗЕНКА», нанесенная зеленой краской огромными корявыми буквами, а под ней белой краской было кое-как приписано: «Последний опохмел».

— Видать, это все алконавты, — заметил Вепрев, и предположил: — может, с перебора откинулись?

Некоторые алкоголики в очереди жадно курили сигареты, а другие клянчили у них: «Дай соснуть», но в ответ слышали только традиционное напутствие «Пошел на хуй».

До Шурика и Машки находившихся вблизи очереди, явственно доносилась мерзопакостная вонь перегара и блевотины, исходящая от людишек, а мутная речка, текущая вдоль очереди, отчетливо воняла аммиаком и фекалиями.

— Слышь, Маш, — обратился Вепрев к спутнице, пошли, посмотрим, куда они идут. Может, узнаем у кого, где тут источник Времени.

— Пошли, — легко согласилась Маша и парочка быстро зашагала вперед. Вновь проявилось странное свойство этого места — едва они прошли десяток шагов, как оказались перед отвесной черной скалой с порталом для входа очереди. Поверхность скалы возле двери была густо изрисована какими то граффити, и некоторые страдальцы, прежде чем войти в дверку оставляли на ней свои автографы, пользуясь кусками мела, валяющимися на бетонных плитах возле входа. Некоторые надписи указывали на тяжкие духовные муки страдальцев, например, «Здесь был я, Сеня Пупкин. Прощайте, люди!», «Нет в жизни счастья», «Нинка — сволочь», и тому подобное.

— Надо и нам отметить, — решил Вепрев, и, подойдя к стене, подобрал с земли кусок мела и написал традиционное: — «Саша и Маша были здесь».

— А что это там, Саша? — спросила Зверева, указывая на что-то справа от входного портала.

Вепрев пригляделся. И в самом деле, недалеко от портала из отвесной каменной стены торчала толстенная чугунная канализационная труба, из которой истекала струйка какой-то омерзительно воняющей жижи. Вытекая на землю, она превращалась в мутный белесый поток, создающий реку, текущую вдоль очереди через всю долину, и скрывалась в расщелине в противоположном конце Долины Смерти. От ручейка удушливо несло сортирной вонью.

Справа от трубы виднелась узкая дверь, подойдя к которой молодые люди увидели надпись куском мела «Источник Вечности. Аппаратная».

— По-моему, Саша, эта труба — именно то, что нам надо, — решительно заявила Машка. — Набирай этой дряни и валим отсюда.

— Ладно, — согласился Шурик, и, задержав дыхание, подошел к сливу из трубы, на вытянутых руках подставил Бездонный Сосуд под вонючую струю и отошел в сторонку, чтобы подождать, пока он наполнится.

Немедленно в этом мире начали происходить пугающие изменения: на горизонте появилась тень, которая быстро наползала на долину, и когда граница тени подошла поближе, Шурик увидел, что все люди в очереди, на которых упала тень, замирают, словно на картинке. И, что странно, чем ближе была граница тени, тем быстрее наполнялся Бездонный Сосуд.

— Видимо, — пораскинув блистательным умом, глубокомысленно изрек математик

Вепрев, — кувшин рассчитан на поглощение всего Времени, и чем его меньше, тем быстрее он, ессесно, наполняется.

— Ну, чем скорее, тем раньше уроем, — отозвалась Машка.

Вскоре Бездонный сосуд наполнился, и маленький кружок света остался только вокруг трубы с сосудом. Вепрев взял потяжелевший сосуд и огляделся, ища глазами Машу. К его ужасу весь окружающий мир погрузился во мрак, который и скрыл попугачицу.

— Очевидные происки гугенотов — мелькнула в голове Вепрева дурацкая фраза из какой-то книжки, — и че теперь делать? Немного подумав, Вепрев отлил часть Жидкого Времени в канаву, чтобы снова появился свет. Круг света чуток расширился, и в нем высветилась Маша, замершая как изваяние, но как только на нее упал свет, девушка снова начала двигаться.

— Ну, мать, дело сделано, — заявил Вепрев, — Сосуд наполнен, можно валить отсюда.

— А куда валить, Саша? — резонно спросила Зверева, — где этого Горыныча найти?

— Мда, — согласился Вепрев, — вопрос за засыпку!

И Шурик начал оглядываться, в поисках выхода. Вдруг его взор упал на дверь в аппаратную. — «Была не была» — решил он, — «можно и попробовать».

— Слышь, Маша, — обратился он к подруге, — пошли в аппаратную эту, может кто-нибудь дорогу подскажет!

— Ну, пошли, — неуверенно согласилась Зверева, и молодые люди подошли к расхлюстанной двери с надписью «Аппаратная». Вепрев потянул за ручку, и дверь с душераздирающим скрежетом отворилась. Молодые люди осторожно вошли внутрь и огляделись. В полутемной комнате за дверью обнаружилась мастерская, заставленная верстаками, заваленная какими-то железяками и горами пустых бутылок по углам. В дальнем конце комнаты маячило черное пятно входа в темный и узкий коридор. Слева от входа в комнате неподвижными манекенами застыла пара тех самых странных крысолюдей, которые играли головой старикашки Бусыгина.

— Видать, как мы все время выцедили, — заметил Вепрев, — так все и замерло вплоть до рассвета.

Маша только махнула рукой и нетерпеливо предложила:

— Ой, да пошли отсюда, вдруг прочухаются!

И молодые люди, пройдя Аппаратную, двинулись по коридору, который через несколько метров вывел их в какую-то сумрачную комнату с полуоткрытой дверью с надписью «Зал Финишной Утилизации». Они осторожно высунулись из двери, и с изумлением увидели перед собой огромный зал. В правой стороне зала, на золотом троне, усыпанном фальшивыми бриллиантами и топазами, сидела какая-то мерзопакостная тварь, похожая на огромную, с носорога размером, жабу с мордой крокодила. На подножии золотого трона крупными рубинами была выложена надпись «Великий Бог Опохмел». Шкура Великого Бога была покрыта пятнистой черно-зеленой чешуей, а из его приподнятой над сидением задницы торчал толстенный, загнутый вперед хвост с огромной клешней, нависающий прямо над рылом. Задние лапищи Великого бога были как у чудовищной жабы, передние же лапы были короткими, но сильными, с устрашающими когтями. В огромной клыкастой пасти Опохмела дымилась Гаванская сигарка, огромная, как труба паровоза.

В левой ручке Опохмел держал ведерный стакан водки, а справа от него, на каменном полу, стояла початая 100-литровая бутылка с зеленой этикеткой «Особая Московская, 400».

Слева от Опохмела, на златом же троне, но поменьше, свивалась кольцами другое, не

менее мерзкое создание, напоминающее десятиметровую гадюку с акульей головой, и акульей же пастью диаметром метра два. На подножии трона гадины золотыми буквами была выложена надпись: «Великая Богиня Помойя». Прямо перед Помойей стоял дряхлый музыкальный инструмент, похожий на шарманку.

Справа и спереди от Великого Бога Опохмела стояла почерневшая деревянная бочка, диаметром метров 5, и высотой метра 6. Некогда в подобных бочках колхозники заквашивали тонны капусты для продажи в город. На бочке красовалась фабричная этикетка: «Рассол Забвения, сорт 2». Клепка из здоровенных досок от долгой службы потемнела и была покрыта разводами, словно у бочки для закваски капусты от перебродившего рассола. Из бочки несло мерзопакостной вонью прокисшего рассола, а ее забродившее содержимое булькало, и иногда переливалось через край, так что над ней висело облачко зеленоватого тумана.

Прямо над бочкой из потолка торчал ржавый самодельный жестяной колпак квадратной формы, вроде тех, что красуются над кухонными плитами. Раструб колпака нависал над бочкой на высоте метра в два.

Ведрев подальше высунул голову за дверь и посмотрел влево. Там виднелась разбитая фанерная дверь, всем своим обшарпанным видом напоминавшая дверь общественного полевого сортира. На двери красовалась надпись: «Портал Судеб».

Напротив двери на полу стояло какое то подобие зеркала, по форме напоминающее низенькую, высотой с метр, рамку металлодетектора в супермаркетах. На зеркальной поверхности мерцала загадочная надпись «Облегчитель Душ», а справ и слева от Облегчителя стояла парочка здоровеннее мужиков с синюшными мордами. Одеты они были в рубашки-распояски с бабочками, лаковые сапоги и штаны из коверкота, а на головах красовались милицейские фуражки с красным околышем.

Внезапно на глазах у Шурика и Машки, замерших от изумления, из Портала Судеб вышел какой-то человечек, одетый в изящный фрак с бабочкой, и проследовал прямо к зеркалу. Чтобы пройти сквозь «рамку», человечек согнулся по пояс, и с громким чмоканьем просунул голову сквозь «зеркало». В тот же миг мужик, стоящий на входе в зеркало, наподдал ему мощного пинка, а второй мужик мигом подставил ко рту страдальца бумажный кулек с синей этикеткой «Животрепетная Душа», огромная стопка которых стояла перед ним на полу. По всему было видно, что они исполняют великолепно отрепетированный ритуал.

Изо рта человечка с визгом крысы, давимой каблуком, выскочила какая-то бесформенная серая масса размером с кролика. Шурик и Машка мельком заметили, что у этой твари есть слабенькие ручки и ножки, тщедушное тельце, покрытое бледно-серой шерстью и увенчанное головкой с красными глазками, огромными сросшимися ушами, напоминающими крылья бабочки, и огромной зубастой пастью.

Животрепетная Душа, выскочив изо рта страдальца, напрямик попала в предусмотрительно подставленный кулек, и второй мужик мигом скрутил горловину кулька, словно опытная торговка на базаре. Вслед за тем первый мужик, стоявший перед зеркалом, оглушительно рявкнул «Пр-р-р-оходи дале, уррррод, не прррроедайся!» и наподдал ему еще одного мощного пинка.

От этого пинка человечек пробкой, с чмокающим звуком, проскочил сквозь зеркало и кое-как встал на ноги, глядя перед собой стеклянными зенками. Видимо, это был уже не человек, а только его пустая оболочка, освобожденная от души. С виду он был совсем как

живой, только вместо фрака на человечка была напялена грязная дерюга темно-серого цвета. Тотчас второй мужик сунул в руки Оболочки кулек с ее же собственной Животрепетной Душой, и дал по шеем.

Оболочка мелко засемила вперед, держа в руках перед собой бумажный кулек, в котором трепыхалась и попискивала ее бывшая Животрепетная Душа, и деревянной походкой проследовал к златому трону Великого Бога Опохмела, пред которым уже уныло топталась толпа точно таких же уродов-Оболочек, числом немереным, навскидку — сотни две рыл. Каждая Оболочка держала в руках кулек со своей сраной Животрепетной Душонкой, которую она должен был представить на дегустацию Великому Богу Опохмелу.

— Ой, Саша, что щас будет, — прошептала Машка, глядя, как одна из оболочек в очереди вскарабкалась на высокое подножие трона, робко подошла к Опохмелу, и протянула свой кулек. Тотчас же клешней на своем кошмарном хвосте Опохмел ловко выхватил кулек из рук Оболочки, парой ловких, отточенных движений достал откуда-то из-за спинки трона граненый стакан, до краев наполненный водкой, и сунул емкость в трясущиеся руки страдальцу. Тотчас Великая Богиня Помойя протянула с трона кончик своего змеиного хвоста, обвила им ручку шарманки, и принялась ловко ее крутить. Зал Утилизации наполнился писклявыми звуками популярной некогда мелодии «Шумел камыш».

Страдалец, получив стакан с эликсиром жизни, со стоном безумного облегчения выпил его, стараясь не расплескать, а Великий Бог Опохмел превосходно отрепетированным движением своего хвоста вытряхнул из кулька Животрепетную Душу в свою зубастую пасть, причем даже не вынимая из нее Гаванки. Пустой кулек он небрежно бросил на пол перед собой, в огромную кучу таких же использованных кульков.

Прожевав проглоченную душонку очередного страдальца, Опохмел проглотил ее, громоподобно рыгнул, так, что содрогнулись стены зала, и запил сожранную животрепетную душу стаканом водки размером с ведро. Икнув напоследок, он затянулся Гаванской сигаркой, возвел очи горе, и глубоко задумался на несколько секунд, прислушиваясь к ощущениям в своем животе и слегка покачивая башкой в такт мелодии шарманки.

Поразмыслив, Опохмел поморщился, выпустил в окружающее пространство идеальное колечко дыма диаметром с полметра, и раскатисто отрыгнул Животрепетную Душу, ставшую в животе Опохмела полупрозрачной, только в районе пупка, что-то явственно чернело. Душа тотчас же, на лету, уцепилась за колечко тонкими ручонками и повисла на нем плавно покачиваясь.

Великая богиня Помойя тут же прекратила крутить шарманку, повернула акулю башку к любящему супругу, и принялась по-змеиному шипеть на него. Тот только отмахнулся, не обращая на шипение никакого внимания.

Тем временем кольцо дыма с прицепившейся к нему Животрепетной Душой медленно поплыло между бочкой и вытяжным колпаком, и как только попала в облачко зеленоватого пара, клубящегося над Рассолом Забвения, Животрепетную Душу внезапно что-то начал тянуть вниз, в бочку. Животрепетная Душа отчаянно трепыхалась, повизгивая и суча ножками, но, видимо, притяжение оказалось слишком сильным, и душа, оторвавшись от кольца дыма, с визгом и громким всплеском упала в Рассол Забвения. Едва она в ней скрылась, в бочке раздался всплеск и адский хохот, и часть Рассола Забвения с шумом выплеснулась на пол.

Покончив с душонкой, Верховный Бог Опохмел клешней на хвосте схватил опохмеленную пустую оболочку, и небрежным жестом, не глядя, швырнул ее как отбросы

своей драгоценной супруге. Помойя ловко сцапала оболочку своей акульей пастью на длинной змеиной шее, жадно, громко чавкая, прожевала и проглотила.

Молодые люди, замерев в дверях, с любопытством смотрели на это действие, повторяющееся вновь и вновь. Оказалось, что не все Животрепетные Души попадают в Рассол Забвения. Один раз Опохмел, поразмыслив после проглоты души, довольно ухмыльнулся, и когда он выпустил колечко дыма, Животрепетная Душа, уцепившаяся за кольцо дыма, уже не имела темного пятна в животе. Напротив! В области пупка у нее что-то явственно светилось, словно лампочка, а на головке вместо ушей находилась пара сдвоенных крылышек, похожих на стрекозиные. Вероятно, это означало, что человек достиг Высшего Просвещения и Гармонии, а посему достоин причисления к лику блаженных. Впрочем, пустая оболочка тоже была с аппетитом сожрана Помойей.

Однако когда кольцо дыма проплывало между вытяжным колпаком и бочкой, просветленная душа начала усиленно трепыхать крылышками, благодаря чему смогла преодолеть притяжение Рассола Забвения, и вознеслась в вытяжной колпак, избежав падения в бочку с рассолом 2-го сорта. Через несколько секунд, когда душа, вероятно, достигла крыши помещения, из раструба донесся победный аккорд, напоминающий испускание газов слонем в зоопарке.

— Это че, все мы так будем тут? — с испугом спросила Маша, — может, пить перестать?

— Ага, как же! — обреченно сказал Вепрев, — Такова селяви!

Услышав этот разговор, Великий Бог Опохмел заинтересованно глянул в сторону сладкой парочки, и вдруг обратился к молодым людям хорошо поставленным бархатным баритоном:

— А нутте-ка, нутте-ка, эттта шгой-то интересненькое ко мне подвалило, — и он поманил Шурика и Машу своим крючковатым пальцем, — а подите-ка сюда, голубки, ути-пути-пуси-пуси...

Тотчас же парой взмахов своего ужасающего хвоста он раздвинул толпу людишек, стоящих в очереди, и перед младыми людьми очистился проход к трону Великого Бога.

Молодые люди переглянулись.

— Пойдем, Саша, может, дорогу к Горынычу покажет, — нервно предложила Маша, слегка одуревшая от всего увиденного.

— Ладно, идем, — обреченно согласился Вепрев, и первым ступил на дорожку, ведущую к трону Великого Бога Опохмела.

Пройдя длинный коридор, очищенный от Оболочек, молодые люди с опаской приблизились поближе к твари на троне.

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовал хозяина Вепрев, — мы тут это... мимо проходили...

В ответ Опохмел только весело заржал, сотрясаясь от хохота. Отсмеявшись, Великий Бог почесал спину клешней, налил полный стакан, размером с ведро, водкой из бутылки, и залпом опрокинул в пасть. Вслед за тем он, не глядя, схватил Животрепетную Душу первого попавшегося страдальца и миром отправил в свою бездонную пасть. Швырнув пустую оболочку своей напарнице, он рокочуще отрыгнул, и доброжелательно спросил пришельцев:

— А че надо-то?

— Нам бы кувшин отнести, вот... — Шурик показал хозяину Бездонный Сосуд, в котором тяжело плеснуло Время.

— Как же, как же... — понимающе кивая башкой, ответила тварь, — небось, племяшу моему, Педриле, опять понадобилось?

— Ага... — робко встряла в разговор Машка, — только там еще дракон был, ну, такой, с тремя головами...

Великого Бога Опохмела передернуло, как будто он вспомнил что-то крайне отвратительное, но он промолчал, только принялся задумчиво ковырять в огромных зубах клешней на своем хвосте, от чего по залу стал отчетливо разноситься скрежет. Так продолжалось пару минут — видимо, тварь размышляла.

— То-то я вижу, свежие людишки подходить почти перестали, — наконец изрек хозяин, вытащив хвост из своей крокодильей пасти, — вы там, чай, все Время выщедили?

— Ага, — виновато ответил Вепрев. — Но мы не зна...

— А-а-а-а... — протянул хозяин, — тогда понятно... — ну, да мне-то ваще по хуй, — равнодушно сообщил он, махнув рукой. — Уа-а-а ха-ха, — хозяин зала широко зевнул во всю крокодилью пасть, и радушным тоном предложил парочке:

— Выпить не желаете? Так сказать, за компашку?

Вепрев судорожно глотнул, и, взглянув на испуганную Машку, хотел было отказаться. Однако хозяин, не дожидаясь ответа, своей клешней ловко подцепил откуда-то сзади себя пару граненых стаканов, на ходу набуровил в них жидкость из бутылки, и протянула Вепреву и Маше. Не смея отказаться, молодые люди робко приняли тару из клешни, нависающей над ними, словно ковш экскаватора, и стали молча ждать продолжения.

— Да вы не стесняйтесь, чай, не цэлки, — снова заржала тварь, видя смущение неожиданных гостей — подходите поближе, примем на грудь. А потом я вам кое-что растолкую.

Сладкая парочка несмело приблизилась к трону, держа стаканы на отлете, чтобы не разлить. Проходя мимо бочки, Шурик не удержался, и глянул вверх. Ничего особенного он там не увидел — там, на высоте потолка, голубело выходное отверстие трубы, а до ушей экс-математика донеслась сладкозвучная мелодия арф, правда, из-за завывания ветра она была почти не слышна.

Засмотревшись, Вепрев споткнулся и чуть не упал, но Машка, вцепившаяся ему в локоть, удержала приятеля, и они благополучно приблизились к трону.

— Ну-те-с, батеньки, за знакомство, — поднял свою тару хозяин. — Меня Опохмелом кличут, чтоб вы знали. Я — Великий Бог! — поднял он палец, — Усекли? — Шурик и Машка дружно кивнули, — То-то. А про вас я и так все знаю.

— Откуда? — робко выдавила Машка.

— От верблюда, — заржала тварь. — Значицца так, от Божественной Чаши отказываться нельзя, так што пить по полной, до дна!

С этими словами Великий Бог Опохмел закинул в пасть ведро водки, схватил, не глядя, первого попавшегося человечка из очереди, и употребил его целиком вместе с кульком. Со стороны гадюки донеслось недовольное шипение, на которое, впрочем, Опохмел не обратил ни малейшего внимания. Молодые люди робко пригубили жидкость. Пойло, которым их угощал Опохмел, явственно отдавало керосином, но в целом оказалось сносной водкой, и они решительно выпили свои дозы. Вепрева и Звереву, толком не евших уже несколько часов, сразу начало развозить.

Великий же Бог Опохмел, приняв дозу, благодушно сложил ручки на толстеньком животике, и пустился в пояснения.

взял его своими кривыми лапами, заглянул внутрь, и шумно понюхал, крякнул и замотал башкой.

— Точно, оно, Время, — заявил Диспенсер, и поставил сосуд на шербатый каменный пол.

Затем он ловко подцепил клешней на своем хвосте доцента Семенова, приподнял его тщедушную оболочку, и приблизил к себе. Поставив пустой стакан на подлокотник золотого трона, Великий Бог взял левой ручкой бедолагу за шкурку, повернул его задом вверх, а затем неуловимым движением правой руки выдавил из кулька Животрепетную Душу прямо в задницу экс-доцента. Тот судорожно дернулся, взвизгнул, и спустя мгновение забился, мелко суча ножками, но Опохмел держал крепко. Вскоре с человечком стали происходить быстрые и чудесные изменения — вместо дерюги на нем появился черный деловой костюм с бабочкой, правда на заднице брюки были порваны. На носу возрожденного человечка дрожало золотое пенсне, а широко раскрытые глаза приобрели осмысленное выражение. Вскоре прекратились и судороги. Увидев это, Опохмел поставил страдальца на пол, рядом со сладкой парочкой. Немного постояв, слегка покачиваясь, доцент вдруг сказал совершенно разумным голосом:

— Господа! Иде я нахожуся?

— Щас узнаешь, животновод гребаный — насмешливо пообещал Опохмел, — Нака-ся вот, — и он протянул воскрешенному доценту Бездонный Сосуд.

— Это зачем? — спросил тот, пятясь подальше от трона Верховного Бога.

— Бери, насекомое! — прикрикнул Верховный Диспенсер, и, насильно всучив сосуд доценту, принялся пояснять:

— Значит так, доцэнт. Щас я тебя в пассьезь супружницы моей закину, так ты ей энтим кувшином вдарь как следует по зубилам. Тогда жив останешься.

— Не желаю, — заверещал воскрешенный доцент, — я домой хочу! Отпустите меня!

— Не сепети, сучонок! — грозно рыкнул Диспенсер, — буишь вякать — враз пойдешь по назначению! — и Великий Бог мотнул крокодилым рылом на бочку, из которой воняло тухлой капустой. — Усек, щучье жало?

— У-у-у-сек, — с ужасом в голосе проблеял доцент, — не сомневайтесь, ваше сиятельство, все сделаю.

— Вот то-то, — наставительно изрек Опохмел, и повернулся к парочке. — А вы, пацаны, стойте наготове.

С этими словами Великий Бог взял доцента-животновода за шиворот его изящного фрака и занес над тронем, где сидела его супруга — Богиня Помойя. Та тут же принялась поводить акульей головой на змеиной шее, пытаясь ухватить наживку пастью, но Опохмел опустил доцента пониже, почти до самого пола. Держа доцента так, чтобы Помойя не достала его своим акульим жалом, Опохмел повернулся к молодым людям, и деловито сообщил:

— Щас я его в пасть закину, а вы сразу следом!

— И что будет? — с ужасом в голосе спросил Вепрев.

— Ну, там, во дворике-то, пока доцент будет от Ассенизаторов отбиваться, — принялся пояснять Опохмел, — вы хватайте свой сосуд и прыгайте в яму, что под деревом с квадратным корнем.

— А дальше? — спросила Машка.

— А дальше попадете в другой мир, а там найдете дорогу к Горынычу, — заверил

Опохмел, — в общем, по счету три: раз, два, три!

По счету «три» Опохмел ловко закинул доцента-животновода в пасть своей благоверной супруги Помойи. Страдалец, пролетая мимо устрашающих зубов шарманщицы, со всех сил стукнул по ним кувшином. Выплеснувшееся из Сосуда жидкое время обожгло Помойе пасть, и она с визгом распахнула ее пошире. Путь открылся. Тотчас же в пасть прыгнули Шурик с Машкой, и вся компания, благополучно избежав острых зубов, акулогадюки попала в темный, извилистый и скользкий тоннель. Под аккомпанемент Машкиного визга тройца полетела вниз, вниз, вниз....

Получасовое падение по зловонному тоннелю, сопровождаемое сдавленным визгом испуганной Машки и отборным матом порядком протрезвевшего Шурика завершилось жестким падением на что то твердое.

— Ты цела? — спросил Вепрев, потирая ушибленное плечо.

— Вроде, цела, — неуверенно произнесла Маша, автоматически поправляя прическу.

Парочка, слегка пошатываясь, и постанывая от ушибов и пережитых ощущений, поднялась на ноги и осмотрелась. Как и обещал Опохмел, они оказались в давешнем дворике-колодце с нависающим квадратным корнем посередине. Но сейчас не это привлекло их внимание, а шум и возня у дверей подъезда.

— Ой, смотри, Саша, это же Семенов, ну, животновод-то наш, дерется с этими... Ассенизаторами! — Машка указала в центр дворика. Действительно, во дворе разворачивалась битва не на жизнь, а на смерть. Доцент-животновод Семенов, поставив Бездонный Сосуд на ступеньки крыльца неподалеку от себя, яростно отбивался руками и ногами от троих крысолюдей, пытающихся своими хвостами-хоботами заарканить бедолагу и утащить в свою каптерку для последующей расправы — отделения головы от брэнного тела. Кроваво-водянистые глазенки на босых мордах Ассенизаторов горели, видимо, в предвкушении очередного матча с головой животновода в роли мяча.

К моменту появления Шурика и Машки бой перешел в ближнюю фазу: озверевший от переполняющего его ужаса, Семенов разъяренно дубасил по мордасамседающих на него крысолюдей, те отвечали тем же. Из серо-волосатой кучи малы то и дело доносились резкие повизгивания увлеченных дракой Ассенизаторов, в сторону парочки летели грязные кровавые клочья шерсти и слышались сдавленные вопли Семенова.

Пользуясь моментом и не ожидая окончания блистательного кровопролития, Вепрев опрометью бросился к Бездонному Сосуду, схватил его, стремительно возвратился к Машке, схватил подругу за руку и, как и велел Опохмел, изо всех сил потащил ее за собой к яме под квадратным корнем. Завидев это, ассенизаторы, бросив побитого Семенова, дружно бросились за парочкой.

— Черт! Саша, они бегут к нам! — истошно завизжала Машка.

— Вижу, не слепой! Живо в яму!

— Что?! Там же вода! Грязная! — с ужасом пролепетала Машка.

Однако Шурик не стал повторять. В самую последнюю секунду, когда казалось, что крысолюди вот-вот схватят их, он дернул Машку за руку, и оба дружно плюхнулись в жирную черную грязь, заполнившей яму под квадратным корнем.

— Ой, — только и сумела пискнуть ошалевшая Машка, прежде чем грязная вода сомкнулась над ними.

Ассенизаторы подошли к яме и, сгрудившись вокруг нее под квадратным корнем, молча уставились вниз.

— Пиздец, блин. Упустили, — с досадой выругался один из них.

— И чо теперь с этим-то делать будем? — спросил другой, мотнув головой в сторону доцента-животновода.

— И кувшин-то евонный этот пацан увел! — заметил другой, утирая кровь с разбитой хари.

Компания дружно обернулась Семенову. Тот стоял, вжавшись в стенку, безропотно ожидая своей участи, и бормоча себе под нос, словно в горячечном бреде: «Мы пскопские, мы пскопские...».

— Так чо с этим делать-то будем? — повторил вопрос ассенизатор. — Может, съедим?

— Съедим, говоришь? — с сомнением переспросил тот, что был, видимо, старшим. — Кто-нибудь жрать хочет? — обратился он к товарищам.

Компания дружно помотала головами и один из них заявил:

— Да на кой хрен он нам сдался? Мы уже Бусыгиным нажрались.

— Тогда в яму его! — решил старший. — Берись, ребята.

И ассенизаторы, не обращая внимания на вопли животновода, дружно подхватили бывшего доцента за руки — за ноги, бегом подтащили тушку ученого-говнолога к яме под корнем квадратным и швырнули туда вдогонку за сладкой парочкой. Жирная грязь, жадно чавкнув, поглотила несчастного соискателя ученой степени, оставив на поверхности огромный пузырь.

— Ладно, ребята, — озабоченно заявил старший ассенизатор, — пошли, бригадиру доложимся.

И компания уныло поплелась в подъезд на расправу.

sss

После недолгого падения в грязной и мокрой земляной трубе Вепрев с Машкой, исхлестанные торчащими из стенок корнями, больно шлепнулись на бетонный пол в каком-то полутемном подвале. По ноге Машки тут же пробежала какая-то тварь, и девица с визгом вскочила на ноги.

— Саша, да тут крыс полно, вставай! — завопила Маша, когда увидела что весь пол обширного подвального помещения усеян целым полчищем крупных откормленных крыс.

Вепрев поднялся на ноги и огляделся. Как оказалось, на этот раз они попали в какой-то подвал с легионами крыс, бегающих по грязному бетонному полу. На одной из стенок виднелась ржавая железная дверь, в стене напротив — крохотное вентиляционное отверстие.

Внезапно крысы прекратили беспорядочную беготню, и, окружив путешественников, начали осторожно подползать к ним на брюшках, шипя и скаля зубы.

— Дави их, Машка, а то сожрут! — крикнул Вепрев, и нацелился каблуком дворницкого сапога в одну особо наглую и жирную крысяру. Казалось уже, что неравной битвы не избежать, но вдруг из вентиляционной трубы в потолке что-то загремело, и на пол вывалился мокрый и грязный доцэнт-животновод Семенов. Упав мордой в бетон, он выматерился и тут же вскочил на ноги, увидев крысиное войско, изготовившееся к новому штурму.

— Пгастите, могодые юди, — прокартавил доцэнт, с трудом поднявшись на ноги — куда это мы попали?

— Узнаешь, нам скажи, — отмахнулся Вепрев, — после разберемся!

— Сашка, — испуганно пролепетала Машка, не отрывая взгляд от наступающего крысиного строя, — они же нас сейчас сожрут!!

— Не трепыхайся, мать, щас выберемся! — самоуверенно заявил дворник Вепрев, хорошо знакомый с крысиными повадками — этих тварей в его доме было предостаточно. — Пошли!

И Вепрев, взяв Машу за руку, повлек ее к ржавой двери, беспощадно топча крысиное племя. Вслед за ними на цыпочках последовал доцэнт-животновод. Подойдя к двери, Вепрев

поддержал железную ручку, торчавшую над замочной скважиной, но дверь не поддавалась.

— Видать, заперта! — констатировал математик Вепрев. — Чем бы открыть?

— Бусыгинским ключом попробуй, Сашенька, только скорее, скорее! — перешла на истерический визг Маша, — они сейчас кинутся!

Действительно, крысиный строй перестал повизгивать и вся их шеренга молча замерла на месте, скрежеща коготками по бетону и уставившись кровавыми бусинками глаз на троицу людей, прижатых к двери.

— Ага, — прохрипел математик, — щас попробую.

Вытащив из кармана ржавый ключ, найденный на помойке, Вепрев сунул его в замочную скважину и попробовал повернуть. Механизм замка неожиданно легко подался и с легким щелчком отперся. В тот же миг по команде вожака крысиное войско пошло в атаку, дружно подавшись вперед единым фронтом.

— Быстро! — заорал Вепрев, распахнул дверь, вытолкнул Машу, выскочил сам вместе с Семеновым и тут же захлопнул дверь, прищемив парочку самых отважных грызунов. За железной дверью послышался разочарованный злобный визг и скрежет когтей по железу.

— Ну, твою ж дивизию! — заявил математик, — вроде, проскочили.

Троица людей осмотрелась. Они находились в конце длинного коридора, вдоль которого вились какие-то кабели и трубы. В дальнем конце коридора горела тусклая лампочка, тускло освещавшая пятно пола под ней, и еще одну железную дверь, ведущую неизвестно куда. Воняло мерзко — как и во всех подвалах.

— Саша, а может там выход? — спросила Маша, указывая пальчиком на смутно видимую дверь под лампочкой.

— Вот сейчас и увидим, — сказал Вепрев, — за мной!

Молодые люди, а за ними и животновод, торопливо зашагали по коридору. Достигнув двери, Вепрев потянул за ручку и она с пронзительным ржавым скрипом отворилась. На молодых людей пахнуло запахом ладана и донеслось заунывное пение под стук барабанов.

— Ой, Саша, да мы опять к дракону попали! — заявила Машка, увидев огромную трехглавую махину ящера, громоздящегося на троне.

— Ага-а-а-а, — протянул Вепрев, — ну, пошли!

И молодые люди осторожно вошли в зал, стараясь, чтобы их не заметили. Однако внезапно барабаны замолчали, а мужички, сидевшие вокруг трона дракона, дружно повернули головы к ним на 180 градусов и молча уставились на парочку. Смотреть на это было жутковато, но Шурика уже ничто не могло пронять.

— Сосуд, сосуд, — зашептали между собой людишки и снова принялись стучать в барабаны, радостно завывая. Внезапно с трона по залу пронесся могучий рык трехглавого чудища. Стук барабанов моментально стих.

— Горе-то, горе-то какое, — с фальшивой скорбью в голосе запричитали фальцетом стразу три головы дракона, украдкой поглядывая на сосуд в руках Шурика. Вепрев, а за ним Машка с Семеновым, подошли к трону и Шурик поставил сосуд с жидким временем на ступеньку в подножье трона

— Эй! Начальник! — обратился Шурик к дракону, — я сосуд принёс, давай нас теперь домой, в Питер.

Машка дёрнула его за руку, и торопливо прошептала:

— Саша, ты от сосуда далеко не отходи. Кинет!

— Сам знаю, — сквозь зубы согласился Шурик, — верить всяким божкам западно.

— Горе, горе-то какое — снова запричитал дракон, испуская дым из ноздрей.

— Да чо случилось-то? — раздраженно спросил Шурик, — еще что-то надо?

— Наш Великий Бог Педрило скончался, и Жидкого Времени для его воскрешения недостаточно! — пояснила третья голова Дракона, — Чтобы возродить Великого нужно идти за Живой Водой.

— А-а-а-а, ну так сходи, — пожал плечами Шурик, — мне то что?

— Не могу, — затряс сразу тремя головами дракон, — это должен сделать Мастер Ключа. — Дракон посмотрел на Шурика и, прищурившись, спросил, — Ты его случайно не знаешь?

Шурик на миг растерялся, Машка вся сжалась.

— Нет, не знаю, — соврал Вепрев и густо покраснел от злобы, — вертай нас назад, уговор был! Нам вообще домой пора, мне на работу утром!

— Эхе-хе, не отпущу, пока живую воду не принесёшь! — нагло заявил Горыныч, — так что давай сосуд сюда. Дракон протянул было свою когтистую лапу, и хотел было сцапать кувшин, но шустрая Машка его опередила, схватив сосуд первой.

— У нас сервис в пакете! — нагло заявила девица, — утром — стулья, вечером — деньги!

— Да я!! Да я!! — взревело трехголовое чудище, — в алебастр вас обоих сотру! Пасти порву, моргалы выколю!

— Хогошо, хогошо, — примирительно заявил Семенов, взяв Шурика за локоть, — пгинесем мы вам живую воду, пгинесем. А потом домой, в Питег. Заметано?

— Конечно, конечно, — дракон закивал сразу тремя головами, — Без базара, будет вам Питер, будет!

— Отвечаешь напидора? — уточнил условия сделки Вепрев.

— Сказал же, без базара!

— И где ваша живая вода и в чём её принести? — любопытствовал Вепрев, стряхивая с локтя цепкие пальцы говноведа.

— Живая вода находится там! — Дракон показал пальцем вверх. — А принести её нельзя, её должны тебе поднести Верхние Боги в Фиале Вечности как некий дар.

— И с какого перепуга им дарить мне этот гребаный фиал? — любопытствовал Вепрев.

— Э, придумай что-нибудь, — махнул дракон лапой, — сам знаешь — ебать и обещать — самое простое дело, оно ничего не стоит!

— Ладнооо..., - с сомнением в голосе протянул Вепрев, — ну, и как нам туда попасть? — Шурик ткнул пальцем вверх. Машка за его спиной тихо всхлипнула.

— А вон, в потолке за мной люк есть, — ящер ткнул когтистым пальцем за спину — туда и полезайте, — наставил путников ящер, — привет Папику!

— Че за Папик? — Поинтересовался Вепрев.

— Богов Папа, понимать надо! — ответил дракон, — все, хватит базарить, полезайте!

Троица молча обошла трон и уставилась на люк, торчащий на высоте метров в пять. К люку вела вертикальная железная лестница, вмурованная в стену.

— Ну что, полезли? — спросил Вепрев, и, не дожидаясь ответа, начал карабкаться по ступеням. За ним робко последовала Маша и Семенов. Добравшись до потолка, Вепрев откинул крышку и, сунув голову в люк, огляделся. Там, в сумеречном свете от площадок, там и сям приткнутых в стены, виднелась еще одна лестница, круто ввинчивающаяся вверх. Вепрев

осторожно вылез на узенькую площадку перед лестницей и крикнул попутчикам:

— Порядок! Лезьте сюда!

Машка, а ней и Семенов, выбрались из люка, и Вепрев носком ноги захлопнул крышку.

— Видать, нам вверх, — сообщил математик компании. — Вперед!

И компания принялась подниматься по лестнице. Шли молча. Первым, как всегда, задавал темп Шурик, держа в руках Златокованый Сосуд, за ним, перепрыгивая через две ступени, взбиралась Машка, а далеко внизу задышливо пыхтел доцент-животновод Семенов. Подниматься пришлось долго, у путников уже начали отниматься ноги, а лестница упорно все ввинчивалась и ввинчивалась в гору. Дважды Шурик объявлял привал, и путники на несколько минут усаживались на жесткие каменные ступеньки и, привалившись к шершавым каменным стенкам, пытались отдохнуть.

Наконец, винтовая лестница закончилась узкой и тесной площадкой, над которой виделся еще один люк, к которому вели несколько ступенек в виде железных скоб, вмурованных в стену. Сверху виднелась круглая крышка люка.

— Ну, наконец-то, — с облегчением констатировал Вепрев, — Полезли на волю! — и экс-математик смело полез по шатким скобам наверх. Взобравшись наверх, он откинул тяжеленную железную крышку. Все услышали, как она с глухим стуком упала на землю.

— За мной! — скомандовал экс-математик!

И Вепрев, а за ним и его спутники, выбрались наружу, покинув мрачную полутьму винтового подъема.

sss

Наверху путешественники огляделись. Как оказалось, они вылезли из люка, здорово напоминающего канализационный, какие во множестве встречаются в городах. Возле них высился ствол гигантского дуба, крона которого разрослась в ширину на несколько десятков метров. В основании дуба было очень темно и влажно, а макушка дерева скрылась в огромном сером дождевом облаке, отчего высоту исполина с земли оценить не представлялось возможным, а корни могучего дуба, выпирающие на поверхность земли, походили на гигантских змей. Других деревьев или кустов вокруг не было совсем, будто всю силу земли впитал в себя этот гигант, не дав своим собратьям ни малейшего шанса на жизнь. Земля поросла густой зеленой и сочной травой, небо было затянуто свинцовыми хмурыми облаками, а вокруг не было видно ни души. Только на расстоянии около ста метров от компании торчала какая-то облупленная кирпичная постройка круглой формы, размером не больше питейного павильончика тети Нади, где так любил зависать дворник Шурик со своими друзьями-неудачниками по жизни.

— Шурик, и куда нам дальше идти? — проныла порядком подуставшая Машка. — Где тут Верхние Боги?

— Да уж, гогубчик, хотелось бы поконкгетнее... — завелся было Семенов, но Вепрев резко оборвал его:

— Заткнись, академик! — и решительно ткнул пальцем в кирпичную постройку, — пошли туда. Может, хоть пива нальют! А ты по ходу расскажи, как здесь очутился.

— И гассказывать нечего, — махнул рукой Семенов, — эти кгысоиды меня в яму кинули вслед за вами. Но сначала сожгать хотели, — пожаловался доцент-животновод и обиженно шмыгнул носом.

— И чо не стали, ну, жрать то? — насмешливо спросил дворник, — невкусный оказался?

— Не знаю, но один там сказал, что уже Бусыгиным нажгались, — с самым невинным видом сообщил молодой ученый.

— Да ты чо? — изумилась Машка, — так и сказал, Бусыгина съели?

— Выходит, да, — подтвердил Семенов. — Вы что, знаете его?

— Ладно, потом перетрем, — прервал разговор Вепрев, — пришли уже.

И действительно, путники подошли к строению, напоминавшему заброшенный склеп с древней, как помёт мамонта, кладкой местами почерневшей и прогнившей. Снизу стены, покрытые болотным мхом, сочились влагой, местами кирпичи раскрошились от старости или совсем выпали. Вход в склеп закрывала массивная двухстворчатая дверь, она, так же как и стены, почернела от влаги и местами поросла грибком. Вместо ручки на двери висело толстое ржавое кольцо, странной формы. Приглядевшись, компания не без удивления рассмотрела в нем согнутый в кольцо мужской половой орган, правда довольно грубой работы. Видимо, какой-то колхозный умелец, создавая сие произведение, изначально собирался выковать змею, пожирающую свой хвост, но как ни старался, а получилось как всегда.

Над дверью висела прямоугольная деревянная табличка, на которой выложенная литыми медными буквами, прибитыми ржавыми гвоздями к деревяшке, красовалась предупреждающая надпись: «Прежде чем войти сюда, подумай: нужен ли ты здесь?» а ниже приписка мелом: «вытерайти ноги».

— Это какой-то склеп, — предположил доцент-животновод, — и стиль похожий.

— А с русским тут не очень, — заметила Машка.

— Да какая разница, — отмахнулся Вепрев, — у кого еще мнения относительно этого сарая будут? Может, войдем?

— Ну, пошли, что ли, — неуверенно согласилась Маша, сделав маленький шагок в сторону дверей.

— Навечно, пгежде чем соваться туда, постучать может, ну, на всякий случай, — робко проблеял животновод Семенов.

— Зачем? — изумленно спросил Вепрев.

— А кто его знает, кто там внутги? Может, оно вежливых любит.

— А-а-а, ну давай! Вперед и с песней! — подхватил инициативу Вепрев, — Чего вылупился, стучи, давай, ботаник. Откажешься — по мордам словишь! — хищно заулыбался Шурик и засучил рукава.

Доцент затравленно сморщился, но пререкаться с авторитетом экс-математика не стал, и так спасибо что взяли с собой, а язык свой пообещал себе в следующий раз держать за зубами «а то мало ли чо опять вякну, не расхлебашь потом» — подумал предусмотрительный животновод.

Молодые люди благоразумно отошли в сторонку, Шурик легким пинком под зад подбодрил животноведа, и Семенов робко постучал в дверь склепа. Она тотчас с треском распахнулась, из нее высунулась мощная мохнатая лапа, схватила оторопевшего от неожиданности Семенова за грудки, с сатанинским хохотом втащила внутрь склепа, и дверь, также с оглушительным треском, захлопнулась.

— Ну, ни хрена ж себе, ситуёвина, — изумился Вепрев.

— Не везет ему капитально сегодня, — прыснула Машка, — По ходу он там был действительно очень нужен, раз его с такими распростертыми объятиями встретили.

— Ага, популярности ему не занимать, — согласился Шурик, — как же —

первопроходец по пищеводу Помойи, селебрити блин!

Молодые люди радостно заржали, потешаясь над беднягой Семеновым.

Через пару минут, вдоволь навеселившись, Вепрев вытер слезы, выступившие от смеха, и предложил Маше:

— Ну, что, пойдём?

Машка мигом прекратила смеяться и недоверчиво покосилась на дверь.

— Ладно, только без стука, хорошо? — осторожно предложила девица.

— Ага, — кивнул головой Вепрев, и, медленно приоткрыв массивную дверь склепа, сунул голову в щель и огляделся. Увиденное его настолько поразило, что он едва удержался от смеха. Прямо перед ним на огромном унитазе с сидела пятиметровая бронзовая статуя лохматого мужика с круглой мордой, увенчанной кривыми рогами, и одетого лишь в набедренную повязку из какой-то пятнистой грязной шкуры. За спиной бронзового гиганта просматривался обширный круглый зал с высоченным сводчатым потолком, в центре которого торчала толстая труба, уходящая в сливной бачок унитаза.

Грязные полы некогда были выложены темно-серым камнем, ныне местами раздробленным в крошку, будто по нему скакало стадо бешеных коров. Но что самое омерзительное — на стенках зала густо висели наколотые стальными спицами тушки то ли людей, то ли животных, похожих на животрепетные души в зале Опохмела. В помещении явно чувствовался запах гнилья и сырости.

Внезапно бронзовый мужик ожил, наклонился и попытался схватить математика за грудки своей огромной как лапа медведя, ручищей. Однако Вепрев, уже поднаторевший иметь дело с ожившими статуями, не раздумывая, с размаху треснул мужика по рогам Бездонным Сосудом. Удар получился скользящим и не слишком сильным, но часть Жидкого Времени случайно пролилась на лохматого гиганта. Мужик тут же забронзовел обратно и статуя с грохотом повалилась на каменный пол. Спустя мгновение бронза покрылась слоем окисла, который начал бурно нарастать и отслаиваться от быстро разрушающейся статуи, так что через минуту от нее осталась только кучка окисла на полу.

— Нас на понты не возьмешь, — победно воскликнул Шурик, и, сверкнув гордым взглядом в сторону Машки, пригласил, — Заходи, мать. Видела как я его?! Одной левой!

— Ага, если точнее — правой. А он чо — растворился что ли? — поинтересовалась Зверева, заходя в зал.

Вепрев почесал затылок и с умным видом изрек:

— Думаю, в результате попадания на этого урода Жидкого Времени из сосуда, произошел процесс быстрого старения, медь, из которой он был сделан, окислилась и разрушилась, будто стоял он тут миллионы лет, — попытался доходчиво объяснить Шурик, — Мощная же штука эта, Время! Да если б в нашем мире иметь хоть пару таких сосудов, можно таких дел наворотить....

— Может быть и так, — тут же заскучала Зверева. Почему-то всегда, когда Шурик начинал что-то объяснять, ей становилось немного скучно и тоскливо. В центре внимания, считала Машка, должна быть, безусловно, она, и ей приходилось ревностно защищать свою позицию пупа земли, по крайней мере, в их с Вепревым отношениях.

— А где Семенов? — поинтересовалась Маша, озираясь по сторонам.

— Да черт его знает, — развел руками Вепрев, — может, надо внизу посмотреть, что там в этой дыре.

Шурик и Маша подошли к дыре и заглянули вниз. Перед ними торчали крутые ступени,

убегающие в неведомые глубины. Узкий проход освещали глиняные коптилки, установленные кое-где в небольших нишах.

— Видать нам сюда, — протянул Вепрев.

— Ну да, — согласилась его спутница, — больше-то особо некуда.

— Уверена? — Экс-математик ещё раз окинул взглядом зал.

— Лично я, — с издевкой высказалась девушка, одёргивая свою мини-юбку, — других дверей, лестниц, люков и тому подобного здесь не вижу. Разве только в унитаз нырнуть! — Маша указала пальчиком на гигантский, размером с гараж, бронзовый унитаз в центре зала.

— Не умничай, — огрызнулся Шурик, — я просто спросил. Идём! — И математик смело зашагал вниз. Сзади цокали Машкины каблучки, а сама она крепко держалась за плечо своего кавалера, боясь сверзиться в неведомые глубины.

Спуск оказался непривычно коротким, и уже минут через десять парочка оказалась внизу лестницы перед капитальной ржавой дверью, которая была слегка приоткрыта, словно приглашая войти. Шурик осторожно, чтобы не заскрипела, распахнул ее чуточку пошире и молодые люди, затаив дыхание, вошли в помещение. Тотчас же дверь за ними с громким стуком захлопнулась.

Взору парочки предстал огромная пещера, грубо вырубленная в черном граните. В некоторых местах на стенах имелись небольшие выступы, к которым были кое-как прилеплены кривые сальные свечи, обеспечивающие тусклое и зловещее освещение зала. В некоторых местах парафин потек длинными грязно-белыми полосами по стенам. Потолок был полукруглым, местами потрескавшимся от времени, а из его центра уныло свешивалась ржавая люстра с давно потухшими старыми свечками.

— А вон Семенов, смотри, Саша! — сказала Машка, дергая Шурика за рукав. Вепрев посмотрел в центр зала и действительно, перед огромным обеденным столом, смотря себе под ноги, словно нашкодивший ребенок, робко переминался с ноги на ногу доцент-животновод Семенов. Потрескавшееся пенсне на опухшей от побоев Ассенизаторов роже смотрелись настолько забавно, что Машка прыснула в кулачек. Казалось, злосчастный животновод, постоянно притягивающий неприятности к своей жалкой шкуре, сейчас опять ждет вынесение приговора, который вот-вот должны были огласить два полупьяных мужика, сидящих за столом.

Один из них сидящий слева от Вепрева, был блаженно улыбающийся старикашка с седой бородой. Внимательно присмотревшись, Вепрев узнал в нем того долбанутого Папика, который отправил его сопровождать своего патлатого отпрыска в путешествии по Питеру. А вот второй, что сидел справа, был действительно кошмарной тварью: казалось, весь он был слеплен из тончайшего белого порошка, и его формы непрерывно перетекали одна в другую, словно белый порошок, составляющий его тело, пересыпался внутри невидимой оболочки. На месте глаз в голове чудовища красовались две черные дыры, из которых торчали кроваво-красные камни с черными вертикальными штрихами зрачков. Рот чудовища непрерывно съезжал то вправо, то влево, а нос оказывался то на лбу, то на подбородке. Ослиные уши этой твари, увенчанные кисточками, непрерывно шевелились, а на лбу гордо торчала пара острых козлиных рогов. Эта тварь как-то сразу не понравилась Вепреву — тянуло от нее чем-то неприятным, опасным, как от скорпиона.

На столе между мужиками стояла огромная, наполовину опустошенная десятилитровая бутылка с водки "Особая Московская", а по всему столу были как попало расставлены разнокалиберные стаканы, чашки, рюмки, бокалы и прочие орудия из арсенала конченого

алкаша. Там же виднелась огромная жестянка с какой-то закусью и висилась гора воблы, а на полу уже была набросана гора рыбьих скелетов. Судя по всему, мужики только-только накатили "еще по рюмашке" пошла и, кряхтя, с протяжным: "ух, хорошо пошла", принялись огромными вилками доставать закуску из жестянки.

За спиной у Папика уныло топталась какая-то молодая миловидная женщина со светлыми кудрявыми волосами и бледной кожей. Одной мертвенно бледной рукой она держала у заплаканные глаза кружевной платочек, а другой держала за руку Патлатого, того самого, с которым Шурик отправлялся в Питер на "задание". Патлатый сильно изменился после приключений в городе — судя по расквашенной морде он вынес немало побоев и прочих медицинских процедур. Сейчас, невинно улыбаясь своей белозубой улыбкой и в грязной рваной одежде, он почти ничем не отличался от обычного бомжа с улицы.

— Возри, святейший, на сына свово... — начала было женщина, увидев, что Папик проглотил закуску и сидел, блаженно сложив руки на животе. Но тот только лениво отмахнулся.

— И говорить нечего, — лениво заявил старичок, — облажался всеконечно, алкот! Теперь пусть идет к Кодеру на перековку! — с этими словами старикашка махнул рукой, и Патлатый с легким хлопком исчез под загробные рыдания Боговой Матери.

Внезапно всеобщее внимание было отвлечено событием в другом конце зала за спиной рогатого чудища. Там в стене пещеры на высоте около метра виднелся люк, в центре которого темнела небольшая дыра диаметром на глазок сантиметров эдак тридцать, не больше. Прямо напротив люка лениво переминалась с ноги на ногу парочка крепких мужичков, вроде того, что встретился Вепреву и Машке на входе, только нормального роста и живых. Один из них держал в руках здоровенный рыболовный сачок, а слева от второго мужичка стоял открытый мешок с каким-то белым порошком, и в нем торчала ручка совка, такого, каким в некоторых супермаркетах люди сами себе нагребают сыпучий товар. Только здесь вместо весов справа от мужичка располагалась некая хитрая конструкция, смахивающая на огромный ножной насос с мехами для надувания резиновых лодок.

— Куда это нас черти занесли? — шепотом выругалась Машка.

— Хрен его знает, — пожал плечами экс-математик, — давай подождем, авось все само собой выяснится...

И действительно долго ждать не пришлось.

На глазах Шурика и Машки в дыре в люке нарисовалась мордочка какой-то бабенки лет этак тридцати (хотя кто ее знает — бабы все гримируются), растрепанная и с обширным фингалом под левым глазом. Лицо бабенки носило интеллектуально-озлобленное выражение, как у многих деятелей науки, которых превратности судьбы занесли в дворники.

— А-а-а!!! Бляха!!! Мать вашу, че за хуйня!!! — истерически завопила предполагаемо бывшая работница науки, увидев зал со всем его содержимым.

Затаив дыхание, Шурик и Машка наблюдали за драматичной сценой.

Завидев бабенку, один из мужичков тотчас выдернул из «насоса» шланг, взял в руки совок, зачерпнул им белый порошок из мешка, и через дырку с помощью бумажной воронки засыпал в меха насоса белый порошок. Затем вставил трубку на место, подошел к голове бабенки, воткнул ей в ноздрю кончик трубки, и резко нажал ногой педаль. Бабенка мигом замолкла и ее лицо приняло задумчивое выражение. Мужичок, не теряя времени, повторил ту же операцию и с другой ноздрей. Бабенка закатила глаза и с виду отключилась. Увидев, что порошок подействовал, мужик открыл люк, а его коллега с сачком тотчас подобрался

поближе и встал наизготовку, держа сачок как бейсболист биты.

Бабенка кулем выпала из открытого люка на каменный пол, но приземлилась благополучно. Через несколько секунд она зашевелилась и уселась на полу. Еще через несколько секунд на лице бабенки появилось выражение дикого кайфа. Она принялась размахивать руками и что-то бормотать, хохоча как сумасшедшая, и тут же над ее головой стало разливаться некое сияние, вроде облака, которое постепенно уплотнилось и превратилось в какую-то полупрозрачную тварь вроде здоровенной крысы.

— Саш, а мы у Опохмела такую же крыску видели, животрепетную, — хихикнув, сказала Машка.

— Ага, — согласился экс-математик, — животрепетную, мать её! И с крылышками!

Действительно, у зверюшки внезапно прорезалась парочка стрекозиных крылышек, с помощью которых она и попыталась было упорхнуть. Однако второй мужик ловко подсек беглое животное сачком, выпутал добычу из сетки и, взяв двумя пальцами, потащил к столу. Там он терпеливо дожидался, пока Рогатый обратит на него благосклонное внимание, и когда это произошло, вручил ему животрепетную душу. Тот с сомнением осмотрел подношение, понюхал и раскатисто рыгнул.

— Ну что, по новой? — предложил он Папику, берясь за бутылку.

— Нмг... и-и-и-и-к...у, — нетрезвым голосом промычал тот, — больше нмагу... иииииик!

— А под дичь будешь? — спросил Рогатый, показывая животрепетную душу, зажатую в кулак.

— Пд дчь буу, — промычал Папик, — тока нарежь сначала, ить глвно...ииииик! — это культурство, усек?... иииииик! А я пока рзлью.

Нетвердой рукой Папик взял огромную бутылку и стал разливать по стаканам, не проливая, впрочем, при этом ни капли, а Рогатый положил животрепетную душу на стол и занес над ней страшный кривой кинжал, собираясь, видимо, порезать на ломтики и сожрать, как колбасу. При виде всего этого у Машки помутнело в глазах, и она с ужасом взвизгнула.

— Что за... — вздрогнул от неожиданности Рогатый и ненароком выпустил животрепетную душу, которая не преминула тотчас вскочить на лапки, расправила крылышки и, ловко увернувшись от сачка, упорхнула к своей слегка очухавшейся хозяйке. Сев ей на правое плечо она что-то пронзительно проверещала на непонятном языке и тут же превратилась в туманное облачко, которое через ухо снова втянулось в свою хозяйку.

Папик и Рогатый похоже только сейчас заметили новоявленных гостей.

— А!!! Это ты, щучий сын! — мигом узнал Папик Вепрева. Старец привстал с скамейки, и лицо его побагровело то ли от злобы, то ли от водки. — Дегенерат хренов!!! Ты, мать твою, какого хуя не уберег моего сынулю? Его ж менты повязали, а ты даже не откупил, идиотина! На што, дурья твоя башка, деньги тебе дадены были?!

С трудом успокоившись, Папик взглянул на Машку и тут же расплылся в масляной улыбке.

— А девица лепа собою, ногами играюща, глазами мигающа, огонь лютый в членах возжигающа! — констатировал Папик, пожирая глазами стройные Машкины ножки под обтягивающей мини-юбочкой.

Машка же, словив на себе похотливый взгляд Папика, для виду немного застеснялась, хотя на самом деле ей даже понравилось подобное внимание — хоть здесь на нее смотрят,

как на модель из Плейбоя.

Наглядевшись на заблудший объект похоти, Папик смачно рыгнул и заявил непререкаемым тоном:

— Значицца так, сотворю-ка я нового сынулю... посредством безупречного — тут Папик поднял палец вверх — зачатия сией девой, раз уж непорочной она не катит. Тряхну стариной, ыгыгыгы! Рачком-с, не желаете, барышня? ыгыгыгы! А то нонешний-то сынуля мой не оправдал оказанного ему — Папик возвысил голос, — высокого доверия, и ваще лошара полная.

Рогатый громко, по конски, заржал и одобрительно похлопал кореша по плечу.

— Не робей, друган, ежели не справишься, я помогу, — пообещал он собутыльнику. — Вперед!

— Ага, — ответил Папик и стал потихоньку подступать к Машке. Девица, слегка испугавшись, спряталась за спину Вепрева. «Нет, знаки внимания, конечно, можно, но трахаться с этим старым козлом — ни за что!» — решила она про себя.

— Да ты не стесняйся, соблазнительница, заголяйся! — проблеял Папик, активно продвигаясь в сторону Машки, не обращая внимания на нецензурные возражения Вепрева, аргументированно возражавшего против межвидового секса. Приблизившись, Папик легко отшвырнул экс-математика в сторону, так что тот отлетел на пару метров и больно приземлился на правый бок, сломав, как ему показалось, ребро. Протянув свою могучую старческую длань к Машке, Папик уже было вознамерился схватить свою добычу, как к нему подлетела со скоростью урагана недавно печально стоявшая подле Патлатого Божова Мать, и с бешеной злобой принялась дубасить сластолюбца по разомлевшей морде.

— Ах ты, педофил гребаный, на малолеток его потянуло! — бушевала мадам, — Ты на себя-то посмотри, пес ты смердящий. Меня тебе и пальцем потрогать запаadlo, а к сучке этой лапы тянешь! Щас я тебе пасть порву, моргалы выколю, лось сохатый! — кулачки разъяренный супруги неистово лупили по голове Папика, а тот лишь безуспешно прикрывался руками:

— Да успокойся ты, кошелка старая!

— Ах, я уже кошелка старая? — заорала женщина, и, сняв сандалий с ноги принялась что есть сил молотить по макушке супруга, приговаривая: — Вот тебе, вот тебе, вот тебе козлиная безрогая!

Привыкший, видимо, к подобным сценам Папик попытался намотать волосы супруги на кулак и как следует поучить супругу по мордасам, но бывалая бабенка, мастерски увернувшись от рук старикашки, продолжала лупцевать сандалией его лысину.

Тем временем Вепрев вскочил на ноги и, морщась от боли в ушибленных ребрах, подбежал к обалдевшей Машке, схватил подругу за руку и повлек за собой.

— Туда! — крикнул Шурик, указывая в другой конец зала. — Авось там че есть! — на ходу предложил он, и Зверева послушно последовала за приятелем.

— И я с вами!! — заорал животновод Семенов, и, схватив со стола ополовиненную бутылку москвича и ведерную банку с закуской, из которой остались торчать вилки собутыльников, рванул за сладкой парочкой. Дамочка, до сих пор молча сидевшая возле мужичков, очумело вертя головой по сторонам, внезапно вскочила на ноги и устремилась за Семеновым с визгом:

— И меня возьмите!

— Стой, — заорали мужички, — хуже будет!

И вся компания галопом устремилась вслед за математиком к противоположному концу пещеры. Но там их ждало разочарование — перед ними была лишь сплошная монолитная стена черного гранита, пробиться через которую не было никакой возможности.

Тем временем Папик, завалив Богородицу могучим апперкотом, торопливо засеменял в кучке людей, сбившихся у стены, подобрав свой балахон и нацелив на Машку огромное орудие безупречного зачатия. За ним, широко шагая, как сутенер по Невскому, следовал покатывающийся заливистым звонким хохотом Рогатый. Завершали шествие давешние полуголые мужички, стоявшие на подхвате у люка. Они омерзительно ухмылялись, предвкушая дальнейшее развлечение, а один из них держал наперевес свой сачок.

— Не робей голубица, он тебя культурно! — прорычал Рогатый, — останешься довольной, не впервой, ыыыыгыгыгыгыгыгы...!

— Будем отбиваться! — решительно заявил Шурик, затем пошарил по карманам в поисках оружия и вытащил здоровенный Бусыгинский ключ. Размеры этого инструмента вполне позволяли использовать его как оружие.

— Пшли нахуй, пропадлины! — благим матом заорал математик, затем яростно размахнулся своим ключом и вдруг случайно чиркнул им по каменной стене. Ключ, как нож по маслу, легко прошелся по камню, оставив за собой бороздку, которая тут же начала с потрескиванием разъезжаться в стороны, превращаясь в узкий проход, вроде трещины, сквозь которую вполне смог бы протиснуться средних размеров человек.

Недолго думая, Вепрев схватил подругу за руку и сломя голову бросился в образовавшийся проход.

— Все за мной, живо! — крикнул он оторопевшему Семенову и пришедшей в себя бабенке. Разношерстная компания, не оглядываясь, бросилась в щель следом за экс-математиком. Вепрев бежал впереди всех и держал ключ прямо перед собой. От касания ключа, монолит волшебным образом расступался, продлевая расщелину все глубже и глубже. За Шуриком, держа его за руку, что есть мочи неслась Машка, звонко цокая каблучками о гранитный пол. Стараясь не споткнуться, позади нее вприпрыжку следовала бабенка, а замыкал колонну беглецов всклокоченный животновод Семенов, неся в руках трофеи со стола Папика. Едва он вбежал в щель, как она с мягким чпоком сомкнулась, отрезав озадаченных преследователей от беглецов.

Компания людей оказались запертой внутри гранитной капсулы. Стало темно и тихо. Только и слышно было сдавленное сопение молодых людей бегущих за спиной Шурика, который ключом прокладывал дорогу вперед. Бежать приходилось буквально на ощупь. Каждый раз, как Шурик ключом пронзал каменную преграду, за замыкающим колонну Семеновым стена тут же вновь смыкалась до первоначального состояния монолита. По ширине и высоте капсула в которой перемещались беглецы, была как раз размером с них.

Так они бежали минут десять, пока не начали задыхаться, ведь свежему воздуху просто неоткуда было взяться. Вепрев начал опасаться, что стена так и не кончится, но упрямо продолжал бежать вперед. Машка зажмурилась от страха и не отпускала руку Шурика, а животновод Семенов просто в открытую начал паниковать, отчего постоянно подвывал и запрыгивал на впереди бегущую бабенку, наступая ей на пятки.

Наконец, после очередного рассечения ключом каменной преграды, расселина внезапно вывела их в какой-то низкий и полутемный тоннель. Молодые люди выскочили из душной каменной капсулы и попадали на пол, тяжело дыша после пробежки в страшной духоте. Отдышавшись, все приняли сидячее положение и принялись оглядывать место, куда их

занесло на этот раз. Как оказалось, они попали в низкий и узкий туннель, оба конца которого вели в непонятный мрак, слегка разгоняемый масляными светильниками, воткнутыми в расселины здесь и там.

— Где это мы? — прервала, наконец, молчание Машка.

— В каком-то тоннеле, надо полагать, — с сомнением в голосе ответил Шурик и неожиданно повернулся к многострадальному доценту Семенову. — Слышь ты, доцент, сгоняй-ка на разведку, узнай чо там и как.

— Я уже ходил в газведку, больше не пойду, — заблажил тот, но, увидев перед носом волосатый Вепревский кулак, тут же передумал: — ну хогошо, хогошо, схожу, тока сначала пгиму на ггудь для хгябгости! — И Семенов щелкнул ногтем по бутылке, которую пронес невредимой сквозь скалу.

— Кстати, всем гекомендую — угощайтесь, — радушно пригласил он коллектив, — только вот стакана нет, пгидется из гогла. — А закуски почти целая банка, даже с вилками.

— Молодец, наука, похвалил Шурик, — принять и закусить — самое оно после таких мастурбаций! — и, схватив огромную бутылку, дворник Вепрев всосал три огромных глотка — по опыту он знал, что это соответствует трети поллитровки.

— Ииии-эх, — выдохнул Шурик, оторвавшись от сосуда с живительной влагой, — хорошо пошла! Нектар Богов! — И, интеллигентно обтерев горлышко об рукав замурзанной куртешки, математик передал бутылку Галине, а сам вытащил вилку, торчащую из ведра с закуской. На зубцы вилки был наколот здоровенный ломоть чего-то, похожего на ломтик сардины-мутанта. Без малейшего колебания Вепрев откусил от ломтя половину и прожевал.

— А ничего, — заявил он компании, наблюдавшей за ним с жадным любопытством, — вполне съедобно и даже вкусно!

После этих слов вожака компания дружно навалилась на холявную жратву и бухло, а поскольку все были голодны и взволнованы, через пять минут бутылка и жестяная банка опустели. Довольные жизнью, сытые и пьяные путешественники привалились к стенкам туннеля и принялись трепаться.

— А вы кем будете, мадам? — обратился Семенов к бабенке, примкнувшей к компании в пещере Папика.

— Я-то? Ну, я кандидат биологических наук, зовут меня Галина, можно просто Галя, — начала отвечать та, будто бы заполняя анкету в бюро знакомств, — раньше я была средним научным сотрудником в НИИ Нанотехнологии имени академика Онотоля Чу Бакса, и занималась производством, так сказать, волшебного препарата БРИКАЛАН...

— Чего-чего? — недоуменно перебила Машка.

— БРИКАЛАН, как он там расшифровывается... ну, этот, ой, мозги зашкалилс извините бога ради, ах, да — БРИкетированный КАЛ Академии Наук. Вот.

— Фу, какая гадость... — брезгливо сморщила носик Зверева.

— Ну, не скажите, милочка. Между прочим, препарат безмерно повышал урожай пасленовых культур. Так, на чем бишь я там остановилась? Ах, да, ну так вот... значицца, когда началась эта эпоха демократии, чтоб ее... — Галина громко выматерилась, — академикам кушать стало нечего, и сырье для БРИКАЛАНА исчезло.

— Академики срать перестали от безденежья? — развеселился Шурик.

— Ну да! — продолжала рассказывать горемычная кандидатша, не обращая внимания на веселье Вепрева, — Производство БРИКАЛАНа нам пришлось свернуть. А тут и сокращени пошли, работы как таковой уже не было, денег у института тем более, вот и выкинули меня

за ненадобностью, — Галина зашмыгала носом, переживая вновь неприятные моменты жизни.

— А дальше что? — спросила заинтересованная Машка.

— Дальше, я — кандидат биологических наук, — Галина всхлипнула и вытерла горячую слезу, — пошлаот безысходности работать на рынок, торговала сначала цветами, но из-за недостачи в кассе пришлось уволиться. На рынке возле дома подрядилась торговать картошкой. И от дома близко и платили колхозники больше. Я им про свои исследования рассказывала, смеялись они очень. Потом познакомилась с одним кавказцем, Ахметом его звали, из тех, что под собой почти все рынки в городах держат и наркотой торгуют. Пару раз сходили мы с ним в местное кавказское кафе, он шашлыком меня угощал, потом домой ко мне приходил зачастил. Однажды предложил подзаработать продажей кокаина. Я поломалась для вида, но согласилась. Ну, поверьте, до печенок надоело медные копейки с рынка в кулаке считать. Местные нарики быстро пронюхали о появлении нового дилера в районе и начали толпами ходить ко мне днем и ночью. Я и сама не заметила, как тоже пристрастилась к коксу. Сначала Ахмет предложил попробовать разок, так сказать, чтобы знала, что толкаю. А потом и вовсе за кокаин на него работать стала.

— Так вот что тебе в нос насосом задували! — осенило Шурика.

— Ага, кокаин. Через него я и откинулась.

— А как? — с ленивым любопытством спросил Шурик, — передозняк?

— Да так вот. Сидели мы однажды с подругой у меня дома и вставлялись. Она по вене предложила вкатить, типа кайфа больше словлю от меньшей дозы. И по ходу не рассчитала там пропорции, вкатила мне пять кубов, сучка, вот я ласты-то и склеила. А дальше вы все сами видели... — грустно подытожила Галина.

— Выходит, к хмырю этому рогатому попадают нарики, перекинувшиеся от передоза? — догадался Шурик.

— Они, точно. Полно таких.

— Ну, а ты, доцэнт? — повернулся Шурик к животноводу, — колись, как попал к Опохмелу?

— Ну ладно, ладно... — согласился Семенов и, зябко передернув плечами, начал печальную повесть.

— Понимаете, к Опохмелу и бабе его, Помойе, попадают все те, кто отбрасывают копыта с перепоя.

— А ты-то откуда знаешь? — пьяным голосом поразился Шурик.

— В очереди на разделку стоял, наслушался, — пояснил животновод, — в общем, нарезался ты, допустим в дребадан, и замерз на улице, или в пьяной драке башку расхреначили, ну неважно, в общем-то, как ты отбыл в мир иной, главное, что по пьяной кукушке. Вот и встречает тебя Опохмел с распростертыми объятиями. Что-то типа чистилища там у него, распределяет души на просветленные, достойные, значит, причисления к лику блаженных, и греховные, отбросы нашего мира так сказать. Это те, что в край спились. Вытряхнутую из тела душу, он использует как закуску. Какая у него там шкала распределения в животе душ этих, фиг его знает, но понятно одно, что «грешники» тонут в бочке с Рассолом Забвения ну а «праведным» душам типа второго шанса дается. Вот как-то так!

— А ты-то где так нажрался, ботаник? — заржали Машка с Шуриком. Галина только напряженно слушала, понимающе качая головой.

— Да вот блин, на радостях выпил лишнего на банкете в честь защиты докторской диссертации. А тема-то, тема какая шикарная была — «Постановка пенной клизмы крупному рогатому скоту в походно-полевых условиях» — не без гордости произнес несостоявшийся доктор наук Семенов. — Ну, я всегда знал, что они мне все завидуют, соотнички то мои, но не думал, что эти бездаги на такое способны! — от горьких воспоминаний лицо животновода сморщилось.

— А кто «они»? — поинтересовалась Машка.

— Ссуки эти! Жыводегов и Шкугосьёмов! — взревел в бешенстве доцент-животновод так, что Машка и Шурик даже отодвинулись от психического доцента. — Они мне пенную клизму вкатили, представляете, и причем в полном соответствии с описанным мной в диссертации методой! Только в качестве клизмы они использовали пенный огнетушитель «ОВП-8» кажись... ну, он там на стенке висел, в мужском согтире где я... в общем, блевал я с пегепоя с непривычки... Нет, ну вы представляете?! — истерическим голосом спросил изнемогающую от смеха сладкую парочку Семенов. — И умер я по ходу от газгыва кишечного тгакта, там же давление в этом огнетушителе охегенное!

Экс-математик с подругой от услышанной истории как чумные катались по грязному полу от смеха и изредка, переводя дыхание, похрюкивали. Галина только с испугом смотрела на страстотерпца, прижав к груди руки.

Отсмеявшись положенное над страдальцем-животноводом, Шурик благосклонно разрешил Семенову и Галине следовать с ними дальше:

— Ну, а теперь пошли с нами, ребята!

— Да куда идти-то? — робко спросила Галина, — в какую сторону?

— Ммда.... - задумался Вепрев, почесывая в затылке, — а и в самом деле? Маш, а ведь мы должны еще Фиал Забвения Горынычу принести! Я и забыл совсем!

— Да на кой он нам, Саша? — неожиданно равнодушно ответила Маша, — че нам этот Педрило? Лучше, давай сами поищем путь домой.

— Поищем, — не слишком уверенно протянул Вепрев, — только куда идти сейчас?

Ответ пришел неожиданно скоро. Внезапно с той стороны, где сидел несчастный животновод Семенов, раздалось низкое рычание, и все, испуганно повернувшись, увидели, как по низкому темному проходу к ним шествует какая-то жуткая черная тварь с рогами на голове. Подойдя поближе, кошмарное существо протянуло к Семенову когтистую лапу, намереваясь схватить. Однако пьяный доцент проявил себя наилучшим образом. Схватив с пола опустевшую бутылку с Московской, он грохнул ей по башке твари. От мощного удара бутылка разлетелась вдребезги, а чудище покачнулось и упало на колени. Тут же Шурик схватил жестянку с остатками закуски, размером с ведро, и со всего маху насадил его на рогатую голову твари, так, что рога пробили жестянку насквозь, и она плотно засела на тылке страшилища, придав ему сходство с рыцарем-крестоносцем. Для гарантии Шурик со всех сил трахнул кулаком по доньшку банки между торчащими рогами и, пихнув тварь ногой, повалил на пол. Тут же мигом подлетевший Семенов принялся пинать его ногами, хекая от злобы.

— Ладно, хватит! — крикнул Шурик, дергая Семенова за рукав, — бежим!

И мигом протрезвевшая компания кинулась в сторону, противоположную той, откуда явился рогатый. Позади себя они слышали, как рогатый побежал следом за ними, громко стучаясь насаженным на башку ведром о стенки тоннеля. К счастью, путь оказался коротким — метров через сто дорогу преградила могучая железная дверь, вся покрытая заклепками,

едва видными под толстым слоем ржавчины. Вепрев с ходу рванул за ржавую ручку, и дверь с ужасным скрипом распахнулась. Торопясь и толкаясь, путешественники заскочили внутрь открывшегося помещения, и Вепрев тотчас же захлопнул дверь, затем запер, повернув ручку. Тут же раздался гулкий удар по двери, и за ней началась какая-то возня, сопровождаемая глухим рычанием. Видимо, к их противнику подоспело подкрепление.

Компания, тяжело дыша, сбилась у входа, оглядываясь по сторонам. Они оказались в довольно крупной пещере, освещенной многочисленными свечами на полу. В углу пещеры стоял колоссальный алтарь в виде огромного валуна, залитого кровью. В другом углу тускло светило небольшое оконце с треснутым стеклом. Жутко воняло тухлятиной, а пол был завален по краям какими-то крупными валунами. Семенов подошел к ним, и пнул один из них. Валун покатился, с треском подскакивая на полу, и вдруг все увидели, что это не камень, а высохший человеческий череп, только с рогами.

— Может, здесь они жертвы приносят? — предположила Галина, — только каким богам?

— Своим собственным, — буркнул математик, — чо делать-то будем?

— Да уж, долго нам тут не продегжаться, — пессимистично заверил Семенов, слушая, как набежавшие твари ломятся в дверь. — Надо искать выход.

— Там какое-то окно, — заметила Машка, — может, пролезем?

Компания гурьбой устремилась к оконцу, и столпилась возле единственного пути к спасению. Вепрев решительно подошел поближе и заглянул в мутное стекло.

— Да это ж зеркало в камерке Бусыгина, тока с другой стороны, — заметил Шурик, взглянув в мутное стекло и увидев, что на кровати валяется обезглавленное тело человека, гениального инженера Бусыгина, наверно.

— Эх, открыл профессор параллельный мир на свою голову, которую, там же и потерял! — философски констатировал Вепрев. — Думаю, надо пролезть в камерку. Мы с Машкой видели, как один из этих пробирался туда через стекло.

От этой мысли всем стало жутковато, но от безвыходности они стали пробовать протиснуться сквозь стекло. Сделать этот оказалось нелегко, стекло казалось какой-то вязкой и липкой перегородкой, которую приходилось разрывать. Но все же, с большим трудом, вся компания пролезла в камерку Бусыгина, и сгрудилась в центре, а Вепрев снова прильнул к окошку. На его глазах дверь с грохотом распахнулась и в пещеру с алтарем, рыча, ворвалась толпа рогатых уродов во главе с предводителем, выглядевшим как точная копия Рогатого из зала, только поменьше ростом, вроде подростка. Тварь попыталась было пролезть в стекло за компанией, но безрезультатно. Стекло лишь вспучивалось, но не поддавалось. Тем не менее, тварь оказалась настырной и, что-то прорычав, заняла позицию выжидания. Видимо, она вызвала подмогу, надеясь, что с ее помощью проберется внутрь и сожрет всех этих вкусных людишек.

— А кто это там? — спросила Галина, указывая на обезглавленное тело на койке.

— Это, видать, Бусыгин, а головой его нынче Ассенизаторы в футбол играют, — просветил Галину Вепрев. Все молча уставились на труп инженера и только Машка робко пролепетала:

— Нужно бы найти голову дяди Сережи, а то нехорошо как-то, — она повернулась к Шурику, — может, пойти и поискать в коридоре?

— Вам лучше пока посидеть в комнате. Я сам пойду, — решил Шурик, и, сделав ручкой, выскочил из душной комнаты.

— Идет. — Трусливо кивнул Семенов, с облегчением вздохнув.

— Как знаешь, — произнесла вслед выходящему Галина.

sss

Захлопнув дверь Бусыгинского логова, Вепрев привалился к холодной стене и задумался — как он смог дойти до жизни такой? Вместо того, чтобы валяться на кровати в своей дворницкой, иногда попарывать Машку, а иногда принимать на грудь в заведении тети Нади, он мечется как идиот по загробному миру в компании алкоголика, наркоманки и сумасбродной Машки. А не послать ли все это? Но тут ему вспомнились, как они с Машей приятно проводили время на его раздолбанной койке, и Вепрев понял, что это он бросить и забыть не сможет. Поэтому, упрямо тряхнув головой, отважный математик поскакал вверх по крутой лестнице, ведущей в тот самый коридор, в который они с Машей прибыли из Бусыгинского подвала. Выйдя из люка, он быстрым шагом направился в сторону приемной Горыныча.

Дойдя до давешней, украшенной самоцветами, двери, Шурик внимательно осмотрел пол, и, не найдя ничего, кроме мусора, углубился в боковой тоннель. Вскоре в одном из углов он увидел какой-то темный предмет. "Неужели нашел?" — мелькнула у Вепрева мысль, и, подойдя к находке, он увидел, что это голова человека. Повернув ее лицом вверх носком ботинка, он увидел перекошенную морду гения-изобретателя. Ухмыльнувшись, Вепрев поднял голову за жиденький стариковский пух на голове, и осмотрел состояние объекта. Видимых повреждений на лице не было, чему экс-математик удивился:

— Надо же, прям как живая!

Внезапно голова открыла глаза и, пристально посмотрев на ошалевшего математика, который едва не выронил ее из рук, громко чихнула.

— Будьте здоровы, — глупо брякнул Вепрев. — Как вы?

— Слышь, Санек, — слабым голосом, почти шепотом, произнесла бусыгинская голова, — будь человеком, отнеси меня в схованку, и приставь к телу, — голова причмокнула, — а то я себя чувствую некультурно без тела, да и в горле пересохло.

— Серьезно? А по морде?

— Сашка, я не шучу. Если сделаешь, скажу, как выбраться наружу, вот те крест! — произнесла бусыгинская голова с явственным надрывом в голосе.

— В Питер, что ли??

— Ну, естественно, — согласилась она.

— Ладно, — и Вепрев потащил голову обратно в схованку, по-прежнему держа за остатки волос.

Обратный путь показался Вепреву короче, как всегда бывает на привычном пути. Спустившись в Бусыгинское подземелье, Вепрев ногой открыл дверь, и зашел в каморку, держа голову перед собой. Семенов и Галина, сидя за столом, увлеченно обсуждали что-то донельзя ученое, а скучающая Машка рассматривала стенку над кроватью, густо увешанную порнографией. Услышав стук двери, ученые обернулись, и дружно охнули, увидев добычу в руках математика, а Машка сдавленно ойкнула.

— Не бойсь, щас посмотрим, чо получится, — произнес Вепрев, направляясь к кровати с туловом гения-изобретателя, лежавшим на животе широко раскинув руки. — Ну-ка, переверните его, — велел он, обращаясь ко всем сразу. Семенов и Галина безропотно подошли к кровати.

— Только нежнее, нежнее, — вдруг потребовала голова, — я, чай, человек, не скотина!

Все снова изумленно уставились на голову.

— Так она еще говорит?! — изумилась Галина, — чудеса!

— Ладно, ладно, — успокоил Бусыгина доцент-животновод, — мы вас остогожненько!

Ну-ка, дамы, я — спегеди, а вы за ноги, — предложил он женщинам, беря тулово за грудки — иииии газ-два, взяли!

И дружными усилиями обезглавленная тушка гения-изобретателя была перевернута на спину. Обезглавленное тело, лежащее на кровати, выглядело донельзя омерзительно, и Машку чуть не вырвало, но, к счастью, желудок девицы был уже пуст.

— Так, щас попробуем, — сказал Вепрев, и решительным жестом приткнул голову к туловищу гения-изобретателя. Все ахнули — голова немедленно приросла, как будто ничего и не было, и старикашка Бусыгин моментально ожил. Усевшись на свою вонючую койку, он немного поправил голову, покрутил шею и удовлетворенно крикнул:

— О, хорошо. Эх, жизнь разлюли-малина, и грудь широкая ... Ассенизаторы — твари. Ничего, я им еще верну сдачу. — С этими словами, восставший во плоти, старикашка Бусыгин кряхтя полез под кровать и вытащил оттуда бутылку портвейна 777. Затем шибко он подбежал к столу, набуровил стакан, и опрокинул в рот содержимое вместе сдохлыми мухами на доньшке, после чего облегченно вздохнул и присел за стол.

— Что, молодежь, весело вам? А это кто с вами?

— Я доцент-животновод Семенов, доктор клизмпостановки. С апробацией и лоббированием в собственном лице и качестве в походно-полевых условиях. — Представился Семенов, — А это...

— Галина, средний научный сотрудник НИИ Онотоля. — продолжила она, — один из авторов препарата БРИКАЛАН.

— Да вы, я вижу, философы! — ухмыльнулся экс-гений Бусыгин, наливая себе очередную порцию. — Ну, давайте выпьем за знакомство.

Коллектив согласился, и все приняли по порции портвешка, который оказался не слишком хорошим, но забористым.

— Санек, под кровать залезь, будь другом, — продребезжал тенорком довольный экс-гений, — там еще должно че-то быть. И закусить!

Вепрев полез под кровать, и начал нащаривать в потемках.

Под кроватью Бусыгина было темно, а на замусоренном полу валялись какие-то обломки механизмов. "Ну и вонь", сморщился Шурик, и тут же увидел в самом углу дыру, через которую вполне мог пролезть человек. Из дыры мерзко тянуло канализацией, но в целом было терпимо. Рядом с дырой стояла полупустая коробка, в которой Вепрев нашел несколько бутылок портвейна и ящик, где обнаружили консервы «Бычки в томате».

Вепрев взял пару бутылок пойла, и рассовал по карманам несколько банок бычков, после чего вылез наружу с трофеями. Отряхнувшись от пыли, он поставил добычу на стол.

— Чо там за дыра? — спросил он окосевшего Бусыгина — воняет как из параша!

— Это, паря, Портал Миров, — разливая портвейн по стаканам, пояснил Бусыгин, — а никакая не дыра. Но ведет, точно, в канализацию Питера, — глуша следующий стакан добавил экс-гений. — Я через нее к людям выхожу для пополнения запасов. И... и в других достойнейших случаях.

— Бежим через нее, прямо сейчас. Меня от этого места уже тошнит! — подала идею Машка.

— Эхм, — начал было Бусыгин, — сейчас нельзя, потому что...

Договорить старикашка не успел, потому что внезапно из зеркала в шкафу с чмокающим звуком выскочила давешняя рогатая тварь. Вепрев успел только заметить, что сзади его подталкивала вторая такая же образина. Все вскочили на ноги, с ужасом смотря, как вылезшая тварь вытягивала за руку в комнату своего собрата. После этого они вдвоем начали наступление на людей, тряся рогами и рыча.

Вепрев первым пришел в себя, схватил матрас с Бусыгинской койки, и швырнул нелюдям в рыла, подняв тучу пуха и перьев из рваной подушки.

— Чтоб вас черти нюхали! — прокричал экс-математик.

Пока твари откидывали матрас в сторону, Вепрев взялся за кровать в целом, и бросил на них.

— А вот вам, суки рваные! — добавил Шурик.

Обе черные твари, размахивая когтистыми лапами, рыча и отплевываясь клочьями ваты, барахтались под кроватью, пытаясь сбросить ее с себя. Однако в тесной комнате сделать это было очень сложно.

— Бежим, — хватая Машку, и таща к дыре портала, командовал Шурик, не обращая внимания на то, что творилось позади него.

Видя, как молодые полезли в дыру, исчезая в ней, Семенов и Галина дружно бросились вслед и торопливо выскользнули из бусыгинской каморки. Вепрев, высунув голову в дыру, крикнул Бусыгину:

— Эй, профессор! Давай за нами!

Однако старикашка Бусыгин, оставшись единственным живым существом в собственной комнате, вытаращив глаза на наступающих монстров, замер, как соляной столб, торопливо бормоча словно в горячечном бреду:

— Янычары, клопоеды, всех вырежем! Янычары, клопоеды...

В то время твари, отшвырнув, наконец, кровать, бросились на опешившего и побледневшего Бусыгина, рыча и размахивая лапами.

— Пошли вон, пиявки подземные, — заорал в отчаянии очнувшийся старикашка, швыряя вседавших демонов все, что попадало под руку на столе. Однако твари, не обращая внимания на артобстрел, схватив старого козла за горло, и унесли его, как мешок, в зеркало, ведущее в страшный и непонятный низший мирок. Вепрев, понимая, что ничем помочь уже не сможет, скрылся в Портале Миров.

В разгромленной и опустошенной комнате Бусыгина воцарилась тишина...

Бежавшие от рогатых тварей путешественники, стараясь не думать о судьбе несчастного Бусыгина, молча поползли по тесной и темной каменной трубе. Тишина нарушалась только шуршанием одежды о каменный пол, да тихим шлёпаньем ладоней об него же. Процессию возглавлял Шурик, толкая перед собой Бездонный Сосуд и поминая чёрта каждый раз, как натыкался на очередной выступ в потолке или дырку в полу. За ним следовала Машка, кривясь от необходимости ползти неизвестно по чему, но вряд ли по красной ковровой дорожке, и замыкали группу Галина и Семенов, которые были рады уже и тому, что до сих пор живы.

Едва только Шурик помянул чёрта в сотый, казалось, раз, как тоннель неожиданно оборвался, и раньше, чем он успел среагировать, бывший математик, никогда особо не блиставший своими спортивными достижениями, больно шмякнулся на пол. Из опрокинувшегося Бездонного Сосуда вылилось немного белесой жидкости, которая растеклась по полу и по выемкам между прогнившими кирпичами стала куда то стекать, образуя неглубокие, по щиколотку, ручейки. Вепрев немедленно возвратил сосуд в вертикальное положение, и, посмотрев наверх, увидел голову Машки, высунувшуюся из тоннеля.

— Саша, помоги мне, — попросила Маша, и Шурик, будучи в глубине души истинным джентльменом, помог девушке аккуратно спуститься. Вслед за ней он помог спуститься Галине и Семенову, причем грациозность последнего была сравнима с изяществом бегемота, поэтому он плюхнулся кулем на каменный пол.

После беглого, но тщательного осмотра оказалось, что сейчас они находятся в довольно обширной подземной пещере, в центре которой с потолка свисал огромный сталактит, испускающий свечение наподобие люстры в большом балльном зале Зимнего дворца, куда Шурик с Машкой однажды ходили на экскурсию. С него со скоростью 16 капель в минуту, как автоматически подсчитал экс-математик, капала вода и ударялась о сталагмит, находившийся тут же в центре. На другой стороне пещеры темными овалами чернели три ответвления: вправо, влево и вперед, представляющие собой довольно просторные туннели, по которым мог легко пройти человек.

— Ну, и куда теперь? — оглядываясь, поинтересовалась нетерпеливая Машка, про себя тихо радуясь, что больше не нужно обдирать колени, ползая по вонючим гнилым кирпичам. Шурик только ухмыльнулся — ему внезапно вспомнился сказочный дорожный указатель: "направо пойдешь — коня потеряешь, прямо пойдешь — голову потеряешь, налево пойдешь — и коня и голову потеряешь". Тут же он получил ощутимый укол под ребра — Машка не любила, когда ее игнорировали, — а парочка ученых мертвецов видимо решила положиться на удачу и смекалку сладкой парочки и посему предпочли ответить на вопрос девушки тупым молчанием.

— Давайте поищем, может чего от старикашки Бусыгина осталось. Следы в смысле, — очнувшись от задумчивости предложил Шурик первое, что пришло ему в голову. — По идее, это укажет путь наверх... то есть вниз... эххмм... в общем в Питер, где бы он не находился.

— Ну, да, — с сомнением в голосе протянула Маша, но ничего другого девушке в голову ей пришло, и она поддержала приятеля. — Ладно, фиг с тобой. Давай поищем.

Несколько минут гоп-компания безуспешно искала хоть какие-то следы, которые могли

помочь определить верную дорогу, но вскоре вынуждена была признать, что даже крысы, которых здесь водилось немерено, прибрали за собой грязь и, судя по всему, подмели. В конечном итоге они сдались, так как следам тупо негде было отпечатываться.

— Финита ля комедия, — заметила наиболее образованная в группе наркоторговка, изрядно утомившись от бесполезного занятия.

— Чего-чего? — тут же отозвалась Машка больше из природного любопытства, чем искреннего желания расширить свой кругозор. — Чо ты сказала?

— Мандец нам сказала, вот чо, — автоматически перевела Галина на понятный девице язык, как ни странно для самой себя без укора в голосе, да и лекцию о безграмотности нынешней молодежи читать не было никакой охоты. «Видимо сказалась должность штатного переводчика на рынке», про себя отметила та.

— Не ссыте, — веско заметил бывший математик. Он уже давно заметил, что женщины не ладят друг с другом, а слушать бабскую ругань опять он не собирался. Посему и решил про себя, что надо бы поскорее женщин развести, или на худой конец заклеить Галине рот скотчем — проделать такое с Машкой он бы никому не позволил. Ну, кроме самого себя, естественно. — Щас осмотрим тоннели, какой-то из них должен вести в Питер, мать его за ногу. Галина, иди с Семеновым в правый тоннель, а я с Машей пойду в левый, — решил отважный дворник-математик, и махнул рукой.

— Кам он, камрады! — и Вепрев уверенным шагом двинулся в левый тоннель.

— Ладно, — согласилась Машка, и зашагала за предводителем. Спорить с приятелем она привычки не имела, если, конечно, речь не шла о выборе туфель или сумочки.

Смерив девицу оценивающим взглядом, Галина кивнула, тоже решив не продолжать беседу, и повернулась к Семенову, чье собственное мнение пряталось так глубоко в коре головного мозга, что невозможно было его оттуда достать, если оно вообще существовало.

— Ну что? — спросила она доцента животновода, — Пошли? Ты первый.

— Пгастите, судагыня, дамы впегед! — уперся боязливый клизмолог, которому не улыбалось прокладывать дорогу в мрачном зеве темного тоннеля.

Парочка живых мертвецов принялась горячо обсуждать, кому выпадет честь идти впереди, но Машка с Шуриком их уже не слышали, углубившись в левый тоннель.

— Блин, щас, погоди секунду, — Шурик стукнул себя ладонью по лбу, и бегом направился обратно. Вбежав в опустевшую пещеру, Вепрев подобрал забытый Бездонный Сосуд и побежал назад.

— Аааа... — протянула Машка, дожидаясь возвращения приятеля со злополучным сосудом. — Склеротик, — подвела итог девушка, когда они вдвоём вновь зашагали по тоннелю, вдоль журчащего ручейка жидкого времени.

Путь оказался недолог — всего через пару сотен метров тоннель оборвался, и сладкая парочка остановилась у входа в пещеру. Затаившись за углом, они осмотрелись и обнаружили, что пещера — это каменный мешок, вырубленный в скале, с неровными стенами, которые как казалось, просто вырубили киркой в стене. На одной из стен был небольшой выступ, на котором коптил небольшой огарок свечи, дававший тусклое освещение. Из заросшего паутиной щербатого свода пещеры торчала труба с полметра диаметром, в которой нудно завывал ветер. Каменный пол пещеры украшал разнообразный мусор, среди которого были обломки камня и другая дребедень неясного происхождения. В центре пещеры на полу виднелась яма глубиной с метр, а над ней возвышался приступок, на котором сидело кошмарное чудовище, похожее на огромный живой пылесос.

Тело монстра представляло собой пыльный мешок, от которого отходил длинный, метра в три, хобот, на конце которого торчали два острых, как у птицы, когтя. Прямо под хоботом на туловище располагались два круглых, красных глаза, между которыми виднелась узкая щелочка, судя по всему служившая ртом этому страшилищу. С круглых боков торчали длинные, тонкие и с виду совсем слабенькие ручки с тоненькими крысиными пальчиками на концах. Ног видно не было. В том же месте, где у особей человеческого вида имеется пупок, у сего зверя свисала тонкая, осклизлая кишка сантиметров пять диаметром, которая своими непрерывными движениями напоминала червяка, насаженного на крючок. Под свисающим концом кишки в ямке стояла миска, в которую из кишки непрерывно выдавливались какие-то круглые предметы, напоминающие медные яйца, размером с куриные. Прокатываясь по кишке, словно проглоченная змеей лягушка, яйца со звоном падали в миску, где уже лежала небольшая горка им подобных.

Напротив этого ожившего кошмара стоял небольшой квадратный каменный столик, размером на глазок метр на метр. На столике аккуратными рядами (100 на 100, как мигмом посчитал математик Вепрев) лежали квадратные кубики, на гранях которых были вырезаны странные и совершенно непонятные значки, напоминающие иероглифы древних майя, которые Вепрев однажды видел в Интернете. В правом нижнем углу, если смотреть от хозяина, камушка не было. В целом вся конструкция слегка смахивала на известную игру 16, некогда весьма популярную в народе, но безжалостно вытесненную плейстешэнами и прочей технотренью, вот только отличался сей агрегат тем что клеток в нем было не 16, а целых десять тысяч. Сверху на камушках лежала какая-то хреновина, с виду похожая на скалку — любимое орудие домохозяек и жен, обиженных неверными мужьями.

Вепрев и Машка посмотрели друг на друга удивленными и испуганными глазами.

— Куда это нас занесло? — шепотом спросила Машка, — давай сматываться отсюда!

Вепрев слегка зажал ей рот, своей мозолистой и давно немойтой рукой и произнес:

— Тихо, мать, не шуми. Тут он нас не достанет, надо осмотреться получше, может, и выход найдем!

Машка не стала спорить с Шуриком, и сладкая парочка затаилась у входа в пещеру. Через несколько мгновений перед их изумленными взорами стали разыгрываться интересные события.

В трубе, торчащей из потолка, что-то загромыхало и из нее, кряхтя и попискивая, на стол перед чудищем вывалилось донельзя странное существо размером с хорошо отожравшуюся крысу. На голове существа красовались огромные, как крылья, уши, склеенные за спиной. Туловище сего чуда природы было прозрачным и внутри него что-то темнело. Шурик без труда узнал в этом странном существе Животрепетную Душу, подобную той, которую он видел в зале Опохмела, падающими в бочку с Рассолом Забвения для полной утилизации. Вепрев посмотрел на Машку, и, судя по выражению на ее лице, понял, что та тоже узнала этого зверька.

Но только в этой пещере с Животрепетными Душами творилось что-то непохожее на процедуру в Зале Опохмела. В данном случае Животрепетная душа с писком упала на стол перед Слонопотамом (как окрестил чудище Вепрев), и, хотя тряслась от ужаса, но при этом даже и не попыталась бежать. Слонопотам же все это время, не прекращая нести яйца, своим длиннющим, вооруженным двумя когтями хоботом, впился в живот Животрепетной Души, в том месте, где у людей располагается пупок. Реакция Животрепетной Души при этом была способна разжалобить даже нильских крокодилов — от дикой боли она громко

завизжала и затрепыхалась, словно в агонии, но сдвинуться с места не посмела. Слонопотам, не обращая на вопли никакого внимания, деловито выдрал из брюшка Животрепетной Души что-то вроде ленты длиной около десяти метров, и покрытой все теми же значками, что и на кубиках, лежавших на столе перед хозяином пещеры. После завершения этой процедуры Животрепетная Душа мигом успокоилась и стояла смирно, как изваяние.

Слонопотам не спеша расправил ленту своими рахитичными ручками, поднес к глазам и принялся читать нарисованные на ней символы, одновременно передвигая хоботом на столике кубики с символами, причем не отрывая их от стола, словно играл. После того как расположение кубиков в первом ряду его устроило, чудище снова принялось читать ленту и двигать кубики. Так он повторял до тех пор, пока не была прочитана вся лента, и почти все кубики не были расставлены так, как хотелось Слонопотаму. Но на последнем ряду кубиков у него, видимо, возникла какая-то загвоздка, и он долго возился, переставляя кубики туда-сюда. В конце концов у него сдали нервы, и махнув рукой, он просто переставил пару кубиков, оторвав от стола.

Полученный результат, видимо, удовлетворил чудище, поскольку он тут же смял ленту в клубок, плюнул на него и замесил до получения тестообразной субстанции, похожей на ком глины. Этот комок Слонопотам со шлепком бросил в центр столика и, взяв в руки скалку — боевое оружие обманутых жен — умело раскатал комок в блин, точно так же, как опытные домохозяйки раскатывают тесто по всей поверхности столика. После этого он снял блин со стола и перевернул, при этом молодые люди увидели, что на обратной поверхности блина появились зеркальные оттиски символов, которые были выгравированы на кубиках. Хозяин пещеры, ни на секунду не отвлекаясь, скрутил "блин" в плотную длинную трубочку, которую он взял в правую руку. Левой же рукой он схватил Животрепетную Душу за хрип, перевернул кверху задницей, и без малейших эмоций начал запихивать трубочку ей в задний проход. Во время этой процедуры Слонопотам сохранял олимпийское спокойствие, хотя Животрепетная Душа визжала, словно недорезанная свинья.

После того как задница Животрепетной Души полностью поглотила трубку, Слонопотам поставил страдальицу на пол. Она все еще слегка повизгивала, тряся ушами, и с недоверием смотрела на своего мучителя, ладошками прикрывая задницу, словно отшлепанный ребенок. Слонопотам же своим хоботом достал из миски одно из снесенных им медных яичек, и легонько стукнул им по макушке Животрепетной Души. Получив по башке, Животрепетная Душа вмиг превратилась в клубящийся вихрь, напоминающий маленький торнадо, который со скоростью пробки, вылетающей из бутылки с шампанским, ввинтился в яйцо. В том месте на яйце, где она душа проникла внутрь, появилась непонятная надпись, обведенная в синюю квадратной формы рамку, чем-то напоминающую штампик ОТК на куриных яйцах. Приглядевшись, Шурик заметил, что на этом штампе написано «Оборот 7, кат. 3». И, судя по довольному урчанию, издаваемому Слонопотамом, это было как раз то, что ему нужно. Закончив свою работу, хозяин пещеры бросил яйцо в яму, которая находилась как раз перед ногами спрятавшейся парочки. Яйцо, последний раз блеснув в пламени свечи, исчезло в черном зеве, и еще некоторое время гулко стучалось о стенки длинной трубы где-то внизу.

Внезапно Слонопотам, провожавший полет яйца своими глазищами, заметил любопытствующих посетителей. Махнув своим хоботом, монстр моментально подхватил за шиворот зазевавшуюся Машку и подтянул девицу к себе. Шурик дернулся было обратно в туннель, но резанувший по ушам Машкин визг пригвоздил его к месту. Надо было спасать

подругу, никуда не денешься. Выскочив из туннеля, Вепрев бросился к нише Слонопотама, который деловито задрал Машкину юбчонку, и вертел ее как куклу из стороны в сторону, разглядывая аппетитную попку в зелененьких трусиках.

Подскочив к Слонопотаму, Шурик треснул кулаком правой руки по хоботу, стараясь вывести из строя самый опасный член монстра — тоненькие ручонки существа реальной угрозы не представляли, а вот хобот явно обладал недюжинной силой. Оставив Машку, хобот изогнулся дугой и отшвырнул Вепрева к стене. Не удержавшись на ногах, экс-математик упал, больно ударившись бедром о некстати подвернувшийся выступ пола. Стимулируемый истощенным визгом подруги, Вепрев тут же снова подскочил к Слонопотаму, стараясь пнуть того в пузо, или треснуть кулаком в глаз. Отхватив увесистый пинок в район кишки, Слонопотам глухо рыкнул и ушел в глухую защиту, ловко парируя все атаки Шурика своим хоботом. Но стоило непривычному к таким сражениям Шурику ослабить напор, как он вновь покатился по полу, обдирая бока о неровный камень.

Быстро вскочив на ноги, Шурик заметался в поисках подручных предметов. Уделать «пыльный мешок» в рукопашную у него, ясное дело, никак не получалось, и следовало быстренько отыскать что-нибудь тяжелое, и, желательно, длинное. Но в убогой пещерке кроме неподъемного столика и глиняной миски с яйцами ничего подходящего не наблюдалось. Внезапно в светлой голове бывшего математика молнией полыхнула вспышка озарения, высветив закоулки сложного человеческого мозга до последней извилины. Яйца! Засадить яйцом Слонопотама в лоб, чтобы превратить его во вращающийся вихрь! А если на него это не подействует? Ну, тогда просто в лоб засветить, чтобы хоботом своим поменьше размахивал. Поднырнув под мечущийся шланг, Шурик подхватил из миски одно яйцо, и тут же получил увесистый удар по спине.

В третий раз отлетев к стене, Шурик вскочил на колени и метнул добытое яйцо в Слонопотама. Где у того находится лоб было не совсем очевидно, но времени на анатомические изыскания у Шурика не оставалось. Тут бы под очередной удар не попасть. Но особая точность броска была, как выяснилось, и не нужна. Едва яйцо впечаталось куда-то в область правого глаза, грузный монстр обратился в тугой смерч впечатляющих размеров, разметавший едва держащуюся на ногах Машку и еще не успевшего утвердиться на ногах Вепрева. Моментажно втянувшись в яйцо, которое с глухим металлическим звоном шлепнулось на пол, обитатель пещеры исчез.

Прихрамывая и почесывая ободранные о камень бока, Шурик приковывал к тихо всхлипывающей от пережитого страха Машке. Опустившись рядом с ней на корточки, он попытался привести ее в чувство.

— Ну, все-все, мать. Прорвались, отбились. Подбирай сопли.

— Да он...! оно...!

— Да все. Нет его, надавали по яйцам.

— Да я..!

— Ты молодец. Не далась подлому врагу. И визжала, как корабельный ревун. Вставай, давай. Дальше потопаем.

Оставив всхлипывающую, но уже немного пришедшую в себя Машку, Шурик осторожно подошел к валяющемуся на полу яйцу, без остатка поглотившего немаленькую тушу Слонопотама. На тускло отблескивающей скорлупе, красовался синий штампик с надписью «404. неконд.». Вблизи он увидел, что скорлупа выглядит уже не медной, а скорее, золотой.

Решившись, Шурик поднял опасное изделие, поглотившее своего создателя, и, повертев

в руках, решил оставить подвернувшееся оружие себе. А то по местным подземельям какая только гадость не бегает, а у него даже приличной палки под рукой нету. А так любого рогатого можно будет в джинна превратить. И Вепрев положил яйцо в карман, добавив еще и пару яиц из запаса в пещере.

Вернувшись к успокоившейся Машке, Вепрев показал добычу подруге.

— Ты только глянь, Маша! Мощная штука! Оно, пожалуй, кого хочешь в себя всосет. Надо только по морде как следует им треснуть.

— Так оно ж золотое! — Вытерев слезы, проявила интерес к окружающим вещам Машка.

— Не факт. — Усомнился Шурик. — Нынче бижутерию наловчились делать, будь здоров. От настоящего золота хрен отличишь.

— Без разницы! — Отрезала Машка. — Дома разберемся.

И Маша положила в кармашек юбки понравившееся яичко, добавив, по примеру Вепрева, еще парочку из миски:

— Медяшка тоже денег стоит. А если и вправду золотое, то и бабла срубим, — заявила девица, — в Анталии на две недели хватит. Нет! На два месяца даже. В море будем купаться, и никаких лекций, никаких учебников и преподав.

— До Анталии еще добраться надо. — Охладил Шурик оптимизм подруги. — А мы вообще неизвестно где.

— Известно где — в глубокой жопе. — Возразила Маша, — и выбираться из нее нужно вверх.

— Ну, вверх, так вверх. — Не стал спорить Шурик, которому уже порядком осточертели все эти подземелья, туннели и крысиные ходы со всеми их обитателями. — Давай, поищем, где тут выход.

Тщательно осмотрев пещеру Слонопотама, молодые люди к своему разочарованию не нашли никакого выхода, кроме того, по которому пришли. Правда, в потолке торчала труба, через которую Животрепетные Души попадали в лапы Слонопотама. Но до неё невозможно было достать, а яма, знакомство с которой они благополучно избежали, являла собой совершенно вертикальную шахту, дна которой не было видно. Вепрев бросил в нее камень, подобранный на полу, и он мигом исчез в темноте, словно в воду канул.

— Видать придется вернуться — тут ловить нечего, — разочарованно протянул экс-математик.

— Да, пошли назад, — согласилась Маша, настроение которой улучшилось, и она теперь мурлыкала словно сытая кошечка. Скажи ей Шурик, что надо сигануть в яму, она бы прыгнула. Потом, правда, опомнилась бы, но это было бы только потом.

И молодые люди побрели обратной дорогой, против стекающего в яму ручейка Жидкого Времени. Достаточно быстро они вернулись к входу в пещеру, в которой расстались с Галиной и Семеновым. Представшая перед ними картина была ужасна. В сумрачном свете сталактита, на полу, в луже крови валялись зверски обезглавленные тела Галины с задранной юбкой и Семенова со спущенными штанами. Видимо они не слишком озадачивались поиском укромного местечка и решили познакомиться друг с другом поближе прямо тут, не отходя, так сказать от кассы. Но завершить желаемое им явно не удалось, поскольку на них наткнулись Ассенизаторы, парочку которых увидели перед собой Маша с Вепревым. Но двигались те как-то странно, задом наперед, пятясь к лежащим на полу пещеры тел. И все движения Ассенизаторов представляли в абсолютно нелогичном ракурсе,

напоминая анимацию на отматываемой назад пленке. От охватившего их ужаса сладкая парочка замерла на месте. В тот же миг Ассенизаторы тоже остановились и замерли в совершенно неестественных позах. Причем один — с занесенной назад ногой, как бы на полушаге спиной вперед.

— Ой, Саша! Что все это значит!?! Что они с ними сделали!?! — Маша была в шоке от увиденного. — Что теперь будет!?

— Подожди, мать, не егози! Щас посмотрим! — Шурику тоже было не по себе, но он бодрился, — стой на месте.

Вепрев прошел насколько шагов вперед, и с удивлением подметил странную особенность — вместе с ним начали задом наперед двигаться и Ассенизаторы. Шурик в недоумении остановился, затем сделал еще несколько осторожных шагов. Одновременно Ассенизаторы тоже прошли несколько шагов.

И тут не проспиртованные остатки мозгов бывшего отличника мехмата озарила гениальная догадка. Пролитое им из кувшина время, разделилось на два ручейка. А значит и они, разделившись с Семеновым и Галиной и следуя вдоль этих ручьев, пошли вдоль двух разных потоков времени! А это значит, что теперь они с Машкой следуют в одном векторе времени, а их попутчики — в другом.

— Слышь, Машка, это многомерность времени! — воскликнул Вепрев, в котором пробудилась былая гордость, — Да я — почти Нобелевский лауреат!

— Чего? — недоуменно вытаращилась Маша.

— Да того! Тут так получается, — принялся увлеченно пояснять Вепрев, — в своей системе координат мы возвращались назад против потока жидкого времени не только в пространстве, но и во времени! И, стало быть, видим мы те события в пещере, которые произошли во втором потоке времени, причем задом наперед. — Шурик даже вспотел от этих мыслей. В свое время он много читал о многомерности пространства и путешествиях во времени. Да уж, Герберту Уэллсу такое и не снилось!

Если его предположение, верно, то видят они те события, которые произошли уже после их ухода, причем задом наперед. А значит, есть вероятность, что дойдя до центра пещеры они увидят своих попутчиков живыми и здоровыми, только действовать надо быстро!

Разобравшись в чем дело, Шурик мигом воспрял духом,

— Маша! Мы в параллельных потоках времени, понимаешь? Они живы, мы их за тем поворотом встретим, еще наверно и трахаются там, падлы! Да не стой ты столбом! Пошли скорей!

— Ты совсем сдурел! — взвилась Машка, — псих ненормальный! Нас же там Ассенизаторы только и поджидают, мигом чайник твой гениальный оторвут на фиг! И мой заодно прихватят!

— Да говорю тебе, когда мы войдем в пещеру, Ассенизаторов там еще не будет. Ты про машину времени слышала!

— Ну, это типа кино «Назад в будущее», что ли? Допустим.

— Ну да! Мы вернулись назад во времени и то, что для нас уже произошло, для Семенова с Галиной еще в будущем. И для Ассенизаторов, между прочим, тоже. Соображай быстрее, не тормози!

— Ну, вроде поняла, и что ты предлагаешь?

— Да как что! Да в пещеру надо идти, что не понятно?

— Сашенька! Да нас же там убьют! — умоляющим голосом пискнула перепуганная

Машка. Она знала, что на ее приятеля иногда находят задвижки и научилась с ними справляться.

— Да нет же! — Шурик схватил Машку за плечи и каждое свое последующее слово сопровождал мощным встряхиванием подруги, — Когда мы войдем туда, Ассенизаторы уже уйдут! Мы сейчас идем против времени! Ну! Поняла!

— Кажется, да. Не тряси ты меня. Больно! — Маша вырвалась из рук Шурика, — Пошли уж, гений! Чего уж там. Будем надеяться, что ты прав. Хотя я в этом сильно сомневаюсь!

Не сводя глаз с крысолюдей, сладкая парочка медленно и осторожно двинулась к центру пещеры. Тут же лента событий параллельного потока времени стала раскручиваться в обратную сторону. На глазах обалдевшей от увиденного парочки Ассенизаторы попятились назад, задницами приближаясь к телам Семенова и Галины, затем нагнулись и, проворно подняв убиенных людей за ноги, принялись толкать их плечами вперед в тоннель, который не так давно Галина и Семенов ушли исследовать. Видно было, что Ассенизаторы общаются между собой. Но разобрать их речь было невозможно, поскольку та, подчиняясь обратному вектору времени, звучала тоже в обратном направлении, напоминая звуки пущенной задом наперед звуковой дорожки.

Если бы не обезглавленные тела, то действие выглядело бы достаточно комично. А так все становилось похоже на страшный фарс, сотворенный чьим-то больным воображением.

С трудом осознавая реальность происходящего, молодежь двинулась дальше. Одновременно ассенизаторы, толкая перед собой тела ученых-говнологов, вошли в тоннель.

Увидев, что враги скрылись, и опасность временно миновала, Шурик и Машка ускорили шаги. И вдруг из туннеля живые и здоровые вышли их попутчики и спинами вперед двинулись к центру пещеры.

— Ой! Офигеть можно от такого! Живые! Не может быть! Они же только что... Их же только... блин... да как же это? — казалось, Маша лишилась дара членораздельной речи.

Шурик же только удовлетворенно хмыкнул. Честно говоря, он и сам был не до конца уверен в своей правоте, но цепь развернувшихся перед ними событий подтверждала его теорию.

Семенов и Галина о чем-то увлеченно беседовали, но их речь звучала наизусть, и понять что-либо было совершенно невозможно. Дойдя до центра пещеры, они остановились, и, оживленно жестикулируя, продолжили что-то обсуждать. Машка мгновенно поняла, что Галина явно кокетничала с Семеновым и мысли парочки заняты всем чем угодно, но только не исследованием пещер.

— Вот как вредно поддаваться голосу плоти во время выполнения важной миссии! — наставительно изрекла Машка, которую явно забавлял роман ученых-говноведов.

— Ой, блин, ну, ты, мать, сказанула, как в лужу пернула! — Шурик заржал как молодой конь. — Сама не так давно «поддавалась» блин, голосу, блин, плоти, блин! И откуда ты слова такие знаешь только!

— Сам ты урод недоделанный! Я тоже образование имею и книжки читаю в перерывах между стрелками с такими как ты умниками! — Машка разошлась не на шутку.

— Ага! Все что ты могла успеть прочитать, за то время, когда у тебя сведены ноги — это сказку про Колобка и курочку Рябу! Посмотри на свои коленки! Они же видят друг друга очень редко! Прямо соскучились уже друг по другу!

Разозленная Маша была уже готова броситься на обидчика с кулаками, но тут они дошли до центра пещеры и увидели, как без пяти минут доктор наук и бывшая наркоманка

направились к входу в свой тоннель. Причем Семенов галантно подталкивал Галину кулаком в бок и, глядя на неё как голодный кот на сметану, приговаривал «Ну те-с, пгойдемте-с. Дамы впегед-с.... Пгоходите. Галочка. Не бойтесь. Я не кусаюсь. Вот мы, наконец, и одни будем-с».

Галина, подбирая юбку и томно улыбаясь, поспешно направилась к выходу из пещеры. Мысль о скором удовольствии ей, видимо, тоже очень нравилась.

— Стойте, придурки! Мать вашу! Стойте! Ни шагу дальше! — громко закричал Шурик, размахивая руками, пытаясь предотвратить трагическую гибель попутчиков.

— О! А вы чего вернулись? Тока ж ушли? — Галина жутко удивилась, а животновод только недовольно запыхтел, и уже собрался было выдать гневную тираду по поводу некомпетентности нынешней молодежи во всех жизненных вопросах. Больно уж ему хотелось трахнуть Галку. А тут эти вернулись...

— Да мы не..., - начал было объяснять Вепрев. Но вдруг из тоннеля, куда ушли Ассенизаторы раздались скрежет когтей, треск костей и душераздирающие человеческие вопли. Казалось, что кричащим по меньшей мере отрывают головы.

Недоумевая, откуда берутся крики — ведь первую версию событий они вроде предотвратили, но хрен их знает, эти парадоксы времени — штука неведомая!

Вепрев, сознавая что отсюда надо немедленно убираться, приказал:

— Всем заткнуться и бежать в средний тоннель!

— Чего это ты гяскомандовался? — Семенов явно нарывался на ссору и принялся качать права.

— Ты, пидор ученый! А ну быстро за мной! А то щас глаз на жопу натяну и моргать, блин, урода заставлю! — Шурику некогда было разводить реверансы, — А ну заткнись и быстро пошел вперед!

И, безжалостно схватив животновода, Галину и Машку в охапку Вепрев затолкал их в центральный, еще никем ни исследованный, тоннель.

Пораженные такой бешеной экспрессией со стороны всегда сдержанного вожака, все предпочли покориться и отложить все выяснения отношений до следующего раза.

В пещере осталось только эхо, несколько раз старательно повторившее финал выступления Вепрева, словно стараясь запомнить его как можно точнее, а компания торопливо зашагала вглубь тоннеля, торопясь убраться подальше от пещеры, в которой уже звучали визгливые голоса Ассенизаторов. Идти пришлось недалеко и обошлось без происшествий. Тоннель вскоре плавно изогнулся и сталактитовое освещение почти пропало. Всем пришлось идти в потемках, и в результате доблестный доцент через десяток шагов с маху запнулся об какую-то железяку и покатился в пыли, сотрясая воздух матерной руганью. К счастью, преследователей не было, и путешествие продолжилось без приключений.

Примерно через сотню метров тоннель уперся в глухую стену, в которую был вмурован небольшой железный люк, заляпанной пятнами ржавчины и облупившейся краски.

— Да твою же ж мать, — огорчился Шурик — опять дверь!

И доблестный математик приблизился к стене, преградившей путь отважному квартету. Вблизи стало заметно, что к люку был кое-как приварен обломок ручки, тоже ржавый и грязный как и все вокруг. Вепрев брезгливо взялся за эту железяку и подергал. Люк, однако, засел крепко.

— Эй, народ! Сюда! — позвал подмогу Вепрев, и все, кое-как уместившись перед люком, принялись со всех дёргать обломок ручки. Крышка, хоть и была небольшой —

полметра на полметра, не более — не поддавалась, словно вросла краями в стену.

— Чем бы поддеть... — глубокомысленно изрек пришедший в себя доцент-животновод, и в тот же миг железяка, не выдержав очередного рывка, скрипнула и, подняв тучу пыли, тяжело рухнула ребром на пол. Машка едва успела отскочить, иначе осталась бы без пальцев на ногах, а ведь красота женских ножек не в последнюю очередь зависит от наличия пальцев...

Перед обалдевшим квартетом путешественников предстал очередной пещерный зал. На первый взгляд — всё то же самое. Те же пять метров в диаметре, те же следы кирки на стенах, та же метровая дыра в полу... Но это впечатление было обманчиво. Виновато было освещение — шахтёрская коптилка, втиснутая в особо глубокий след от кирки.

В тусклом свете этого примитивного прибора можно было разглядеть, что слева в стене пещеры виднеется какой-то темный и низкий тоннель, а в прямо противоположной от визитеров стене высечен в камне огромный рот какого-то человека. Ниже рта волной до пола нисходила широченная борода. Там, где свод начинал изгибаться, торчал монументально широкий нос картошкой, а сверху, под самым потолком пещеры, торчали два рачьих глаза. Создавалось впечатление, что лицо было вогнуто внутрь по стенке пещеры. С центра потолка пещеры свисало осьминожье щупальце, все время шевелящееся, будто червяк, насаженный на крючок. Выглядело это настолько дико и комично, что Вепрев сдержанно хохотнул.

Перед лицом на полу стоял кривоватый глиняный тазик диаметром с полметра, а между тазиком и лицом лежала горка каких-то круглых предметов размером с теннисный мяч. Может, это и были теннисные мячи? Тазик же был доверху залит какой-то густой, как кисель, субстанцией, которая непрестанно шевелилась, как живая, и при этом в ней непрерывно вспыхивали яркие искорки. Вепрев сразу припомнил, что примерно так же выглядела жидкость в подземной реке, куда он попал из зала Творца Примитивов, только там она была пожиже. По краям тазика были нанесены какие-то невнятные значки, вроде тех иероглифов, что были на фишках Слонопотама. За тазиком виднелось черное отверстие шахты, ведущей в неведомые глубины. Из дыры доносился гул, похожий на шум воды в горной речке.

Справа от тазика возвышалась здоровенная стеклянная бутылка литров на двадцать, заполненная прозрачной бесцветной жидкостью, одним своим видом навевавшей весёлые мысли о хрустящих солёных огурчиках.

Сначала Вепрев принял было изогнутую морду за какого-то скульптурного божка, но внезапно на глазах у обмершей гоп-компании щупальце изогнулось, и выдернуло из бороды пучок волос. При этом лицо крякнуло и скривилось от боли.

Выдернутый пучок волос щупальце бросило в тазик. Волоски 3–4 секунды плавали на поверхности субстанции, и вдруг, повинувшись непонятной силе, сориентировались так, что каждый из них повернулся кончиком к одному из иероглифов на краю миски. Примерно так же стрелка компаса ориентируется по магнитному полю. В результате все волоски в миске образовали круглую щетку, как у кухонного ершика.

Тотчас же кисель вскипел, и яркие искорки, плававшие в «киселе» начали облеплять каждый волосок, так что через несколько секунд весь «ершик» начал светиться.

Этот свет разгорался всё ярче и ярче, и вдруг кипение мгновенно прекратилось. Тотчас же в центре «ершика», там, где свечение было максимальным, мигнула яркая вспышка, которая волной распространилась по волоскам, и, достигнув их кончиков, затухла.

Немедленно волоски стали быстро расти и загибаться вверх, переплетаясь друг с другом. Не прошло и пяти минут, как в миске остался плавать круглый предмет размером с теннисный мячик, хотя теперь он был больше похож на буёк от рыболовной сети.

Осьминожье щупальце прекратило бесцельно извиваться, бережно подхватило этот «мячик» и отложило его в кучку, что возвышалась между Лицом и Тазиком.

Внезапно толстые губы Лица шевельнулись, и из приоткрывшегося рта донёлся рыкающий звук, в котором даже близко не угадывалась человеческая речь. Но Лицо было услышано. Из тоннеля слева вышел, пошатываясь, оборванный и грязный, как бомж с Московского вокзала, человек с корзинкой в руках. И в оном человеке Вепрев с изумлением узнал Патлатого. Несмотря на совершенно опустившийся вид и обширный свежий фингал на левой стороне морды лица, старого знакомого все ещё можно было узнать.

Узнала Патлатого и Машка. Вепрев едва успел зажать ей рот ладонью, но она всё равно тыкала пальцем в человека с корзинкой и изумленно мычала.

Подойдя к горке с мячиками, Патлатый, так и не заметив зрителей, аккуратно сложил их в корзинку, затем с трудом поднял её и, натужно семеня, снова скрылся в темном проходе.

— Народ, — Шурик, прищурившись, покачал головой: — Айда-ка за ним! — и, натолкнувшись на недоуменные взгляды, пояснил: — Похоже, единственный выход отсюда либо за этим проходом, либо...

— Либо наш нечесаный друг точно знает, где выход, — кивнула Машка.

Тоннель оказался не таким уж темным, как представлялось. Тут и там на камнях тускло светились пятна какой-то слизи, давая вполне отчетливое представление о рельефе под ногами и расстоянии до препятствий, поэтому Вепрев уверенно шагал вслед за ковыляющим Патлатым, скрываясь за выступы скал. Сзади доносились пыхтение и топот доцента, а также тихонькое повизгивание и семенящая дробь женских ног.

Прошагав по тоннелю примерно сотню метров и, несмотря на фосфорическое освещение, набив пару шишек о низкий потолок, Вепрев, а за ним вся компания, вошли в обширное полутемное помещение, образованное внезапно расширившимся коридором. Светящейся слизи здесь было больше, а с потолка свисали такие же корзинки, как и в руках Патлатого. Большая часть корзинок в центре была заполнены "мячиками", а по краям висел сплошной порожняк. Заглядевшись на плетёную утварь, Шурик едва не угодил в дыру в полу, метра полтора диаметром. Пришлось резко отскочить от края, чтобы не свалиться, и Вепрев столкнулся спиной с Патлатым, который как раз цеплял принесенную корзинку на ржавый крюк, свисающий на веревке с покрытого светящимися пятнами потолка.

Недолго думая, доблестный математик схватил старого знакомца за хрип, и плотно припечатал одного к стенке пещеры.

— Привет, уёбок, — произнёс Шурик, пытаясь отдышаться, — я соскучился!

— Зачем ты здесь? — взвизгнул Патлатый, — Великое Таинство Творения не должно быть открыто вам, ничтожным смертным!!

— Заткнись, урод, звезда рекламы хосписа! — прошипел экс-математик, — как отсюда свалить, быстро, ну?!

— Истинно, истинно базарю вам, — заблажил в ответ Патлатый, закатывая глаза, — как нет пути Смертным в чертоги Творения, так нет для них и выхода из них, ибо истинно, истинно базарю я, не пройти вам Сито Времени! И оставаться вам здесь навечно, пока не свершится деяние великое, и разверзнутся Небеса, и силы Небесные, ошуюю и одесную

Папика моего, не придут вершить Суд Вечный, Чисто Конкретный, Доскональный!..

— Александр, — вполголоса произнесла Галина, трогая Шурика за плечо, — оставьте вы его... Он же свежевдетый, под дозой.

Шурик и сам уже понял, что обдолбанный «спаситель» ни на что не годен, но продолжал удерживать его за горло, борясь с соблазном свернуть ему шею, чтоб раз и навсегда избавить планету от балласта. Но всё-таки соблазн не победил, и Вепрев отшвырнул продолжающего причитать Патлатого от себя, постаравшись, чтобы тот пересчитал своей дурной башкой побольше висящих корзин. «Пророк» по сложной траектории между жёсткими корзинами достиг противоположной стенки и распластался на ней, мелко дрожа от пережитого стресса и продолжая бормотать что-то вполголоса.

Шурик повернулся к своим спутникам с намерением задать вопрос о дальнейших планах, но слова застряли у него в горле. Спутники выглядели ужасно. Сказались подземные скитания, неопределенность, множество микрострессов и полное отсутствие воды для питья и умывания.

Семенов, шепча себе что-то под нос, энергично рвал левой рукой последние волоски на макушке. Галина нараспев, словно молитву, декламировала какие-то сложные и витиеватые проклятия, столь же изощрённые, сколь и непечатные. Её не очень внятная речь была густо пересыпана словами типа: «Кокаин», «Кавказ» и «Мафия», а руки беспокойно искали что-то в складках одежды.

Поискав глазами Машку, Шурик обнаружил её стоящей на цыпочках на самом краешке здоровенной дыры в полу, в которую сам он только что чуть не угодил. Казалось, девушка собирается прыгнуть вниз. Ветров осторожно двинулся в её сторону, слабенько замычав что-то вроде: «Эээ!». Обернувшись на звук, Машка улыбнулась. В её нахальных глазах не было даже оттенка отчаяния, зато остро светился огонёк озорного любопытства:

— Иди-ка сюда, — громко зашептала она: — Чем пахнет?

Шурик облегченно вздохнул, в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и заглянул в провал. Вертикальная шахта с неизменным, полутораметровым диаметром, вертикально уходила вниз и терялась в темноте. И дна не видать, и стенки гладкие. Страшноватый способ бегства. И гудело там что-то внизу не по-детски, как ветер в трубе брошенного завода по дороге на Гатчину. Но пахло вкусно.

Он потянул носом:

— Да огурцами пахнет, чем же ещё? — Он улыбнулся: — Свежими огурчиками, только с грядки, ещё нагретыми на солнышке. — Он ещё раз потянул носом и вдруг нахмурился: — А теперь пахнет крысой!

— Прикольно же?! — весело хихикнула позитивная Машка, не дослышав последней фразы. Шурик не ответил, он смотрел в проход, из которого на брюхах выползали три серые фигуры с длинными голыми хвостами. Стал отчётливо слышен скрежет когтей и повизгивание.

— Ассенизаторы, мать их... если она, конечно, у них вообще когда-нибудь была, — проворчал Вепрев, и рывкнул во все горло: — Атас! — И отступил в глубину корзинных рядов, буксируя за собой Машку. Галина уже пинками подгоняла Семенова в ту же сторону. Но было поздно, слишком поздно! Монстры уже вскочили на задние лапы и, подпрыгивая на хвостах, решительно направились в сторону замершего от ужаса квартета.

Шурик в очередной раз пожалел, что не взял хоть какого-то оружия, и обречённо сунул руку в карман. Неожиданно его пальцы наткнулись на металл. Яйцо! Это было яйцо со

Слонопотамом, про которое он совсем было забыл!

— Так, тихо всем! — зловеще проговорил Вепрев, вынимая из кармана металлический снаряд, — Тихо, говорю! Не дёргаться и не мешать, выстрел у меня только один! Ииии, раз!

И он метнул изделие «404. неконд.» в среднего Ассенизатора.

Если б он знал заранее, каковы будут последствия, чёрта с два бы он это сделал. Результат превзошел всё, чего можно было ожидать от метательного снаряда размером с противопехотную гранату-лимонку Ф-1.

Раздался громкий взрыв такой силы, что с потолка посыпались корзины с мячиками и пустые, а всех присутствующих разбросало по сторонам. Вепрева с Машкой отнесло к стенке, и они больно ударились о шершавую стенку, Шурик — задницей, а Зверева — спиной.

Через некоторое время, когда улеглась пыль, Вепрев встал на ноги, и, озираясь по сторонам, помог встать Машке. Вслед за тем молодые люди внимательно осмотрели пещеру. Они увидели престранную картину: возле входа, среди корзин и мячиков, надутым индюком сидел Слонопотам, и своим хоботом деловито ковырялся в животе Ассенизатора, видимо, пытаясь отыскать пупок и выдернуть из него ленту со значками. Остальные двое, замерев, стояли рядом и по-змеиному шипели, но помешать не осмеливались. Семенов и Галина лежали без чувств на полу, а Патлатый так и остался стоять, распластавшись спиной на стене, только заткнулся на время. Видимо, от переживаний.

Не обнаружив в Ассенизаторе пупка, Слонопотам досадливо отшвырнул жертву, и вся троица крысолюдей опрометью кинулась вон, повизгивая на бегу от страха. Вскоре в пещере наступила тишина, только Патлатый вновь что-то забормотал, словно в горячечном бреду.

Вепрев и Маша, воспользовавшись паузой в осточертевших приключениях, и быстренько проверили состояние попутчиков. После беглого осмотра стало ясно, что они живы, и даже не слишком пострадали, только у Семенова сильно распух расквашенный нос, а у Галины на лбу красовалась здоровенная шишка, но оба были вполне целы, только без сознания. Но это-то и неудивительно, учитывая, что их обоих приложило головой.

Внезапно со стороны Слонопотама донеслось кряхтение и хруст. Шурик и Маша обернулись на звук и замерли. Взорам их открылось чудесное зрелище — Ужасная Курочка Ряба поднималась на коротенькие и толстые, как у бегемота, но вполне себе сильные ножки. Встав на них, Слонопотам отошел к стенке, и снова уселся, словно старичок, перебравшийся с солнцепёка в тень. Вслед за тем он поманил компанию тоненьким как у ребенка пальчиком.

Шурик и Машка, тревожно переглянулись.

— Саша, а ну его, — горячо зашептала Машка на ухо приятелю, — пошли назад!

— Да ты чо, мать? Куда назад!? — отверг Вепрев малодушное предложение, — нам домой надо, а то что, так и будем тут бегать?

И, отстранив Машку, Шурик осторожно приблизился к Слонопотаму. Машка неотступно следовала за ним, держась за спиной и вцепившись Шурику в локоть.

— Ну, привет, Вепрев, — жизнерадостно пророкотал Слонопотам густым басом.

— Здравсьте, — неуверенно ответил экс-математик. — Я, конечно, извиняюсь, что вас в яйцо загнал...

— А! — пренебрежительно махнул рукой Слонопотам, — все равно работы — никакой, как ты все Время выкачал, мдааа...

— А что у вас за работа? — высунула нос любопытная Машка, — тоже примитивов

неразборчиво пробормотал:

— Это в Райские Кущи надо, там лавочка есть, Аптекой зовут. Только вам без рецепта не дадут.

— А где взять рецепт? — торопливо спросила Машка.

— А вот он может выписать, — Слонопотами махнул хоботом на Патлатого, — ну, или папашка его.

— Ясно, спасибо, — сказала Машка.

После этого оба замолчали — Машка размышляла, что такое Золотая Глюк-Фишка, а Мастер Отката задремал, привалившись к стенке пещеры.

□□□

Торопливо шагая по тоннелю, Вепрев прислушивался, но было тихо и крысиная вонь не проявлялась — видимо, Ассенизаторы удрали далеко. Войдя в пещеру, Шурик настороженно покосился на бесстрастное гигантское лицо, обладатель которого занимался своим делом, и, стараясь не приближаться к щупальцу, подошел к 20-литровой бутылки, стоящей возле тазика. Осторожно взяв бутылку, он прижал ее к животу и с трудом потащил обратно в пещеру к своим приятелям.

— Эй! Парень! Ты куда мой запас попер? — Лицо на стене явно было недовольно пропажей бутылки. — Совсем смертные оборзели!

— Да меня ваш брат попросил, — промямлил Шурик, который был скорее удивлен, чем испуган монстром, вдруг заговорившим по-русски, — этот, как его... Ну, Верховный Мастер-Откатчик.

— А! Алкаш-то этот! Ну-ну. Ему неси, тока и мне немного плесни!

— А куда? Вроде чашки нет? — спросил Шурик, озирая скудное убранство пещеры.

— Э, слющай! Посуду ему дай! Да прямо в рот и плесни!

Шурик осторожно приблизился к огромному пищеприемнику подземного ужаса. Кошмарная губастая пасть, в которую вполне мог поместиться мотоцикл, приглашающе распахнулась и обдала Вепрева густым вонючим выхлопом.

Сморщившись и затаив дыхание, доблестный математик плеснул в рот чудища литров пять жидкости, по одуряющему запаху похожей на колхозный самогон. Лицо удовлетворенно крикнуло, и, на мгновение закатив от наслаждения рачьи глаза, сказало:

— Ладно, катись отсюда на фиг, да брателле привет передавай.

— Ага, — буркнул Шурик и поспешил исполнить приказание. Его обратное путешествие прошло без особых приключений и трудностей, если не считать того, что почти полная бутылка самогона так и норовила выскользнуть из рук. В пещере все осталось по-прежнему, только Семенов с Галиной уже пришли в себя и, озираясь, стояли на ногах, а Патлатый сидел на полу, обхватив голову руками, словно уже успел схлопотать от кого-то по морде. Поставив бутылку перед Мастером-Откатчиком, Вепрев благоразумно отошел в сторонку.

Новый же знакомый, едва завидев напиток, заметно оживился, цепко схватил принесенную емкость своими с виду слабыми лапками, и опрокинул в широкую пасть. Забулькав, прозрачная жидкость полилась в желудок Мастера, и вскоре бутылка опустела наполовину.

— Ээээ-х, харашэ пашлэ, — одобрил Слонопотам, утираясь, — не желаете освежиться?

Вепрев пожал плечами — пить ему не хотелось, да и надоели ему все эти приключения. Домой хотелось — и только. Вот там бы в своей родной пивной с приятелями, он бы

расслабился. А здесь, где за каждым поворотом всякая фигня сидит. Нет уж, увольте!

— Я лучше потом, — неуверенно ответил он, — Ты, как, Маш?

— Ага, потом, — торопливо ответила Машка, и торопливо, словно боясь, что ее перебьют, задала свой вопрос, который уже долго мучил ее любопытство:

— А что вы делаете, ну, с яйцами, и ваще, в абортариях?

— Ну, я типа ваши ошибки исправляю, — пояснил Слонопотам, которого начало быстро развозить, — ну, вот скажем при вас еще одного урода откатил.

— А кто он был, урод-то этот? — настырно спросила Машка.

— Ну дык ясно кто, это все жертвы аборта, тока оне ко мне и попадают, — охотно пояснил Мастер-Откатчик. — Вот, скам, етого выколупали на втором месяце у пацанки одной, в шестом классе понесла, ыыыыгыгыгыгыгыгыгы, — весело заржал Слонопотам. — Ей прям в парадном, на подоконнике реально задвинули за банку пива. И сигарету. А на аборт ее мамка погнала. Оно конечно — случай экс...экс...термальный! ыгыгыгыгыгыгыгыгыгыгы.

— А потом что? — тупо спросил Вепрев, припоминая свои подвиги того же плана.

— А што потом? — удивился хозяин, — потом эти уроды мне на откат идут, прям из абортария. — А я их по новой кодирую, и в повторный, тык скыть, оборот пускаю.

— А зачем он нужен, ну, откат-то? — со жгучим любопытством в голосе спросила Машка, припомнив пару своих визитов то же заведение.

— Как это зачем? — удивился Слонопотам. — Нешто не знаете? — Машка торопливо затрясла головой, не сводя расширенных глаз с необычного собеседника.

Слонопотам покачал хоботом — видимо, таким образом он выражал удивление неосведомленностью Машки. Затем взял двумя руками полупустую бутылку и вопросительно посмотрел на молодых людей.

— Не желаете?

— Я желаю! — внезапно послышался визгливый голос доцента-животновода. С этими словами Семенов подскочил к Слонопотаму, вырвал из его рук бутылку, и, с трудом подняв, сделал два жадных глотка. Видимо, напиток оказался слишком крепким, и Семенов едва не задохнулся — во всяком случае, бутылка стала выпадать из его рук, и если бы Слонопотам не успел ловко подхватить ее, непременно упала бы на пол.

— Ты полегче, — предупредил Верховный Откатчик, — не один тут, — и зорко, с каким-то профессиональным интересом, посмотрев на несостоявшегося доктора наук, Слонопотам изрек:

— Да ты, я вижу, уже по пятому обороту в дело пошел?

— Это как это — по пятому? — взвился Семенов, — Пгастите, батенька, что вы себе позволяете!

— Да нешто вы все такие темные? — поразился Слонопотам.

— А вот взял бы, да пояснил людям, — донесся из дальнего угла сварливый голос Галины.

— Тайнство Жизни скрыто от смертных, — заверещал из своего угла Патлатый, — ибо Истинно, Истинно базарю вам именем Папика моего... — тут раздался звук затрешины, и злой голос Галины произнес, почему-то с кавказским акцентом:

— Заткнись урод, да?

— Ладно, ты там полегче, — предупредил Слонопотам, — у этого пацана крыша знаешь какая?

— Да пошел он, — отмахнулась Галина, — чо ты там про пятый оборот говорил?

Слонопотам укоризненно покачал хоботом, затем взялся двумя руками за бутылку, парой глотков осушил остатки жидкости и крикнул.

— Короче, — заявил он, — как ежели кого абортируют, ну, плод-то, то что не изводить даром работу, его перекодировать надо, штоп опять все было в лучшем ...иик, ...иик... виде. Вот тем и занимаюсь.

— Аааа... — протянул Вепрев, и компания приумолкла, уныло оглядываясь по сторонам. Стало так тихо, что Шурику почудилось, что откуда-то сверху доносится негромкое жужжание.

— А вы, я вижу, домой нацелились? — внезапно спросил Слонопотам, — здра это, неча там делать.

— Это почему? — настороженно спросил Вепрев, мигом припомнив предупреждение Опохмела.

— Ну дык Время то все — у тебя, в кувшине, — Слонопотам своим хоботом указал на Бездонный Сосуд в руках Вепрева. — Вот все там и стоит, а как же ишшо!

— А тогда откуда новые жертвы этого, как его, аборта, берутся? — спросила настырная Машка, которой не терпелось докопаться до сути, — Ну, вот когда мы у вас были, вы же там что-то делали...

— Ну, ето так, пустяк, — махнул рукой Слонопотам, — вы же Время разлили, вот и шевельнулось чуток. Щас кончицца.

— А обычно много народу? — вяло поинтересовался Вепрев, просто для поддержания разговора. Жужжание не пропадало, а даже стало быстро усиливаться.

— Не то слово — толпами валят. Я ж говорю работа у меня черная, — и Верховный Откатчик на миг загрустил, глядя на пустую бутылку.

— Так! — Шурик стукнул себя по уху и потряс головой: — Неужели этого, кроме меня, никто не слышит?

— Чего не слышит? — Машка удивленно округлила глаза. Галина сделала абсолютно то же самое. Вепреву даже стало немного веселее, настолько две дамочки сейчас казались одинаковыми... Но тут, как всегда, вовремя, влез доцент Семенов со своими «пятью копейками»:

— Александр! — торжественно заявил он, — Я действительно слышу некий звук. Однако, я полааал, — тут он покосился на Слонопотама, — что так оно и должно быть!

Шурик, не сводя глаз с дальней стенки пещеры, кивнул и медленно поднялся на ноги под взглядами спутников и Слонопотама:

— Боюсь показаться невежливым, поэтому прошу прощения у дам, — с расстановкой произнёс он, разглядывая что-то на стене пещеры — Но нам, кажется, пиздец!

Вся компания одновременно вскрикнула, кроме, разве что, Слонопотама.

— Ну, я же говорил! Не трогайте парня, — и кожаный пылесос указал хоботом на Патлатого: — У него же ж такая крыша...!

Тут он украдкой оглянулся по сторонам, как будто боялся, что их кто-то подслушает, и торопливо вполголоса произнес:

— Вам, ребята, нужно бы Время сначала через фильтр пропустить и назад вернуть. Но не туда, откуда брали, а в Исток. Карту найдите. Она у Сита спрятана. Тогда и домой попадете, и все ладненько будет, и у меня черной работы поубавиться. Ключик у вас есть, так что...

Но договорить Слонопотам не успел — Шурик опять не дал ему закончить фразу:

— У нас гости! — крикнул он, и швырнул куда-то в стену кусок гранита, подвернувшийся под руку. Внезапно поверхность камня на той стене как будто замутилась, и стала быстро наливаясь малиновым жаром и вспучиваться. За пару мгновений на ней вздулся красивый переливчатый пузырь в пару метров диаметром, который, звучно лопнув, обнажил ярко освещенный проход, в котором стоял Папик, собственной персоной. Взгляд его не предвещал ни чего хорошего. Казалось он, наподобие Зевса Громовержца сейчас начнет метать грома молнии во всех, кто посмел его послушаться. Но камень, брошенный секунду назад Шуриком, чуть подпортил эффектность явления Папика народу, просвистев в сантиметре от уха ловко увернувшегося патриарха.

Одновременно с хлопком пузыря на стене, Вепрев с криком «Бежим!» схватил Машку за руку и потащил к выходу. Но, по всей видимости, появление Патлатого-старшего было не случайностью, а скрупулёзно спланированной войсковой операцией, потому что навстречу парочке из тоннеля рекой хлынули Ассенизаторы.

— Ну, ни фига себе! Теперь и бежать некуда!

Шурик лихорадочно оглядывался по сторонам, в поиске пути спасения. Но его не было — разве что в центре пещеры зияла таинственная дыра. Оставалось только прыгать в нее или сдаться на милость победителей.

"Как же, дождешься от них милости, — мелькнула у Вепрева мысль, — суки долбаные! Или на перекод отправят или вообще..." Что он подразумевал под этим «вообще», Шурик не додумал, но неожиданно для всех выхватил одно из заваливавшихся в кармане яиц и бросил его на пол пещеры. Грохнул взрыв и пещера наполнилась густым вонючим дымом, скрывшись в котором экс-математик схватил Машку и, не обращая внимания на визг подруги, с разбегу прыгнул в дырку в центре пещеры.

Грозный Папик, успевший прокашляться и снова прийти в себя, ткнул пальцем в оставшихся людей и властно рявкнул:

— Взять их!

Ассенизаторы, не раздумывая, рванулись к несчастным Галине и Семенову, но те, внезапно осмелев от ужаса, прыгнули вслед за сладкой парочкой в вертикальную нору, из которой всё ещё доносился отчаянный Машкин визг.

То ли визжащая Машка издавала звук на какой-то особой частоте, то ли Папик не совсем точно проинструктировал своих Ассенизаторов, но все крысолюди поголовно, сплошным потоком, ринулись туда же, в дыру. И спустя мгновение в опустевшей пещере остались только Слонопотам и Патлатый. Папик поочередно оглядел их, ненадолго задержав тяжелый взгляд на опорожненной бутылки и куче мячиков, рассыпавшихся по грязному полу. Наконец он презрительно скривился, смачно плюнул на пол, и грозно произнёс:

— Значит, так. Ты — Папик указал перстом на Верховного Мастера-Откатчика, — иди на свое место, да смотри! — погрозил он кулаком смущенному Слонопотаму, — штоп ни в одном глазу! Понял?! Что ты им тут плел про очищение времени! Идиот! Всех нас уничтожить хочешь!? Шуруй, давай. Потом с тобой разберемся!

— Да я... ета... — попытался было оправдаться Слонопотам, но Папик оборвал его нетерпеливо-повелительным жестом. Слонопотам поднялся с грязного пола и, сопровождаемый свинцовым взглядом Папика, уныло поплелся к выходу из пещеры. Едва он скрылся из виду, Папик удовлетворенно кивнул и обратился к Патлатому:

— Ты вот што... Здесь, аннако, тебе делать уже неча. Знакомцы твои все Время выцэдили, и надо бы его вернуть. А то все дело стоит. Так што прыгай за ними, догони и

кувшин отбери. Да! И ключ Бусыгинский тоже...

— Ах, Папик, вечно вы меня напрягаете, — жеманно заявил отпрыск, капризно оттопырив губу и томно закатывая глаза, — То мир спасай, то этих придурков ищи! Ну, где же я вам их сыщу? Там же в Русле полно развалин!

— То мир, а то четверка придурков. Двое из них вообще уже свой век прожили, и второго билета им никто не выписывал! И потом кто ж тебе велит самолично руки марать. Сами пусть друг друга изведут. Из-за баб. Из-за бабла, просто по дурости. А ты маслица вовремя в огонь подлей! Ну да не мне тебя учить. Пшол, давай. А этих у Сита найдешь. Все дороги в Русле туда ведут. Если дойдут они до Сита. А видать дойдут. Упертые! — махнул рукой Папик, — Давай, давай, неча выкобениваться да размондякивать тут!

Патлатый, недовольно скривившись, поднялся с пола, и слегка шевельнул плечами. Тотчас у него пропали синяки и разгладилась-посветлела кожа на лице, грязные и спутанные волосы расправились, заблестели, и даже стали ещё чуть-чуть длиннее, а на спине, сквозь лохмотья, стремительно меняющие цвет с неопределенного на ослепительно белый, проклюнулись два крылышка вроде лебединых. Подойдя к дырке в полу, и почесывая исколотые вены на левом локтевом сгибе, он несколько секунд смотрел в бездну, а затем резко взмахнул крыльями и поднялся в воздух, стараясь зависнуть точно над центром дыры.

Повисев пару секунд на месте, ослепительно белый длинноволосый ангел внезапно сложил крылья и камнем полетел вниз, вдогонку за Шуриком и Машкой...

— А-а-а-а-а-а-а — дикий визг Машки эхом отражался от гладких черных, как смоль, стен тоннеля, по которому летели отважные путешественники. Вепрев только матерился сквозь зубы, а парочка живых мертвецов, летящая сзади, безмолвствовала, видимо, смирившись со своей участью.

К счастью, вскоре рукав трубы начал изгибаться, и падение плавно перешло в скольжение на пятых точках. Так они перемещались еще с полчаса, и Вепрев уже начал бояться испортить себе карму, когда, наконец-то, впереди забрезжил свет. Круглое отверстие выхода стремительно приближалось к путникам, и они, вылетев из трубы и описав красивую параболу, рухнули на песок, и кувырком скатилась к подножью бархана. Машка все еще продолжала беззвучно всхлипывать, а Вепрев, поднявшись на ноги и отряхнувшись, принялся озирать окрестности. Почти сразу же из трубы вылетели Семенов и Галина, которые, шлепнувшись в песок рядом с Шуриком, немедленно вскочили на ноги и тоже начали оглядываться.

Они находились в чем-то похожем на русло небольшой высохшей реки — по обе стороны высились крутые берега, обрамленные какими-то полуразрушенными строениями, чахлыми кустиками да пожухлой травой. Речное дно было густо устлано телами и фрагментами тел людей. Вепрев пригляделся: эти «тела» не были останками живых людей, а чем-то вроде искореженных и изломанных манекенов, полых внутри. Из интереса, Вепрев пнул один из манекенов. От него отвалилась голова и покатила по склону, подпрыгивая на кочках. Вепрев, пожав плечами, обернулся назад. К его удивлению труба, из которой они вылетели, свисала вертикально вниз из неба, ее начало терялось в синем мареве над головой, а на выхлопе это была просто ржавая железная труба диаметром метра полтора. Почему им казалось, что труба наклонная — осталось загадкой.

Но самым страшным в это мире было малиновое солнце, занимавшее четверть неба. Оно выглядело так, будто было нарисовано рукой ребенка: контур неровно наведен черным карандашом, а затем кое-как закрашен красным карандашом. От солнца исходил нестерпимый жар. Вепрев пригляделся внимательнее: небо тоже выглядело так, будто оно было кое-как покрашено синим карандашом, да и сами берега, кустики, руины и прочее, если приглядеться, тоже были не настоящими, а как будто нарисованными рукой неопытного художника. Настоящими были только хрустящий песок под ногами, разбросанные по нему обломки манекенов, да железная труба, торчащая с неба. Весь этот мир показался Вепреву дурацким мультфильмом, снятым пьяным режиссером.

— И что вся эта хрень значит? — неизвестно у кого спросил Вепрев, и внезапно услышал над собой ответ, произнесенный тихим злым голосом:

— Ты в мире Мертвого Будущего, смертный. И ты — его палач!

— Мать твою! — взвизгнула Машка, и ловко отскочила на несколько шагов назад

— Ты уверена насчет матери? — повернувшись к Маше, прошипел Патлатый.

Вслед за Машей от Патлатого, парящего над раскаленной поверхностью русла на двух огромных крыльях, тут же попятились Галина и Семенов, спотыкаясь об манекены.

Внезапно из ржавой трубы горошком посыпались Ассенизаторы, которые привычно приземлялись на песок, словно профи ВДВ, и окружали компанию людей. Однако, увидев Патлатого, они остановились, и принялись дожидаться конца разговора.

— Опять эти уроды! — с досадой сказал Вепрев, и, повернув голову к зависшему в воздухе Папикову отпрыску, гаркнул — Да твою же дивизию! — и, схватив знакомца за хрип, притянул его к себе. Только сейчас, вблизи, Шурик разглядел, что глаза Патлатого явно не человеческие: они были как будто прозрачные, без зрачков, и на краткий миг Вепреву даже почудилось, что в них непрерывно скачут какие-то картинки.

— Ты чего тут делаешь? — спросил он и для острастки пару раз легонько встряхнул пленника, отчего у него подломились крылья, и, если бы не Вепрев, пленник свалился бы на песок.

— Где мы теперь? Как, твою мать, нам отсюда теперь выбираться? — потребовал Вепрев объяснений от Патлатого

Но внебрачный Богов Сын продолжал молчать, не сводя с Вепрева безразличный взгляд. «- Может в рыло ему дать?» — промелькнуло в голове Вепрева, — «только ведь все равно не расколется! Да и Ассенизаторы кинуться могут!»

Галина тем временем спряталась за доцента-животновода и, плюхнувшись на колени, принялась мелко креститься, повторяя, как помешанная: «- Господи, пронеси, пронеси, Господи, хватит с меня, Господи, ну хватит, хватит, хватит...». Машка стояла в сторонке, и опасно глядела на сцену допроса круглыми глазами.

— Ты можешь сделать это..., — внезапно проговорил Патлатый. — Но это не поможет тебе, смертный...

— Чо?! Так ты, чурбан волосатый, еще и мысли читаешь? Да я тебе щас в рыло!

На лице Патлатого нарисовалась странноватая улыбочка. Наверное, точно так же какой-нибудь коллекционер улыбается про себя, держа пинцетом трепыхающуюся редкую бабочку, прикидывая, куда бы ее лучше пришить в своей коллекции.

— У тебя нет мыслей, смертный, — равнодушно сказал он, жестом удержав собравшихся было напасть крысолюдей.

— Да ты чо, охренел? — раздраженно спросил Шурик, — как выбраться отсюда скажешь, нет?

Внезапно на защиту Патлатого встала Машка:

— Саша не быкуй! Чего пристал к человеку?

Хотя и была Машка изрядно помятая и растрепанная, да и вид имела весьма опарашенный, но все прелести остались при ней. И Шурик на секунду засмотрелся на разгоряченную Машку. Правда ненадолго.

— Да он же ваще не человек, — скривился Вепрев, но Патлатого отпустил, решив, что никуда тот не денется, и, в общем-то, никакого вреда до сих пор не причинил.

Пленник первым делом грузно упал на землю, потом неторопливо поднялся и отряхнулся от прилипшего песка. Крылья при этом сами собой куда-то пропали.

— Скажите, а как вас зовут? — вежливо поинтересовалась Машка, решившая взять переговоры с Патлатым в свои руки.

Тот несколько секунд молчал, непонимающе смотря на девушку. Затем пробормотал что-то себе под нос, Шурику показалось, что он тихо матюгнулся. Но простояв еще пару секунд, Патлатый все же ответил:

— В мире, которого не будет, не нужны имена, смертная.

— Да чо ты все заладил, смертный, смертная! — возмутился Вепрев, — нашел, мля, камикадзе! Ты можешь по человечески ответить, или как?

— По человечески? — усмехнулся Патлатый, — о чем это ты?

— Пгастите, — внезапно спросил незаметно подошедший животновод Семенов, — подскажите, поалуйста, как отсюда выйти? Видите ли, мне пога на габоту.

— Да, да, — поддержала Галина, — и мне пора в ларек-то мой, а то народ набежит раскумариться, а точка закрыта. Да меня за это Ахмет зарежет!

Патлатый несколько секунд безмолвно обозревал компанию людей, и внезапно, ни слова не говоря, протянул руку вверх и быстрым движением содрал легкую, как паутина, ткань, на которой рукой неведомого художника были намалеваны и солнце, и небо, и руины, и крысолюди, и все остальное. Мигом исчезли и берега с кустами и руинами, и манекены, и песок под ногами, а труба, из которой они попали в этот мир, превратилась в осклизлую неровную дыру в низком своде пещеры, с краев которой свисали омерзительные лохмотья какой-то фосфоресцирующей дряни, дававшей скудное освещение. Сорванную ткань Патлатый намотал вокруг себя, как плащ, из которого торчало только его лицо с все той же странноватой улыбочкой.

Вепрев облизал губы, внезапно пересохшие от надвигающегося ужасного предчувствия, и быстро огляделся. Крысолюди тоже исчезли вместе с остальным. Теперь они находились в крохотной пещерке, самом настоящем каменном мешке, из которого не было никакого выхода. Только в одной из осклизлых стен пещеры виднелась небольшая круглая ниша, к глубине которой бугрилась скачущими неоновыми буквами какая-то надпись, прочитать которую он не успел, потому что внезапно снова послышался тихий и злой голос Патлатого:

— Вот отныне весь ваш мир, смертные! Это — Сито Времени! И вам не пройти через него, и иного мира для вас больше нет!

С этими словами Патлатый начал растворился в воздухе, тая, будто туманная дымка над утренней рекой. Вепрев было дернулся схватить его, но было поздно — Патлатый исчез.

— Ой, Саша, чо теперь делать-то будем? — испуганно спросила Машка, дыша у Вепрева над ухом. — Во, блин, влипли!

— Не ссы, мать, авось прорвемся! — ухмыльнулся математик. — Почитаем лучше, че там написано.

С этими словами Вепрев подошел к нише в стене, где мигала непонятная надпись. Наклонившись, он внимательно пригляделся. С близкого расстояния стало видно, что ниша — это узкий, с метр диаметром, тоннель в скале, перекрытый какой-то почти прозрачной сеткой, похожей на паутину. В одной из ее ячеек сидел здоровенный, с кулак размером, паук, на спине которого светился неоном какой-то символ. Паук непрерывно ловко переползал из одной ячейки в другую, и как только он вползал в новую ячейку, на его спине вспыхивал новый символ, видимо, отмечавший каждую ячейку. За первой паутиной в глубине тоннеля виднелась множество других паутинок, и в каждой ползал точно такой же паук. Этих сеток в тоннеле было, наверное, тысячи, и они намертво забивали узкую шахту прохода. Со стороны пещеры этот бесчисленный ряд паутинок с ползающими пауками выглядел так, будто по воздуху на всем протяжении тоннеля длиной в неизвестное число метров, ползают вспыхивающие буквы, как будто по стене бежала какая-то строка. Это было даже красиво, но сразу навевало сомнение — а можно ли прорваться через эту завесу?

— Это, видимо, то самое Сито Вгемени и есть, — задумчиво произнес доцент-животновод, — про котогое сказал этот некультутный молодой человек!

— Да, надо бы подумать, как сквозь него пройти! — согласился математик. — Задача! Подумать надо!

— Да чо тут думать-то, Саша! — решительно заявила Машка, рассматривая пауков из-за

спины приятеля, — порвать паутину, и дело с концом!

— Как же, с концом, — скептически отзывается Вепрев, — А ваще-то, хуй с ним, попробуем!

Просунув палец в ближайшую ячейку, Вепрев попробовал порвать паутину. Паук мигом юркнул в какую-то щель, а паутина оказалась неожиданно прочной, и даже натянутая до предела, не рвалась.

— Крепкая! — уважительно заметил математик.

— Да, хорошо бы колготки такие делали, — согласилась Машка, — только нам-то что делать?

— А вы ногами погёбуйте, ногами, — посоветовал доцэнт-животновод.

Вепрев, ни слова не говоря, просунул ногу в дворницком сапоге в ячейку и попробовал разорвать препятствие. Однако и ногой порвать паутину не удавалось — видимо, она была сделана из какого-то сверхпрочного материала — поддаваясь усилию, она только пружинила, словно хорошо натянутая стальная сетка.

— Дааа... — разочарованно произнес экс-математик, — хуй порвешь!

— А если и порвешь — не пролезешь, — донесся голос Галины, — этот паук — Черная Вдова. Укусит — и все, конец. — Компания в недоумении уставилась на наркоторговку. — Что смотрите? Это я вам как бывший биолог говорю.

С этим словами Галина отошла, уселась на пол, и, привалившись к стене, вскоре безмятежно заснула, опустив голову — при этом ее опущенное лицо стало еще больше напоминать крысину мордочку. В наступившей тишине слышался только конский храп Галины, да в углу пещеры тихонько поскуливал доцэнт-животновод Семенов.

Вепрев, постояв несколько минут возле потревоженной паутины, по которой уже вовсю шустро бегал давешний паук, махнул рукой, вполголоса раздраженно послал Галину на хуй, разочарованно отошел в сторону, и тоже уселся у стенки. Так он и просидел там несколько минут, продолжая тупо смотреть на мигающие значки и вдруг!!! Внезапно пауки дружно устремились в свои укрытия, и тотчас сетка паутины ярко вспыхнула и исчезла, а на ее месте остался узкий, с метр диаметром, туннель. Конечно, он вел неведомо куда, но куда-то же вел!

Вепрев вскочил на ноги, собираясь ринуться в чернеющий лаз, но тут произошло то, чего он не ожидал: из своих укрытий снова поползли пауки, и мигом заплели единственный выход из помещения.

Вепрев чертыхнулся, и снова подошел к паутине. Там опять шустро сновали пауки, мигали буквы, и — никакой возможности пройти. Тогда Шурик начал пристально вглядываться в мигание букв на спинах пауков. «- Возможно — мелькнуло в голове экс-математика, — что-то должно произойти, от чего сетка пропадает! А вот мы щас посморим!"

— Саш, ты чего? — встревожено спросила Машка, увидев, что ее приятель пристально уставился на сетку паутины, — чо ты там увидел?

— Обожди, Маша, — отмахнулся Шурик, неотрывно таращась на паутину. Маша обиженно отвернулась, но продолжала тайком наблюдать за приятелем.

Внезапно Вепреву почудилось, что каким-то непостижимым образом на спинах всех бесчисленных пауков вспыхнула одна и та же буква «П». Отчего вдруг так получилось — непонятно. Однако после этого пауки мигом куда-то попрятались, последовала яркая вспышка, и вся паутина пропала.

— Бежим! — воскликнула Маша, мигом вскочив на ноги, — Бежим, пока свободно!

— погоди, мать, не дергайся! — удержал ее Вепрев, — посмотрим, что будет дальше!

Шурик оказался прав — через несколько секунд откуда-то из щелей снова выползли пауки и принялись сноровисто плести новую паутину. На первый взгляд действовали они хаотически, но, пристально вглядываясь в первый и последующие несколько слоев паутины, Вепрев заметил, что сначала сплел паутину самый ближний к Вепреву паук, за ним — следующий, потом — третий, а дальше так и продолжалось: пауки плели паутину по очереди. Кроме того, первая буква, с которой они начали плести, — это тоже буква «П». — «А почему бы не «Р»? — подумал экс-математик. — «П» — это в смысле, «проходи», что ли? А впрочем, плевать... Может, дожидаться, пока первая паутина исчезнет, и чем-нибудь ее заткнуть? Тогда она и дальше нарастать не будет... — вдруг мелькнула в голове гениальная мысль. — Но чем?»

Вепрев оглядел пещеру и внезапно взгляд его упал на несколько «яиц» которые нападали из корзинок наверху, когда он боролся с ассенизаторами. Взяв наудачу и осмотрев одно из них, Шурик обнаружил, что вблизи "яйцо" сильно смахивает на закрывшийся цветочный бутон, плотно охваченного лепестками, в которые превратились волоски из бороды таинственного Заготовителя в пещере. «- Но тоннель этим яйцом не заткнуть!» — подумал Шурик, «- Маловато!» — и внезапно, словно по наитию, ему в голову пришла бредовая мысль: «А что если сунуть яйцо в паутину? Может, паук его схватит и уползет жрать, а мы тем временем...»

Мысль была совершенно идиотской, но Вепрев все же решил попробовать — все равно деться было некуда, и, пожав плечами, математик подошел к паутине, и попробовал воткнуть яйцо толстым концом в первую попавшуюся ячейку сетки. Паук, до того суетливо сновавший по паутине, немедленно удрал и спрятался в щель. Однако же яйцо в сетку не пролезло. Недолго думая, Вепрев перевернул яйцо и попробовал воткнуть яйцо в паутину острым концом. И опять неудача. Тогда он наудачу ткнул яйцо в центральную ячейку паутины, которая казалась крупнее других, и вдруг, о, чудо! — яйцо плотно вошло в ячейку, так, что когда Вепрев отпустил его, яйцо осталось торчать в сетке. Вепрев попробовал выдернуть яйцо назад, но не тут-то было — яйцо засело прочно, словно приклеилось к паутине.

— А хуй с ним, пусть торчит, — решил экс-математик, и собрался было вернуться на свое место у стены, как вдруг внезапно из своей щели в стене выполз паук и, быстро перебирая своими лапками, прополз по паутине и залез на яйцо. Там он принялся шустро копошиться, так, что яйцо даже затрепыхалось, и внезапно, к изумлению Вепрева, внутри яйца что-то явственно шелкнуло, и его наружные лепестки раскрылись, словно у цветка на рассвете. Раскрывшиеся лепестки чем-то напоминали цветок ромашки.

Почти без задержки раскрывшиеся лепестки принялись быстро, прямо на глазах, расти, и скоро их концы достигли стенок тоннеля, в котором висела паутина, а каждый лепесток точно центрировался по сегментам паутины. Сидевший все это время в центре паук тотчас же принялся быстро бегать в радиальном направлении по сегментам паутины, к которым «приклеились» лепестки, и на его спине начали вспыхивать и гаснуть символы. Вепрев обратил внимание, что как только паук выскакивал из одной ячейки, символ на его спине менялся, но при этом оттиск прежнего символа оставался на лепестке, словно отпечатанный.

Обежав все лепестки, паук возвратился к бутону, и замер. Внезапно весь цветок ярко

вспыхнул, затем вспышка плавно затухла, и только надписи на лепестках продолжали светиться ярко-зеленым цветом. Тотчас же на спине паука появилась буква «П», и паук, быстро перебирая лапками, удрал в щель на стене прохода. Теперь вход в тоннель перекрывал только распутившийся цветок, на лепестках которого светились зеленым цветом какие-то надписи. Из любопытства, Вепрев мельком прочитал одну из надписей, бегущую по горизонтальным лепесткам: на левом лепестке было написано: "Ориентация", а на правом, противоположном к первому: "М".

В голове у математика бегло мелькнула праздная мысль: «и что бы вся эта хуйня значила? Может, секс-ориентация — мужчина?». Раздумывать, однако, было некогда, события стремительно развивались далее.

Сияние букв на лепестках продолжались от силы несколько секунд, затем бутон слегка вспыхнул желтым цветом, и тут же надписи постепенно затухли, а сами лепестки начали быстро увядать, сморщиваясь и высыхая прямо на глазах. Однако одновременно с этим на «бутоне» началось бурное раскрытие второго слоя лепестков. Они быстро, прямо на глазах, распускались, росли, и, наконец, достигли стенок тоннеля, образуя что-то вроде колокольчика, раскрытого в направлении вперед. Одновременно первый ряд лепестков окончательно увял, они отваливались от цветка и попадали на пол, превращаясь на лету в почти невесомую пыль, а на их месте в основании бутона остался крохотный стебелек.

Почти в тот же момент, когда первый ряд лепестков отвалился, лепестки второго ряда, чтобы удержать бутон на стенках тоннеля, начали распрямляться, и при этом протолкнули центр цветка немного вперед, ровно настолько, что центр цветка — овальный «бутон» — точнехонько воткнулся в центр второй паутины. Там повторился точно такой же цикл: набежал паук, что-то сделал с «бутоном», побегал по лепестками, отпечатывая на них надписи. Вепрев опять разглядел только одну «Рост: IV».

«— Четверный рост, что ли?» мелькнула у Вепрева мысль, но тут же улетела, поскольку увлекательное действие продолжалось. В тоннеле лепестки снова отвалились, но тут же распустились лепестки третьего ряда. Далее действие повторялось снова и снова, и цветок начал медленно, но верно вползать в тоннель, используя лепестки как необычные «ноги».

И тут гениальный математик Вепрев понял, что у его команды появился шанс.

— Эй, народ! — заорал он во все горло. Задремавшие было соратники встрепенулись и усталились на Шурика. — Все за мной! — и Вепрев первым полез в тоннель на карачках.

— Саша, а может не надо? — боязливо пискнула Машка.

— Оставайся, если не надо, — глухо донеслось из тоннеля, в котором уже исчез весь предводитель. Машка безропотно полезла следом, за ней в проход нырнула Галина, и последним в путь отправился доцент-животновод.

Ползти пришлось мучительно медленно и нудно. Пауки смиренно сидели в своих норах, только злобно шипели на людей и сверкали глазами, но, как только мимо них проползал замыкавший четверку Семенов, сразу бросались заделывать паутину. Вепрев, который носом почти упирался в яйцо, заметил, что с бутоном происходят постепенные изменения: по мере того, как лаз вводил все дальше и дальше, «бутон» становился все меньше и меньше, «стебелек» на его основании становится все длиннее, расстояние же между паутинами все время увеличивалось.

— Видимо, — догадался доблестный математик, — раз расстояние между паутинами возрастает, то бутон уменьшается, чтобы за счет удлинения лепестка шаг перемещения увеличивался.

Наконец, примерно час спустя, когда измученные путники проползли около двух сотен метров, все лепестки отвалились, и бутон стал похож на красную клюковку размером с шарик от пинг-понга, из которого сзади торчал зеленый стебелек длиной в несколько сантиметров. Теперь вспотевший в душном лазе Шурик смог смутно разглядеть светлое пятно выхода в новое помещение, куда их вывел проход с пауками. Но долго рассматривать ему не пришлось, так как эта самая «клюковка», пройдя последнюю паутину, внезапно воспарила вверх, словно крохотный воздушный шарик. Вепрев только и успел заметить, что стебелек, торчавший из «жопки» у этой «клюковки» превратился в маленький хвостик — «прямо как у головастика» — мелькнуло в голове математика. Хвостик быстро-быстро болтался вправо-влево, приводя тем самым в движение «клюковку».

Следом за «клюковкой» в помещение вывалилась вся компания во главе с Шуриком, и, отдышавшись, люди начали озираться в новом месте. Помещение, в которое попали путешественники, оказалось пещерой около двадцати метров диаметром. Пещера была хорошо освещена — свет исходил из глазниц человеческих черепов, которыми были выложены стены. Судя по нескольким опечаткам шагов на толстом слое пыли на полу, здесь недавно кто-то побывал.

В центре пещеры находился монументальный постамент из полированного камня, похожего на гранит, а на постаменте стояла огромная, метров пяти в диаметре, чаша на длинной ножке, похожая на вазу. В дальнем же конце пещеры чернела арка выхода, покрытая затейливой резьбой из каких-то неведомых иероглифов, и у Шурика сразу полегчало на душе — хоть какой-то выход из помещения все же имелся. Правда, из темного тоннеля, начинавшегося за аркой, доносился смутный гомон миллионов голосов, словно где-то там, вдалеке от них, истязали и мучили огромную массу людей. Поежившись, Шурик принялся было озирать помещение, но внезапно его остановил истерический визг Машки, и испуганные возгласы Семенова и Галины.

Вепрев резко обернулся и увидел, что его попутчики испуганно смотрят на потолок их временного убежища, а Машка, округлив от ужаса глаза, дико верещит, указывая рукой на что-то над своей головой. Вепрев посмотрел вверх, и волосы на голове экс-математика зашевелились от ужаса, ибо там, на высоком, метров пяти, потолке, висели сотни огромных, метра по три длиной, змей. Их блестящие упругие тела, покрытые гладкой броней чешуи с красивым орнаментом, свивались в кольца, а затем резко распрямлялись, бросая вниз стреловидные головы с распахнутыми пастьями, в которых торчали огромные клыки с капельками яда на острых кончиках. Хвосты гадин прятались в отверстиях в потолке, очевидно служивших обитательницам норами.

Чтобы достать до путников змеям не хватало длины, и их пасти бессильно лязгали в каких-то сантиметрах от голов. Внезапно над головой Шурика что-то клацнуло, и он испуганно посмотрел вверх. Над ним нависала морда змеи, которой не хватило всего-то нескольких сантиметров, чтобы достать до экс-математика. Несмотря на испуг, Шурик заметил лютую злобу в немигающем взгляде огромной шипящей гадины.

— Ложись! — заорал Вепрев своей компании, и первым упал на грязный пол, прикрыв голову руками, как его учили на курсах ГО в универе. Галина и Семенов немедленно послушались, и упали ничком, и только Машка, ошалевшая от испуга, стояла на месте, испуганно таращась вверх и прижав руки к груди, а возле ее головы стрелами мелькали змеиные головы, видимо, пытавшиеся достать свою жертву.

Вепрев на корточках подобрался к подруге и дернул Машку за локоть. Та упала, словно неживая, и разбила бы голову о плитки пола, если бы Вепрев вовремя ее не подхватил. От страха Машка начала всхлипывать, и Вепрев, как истый джентльмен, принялся успокаивать подругу ласковыми словами: «Ты че, мать, охуела?». Машка только молча тряслась, и Вепреву пришлось слегка похлопать ее по щекам. После этого Маша немного успокоилась и прекратила реветь.

Успокоив подругу, Вепрев осмотрел пещеру. Внезапно он заметил, что заметно подросшая до размеров теннисного мячика «клюковка», которая вывела их в пещеру, мечется под потолком, ловко уворачиваясь от змеиных пастей, словно пытается прорваться к потолку. Пока что ей удавалось ловко ускользать от змеиных клыков, и Вепрев, увлекшийся созерцанием странной игры в кошки-мышки, внезапно заметил, что на потолке пещеры находятся какие-то странные значки и линии, как будто на нем было что-то нарисовано. Точнее разглядеть рисунки он не мог — мешали непрерывно мелькающие змеиные тела.

Внезапно картина резко изменилась: одна из гадин, талантливо извернувшись, схватила «клюковку», и, держа ее в своей устрашающей пасти, отцепилась от потолка и нырнула в огромную «вазу» на постаменте. Тотчас остальные змеи втянули свои тела в норы на полочке и исчезли. Спустя секунду над поверхностью чаши, в которую нырнула змея, поднялся переливающийся всеми цветами радуги шар размером с футбольный мяч. Покрутившись пару минут, шар стал быстро уменьшаться в размерах, и, превратившись в едва заметную пушинку, исчез.

В пещере наступила тишина, а поскольку змеи более не появились, Вепрев поднялся на ноги, внимательно осмотрел заинтересовавшую его картинку на потолке. «Похоже, какая-то карта» — мелькнула мысль в голове математика, — «только что она значит — непонятно».

Отложив эту загадку на потом, Вепрев оглядел свое воинство. Машка сидела на полу тупо глядя перед собой, а парочка животрупов лежала ничком, не подавая признаков жизни.

— Вставай, Маша! — позвал он подругу, подавая руку. — Да ты не бойся, эти змеюки охотились не за нами, а за «клюковкой», а мы им до феньки!

Маша робко поднялась на ноги и осмотрелась

— Саша, а что с ними? — робко спросила она, указывая на Семенова с Галиной, — Совсем не шевелятся!

— Щас выясним, — пообещал экс-математик, и, подойдя к парочке, легонько потыкал их по очереди сапогом. Оба тела зашевелились, демонстрируя, что они еще живы, и тогда Вепрев решительно приказал:

— Вставайте! Нечего валяться!

Оба несостоявшихся мертвеца поднялись на ноги и тоже осмотрелись.

— И где это мы? — робко спросила Галина.

— И пгявда, гогубчик, куда это вы нас завели, Иван Сусанин? — с нотками интеллигентной издевки в голосе спросил Семенов.

Вепрев пожал плечами и решительно заявил:

— Раз мы прошли Сито Времени, значит, мы в Приемнике Времени, ясно?

— И где оно, время-то Саша? — спросила Маша.

— Щас выясним, — самоуверенно заявил Вепрев, — может, тут. С этими словами он неторопливо подошел к проходу в дальнем конце, и заглянул в черный провал за аркой. Но там царил сплошной тьма, в которой ничего не было видно, только где-то глубоко внизу светилось огромное множество огней, и доносились страдальческие вопли миллионов

людей. Казалось, там непрерывно пытаются и истязают огромное множество человеческих существ, неведомо как очутившихся в этой яме.

Передернув плечами, Вепрев отошел от выхода, который ему совсем не понравился.

— Нет там ничего хорошего, — заявил он. — Посмотрим, что тут еще есть.

И Шурик направился к «вазе» в центре пещеры. Там уже стояли его попутчики, с любопытством оглядываясь в новом месте. Не обращая на них внимания, Вепрев вскарабкался на постамент, и заглянул в чашу. В неё была почти доверху залита маслянистая черная жидкость, вроде мазута, но без запаха, и на ее поверхности не плавало никакого мусора, хотя за тысячи лет, что она здесь простояла, он вполне мог собраться. И, самое интересное, не было никаких следов змеи, которая похитила невольного спасителя компании — ту самую клюковку.

— Ладно, — заявил Вепрев, продолжая оставаться на постаменте, — посмотрим, что там на потолке.

И, задрвав голову, он принялся снова внимательно рассматривать потолок помещения. Остальные последовали его примеру.

— Ой, Саша, а ведь это карта! — заявила Машка, к которой уже вернулись своеобразные нахальство и бодрость, и она, вскарабкавшись на постамент, стояла рядом с Шуриком.

— А может, там есть, как домой вернуться? Помнишь, Слонопотам говорил, найдите карту в Сите?

— Посмотрим, — лаконично отвечает Вепрев, рассматривая рисунок, причудливой вязью покрывающий потолок.

На потолке и в самом деле была изображена какая-то карта, искусно нарисованная рукой неведомого художника. В глаза бросалось что-то вроде реки, по берегам которой были нарисованы непонятные значки, а от русла отходили какие-то линии, вроде притоков, и даже виднелись какие-то надписи на непонятном языке.

— Ниче не понять, — разочарованно протянул Вепрев, — хоть бы надписи прочитать...

— Дааа... — согласилась Маша, — Саш, а может, в эту шахту пойдём? — Машка показала пальчиком на арку с единственным выходом. Вепрев отвел глаза от потолка, и собрался было поведать Машке, что их ждет за аркой, но тут его взгляд случайно упал на мазутно-черную жидкость в «вазе». В ней ясно отражалась поверхность потолка, и Вепрев даже разглядел карту. Внезапно ему показалось, то он узнает отдельные буквы. Шурик пригляделся: в самом деле, в зеркальном отражении, отчетливо видимом на поверхности жидкости, можно было прекрасно разобрать всю карту и даже надписи, сделанные на русском языке.

— Народ, гляньте сюда, — позвал он попутчиков, — вот наша карта!

Семенов и Галина мигом залезли на постамент и принялись рассматривать отражение.

— Действительно, карта, — удивленно протянула Галина, — и надписи на русском!

— А вот здесь мы были в гостях у этого пгэвосходного человека, инженега Бусыгина! — воскликнул ученый человек Семенов, тыча пальцем в «мазут», которым была доверху залита чаша. Но едва палец Семенова коснулся жирной черной пленки, как «мазут» начал неудержимо засасывать животновода в себя, и фигура ученого-говнолога стала менять очертания, как будто он превратился в какое-то жидкое тесто.

Семенов с диким воплем ухватился за первое, что подвернулось ему под руку — длинный конский хвост, в который для удобства увязала свои волосы Галина. Галина немедленно превратилась в ту же киселеобразную субстанцию, что и Семенов, и ее вслед за

Семеновым тоже начало засасывать в «вазу». Машка чисто рефлекторно попыталась схватить Галину за руку, и ее тут же понесло туда же, а вслед за Машкой последовал и математик Вепрев, который попытался удержать подругу за край ее симпатичной мини-юбочки.

Через несколько мгновений вся компания с дикими воплями влетела в «вазу», всасываясь в нее точно так же, как всасывается коктейль через соломинку, а затем растеклась по поверхности черной жидкости, словно керосиновое пятно на воде с нарисованными фигурками путников. Через несколько секунд по пленке побежали волны, которые быстро усиливались, и вдруг вся пленка свернулась в многоцветный шар размером с футбольный мяч, плавающий по поверхности жидкости в чаше.

Через пару минут «мяч» плавно воспарил над поверхностью чаши и начал сжиматься, превратившись в едва видимую пылинку, и вскоре вовсе исчез, как его и не было...

sss

Перед глазами Вепрева с ужасной скоростью промелькнули стенки пещеры, Машкины ножки, затем вдруг появилась огромная черная стена, на которую его неудержимо несла непонятная и неодолимая сила, и, наконец, он столкнулся с этой черной стеной. В глазах математика полыхнуло, словно он увидел фотовспышку, и тотчас картинка сменилась: все, что мог видеть доблестный математик, состояло из разноцветных черточек, они кружились вокруг, меняя цвет и длину, то там, то здесь вспыхивали какие-то искорки, и слышались какие-то неясные звуки «бу-бу-бу». Вепрев попробовал пошевелить руками и ногами — слева и справа промелькнуло еще несколько черточек, и более ничего. Он попробовал повертеть головой. Это как будто удалось, но все, что он увидел — это все те же черточки.

— Маша! — крикнул экс-математик, — ты где?

— Бу-бу-бу-бу — послышалось в ответ.

Внезапно Вепрев заметил, что то, что он привык считать своей правой рукой, намертво пристало к другой черточке, от которой, похоже, и доносилось бубуканье, а та «приклеена» к третьей. Тут до экс-математика дошло, что вся их компания, растекшись по поверхности «мазута», попала в плоский мир, и теперь они могут видеть друг друга только как черточки.

Но долго раздумывать Шурику не пришлось, потому что внезапно черточка, к которой он приклеился, превратилась в подобие Машки, только нарисованной карандашом на бумаге. Нарисованная Машка неистово размахивала руками, ее рот открывался, издавая звуки «бу-бу-бу», а затем Машка начала быстро разбухать, и вдруг Вепрев упал на что-то жесткое, больно стукнувшись коленкой...

sss

В центре загаженной каморки гениального инженера Бусыгина возникла крохотная сверкающая пылинка. Немного повисев в спертom воздухе, она опустилась на загаженный пол, и тотчас же начала разрастаться. Через несколько минут пылинка превратилась в многоцветный мяч, затем этот мяч размазался по полу, образовав черную лужицу, и из нее обратным ходом выскочили наши герои. Первым появился животновод Семенов, тычущий пальцем в неизвестность, затем, крепко удерживаемая второй рукой Семенова за «хвостик» вынырнула Галина, в которую цепко впиалась Машка, и последним — Шурик, тянущий откровенное мини своей подружки. Оставшаяся на полу лужа мигом превратилась в лист плотной бумаги, похожий на коврик.

— Ах ты сука, тварь, алкаш, да я тебе щас покажу, гад, скотина, бородавочник, блядь, профессор хуев... — едва появившись из лужи поносила животновода Семенова Галина. —

С собой меня потащил, гнида, за волосы, да тебе за это яйца оторвать, а вот я Ахмету все скажу, он тебя, доцент гребаный, уроет!

— Да я же... — Семенов пытался вставить в длинные тирады, состоящие сплошь из ругательств, хоть слово. — Да помилуйте... А за что мне было еще схватиться?

— За хер свой надо было хвататься! — Галина неистовствовала. — И самого себя в этой херне топить!

— Галиночка, уважаемая моя... — вякнул было Семенов, — что же мне оставалось делать пги таком повоготе событий?!

— Щас я тебе покажу, поворот событий! — и озверевшая Галина принялась теснить Семенова, одновременно закатывая рукава, — я те так поверну, из-за угла мочиться будешь!

Вепреву было безумно интересно, чего же такого повернет животноводу работница сферы обслуживания, но ему пришлось прервать ссору, исключительно из соображений «целостности команды». Покончив с насильственным примирением в виде профилактических подзатыльников и тычков в ребра, математик ткнул пальцем в лист бумаги, который лежал на полу, прикинувшись ковриком.

— Туда смотрите! — велел он, — узнаете что-нибудь?

После воспитательных мер оба ученых притихли, и все трое присоединились к Машке, которая уже с упоением рассматривала лист.

— Смотрите, точная копия кагты из «гюмки», откуда мы только что «выпали»! — воскликнул Семенов.

— Угу, только нарисованная на листе бумаги, — буркнул Вепрев, — так, карту на стол! Будем проводить разведку местности!

Все поглядели на стол, заваленный горами мусора, объедков, пустых бутылок и каких-то непонятных железок.

— Разгрести придется, — деловито заметила Галина, — вперед! — и бывшая работница торговли, взяв с пола какой-то фанерный плакат с лозунгом «Слава КПСС!» принялась сгребать в него отходы жизнедеятельности гениального инженера. Другие присоединились с ней, и общими усилиями стол был очищен за десять минут. Вепрев возложил на него карту, которая, как он надеялся, как-нибудь выведет их в нормальный человеческий мир.

Каморку Бусыгина на схеме мог опознать даже дурак. Она находилась немного в стороне от основного русла «реки» и была обозначена черепом, под которым скрестились две кости, и неведомый картограф тут же подписал: «Осторожно! Бусыгин!». Немудрено, что спившийся животновод «блеснул» интеллектом и ткнул пальцем в эту точку.

— Слушай, народ! — Шурик возбужденно потер руки. — Надеюсь, все поняли, что жидкость в чаше не простая. Наш доцент, — он кивнул на Семенова, — дотронулся пальцем до нее, и после этого все и началось. То есть чаша может переносить нас в определенную точку на карте. Телепорт, бя.

— Телепорт... — Повторила Машка.

— Поэтому надо щас внимательно зазирить, что где есть на карте. И решить, куда нам канать дальше. Потому как есть вариант, что придется вернуться в ту комнату, с этой рюмкой долбаной, и оттуда перенестись в нужное нам место.

— Давайте посмотрим, какие места нам уже известны, — предложил Семенов.

Все склонились над картой.

— Смотрите, — Вепрев показал на четыре пунктирные линии, ведущие в разные

стороны от убежища Бусыгина.

Первая вела в коридор, в одном конце которого путников ждал вход в пещеру Эрдрума (на карте стояла пометка «Примитивы»), во втором — уже знакомый зал Педрило (накарябано «Пидоры»).

— Тут мы были... — пробормотал Вепрев. — И точно можно сказать, что больше там делать не фиг.

Вторая пунктирная линия была намного короче первой. Судя по всему, она вела также в пещеру. Ее значение был призван объяснить значок в виде рогатой головы и надпись «РКЦ».

— Ой, Саш, это, наверное, та пещера, которая за зеркалом. — Догадалась Машка. — РКЦ... Что такое РКЦ? Это че такое, кто-нибудь знает?

Все дружно пожали плечами.

— Я вот слышал, — решил поделиться версией Семенов, что ЭГКАЦЭ в банковской деятельности — гасчетно-кассовый центг. Также иногда встгечается абгевиятуга ЭГПЭЦЭ, что, собственно, огначает Гусскую Пгавославную цегковь.

— Ты тупой, что ли? — спросил Шурик. — Тут же написано РКЦ. Или ты хочеш сказать, опечатка у них вышла?

— Я лишь высказал пгедположение, — буркнул себе под нос животновод и обиженно замолчал.

— Давайте дальше, — завершил обсуждение Вепрев.

Третья линия тянулась до круглой залы, из которой, судя по схеме, было три выхода со следующими пометками: «Откатчик», «Заготовитель» и «Сито».

Галина, как школьница, подняла вверх руку. Шурик, почувствовав себя лидером, махнул головой — мол, говори.

— Вот это... — Галина несколько раз ткнула пальцем в пещере с надписью «Сито», — место, где мы прыгнули в дырку, — Она говорила радостно, но никто ее энтузиазма не разделял. — Давайте туда вернемся!

— И че там делать? — скептически скривился Вепрев.

— Как? Там же можно в любое место перенестись. В дырку — оп! Еще раз и...

— Еще раз прыгать? Нет, не выйдет! — Шурик замотал головой.

— Это с чего бы? — Машка присоединилась к Галине. Видимо, свою роль сыграла женская солидарность.

— Послушайте, — снисходительно стал объяснять Вепрев. — Мы туда летели, летели, потом катились-катились и где оказались? В русле какой-то высохшей речки, в каком-то погибшем мире. Потом приканал этот... крылатый... Патлатый... и что он сделал? Сменил декорации — вот что. И только тогда мы оказались в пещере с паучьей норой.

— Да-да! — встал на его сторону Семенов. — Все пгавильно! Если мы снова пгыгнем в эту дыгу, то не факт, что окаэмся в той комнате, где оказались тогда!

— Ой, ладно! — Машка фыркнула. — Какие ваши предложения? Мне надоело решения принимать...

Вепрев удивленно покосился на подругу. Вот уж, действительно, полководец. Маршал Зверева, блин.

— Ладно, поищем другой путь, — предложила Галина, — вот еще есть выход отсюда. Правильно? Мы же по этому пути еще не ходили?

И Галина указала на четвертую пунктирную линию, которая на карте отходила от каморки Бусыгина. Она линия изображала извилистый пунктир, исходящий из каморки

Бусыгина, и ведущий в какое-то место, обозначенное кружком с надписью "Граммофон", от которого отходило несколько радиальных черточек с надписями: "Кайфолом", "Интерфейс Богов", «Игольное ушко» и "А".

— И что это значит: Кайфолом? — растерянно спросила Галина, — может, типа вытрезвителя?

— Нет, нет, нет, — затараторила Машка, — про Кайфолома мне Слонопотам рассказал, пока вы спали, а Шурик за бухлом ходил.

— И что он тебе наплел? — подозрительно прищурился Вепрев.

— И пгявда, багышня, что это? — встрял доцэнт-животновод.

— Он сказал, что Кайфолом вставляет Золотую Глюк-Фишку тем заготовкам, ну, шарикам-то этим, из которых должны получиться приподнятые пиплы, — ответила Машка и насмешливо добавила, обернувшись к Семенову, — а прочие только в клизмопостановщики годятся, — ах-хахахахахахахаха-а — залилась нахальная девица громким хохотом.

— Ты чо, мать, ваще заклинила? — нежно одернул Машку Вепрев, — Не до смеха тут, мы серьёзным делом заняты.

— Правильно, Машенька, Кайфолом — это круто! — внезапно послышался из под кровати скрипучий голос старикашки Бусыгина, и вскоре он самолично явил себя миру, выползая из-под кровати и толкая перед собой небольшую коробку из под обуви с этикеткой фабрики Скороход. Показавшись на свет, старикашка с кряхтением поднялся и с осуждением посмотрел сначала на разоренный стол, на котором теперь лежала карта, потом — на всю честную компанию. Одежда на Бусыгине висела мешком — такое ощущение, что инженер либо сильно похудел за время нахождения здесь, либо просто спер свой наряд с чужой бельевой веревки.

— Здравствуйте, дядя Сережа, — сказал Маша.

— Привет-привет... — небрежно буркнул инженер, делая гостям ручкой, — погось, я щас...

И не обращая более никакого внимания на компанию, наблюдавшую за ним с раскрытыми ртами, гениальный изобретатель проковылял в угол каморки, немного порылся там, и вытащил что-то из кучи разнообразного хлама. Когда он повернулся, все увидели, что в руках Бусыгин держит небольшое зеркало вогнутой формы, какое встречалось на древних керосиновых лампах.

— А че это, папаша? — спросил изумленный Вепрев.

— А вот щас увидишь, математик, — не без ехидства ответил старикашка, и, прислонив зеркало к спинке кровати, поставил перед ним принесенную коробку от ботинок фабрики Скороход. Затем дедок нагнулся, и вдруг сунул руку в зеркало по плечо. Наблюдавшая за действиями инженера компания дружно охнула, но тот, не обращая на них внимания, слегка пошуровал чем-то внутри зеркала, и вдруг принялся выгружать содержимое отражения коробки на свою койку. Все ахнули, а Галина даже взвизгнула. У Шурика глаза становились все шире и шире по мере появления новых продуктов. Сперва миру явились палок двадцать колбасы, затем множество банок с тушенкой и килькой в томате, за ними последовали какие-то шуршащие пакеты, четыре ящика портвейна «777», и, наконец, два огромных ящика с литровыми бутылками водки Смирнофф. Как все это влезло в ботиночную коробку и как этому старому козлу удалось все это утащить на себе, оставалось загадкой.

— Ой, дядя Сережа, — не выдержала Машка, сгорающая от любопытства — а как вы это все в коробку поместили?

Старикашка только досадливо мотнул головой, буркнул «потом, Маша, потом», затем с натугой вытащил из глубин зеркала последний мешок с картошкой, поднялся на ноги и с трудом потащил мешок в угол.

— Помоги-ка, доцэнт, — обратился он к Семенову, и с помощью ученого-клизмолога поставил мешок в дальнем углу прямо под плакатом с голой Брижит Бордо. Затем он вернулся к столу и уселся на вихлястый табурет.

— Дядя Сережа, — умоляющим голосом спросила Маша, — Скажите хотя бы, куда вас те рогатые утащили?

Бусыгин только нетерпеливо махнул рукой, грязным рукавом утер себе нос, икнул, взял, слегка привстав, пару бутылок водки из ящика и попробовал было поставить ее на стол.

— А, карта... — равнодушно заметил он, увидев карту, которую обсуждала компания. — Ну-ну, географы юные, узнаю я эту схемку. У меня их, чтоб вы знали, целая пачка — можно как туалетную бумагу уже использовать. Причем, заметьте, парадокс — все они разные.

— Как это «разные»? — недоуменно поинтересовался Шурик.

— Так это. Разные. — иииик! — Здесь все по-другому, милые мои. Ситуация очень изменчива. Каждую секунду — чпок — и все! Новая карта нужна. Как им там глянется... — он неопределенно мотнул головой.

С этими словами инженер, весело побрякивая бутылками, поставил их в центр стола. Шурик едва успел одернуть из-под них карту.

— А кому это «им»? — спросил Вепрев.

Бусыгин задумался. Экс-математик даже не понял, услышал ли тот его вопрос. Но через несколько секунд гений ткнул грязным пальцем в потолок:

— Им!

Все машинально посмотрели вверх. Ничего, кроме закопченного каменного свода там не обнаружилось.

— Дядя Сережа, а сейчас-то вы где были? — не унималась Маша.

Старикашка проигнорировал ее вопрос.

— Знаете, чего я хочу? Ну вот, на самом деле? На хуй все послать и выпить. А? Как вы? Со мной?

— А то! — оживился животновод и почесал себе шею. — Выпить — дело святое.

— Я тоже выпью! — Галина сделала шаг вперед. — Уж больно утомилась.

В результате на «расслабон» согласились все. Приключения, полеты, плоские миры, змеи, пауки... Как после этого не накатить?

Бусыгин бодро кивнул: «Понял», затем, двигаясь шустро, как таракан, достал с полки обшарпанные чашки и стаканы, сноровисто чпокнул пробкой и разлил водку.

— Эх, хорошо! — Оживился гений «после первой». Сразу же налил «по второй», не дожидаясь остальных, влил содержимое стакана в себя и предложил перекусить.

— Вот, ребяташки, хлебушек, колбаска, консервы, все — самого высшего качества, — старикашка принялся выкладывать продукты на стол, — угощайтесь. Я не воровал, нет. Я когда еще там, ну, в Питере, жил-поживал, в сторону одного супермаркета на Невском даже посмотреть боялся. А теперь грех не воспользоваться холявой.

— Какой такой холявой? — настороженно спросила Маша.

— Время-то остановилось. На всей Земле. Магазины, автосалоны, бутики... Заходи, бери. Но, что бы вы там не говорили, не думали, знайте — Бусыгин — не вор!

— Слышь, не вор! — Вепрев встал, взял в руку карту и подошел к старику. — Ты щас опять заснешь или пропадешь куда, потому давай-ка объясни, что это за «Интерфейс богов»?

И он ткнул местом на карте прямо в нос инженеру.

— Убери, убери от меня эту бумагу. Что вы пристали? Сей пунктирчик обозначает не что иное, молодой человек, как путь к Интерфейсу Богов. А начинается он, пардон муа, из унитаза в моей скромной обители. Как и все другие пути, ага, ээхэхэхэхэхэхэ, — заблеял гений-изобретатель дребезжащим старикашечьим смехом.

— Я смотрю, унитазы, у тебя, академик, это прям любимое устройство, — ехидно заметил Шурик. — Тебе бы на работу устроиться в Академию Дерьмовых наук. Получишь степень профессора-говнолога!

— Иронизируйте, иронизируйте! — с пьяной ухмылкой ответил Бусыгин. — Вот доживете до моих лет, гражданин хороший, я на вас посмотрю. Сейчас-то запор для вас — пустое слово. А я, между прочим, мучаюсь. Старческое, знаете ли. Потому унитаз для меня — святое место. Если повезет, конечно.

— Да что вы! — решил внести свою лепту в дискуссию изрядно пьяненький животновод. — Запогчики, батенька вы мой, эт мой пгофиль, мое альтег-эго, мой конек, так сказать!

Семенов заметно оживился. Все, включая Бусыгина, с интересом наблюдали за ним.

— Вам пгосто необходимо испгобовать мое гениальное избогтение!

— Какое? Ге-ни-аль-ное? — Переспросил вдребезги пьяный Бусыгин, наливая себе еще одну порцию горячительного из новой бутылки.

— Да. Гениальное!

— И что это?

— Дергитесь, не упадите со стула! Это пенная клизма! — заявил животновод с напором, достойным изувера-фанатика тоталитарной секты.

Компания обалдело переглянулась, а Бусыгин попытался даже встать, но сила притяжения в тот момент имела над ним большую власть, нежели его инженерные ноги.

— Я согласен. Что нужно делать? — спросил гениальный инженер.

— Нужно, эээ... — Семенов задумался. — Щас-щас-щас. Щас я все гасскажу. Так. Бегете воду, газводите в ней кусок мыла или пачку стигального погошка с дгожжами и сахагом... И... Внимание! — Он задрал вверх палец, который шатало, как парус на корабле в сильный шторм. — Необходимо закачать два литга этой смеси в пгямую кишку. А когда... когда эта смесь начнет бгодить в вашем нутге, батенька вы мой, ваше счастье не будет иметь гганиц в пгеделах помещения!

Бусыгин задумался, поковырял черным ногтем поверхность стола. Затем, не говоря ни слова, налил всем еще по одной и выпил, не чокнувшись. Остальные переглянулись, пожали плечами и последовали примеру гения. Инженер, опрокинув в себя водку, крякнул, прошипел что-то вроде «эх, еб твою мать, была-не была», встал из-за стола, и, покачиваясь, сделал шаг в сторону шкафчика.

— Одну мнутчку! — громко объявил он. — Щас....

Со стуком бухнувшись на карачки, Бусыгин принялся рыться внутри своего хранилища. Шкафчик, надо заметить, был либо ровесником своего хозяина, либо опережал его по возрасту лет на двадцать. Наконец, старикашка достал пачку сухих дрожжей, початую коробку рафинада с украинской надписью «Цукор», кусок вонючего хозяйственного мыла и пустую двухлитрушку от минеральной воды «Нарзан» химкинского розлива.

— Товарищ академик! — крикнул Вепрев. — Он же животновод! Он, поди, только коровам такие клизмы и ставил!

— Вперед, коллега! Приступайте! — сказал непреклонный Бусыгин. Было ощущение, что два светила науки готовятся провести небывалого масштаба эксперимент, который как минимум, обеспечит каждого из них Нобелевской премией.

— Будьте так добгы... Мне необходима некая емкость...

Семенова порядком штормило, он периодически пытался схватиться за Галину, та же, памятуя чем это кончилось в последний раз, била его по руке, мелко смеясь грудью.

Бусыгин вытащил из-под кровати ржавое ведро. К застолью немедленно присоединился запах мочи.

— Фу! Академик! Это уже уринотерапия! — веселился Вепрев. — Вы доверили свок жопу не тому человеку!

Семенов, не обращая внимания на ехидные уколы Шурика, взял кусок мыла и принялся строгать его в ведро. Туда же он вскоре высыпал сухие дрожжи и сахар из пачки. Затем животновод начал вертеть головой по сторонам.

— Ищешь жертву, клизматолог, бля? — спросил Вепрев. — Так вон он — возле стеночки стоит, тебя ждет... — и ткнул пальца в Бусыгина, которой с нетерпением ожидал спасительной процедуры.

— Коллега, я пгошу пгощения! А где вода?

— Там, — махнул рукой старикашка и чуть было не свалился на пол, — бери прям с бачка. На все хватит!

И Бусыгин отдернул занавеску, которая отделяла жилую зону от санузла. Все замахали руками — из угла понесло мерзкой сортирной вонью. Семенов, не обращая внимания на вонь, исчез за занавеской.

Пока там гроыхало и журчало, Вепрев предложил «полирнуть» достигнутое портвешком. Дамам уже было все равно. Машка хихикала над каждым действием животновода, и переходила на громкий визгливый хохот, когда Шурик выдавал свои комментарии. Галина молчала, глупо улыбалась.

Мигом разлив по емкостям две поллитры портвешка 777, Вепрев прочувствованно сказал тост:

— За успешную клизмо-постановку! — и залпом выпил. Дамы последовали за ним. Портвешок слегка отдавал политурой, но в целом был неплох. Вепрев уже хотел было высказаться на эту тему, но тут, наконец, появился, Семенов с ведром, в котором весело плескалась мутная пенная жижа.

— О! Да тут литров пять! — заметил Вепрев. — Мне вас жалко, академик!

Машка рухнула от смеха.

— Ну да, да, — согласился животновод с оттенком досады в голосе. — Не гассчитал малость. С дугуой стогоны, от этого должен быть еще более блестящий эффект! Пгошу Вас, Сеггей Вгадимигович, спустите ваши... эээ... панталоны и пгимите необходимую позицию.

Вдребезги пьяный Бусыгин только и ждал этой команды. Он икнул, радостно подмигнул Машке, спустил штаны и брякнулся на пол на четыре кости...

— Прямо тут?! — Машка взвизгнула и закрыла лицо руками, но расставила пальчики, что бы ничего не пропустить.

— Слышь, мать, ты лучше портвейна принеси. Полирнуться бы надо. Тогда и процедуру заценим с комфортом — предложил Вепрев.

Машка кинулась к кровати, все еще красная, как вареный рак, и принесла, на всякий случай сразу три бутылки. Пока она разливала вино по емкостям, стыдливо отворачиваясь от сомнительных прелестей бусыгинских сморщенных гениталий, Семенов сноровисто вкатывал пациенту клизму за клизмой, весьма умело пользуясь пластиковой бутылкой.

— Ишь, ты, — восхитился Шурик — Ма-а-стер, бя.

Он был уже практически в драбадан и слова растягивались и сминались во рту, как конфетные обертки. — Вступайте в нашу церковь клизматологов! — пародируя американского телесвященника сказал Вепрев. — Клизмы сделают всех нас счастливее. Поставь себе клизму, сестра! И ты сестра! Поставь себе клизму и иди!

Через секунду все хохотали. Когда смех, наконец, утих, все вытерли слезы и взглянули на Бусыгина. Тот продолжал стоять на четвереньках. Потом встал, натянул штаны и присел к столу. На лице его читалась великая мировая скорбь.

— Не вышло. Ничего у вас не получилось. А я вам доверился...

— Подождите! — принялся оправдываться обескураженный Семенов. — Стоп! Надо подождать свегшения великого таинства пгигоды!

— А мы пока выпьем! — предложила Машка, еле связывая буквы в словах.

Компания чокнулась, отправила портвейн в животы и принялась ждать.

Через пять минут академик не выдержал.

— Ну, и где эффект? Где, ёмана, таинство твоей природы? Где? Ну, никакого позыва, паря!

Голос Бусыгина был преисполнен трагизма. Наверное, с такой же ноткой надрыва японский микадо объявлял о капитуляции перед союзниками в далеком 1945 году.

Вепрев не выдержал и буквально разрыдался от смеха. К нему присоединились Машка и Галина. Великий инженер обиженно приложился к бутылке с тремя семерками на борту. Потом налил в стакан водки и выпил залпом.

Веселое приключение с немислимой процедурой всех изрядно развеселило и сняло напряжение. Все разговорились, расслабились, как будто и не было в их жизни этих злоключений по пещерам. Стаканы звякали стенками друг о друга, Семенов начал все чаще пить за любовь и томно посматривать на Галину, Шурика слегка клонило в сон, но спать не хотелось, потому что настроение было слишком уж хорошим, чтобы его взять и проспять. Он вспомнил свою, уже ставшую родной, пивную возле дома. Сейчас ему так не хватало знакомых рож собутыльников — старых приятелей! Захотелось домой, в полуподвальную квартирку, растянуться на кровати, почувствовать под рукой Машкин круп и спокойно лежать, изучая трещинки на потолке.

Машка вынула из кармана драгоценный камушек и золотое яичко. Красота! Она принялась задумчиво их рассматривать. Драгоценности переливались, подмигивали девушке, суля красивую жизнь. Она томно улыбнулась, представив себя на берегу теплого моря в солнечной турецкой Анталии, на горячем песке... Рядом — коктейль с зонтиком, доносятся восточные напевы, ее тело облачено в шикарный купальник от Армани. А вечером она в сопровождении мачо, у которого сквозь полупрозрачную белоснежную ткань рубашки проступают кубики пресса, едет на шикарном BMW по набережной с пальмами...

Вепрев увидел, как доцент-животновод Семенов со сладкой миной тискает под столом коленки Галины, что-то нашептывая ей в ушко. Та жеманно морщилась, прыскала в кулак, как первокурсница, обласканная вниманием ректора, делала вид, что отталкивает ветеринарские грабли, но одновременно подсовывалась все ближе, регулярно повторяя «ну,

фу-у-у, что вы такое говорите в самом-то деле».

Шурик пожал плечами, отогнал мысли о доме, пивняках и своей постели и повернулся к Бусыгину.

— И все-таки, это, скажи-ка мне, академик, чо это за Интерфейс такой.

Инженер с трудом повернул голову в его сторону.

— Интер-фейс. Бо-гов?

— Ну да. Зачем он нужен?

— Понимаешь, ик, паря. Это сложный, ик механизм. Я бы назвал его пультом, ик, управления всем миром. Есси добересси до него, то все тебе будет пох! Вот, чо не захочешь, все можешь сделать, ик! Все, что хошь! Твори, пакости, грабь банки, ну, в общем, делай чо хошь. Меняй к лучшему, что ты там менять собрался. Или пришиби на корню... Да, о чем это мы? А? Ага, давай еще по одной... брат...

— Так, а чо ты до него не добрался? — спросил Вепрев подливая гению водки в щербатую кружку.

— А я че, я ниче, меня и так все устраивает, нах... мне тот интерфейс, что я крыса в лабиринте? — гениальный инженер замахнул стакан и продолжил, помахивая грязным указательным пальцем перед носом Вепрева. — Нет, я это... этот... как его... человек! Да! Я — гений... У меня и так, ик... усе уже было... Есть, то есть... — А я, ииик, всем, мля доволен. Мне и тут хорошо. Спокойно. Я перемены не люблю, иииик. Нах перемены!

— А мы как же?

— А вы как хотите! Я потому свой ключ с дневником и выкинул — авось, кому сгодится. Ииик!

— Ну ладно! А как попасть в лаз, ну, который того, к Кайфолому и прочим ведет?

— В лаз? Ща расскажу, — еле ворочая языком промычал старикашка, — сначала ииииик... ныряешь в унитаз, и в Граммофоне находишь ход к интерфейсу или, скам, пе.... ииииик... щере этого Кайфолома.

— А что он там делает, ну, Кайфолом-то? — назойливо допытывался дотошный математик.

— Этот пацан, паря, ну, Кайфолом-то, он типа глюк-фишку золотую вставляет в заготовку пипла, ну, типа шарика такого, усек? Ииии-ик!

— И зачем это фишка? — не отставал Вепрев, пристально вглядываясь в развернутую карту.

— Ну, она, типа рандомно расставляет коэффициии- ииииик — иенты приоритета в матрице кайфа, и отсюда у пипла идут извраты или крутые выбросы крео, усек? Тык скыть, весь прогресс и изврат — от нее.

— Да, кстати! — внезапно слегка отрезвел гений-инженер, — ключ-то у тебя?

— Ага, — сообщил Вепрев, вытаскивая ключ из кармана, — и чо с ним делать?

— Вот попадем в пещеру Кайфолома — увидишь, я покажу! — это, паря, такой будет кайф, который не описать словами! Круче герыча!

— И как попасть в Кайфоломню? — спросил Вепрев, — тоже в унитаз нырять, что ли?

Морщинистая мордочка Бусыгина внезапно напряглась и застыла. Он уставился в одну точку на столе. Удивленно поднял брови. Потом резко скорчился. Откуда-то изнутри гения послышалось громкое урчание и бульканье. Бусыгин сжал губы. Сейчас его лицо напоминало мину спортсмена-олимпийца перед установлением мирового рекорда. В животе снова громыхнуло.

Все отвлеклись и посмотрели на инженера.

— Папаш, ты че это? Все нормально? — спросил Вепрев.

— Дядь Сереж, вы чо? Перепили что ли? — спрятав драгоценности обратно в карман, спросила Маша.

— Ммммммммм... — промычал Бусыгин, сидя колом и ни на что не реагируя, как будто парализованный изнутри.

— Ну, еще бы, — подумал Шурик, — столько бухла и лошадь свалит!

— Эээээээ.... — вдруг заблеял гениальный изобретатель, — ээээврика! Вот он, Момент Истины!

И старикашка метнулся в угол за занавеской, на ходу сдирая штаны.

Когда все поняли, в чем суть загадочного поведения инженера, спазм хохота прокатился по компании. Ржали так, что почти не слышали звуков, которые доносились из-за занавески. А там словно играл любительский духовой оркестр — тело старикашки то издавало протяжный бас, то ревело белугой, а сам Бусыгин кричал в истоме наслаждения.

— Тихо! — остановил смех Вепрев.

Все замолчали.

— Ууууооооооо!!! — затянул гений-изобретатель.

Все снова чуть не попадали со стульев.

Наконец, гений выполз из своего любимого застенка. На трясущихся ногах, пошатываясь, он добрал до стола, плюхнулся на свое место и слабым голосом попросил:

— Кто-нибудь... Налейте водки...

Шурик послушно исполнил просьбу. Бусыгин умело хватил целый стакан водки залпом и блаженно расплылся на стуле. Животновода Семенова сразу перестали интересоваться коленки Галины. С жадным любопытством он подсел к Бусыгину и, задыхаясь от волнения, спросил, теребя того за рукав:

— Ну как? Да ну как? Сгяботало? Вещь ведь, да? Я же говогил — гениальное изобгетение!

Инженер обессилено помахал рукой.

— Чудовищный кайф! Вот ублажил, так ублажил! Мерси тебе ужасное от всех пенсионеров!

С этими словами на лице академика появилась блаженная улыбка, глаза закрылись, он явно засыпал.

— Стой, стой, папаша! — Вепрев растолкал его.

— Что? Что еще? Хватит, отстаньте от меня... Я щас самый счастливый человек на свете!

— Не засыпай пока, погодь!

— Угу.

— Как попасть к Интерфейсу?

— Унитаз, хррр....хрррр.....

— Это я понял. Что там надо нажать-то?

— Педаль.

— Ну что, мля, мне прямо в очко нырять что ли?

— А вот и ныряй! — сказал Бусыгин, после чего веки гения-изобретателя сомкнулись и он упал мертвецки пьяный мордой в стол.

— М-да-а-а, — Вепрев почесал затылок — мало того, что в унитаз, так еще и

засранный. Ну? Что делать-то будем?

— А, может, поищем путь домой, в Питер? — без энтузиазма промямлил Семенов, — Вон, инженер туда как в соседский двог смотался.

— А что там делать-то, в Питере, если Время стоит, — меланхолично заявила Галина.

— А мне бы в Анталию, — мечтательно протянула Машка — с мачо познакомиться...

— Ага, замороженным — едко заметил Вепрев.

— Почему «замороженным»? — удивилась девушка.

— ВРЕМЯ! СТОИТ! — грубо высказался Вепрев, — Ты че, мать, совсем не варишь. Нету там никого, только мы будем.

— Тогда что? В толчок лезть только и остается! — подвел итог Семенов.

— Ладно, — Вепрев махнул рукой, — пошли на портал посмотрим, вдруг, все не так страшно. Все равно нам в Интерфейс надо, может, еще исправить чего получится, все-таки Интерфейс Богов.

Все поднялись и, пошатываясь, поплелись за занавеску.

— Ну, ты ж боже мой! — попятился великий клизмолог, краем глаза оценивший степень облегчения гениального инженера — Где в нем все это помещалось?!

Обстановочка места для медитаций могла вылечить от заикания или наградить им даже демонов Преисподней. Последствия целительной пенной клизмы наблюдались повсюду, на полу, стенах, засаленной занавеске и даже на потолке. Начинаящие подсыхать потеки все еще пузырились, постепенно застывая чудовищным ландшафтом неведомого круга ада.

— Может он тут от рогатых и прятался? — задумчиво предположила Машка, стараясь прижаться крепче к Шурику, начинавшему потихоньку трезветь от густой едкой вони, пропитавшей, казалось, даже свет от тусклой лампочки, слегка покачивающейся точно над центром катаклизма..

— М-да. И в куда тут нырять?

— А это что, господа? — Семенов указал на место на стенке, где чем-то коричневым была грубо намалевана стрелка. Стрелка смотрела вниз и, предположительно, указывала на грязную педаль в полу.

— А знаете, господа, кажется, я знаю, что это, — доцент-животновод пожевал губами и продолжил, — это из вагона, да, да, из железнодорожного вагона выдгано. Там она всегда рядом с толчком имеется, для слива. Я точно такую же видел лет пять назад, когда ездил в Гязань на Всемигную конфегенцию по климпостановке. — Семенов задумчиво закивал каким-то своим воспоминаниям и замолк.

— М-да. Тут у нас, я смотрю, просто цвет российского говноводства собрался. А, Галина? — иронично хмыкнул Вепрев.

— Чего ты на говно взелся, дворник? — вдруг окрысилась бывший научный сотрудник, — на работе достало? Так все мы сами себе работу выбирали. Шел бы в математику, по специальности, так сказать. Работал бы на оплату съемной квартиры и хлеба без масла.

— Не, ну че ты кипишуешь. Это я к тому, что вам, имеющим колоссальный опыт по работе с отходами, и карты в руки. Давайте, нажимайте на педаль. А мы с Машкой в сторонке постоим, посмотрим.

— Нашел дуру! — фыркнула Галина, — Сам нажимай.

— Эй, Семенов! А ты?

Семенов затряс головой, отодвинулся поближе к занавеске и поджал губы. Повисло

молчание...

— Так что, мы теперь здесь жить будем? — жалобно пискнула Машка через пару минут и умоляюще посмотрела на бывшую сотрудницу НИИ Нанотехнологии имени Онотоля. Е Галине проснулась женская солидарность, а, точнее, желание переложить ответственность на чужие плечи. Дамочка тут же припомнила семеновские грабли на своих коленках и, томно закатив глаза, изрекла, глядя на Семенова:

— А по моему герой, который решился бы на такой отважный поступок, достоин награды в виде незабываемого сеанса орального секса.

Вепрев скептически хмыкнул, мысленно представив галинину голову между своих ног, и покрепче прижал Машку, автоматически припомнив, как оно у них было. Давно, однако.

Семенов, заскучавший возле сортирной занавески, врубился не сразу. Потребовалось смачное чмокание и облизывание губ, выразительный вдох, сделавший грудь бывшей сотрудницы НИИ заметной невооруженным взглядом, и пара движений рукой, слегка задравших юбку.

— А, да... Так... это... Я, пожалуй, могу, — решился животновод, — подумаешь, на слив жедешный наступить, небось, не в толчок нырнуть. — И клизмолог, решительно шагнув к толчку, выдохнул и наступил на педаль.

Несколько секунд никаких изменений не происходило. Очко оставалось очком, унитаз все также тоскливо красовался замызганными краями. Даже вода не потекла, хотя должна была, вроде. А потом раздался громкий щелчок, от которого вся компания рванула к выходу. Замешкался только Семенов, потому что вперед его никто не пропустил. Он и вернул компашку к унитазу.

— Господа, тут это, очко гаскгылось! — в голосе говнолога звучало большое недоверие, словно он мысленно подсчитывал сколько уже было выпито, но все никак не решался проверить — глюк это или правда. Однако дно унитаза действительно раскрылось, как диафрагма на объективе старой зеркалки, и оттуда потянуло неожиданно свежим воздухом вопреки точке отсчета.

Тотчас вся компания рванула назад.

— Ух, ты! — радостно воскликнула Машка. Галина, не решившись приблизиться, только посмотрела издали, а Вепрев, осторожно обойдя унитаз по кругу, многозначительно и веско, как бывший отличник мехмата ЛГУ изрек:

— В принципе нормуль. Человек пролезет. Кто будет играть в Гастелло?

— А кто это? — поинтересовалась Машка? — Какой-то божок? — В принципе ей этот Гастелло был до лампочки, хоть Бог он там, хоть кто, первой ей в дырку лезть не хотелось.

— Гастелло, дамочка, — авторитетно изрек Семенов, приободренный своим геройским нажатием на таинственную педаль для слива, — это летчик такой был, котогый пегвым на таган пошел, на танковую колонну пготивника.

— Летчик? А он что, самолет пропил? — наивно любопытствовала Машка, — чего он сам-то попер на танки?

Семенов поперхнулся, покачал головой, «эх, молодежь», и пустился в разъяснения:

— Нет, милочка, самолет у него был, только патгоны кончились.

— А он выжил? — не унималась девушка.

— Ага, — заржал Вепрев, — Нам, пилотАм, танкИ по хуЯм!

— Нет, багышня, — покачал головой животновод. — Он погиб, и был нагажден посмегтно.

— Тогда я первой не полезу! — сделала вывод далеко не дура в житейских делах Машка и категорично мотнула головой:

— Не буду я гостеллой. — и она вцепилась покрепче в рукав Шурика, преданно заглянув тому в глаза.

— Ну, я тоже не летчица, так что на меня не смотрите. — Галина демонстративно скрестила руки на груди и задрала крысиную мордочку к загаженному потолку.

— Тебя никто и не просит, — хохотнул Вепрев, — дважды покойники минетов не делают. — И многозначительно посмотрел на животновода, мог, дерзай, дама обещала, самое время напомнить. Семенов помнил про обещанный сеанс, но подозревал, что, именно сейчас организм может показать себя не лучшим образом, и, вместо честно заработанного удовольствия, получится тяготящий цирк под язвительные реплики Вепрева. Он что-то буркнул и насупился.

— Ну, ладно, хватит нам дергаться, давайте на изобретателе проверим, — вынес вердикт Шурик, — Раз он заявил, что сделал этот портал, значит ему и первым быть.

— Так он же, того, не хотел? — промямлил Семенов.

— А кто ж его спрашивать будет? Пошли, запустим Гагарина на орбиту, проверим, что там да как! — и Шурик решительно отдернул занавеску.

Бусыгин, не подозревая о коварстве собутыльников, мирно пускал слюни, и напрудил уже основательную лужу, медленно капающую со стола на помоистый пол. Выражение его лица было неопределенно-блаженным, и наводило на мысль о том, что гении и идиоты, скорее всего, близкие родственники. Он явно чувствовал себя комфортно между недоеденным ломтем колбасы и покачивающимся от его похрапывания пустым стаканом.

— Жалко будить — сочувственно высказалась Галина, глядя на раскисающую в слюнях рожу, — умаялся, сердечный!

— А мы и не будем, — решительно отмел предположение о необходимости разбудить и испросить согласия смертника на полет в очко сортира Вепрев. — А ну, доцент, подмогни!

Мужчины с удалецким хеканием оторвали отяжелевшее тело инженера от стула и поволокли под руки к толчку, голодно разинувшему пасть диафрагмы. Волоклось тяжело, бусыгинские ноги подгребали пустые бутылки, как заправские грабли, собирали обертки и смятые пакеты, раскатившиеся по полу консервы и объедки, какие-то железяки, и груды мусора, которую они тащили вместе с пьяненьким хозяином к сортиру, росла на глазах.

— Эй, бабы, чего стоим, разгребите тут, мы вроде на изобретателе проверить хотели, а тут цепляется всякое.

Машка и Галина кинулись выгребать волну отходов из-под ботинок Бусыгина, чертыхаясь и брезгливо стряхивая с рук полураздавленные бычки в томате и прилипающую то и дело туалетную бумагу, которой недавно пользовались по назначению, и последние полметра были преодолены рывком. Голова инженера с глухим бумканием тюкнулась о край унитаза.

— Ох, не убили бы! — ахнула Машка всплескивая липкими руками.

— Ты не за здесь беспокойся, мать, — успокоил ее пыхтящий Шурик — а за там. Там оно нам нужнее.

Новое положение ничуть не изменило общего душевного расположения спящего, он продолжил идиотски улыбаться и попытался обнять родной сортир.

— Но, но, но! — Забеспокоился Вепрев. — Давайте быстрее, еще вцепится, отдирай его потом от говна. Ну-ка бабы, суйте его голову в толчок, а мы за ноги. Семенов, ворон не лови!

Безвольное похрапывающее тело гениального изобретателя так и норовило выскользнуть и снова обнять толчок, поэтому женщины, потеряв терпение, решительно вцепились в жиденькие волосенки и оттопыренные уши Бусыгина, и, наконец, всунули голову в черную дыру, из которой явственно подвывал ветер. Мужики, в свою очередь, ловко подхватили того за ноги, приподняли повыше и отпустили. С громким всхлипом тельце инженера нырнуло в дыру и скрылось в черном провале портала.

— Фу-у-ух, тяжелый, загаза. — отдувался Семенов, убирая со лба прилипшие волосы, от чего на роже появились грязные разводы, придававшие животноводу пиратский вид.

— А теперича че? — поинтересовалась Галина. Отряхнувшись она заглянула в бездонный портал, и, видимо, не найдя в нем ничего нового — дыра осталась такой же черной, пугающей и узкой — брезгливо поджала губы.

— Ну, как че! За ним надо! — резюмировал Вепрев, — Вишь, человеческая туша в очко пролазит, мы тут, вроде, не толще его будем, значит, тоже пройдем. Айда за мной, ребята! — и экс-математик, встав на край унитаза, солдатиком нырнул в черный зев портала.

Машка неуверенно заглянула в толчок, оглянулась на загаженные стены, тихонько всхлипнула и, видимо решив, что противнее, чем тут нигде уже не будет, с громким ойком нырнула следом.

— Не-е-е. — вдруг запротестовала и попятилась Галина. — Не полезу я туда, нет, нет! — она отбивалась от настойчивого подталкивания Семенова. Наконец тот не выдержал, отпустил истеричной крысе леща и втокнул ее в очко. Затем постоял еще пару секунд, наклонился над очком, зажал пальцами нос и последовал за компанией.

Еще секунду в вонючем закутке бусыгинской пещеры ничего не менялось, а затем диафрагма сомкнулась с негромким всхлипом, и портал снова стал обыкновенным грязным унитазом.

Из зеркала в опустевшей бусыгинской камерке осторожно высунулась рогатая башка демона, шпионившего все время за компанией, покачала рогами и снова скрылась.

Наступила тишина.

Вепрев с ужасающей скоростью летел по узкому зловонному туннелю со скользкими гладкими стенками. Мерзко воняло. Сверху слышались взвизгивания Машки и Галины, да картавая матерная ругань доцента-животновода Семенова. Стояла абсолютная темень — хоть глаз выколи, и куда их занесет на сей раз оставалось неизвестным. Впрочем, сейчас Шурик был слишком пьян, чтобы думать об этом. Однако уже через несколько минут в глаза экс-математику ударил свет, и он больно упал на ровную твердую поверхность.

Вскочив, Вепрев лихорадочно огляделся, и обнаружил себя в обширной комнате, сильно смахивающей на общественный сортир в кинотеатре «Революция», который Шурик посещал в юные годы с компанией с целью принятия перед сеансом стакана портвейна. Густо воняло дерьмом, табачным дымом, водочным перегаром и блевотиной. Все помещение освещала тусклая лампочка, свисающая в битом плафоне с низкого закопченного потолка. Напротив двери стояла шеренга ржавых железных умывальников, над которой висело мутное зеркало, слева стояли писсуары, набитые окурками и с лужами на полу под ними, а справа в стене был проем с вышибленной дверью, ведущий в крошечную тьму.

Оглядывая место, куда его занесло, Вепрев мельком увидел в зеркале свое лицо — взлохмаченную башку с безумными глазами и небритой мордой, и внезапно заметил, что за его спиной стоит какой-то человек в белом халате, пристало смотрящий на него исподлобья. Вепрев испуганно обернулся, но увидел за собой пустоту — только облупленную стенку, вдоль которой стояла шаткая скамейка и жестянка, полная окурков. Никакого человека за ним не было.

Потрясенный экс-математик подскочил к зеркалу и снова посмотрел в него. Там тоже никого не было, кроме него самого. Но внезапно Вепрев почувствовал, что кто-то цепко хватает его за рукав и куда-то тянет. Обернувшись, он увидел давешнего человека в белом халате, который, схватив Шурика за рукав, тащил его к черному дверному проему, не сводя с экс-математика пристального взгляда. Внезапно до Вепрева дошло, что этот человек — вылитый он сам, Александр Вепрев, только в докторском халате. Слегка обалдев от неожиданного открытия, Вепрев не сопротивлялся, и его двойник вытащил его в темный коридор. Здесь он приложил палец к губам, призывая Вепрева к молчанию, затем ткнул пальцем вглубь коридора, подтолкнул Вепрева и тут же исчез, словно растворился в воздухе.

— «Че за фигня?» — подумал Вепрев, — «надо в сортир вернуться, там хоть светло!» — и посмотрел назад. Однако дверной проем, через который его выволокли в коридор, уже исчез.

От некуда деться Вепрев пошел по коридору в том направлении, куда ему указал двойник, и через несколько шагов оказался в крошечной тьме. Приходилось идти на ощупь, держась руками за стенку. Но уже через десяток шагов пол из-под ног экс-математика ушел, и он стал падать в какую-то дыру. На какой-то миг Шурика охватила паника, но внезапно крошечная тьма в его глазах слегка рассеялась, и он обнаружил, что сидит за рулем старого ржавого автомобиля, а справа от него сидит Машка, с испугом смотря на приятеля. Через грязное лобовое стекло автомобиля виднелся киноэкран, приподнятый над землей как в американских авто-кинотеатрах, какие он видел по телевизору.

На экране скакали какие-то бессмысленные обрывки фильмов, буквы, изображения, из которых ничего понять было невозможно. Но внезапно вместо них на экран выплыла какая-

то ужасная рогатая башка с собачьей мордой и козлиной бородой, вроде как у Ассенизатора, только еще страшнее. Это существо с экрана равнодушно смотрело по сторонам, беззвучно цыкая зубом.

Внезапно молчавшая до этого Машка быстрым, тревожным голосом обратилась к Вепреву:

— Саша, спроси его!

— О чем спросить то? — тупо буркнул Вепрев.

— Ну, так, ваааще... — неопределенно ответила подруга и вдруг исчезла. Несколько удивившись, Вепрев повернулся к рогатой морде, и вдруг, словно что-то дернуло его за язык, выкрикнул идиотской вопрос:

— Что такое жизнь?

Рогатая морда, по-прежнему равнодушно глядя в куда-то в сторону, звонко цыкнула зубом, и ответила совершенно безразличным тоном:

— Жизнь, Вепрев, это твоя жизнь... — чудище опять цыкнуло зубом, — А другой-то жизни и нетути... Ты чо хочешь то?

Вепрев секундочку подумал, а затем брякнул наобум:

— Вечной жизни и молодости! — а непонятно откуда снова появившаяся Машка больно толкнула его локтем в бок, и Вепрев торопливо добавил — мне и Маше!

Собачья Морда слегка скосила глаза на Машку, ухмыльнулась и густо пророкотала:

— Твой выбор. Только потом не жалуйся!

— На что жаловаться? — тревожно спросил экс-математик.

— Увидишь, — бросила Морда и внезапно из экрана к Шурику и Машке потянулись две корявые руки, похожие на узловатые ветки. Руки опустились на головы сладкой парочки, и Морда заголосила что-то на непонятном языке:

— *Андррррр фивндрррр арбено дснро тидо алпрн прзд! Прррррнедго! Перепердетто моро. Аррритнгупгна рррнкв!!!*

На последнем слове Шурик и Машка вспыхнули ярким светом, образовавшим два отчетливых вихря, затем вихри пропали, и парочка снова оказалась на своих местах в ржавом автомобиле.

— Захотел-получил, — пророкотала Морда, — продано!

С этими словами морда исчезла.

На экране опять замельтешили какие-то значки и линии, затем что-то щелкнуло, захрипело, и тотчас экран, машина, Машка и все остальное пропало, и Вепрев снова начал падать в неизвестную тьму. Через пару минут, которые для Шурика растянулись на часы, он очутился в крошечной тьме в каком-то душном мешке с упругими, словно резиновыми, стенками. В приступе клаустрофобии он принялся биться, как рыба на крючке, и громко орать от ужаса. Внезапно что-то, уцепившись за ноги дворника-математика, с неодолимой силой потянуло его вниз. Вскоре Вепрев перестал чувствовать свои ноги по колено, а затем он и вовсе перестал ощущать себя по пояс. Когда онемение дошло до груди, началось удушье, и Вепрев мог только дергаться в конвульсиях и задышливо хрипеть. Но сознание не отключалось, и вскоре Вепрев почувствовал, как резиновые стенки облепляют ему подбородок, затем все лицо, и он мог только материться про себя, затем все исчезло. Вообще все.

sss

Внезапно перед глазами Вепрева мелькнуло видение какого-то огромного зала, затем

что-то стукнуло его по заднице, и перед глазами оказался каменный пол, по которому он и покатился, не в силах остановиться. Вдруг Вепрев почувствовал, что куда-то падает, но лететь, к счастью, пришлось невысоко — с метр, не более. Тяжело брякнувшись на шершавые каменные плиты, Вепрев встал на четвереньки и потряс головой. Голова кружилась, но скоро прошла, и математик вскочил на ноги. Удивительно — он чувствовал себя абсолютно трезвым, а в животе бурчало и невероятно хотелось жрать.

— Ну што, очухался? — послышался откуда-то сбоку ехидный голос старикашки Бусыгина.

Вепрев обернулся на голос, и увидел трезвого, как стеклышко, старикашку, как ни в чем не бывало стоявшего на ногах. Он хотел было уже спросить, куда они попали, и почему они оба протрезвели, но в этот момент его внимание отвлекли грохот и сдавленные женские вопли за спиной. Вепрев повернулся к звуку, да так и застыл, раскрыв рот от изумления, ибо открывшееся зрелище было точно не для слабонервных.

Он и старикашка находились в обширной круглой пещере, метров, наверное двести диаметром, с неровными стенками, будто кое-как вырубленными кайлом в скале. По периметру пещеры стояли какие-то здоровенные статуи, но Вепрев глянул на них только мельком, ибо его основное внимание поглотило колоссальное сооружение в центре зала. Там покоился огромный каменный круг, вроде жернова, толщиной он был с метр, диаметром метров сто, а в середине этого жернова темнело небольшое углубление, вроде чаши. С высокого свода пещеры свешивалась толстенная гофрированная кишка, плавно загибающаяся внизу до края "жернова". Приглядевшись, Вепрев обнаружил, что это не шланг, а огромный червяк, вроде дождевого, верхний конец которого скрывался в дыре в потолке.

Сейчас в верхней части червяка находилось утолщение, которое, интенсивно трепыхаясь и издавая пронзительные женские вопли, стремительно опустилось до самого низа. Тут же жернов начал крутиться, издавая жуткий скрежет и грохот, а из нижнего, заостренного конца червяка, касавшегося края крутящегося круга, начало выдавливаться тонкой струйкой белесое содержимое. Благодаря трепыханиям «шланга» острый кончик хвоста червя непрерывно колебался, благодаря чему выдавливаемая нить выкладывалась на круге неровным зигзагом. Одновременно по мере выдавливания содержимого длина червя уменьшалась, и выдавливаемая дорожка приобретала форму туго скрученной спирали. «Вроде бороздок на грампластинке», — мелькнуло в голове экс-математика.

Наконец, спустя несколько минут, выдавливание нити прекратилось, и червяк уполз в свою нору в потолке. На поверхности крутящегося жернова осталась только длиннющая спираль, выписанная зигзагообразной нитью, выдавленной из червя. Внезапно эта спираль полыхнула ярко-красным цветом, затем красный свет медленно затух, а темно-серая спираль стала ярко-зеленой и светящейся, словно неоновая реклама. Шурик обратил внимание, что теперь эта спираль словно стала живой тварью, извивающейся на поверхности желоба.

Тотчас же, несмотря на продолжающееся вращение жернова, спираль начала втягиваться в небольшое углубление в центре «жернова», словно змея в нору, и тут же из углубления начала появляться сначала голова, затем туловище, и наконец ноги Машки. Едва девица появилась целиком, как центробежной силой ее швырнуло на крутящийся круг и Зверева с визгом покатилась по нему прямо к краю. Вепрев бегом кинулся на подмогу, и едва успел подхватить подругу, не дав ей упасть на пол. Придержав Звереву, он дал ей отдышаться, и, наконец, отпустил. Машка открыла глаза, огляделась и тут же испуганно

спросила:

— А где кино? Ой! Саша, где мы? Как мы тут очутились? А что это по стенкам?

— погоди, мать, щас разберемся, — авторитетно ответил Вепрев и принялся осматриваться.

Действительно, по периметру пещеры виднелись какие-то барельефы, изображавшие какие-то страшненькие фигуры не то людей, не то зверей, на фоне пустынного пейзажа с редкими горками и оврагами. Но отнюдь не это поразило экс-математика, а темневший в гранитной стене портал — капитальную кованую конструкцию размером с гаражные ворота. По всей поверхности ворот торчали не то винты, не то заклепки, но никаких замков и рукояток не наблюдалось.

Но больше всего поразила экс-математика ржавая вихлявая конструкция, торчавшая напротив портала. Вепрев припомнил, что такая же штука использовалась моряками во времена царя Петра Первого для подъема якоря, и называлась кабестаном. Здесь же назначение этого кабестана оставалось неизвестным.

Оторвавшись от созерцания этой дивной конструкции, Вепрев бегло осмотрел остальную пещеру. Там его взгляд привлекли два туго скрученных рулона высотой под портал, стоявшие в противоположном от врат конце. Рулоны эти были диаметром метра по два, а высотой с ворота, и более всего походили на туалетную бумагу для великанов.

Ничего не придумав, Вепрев предложил Машке:

— Ладно, мать, не хуй думать, пошли Бусыгина спросим!

— Ага, ага — торопливо согласилась Маша, — А чо, он уже тут?

— Ну! — только и ответил экс-математик, и направился в сторону старикашки, который к тому времени привалился к стенке и сладко спал, похрапывая, и не любопытствуя к происходящему.

Однако не успели они сделать и двух шагов, как в потолке пещеры раздался хлопок, из центра, извиваясь, выполз все тот же червяк, сверху которого находилось утолщение, из которого доносился утробный вой Галины. Далее повторилась все та же процедура, только на сей раз Вепрев не стал подхватывать попутчицу, и она брякнулась на каменный пол, набив шишку на лбу. Через несколько мгновений она пришла в себя, села на пол, и, привалившись к постаменту, на котором крутился таинственный жернов, принялась истово креститься, причитая, словно в горячечном бреду:

— Ну все, Господи, хватит, хватит... Господи... больше не буду... домой пора... — или что-то в этом роде, Вепрев не расслышал. Молодые люди приблизились к попутчице, и Вепрев, критически осмотрев состояние наркоторговки, успокоил ее, ласково сказав:

— Завали ебало, говноведка. Вставай, нехуй валяться!

Почти сразу же сверху снова что-то хлопнуло, и вскоре в пещере объявился доцент-животновод Семенов, который при падении с жернова расквасил нос.

— Ну, все в сборе, — бодро объявил Шурик, — пошли к Бусыгину, авось что-нибудь узнаем, куда нас занесло.

И компания, воссоединившись, двинулась в обход граммофона к старикашке Бусыгину. За несколько шагов до гения-изобретателя доносился конских храп, а когда путники подошли к нему поближе, все увидели, что гений-изобретатель крепко спит, привалившись к «граммофону».

— Ишь ты, все ему нипочем! — поразился Вепрев. — Вставай, дедуля!

Дедуля, однако, никак не отреагировал на слова Шурика, и продолжал издавать сонные

рулады. Тогда экс-математик, наклонившись над Бусыгиным, бесцеремонно щелкнул его пару раз по носу. Тот что-то промычал, заворочался и, приоткрыв глаза, и уставился на математика.

— Чего тебе? — недовольно спросил старикашка.

— Ну, че делать-то будем далее, папаша?

— Ну как шго... — вяло ответил старикашка, — мне вот надо бы до кайфоломни дойти, тут недалече... даааа....

— Куда, куда? Пгастите, не понял Сеггей Вгадимирович? — спросил Семенов, нервно теребя лацканы потрепанного пиджака.

— Ну... тут, етта... я типа предлагаю сначала посетить кайфоломню, чтоб освежиться. Только тут неувязочка вышла, — засмутился старикашка, совершенно проснувшись и вставая на ноги.

— Какая неувязочка? — завелся с полоборота Вепрев, — ты куда нас завел, Сусанин?

— Я завел? — вызверился старикашка, вытирая нос рукавом — ты, чай, сам меня скинул в очко! — Старикашка вздохнул и мигом успокоился.

— Да завел я правильно... — примирительно заявил он Вепреву, и махнул рукой, — тока тут такое, понимаешь, Сашок, дело. Вам щас придется вот эту штуку крутить, — старикашка ткнул пальцем в огромный ворот возле железного портала, — штоп, значит, на курс выйти.

— Ну так и что? — удивился Вепрев, — а ну ка...

Вепрев решительным шагом подошел к подобию корабельного кабестана и попробовал повернуть. Однако тот не поддавался, только внизу что-то гулко звякало. Вепрев налег всем телом, но ворот только дергался, но не поворачивался, словно заевший в замке ключ. На помощь вожаку пришли Машка, Семенов и Галина, однако и соединенными усилиями они не смогли повернуть заевший механизм.

— А ты че сидишь? — накинулся Вепрев на Бусыгина, — А ну, помогай!

Однако старикашка только помотал головой и категорически отрезал:

— Не, не прокатит. Я туда, понимаешь, в механизму-то, поллитру уронил, так што-то заело, видать.

— Куда уронил? — взвился взмыленный Вепрев.

— А вон туда, — старикашка указал на дыру в каменном полу, в которую входил поворотный вал ворота. — Присел, понимаешь, отдохнуть на ручку, а она, родимая, из кармана выскользнула. И прям туды. Эх, мааа... жизнь наша...

— А ну ка, глянем, — буркнул Вепрев и на четвереньках залез под ворот. Там он склонился над отверстием и попытался разглядеть в дыре механизм ворота. Но дыра была глубокая, дна не видать. Тогда Шурик сунул в дыру руку по плечо, но ничего нащупать не смог. Выматерившись сквозь зубы экс-математик вылез из-под ворота.

— Глубоко засела! Не достать!

— Брось это дело, — посоветовал Бусыгин. — Тут надо внутрь забраться, да глянуть миханизму, может починить как-то можно.

— А как внутрь зайти, дядь Сережа? — спросила Машка.

— Да вот дверь эту видишь? — старикашка ткнул пальцем на капитальные железные ворота. — Больше некуда. Тока заперта она, вот ведь незадача...

— Ну, пиздец, — заявила Галина, оглядев неприступное препятствие, — у моего дома тоже такую поставили, так ее бомжи однажды ломом не смогли сковырнуть. — Галина

тоскливо вздохнула и отвернулась.

— Я говорил! Я говорил! — истерически заверещал доцент-животновод Семенов, — нам геально пришел пиздец, я как чувствовал!

— Да ладно вам психовать! — прикрикнула на доцента нахальная Машка. — Давайте сначала ворота осмотрим, ну, не может такого быть, чтобы ворота, да не открывались! — решительно заявила отважная девица — Че ж это за ворота такие?

Пожав плечами, блистательный математик Вепрев, который в универе в уме легко решал дифферент второго порядка, подошел к двери, и пристально рассмотрел препятствие взглядом ученого человека — не даром же (ох, не задаром!) он парился в универе столько лет! С виду эти двери были как все двери — высокие и гладкие, только по всей поверхности торчали какие-то толстенные штырьки с полукруглыми шляпками на конце. Вепрев присмотрелся к воротам внимательнее. Они вообще были какие-то странные — створок нет, замка тоже нет. Как их открывают?

— Это, типа, стена, а не ворота» — тупо заметил Вепрев.

— Саш, а что это за штыри такие? — влезла Машка, ткнув пальчиком в штырь, торчащий из двери. Тот провалился внутрь и тут же где то внутри звякнул колокольчик. Машка испуганно ойкнула и одернула руку.

— М-да... — только и выдавил из себя Вепрев, и принялся раздумывать, осматривая расположение штырей. Вдруг до экс-математика рывком дошло, где он видел нечто подобное. И в самом деле — это был квадрат Судоку — популярное развлечение любителей убивать время ребусами и головоломками. Только вместо арабских цифр от 1 до 9 в каждой его клетке находилось три рядка из трех же дырок, причем из некоторых дырок штырьки торчали, а в других штырьки были задвинуты. В некоторых же клетках выдвинуты были все штырьки. Вепрева мигом осенило: «Точно, на этой двери цифра, вписанная в клетку, определяется числом задвинутых штырей». Вепрев мотнул непривычно трезвой головой, и тут же ему в голову пришла вторая мысль: «Может быть для того, чтобы открыть дверь, нужно просто решить квадрат Судоку?»

«Слишком легко!» — с некоторым раздражением подумал математик Вепрев, — «я такое фуфло одна дыхнуть на спор колол за банку пива». Однако дешевиться перед компанией, особенно перед Машкой (которая стояла рядом, с тревогой и надеждой поглядывая на приятеля, как на бога), не стоило. Поэтому дворник-математик напустил на себя ученый вид, такой же, как у доцента Педрилайнена по кличке «Педо», преподавшего математический анализ на первом курсе, и заявил, постаравшись придать голосу властную весомость:

— Мне кажется, здесь все ясно, э-ккхм... — подражая Педо, Вепрев важно откашлялся, — мне кажется, что это — так называемый квадрат Судоку, частный случай экгм... латинского квадрата, экгм... м-да... ээээ... мюэээ... Полагаю ээээ..., надо просто собрать квадрат ээээ... мюэээ..., и врата откроются, экгм...да....

— Какой ученый! — восхищенно всплеснула руками Галина, — аж страшно!

— Пгястите, гогубчик, а вы это сможете? — встревоженно спросил доцент-животновод.

Обомлевшая компания с недоумением уставилась на бывшего отличника мехмата, ранее отличавшегося простотой нравов и доходчивостью речи с выраженным уклоном к нецензурной лексике. Даже Маша, хотя она знала Вепрева лучше других, была настолько поражена, что заботливо спросила приятеля:

— Ты че, Саша? Головой стукнулся?

— Обожди, мать, — отмахнулся Вепрев, тут же позабыв менторский тон, — тут не хуй делать, щас сбациаем, снова дыхнуть!

И бывалый путешественник по потусторонним мирам Шурик Вепрев мигом решил квадрат Судоку, задвигая торчащие штырьки, там, где надо. Врата пару секунд стояли неподвижно, но вдруг в них что-то гроыхнуло, и они начали раскладываться на отдельные куски размером с разворот газеты. Если бы не Вепрев — обязательно кого-нибудь пришибло бы, потому что, как оказалось, ворота были сделаны из толстеного железа, и в целом весили несколько тонн. Но Вепрев успел отпихнуть коллектив и части благополучно разложились, открыв путникам темный проход, когда-то высеченный в скале и выложенный кирпичами.

— Ну что, папаша? — повернулся Вепрев к старикашке, — вперед, на подвиг!

— Только и ты со мной, — заупрямился старикашка, — может, подмога потребуется!

— Ладно, — снисходительно согласился Вепрев, — пошли!

— Гаспада! — внезапно проскрежетал доцэнт-животновод Семенов, который стоял позади всех, жадно поглядывая на задницу Галины, — пгедаагаю пегедохнуть, тык скыть, набгаться сиг пгэд новыми свегшеньями!

— Ладно, отдыхай, академик, — снисходительно согласился математик Вепрев, — а мы туда пошли. — Вепрев ткнул пальцем на зев тоннеля, — может, починим эту байду.

— Саш, и я с вами! — встрепенулась верная подруга Машка, которой до чертиков не хотелось оставаться одной в обществе ученых мертвецов-говноведов, поскольку она хорошо представляла, что начнется после ухода Вепрева и Бусыгина.

— Ну, пошли, — легко огласился Вепрев, и отважная троица быстро исчезла в черном зеве прохода.

В пещере остались только Семенов с Галиной. Немного потоптавшись на месте Семенов, очевидно, решил и обратился к спутнице:

— Должен вам напомнить ваше обещание, мадам, — начал он, — вы ...

— А справка из вендиспансера есть? — без обиняков спросила догадливая наркоторговка, — а то щас людей спидон косит!

— Какая еще справка, мадам? — поразился Семенов, — мы же в Загробном Мире, и нас только что воскресили, все стерильно!

— Ну, ладно, — согласилась дамочка и принялась расстегивать штаны доцэнта.

Вскоре тишину пещеры нарушило чмокание Галины и утробное уханье животновода...

Шурик, Бусыгин и Машка осторожно вошли в пустой проем, в котором ранее стояли врата, и двинулись по темному тоннелю. Древние своды некогда были выложены яркочерным кирпичом, который давно прогнил, и со стен сочилась отвратительно воняющая слизь, светящаяся призрачным голубоватым светом, который кое-как освещал путь троице. Идти пришлось недалеко — пройдя короткий коридор в полсотни шагов, коллектив очутился на развилке: влево шел узкий и крутой спуск, который винтом уводил куда-то вниз, откуда воняло блевотиной. В слабом свете плесени можно было с трудом разглядеть высокие и узкие ступеньки. Проход же прямо заканчивался через несколько метров в каком то обширном полупустом помещении.

— Ну, нам, типа, вниз, — буркнул Вепрев, — и, не оборачиваясь, начал спускаться по лестнице, которая напомнила ему спуск из пещеры Эрдрума (или Педрило?). «А вдруг опять

туда же попаду?» — мелькнула в голове Вепрева малодушная мысль. «Опять камушки переставлять?! А ну как не мой случай выпадет? Впрочем, хуй с ним, прорвемся». Задумавшись, Вепрев чуть не загремел вниз, но удержался за осклизлую стенку.

— Саш, ты че? — донесся сверху тревожный голос Машки.

— Нормально, — отмахнулся экс-математик, но впредь двигался осторожнее.

Отважные путники продолжили спуск, и, опустившись метров на 20, вышли в небольшую замкнутую пещеру, из потолка которой торчал толстенный вал. Внизу он втыкался в шестеренку, которая должна была крутить еще большие шестеренки. Вепрев, бывалый автомеханик-любитель, тут же увидел, что между зубьями застряла двухлитровая бутылка водки, которая намертво заклинила механизм.

Ухмыльнувшись, экс-математик вытащил бутылку и показал старикашке:

— Твоя? — спросил он, ослабившись.

— Ага, — легко согласился Бусыгин, и, подойдя к Вепреву, забрал совершенно целую емкость.

— Она, родимая, — со слезой в голосе подтвердил гений-изобретатель, и с ходу предложил:

— Ну што, спрыснемся?

— Ну, давай, — согласился Вепрев. — Маш, ты как?

Машка только неопределенно пожала плечами в знак согласия, и старикашка, ловко откупорив тару, намертво присосался к горлышку. Залив в себя не менее пол-литра, он передал бутылку Шурику, тот, отхлебнув грамм 200, передал Машке, которая и довершила банкет, осторожно сделав маленький глоточек. Бутылку она вернула старикашке, который бережно сунул ее в карман грязных штанов.

— Ну что, все наверх? — спросил Вепрев моментально повеселевшую компанию, и первый начал подниматься по крутой лестнице вверх. Поднявшись, Вепрев отдышался и предложил:

— А давайте посмотрим, чо там есть дальше, ну, в проходе то этом — он указал на второй проход, который вел в какое-то помещение.

— Ну, пшли, — пьяным голосом согласился Бусыгин, а Машка только глупо хихикнула.

Компания дружно двинулась по проходу, так же как и ранее освещенному сочащейся из кирпичного свода гнилью. Вскоре он расширился, и вывел путников в пещеру, из которой вправо и влево тянулись коридоры, которые, как казалось на первый взгляд, огибали давешнюю пещеру с жерновом.

— Ну, куда дальше? — спросил старикашка.

— А пошли на.... нааааа... — Вепрев покрутил шей вправо-влево и махнул рукой влево, — ...лево! Туда пошли!

И отважный математик первым вошел в левый тоннель. Вскоре каменная стенка слева оборвалась, сменившись на что-то подобное туалетной бумаге, которая была скручена в рулоны в зале, только вместо пупырышков на ней были выдавлены какие-то фигуры, похожие на фигурки существ на стенах в зале. Вепрев попытался порвать бумагу, но не ту-то было — она была прочная, как броня, даже не прогибалась. Тогда Вепрев достал из кармана огрызок карандаша и нарисовал на свободном месте кривую рожицу между двумя другими рисунками каких-то существ с мордами крокодилов.

— Ладно, пошли назад! — предложил он компании, — тока дай-ка, дедуля, еще хлебнуть для бодрости!

Бусыгин вместо ответа молча протянул Шурику полупустую двухлитровку. Вепрев, моментально выдернув пробку, приник к горлышку и жадно глотнул пару раз.

— Ммммм? — вопросительно промычал он, протягивая бутылку сотоварищам. Однако Машка отрицательно покрутила головой, а Бусыгин так же молча отобрал емкость, и сунул ее на положенное место в кармане. Вслед за тем команда молча зашагала обратным путем и вскоре вышла из портала, подозрительно прислушиваясь к странным звукам, доносящимся из пещеры. Внезапно сзади послышался грохот. Троица обернулась, и увидели, что дверь с квадратом Судоку сама собой сложилась и снова стоит на месте.

— Ладно, — махнул рукой Шурик, если понадобится — снова откроем! — Пошли крутить эту штуку!

Выйдя из темного тоннеля, коллектив несколько минут щурился, привыкая к свету, и только тогда определился источник непонятных шумов. Обогнув огромный ворот они увидели, что животновод Семенов стоял, привалившись к стене, с расстегнутыми штанами, перед ним на коленках стояла Галина, и осуществляла обещанное оминечивание. При этом ее мордочка дергалась примерно так же, как у крыс, пожирающих объедки на помойке — сцена, которую дворник Вепрев не раз видел на вверенном ему участке.

По всему было видно, что они застали сладкую парочку на заключительном этапе блистательного сеанса орального секса, поскольку животновод сладострастно мычал, дергаясь в последних судорогах оргазма. Через несколько секунд все было кончено. Нимало не смущенная Галина встала с коленок, а довольный животновод принялся застегивать штаны. В голове у Машки мелькнула мысль попросить Галину ознакомить ее с техникой данного популярного извращения — авось пригодится! Вепрев же только ухмыльнулся, и деловито обратился к компании:

— Ну, че делать будем, извраты?

— Пгастите, батенька, мы не извгаты, а эстеты, — взвился животновод, — да вы сами попгёбуйте — гогячо гекомендую!

— Ладно, это потом! — отмахнулся математик, — че делать-то, я спрашиваю! Там прохода нет. — Вепрев мотнул головой на закрытые ворота в туннель.

— Крутить надо! — наставительно изрек старикашка.

— И че будет? — подозрительно спрашивает экс-математик.

— Увидишь! — таинственно пообещал старикашка. — Только крути по часовой.

— А почему по часовой? — тупо поинтересовался Вепрев.

— Отчего да почему воют волки на луну, — сердито передразнил Вепрева Бусыгин, — крути, давай, потом сам поймешь!

Пожав плечами, Вепрев подошел к вороту и попробовал повернуть его по часовой стрелке. Внизу, в глубине, что-то жутко заскрежетало, и внезапно произошло нечто невероятное: в противоположном конце пещеры громко зашуршало и огромный рулон туалетной бумаги, стоящий слева от врат, начал разматываться, а тот, что справа — сматываться. Изображения на бумаге с рулона начали ползти по стенам к вратам слева, и, пройдя врата, уползали по правой стенке, наворачиваясь на правый рулон. В это же время на мутном экране, появившемся на портале, проступали грубо очерченные изображения людей и таинственных существ на фоне темнеющих проходов в туннели.

— Эт че за хренота? — поразился Вепрев, на секунду прервавшись.

— Это, Санек, и есть она самая, Дорога Миров! — торжественно изрек старикашка. — Видишь эти статуи? Это, понимаешь, бэушные интерфейсы, ими раньше пользовались.

— А сейчас как? — недоуменно спросила Маша.

— А щас, Маша, все на Интерфейс Богов перешли. Тык скыть все одним флаконе. Я доступно выражаюсь?

— Ни хрена не доступно, — отозвался Шурик, — а рулоны эти, че это такое?

— Этого я в точности не знаю, но на них весь мир как бы записан. Вроде перфоленты. Слыхал про такую? Да ты крути, крути, — махнул рукой старикашка, — после сам поймешь!

— Да че все я да я! — взбеленился экс-математик, — Этак у меня пупок развяжется. Давайте, вы все тоже крутите!

Сначала Машка, а потом и Семенов с Галиной присоединились к вращению ворота, только старикашка Бусыгин отказался.

— Старческая немочь замучила, стал быть! — сообщил он коллективу. — И ваще, старикам везде у нас почет!

— Ладно, — прохрипел доблестный математик, — скажи только, когда кончать, карапетик бледный!

— Скажу, Санек, скажу, — охотно согласился дедок, — крути давай!

И Вепрев с компаньонами принялся крутить ворот. Левый рулон постепенно разматывался, являя взорам путников все новые и новые изображения. Вдруг вместо очередной статуи появилась кривая рожа, нарисованная Вепревым. Она уныло висела на стенке в виде головы с глазами-дырками и широким ртом до ушей.

— Это че еще такое? — спросил пораженный Вепрев.

— Это ты, Санек, новый интерфейс сварганил, — хихикая пояснил старикашка. — Тока они не работают, я уже пробовал.

Вепрев пожал плечами и принялся крутить ворот дальше. Так продолжалось достаточно долго, пока левый рулон не раскрутился почти полностью, а правый стал толще вдвое. Наконец, когда рулон почти закончился, в экране на вратах высветилось грубое изображение довольно странного барельефа, изображавшего трех престранных существ. В центре, на троне, установленным на высоком постаменте, восседал мощный мужик, одетый в засаленный ватник с бейджиком на кармане с надписью: "Кайфолом, Великий Бог". На ногах Великого Бога красовались драные ватные штаны и сапоги гармошкой с высокими, как коровьи копыта, каблуками. Под тронем, на грязном бетонном полу прямо перед Кайфоломом лежал огромный щит, сколоченный из необструганных досок и расчерченный мелком в клеточку, похожей на ту, что компания видела в пещере Слонопотама.

Но что самое поразительное — слева и справа от щита на огромных, золотых с виду, сундуках восседали два здоровенных индюка с длинными, как у цапель клювами. Левый индюк был белым, а правый — черным. На лапках птиц светились кольца с надписями на бирках: «Влом» и «Невлом». Стены пещеры обрамлял огромный полукруглый шкаф с маленькими выдвижными ящиками, вроде как в банковском хранилище.

— Стой! — велел гений-изобретатель, — вот щас мы быстренько туда наведемся, раскумариться надо!

— Это как? — заинтересовалась Галина, знавшая толк в раскумаре, — дорожку надо занюхать или ширнуться?

— Увидишь, Галочка, увидишь! — пообещал старикашка, потирая сухенькие ручки, — и счастьем твоему позавидуют арабские шейхи! Так что — айда!

— Да куда ж тут идти? — недоуменно спросила Галина, — стены кругом!

— Увидишь, — лаконично повторил старикашка, и, подойдя к картинке, смело вошел в

нее, скрывшись за изображением. Оторопевшие путники стояли на месте. Внезапно из картинки в дверях высунулась голова Бусыгина, и нетерпеливо спросила:

— Ну что, идете?

— Ладно, пошли, — решил Вепрев, взял Машку за руку и последовал за старикашкой. Семенов и Галина заторопились следом. Приблизившись к стене, они, малость поколебавшись, вошли в изображение, и оказались в коротком и сумрачном коридоре, где их уже ждал Бусыгин.

— Ну, пошли на раскумар, предложил старикашка, увлекая компанию за собой. Дойдя до конца коридора, путники осторожно вошли в огромный зал и увидели троицу, что была нарисована на двери, но в натуральном виде. Сейчас стало видно, что в ногах у Кайфолома стоит корзинка с шариками, которые путники уже видели в пещере Мастера Заготовки.

Великий Бог лениво покосился на визитеров, а птички по бокам принялись возбужденно клекотать и переступать лапками на сундуках.

— Привет, Бусыгин, — пророкотал Кайфолом, едва увидев гения-изобретателя. — Чо, опять приспичило?

— Ага, — робко признался враз присмиривший старикашка, — мне бы шмальнуться разок.

— Ну, давай, все равно застой, — лениво согласился мужик. — Становись в позицию!

— Только мне бы тройной кайф хотелось бы, — просительным голосом сказал Старикашка, — у нас и ключик есть! Санек, покажи ему!

Вепрев вытащил из кармана злополучный ключ и показал Кайфолому. Глаза Великого Бога сверкнули адским пламенем, и он нетерпеливо сказал:

— Давай сюда!

— Отдай, отдай ему, Санек, — торопливо прошептал Бусыгин, — после вернем!

Вепрев, осторожно обойдя Влома и Невлома, приблизился к трону Великого Бога и протянул тому ключ. Тот жадно схватил его и радостно заржал.

— Ну, братва, щас я вас осчастливлю! Только ты, Бусыгин, имей в виду, три — это реально круто будет, без гарантии!

Бусыгин согласно махнул рукой. Тогда Кайфолом, покачав головой, встал с трона, подошел к круглому шкафу и стал обходить его, что-то высматривая. Наконец он нашел подходящий ящик и открыл его Бусыгинским ключом. Из ящика Великий Бог извлек небольшой золотой кубик. Сунув его в карман, он таким же образом нашел еще два кубика и сунул их в свой бездонный карман. Затем Великий Бог обернулся к путешественникам, и поинтересовался:

— Всем тройной или как?

Шурик вопросительно оглядел компанию. Все, кроме Галины, помотали головами, но дамочка осторожно сказала:

— Мне однократный, если можно! Для пробы...

— Ладно — буркнул Кайфолом, подошел к четвертому ящику и извлек из него четвертый кубик, который тоже отправился в карман.

Затем Кайфолом, оставив ключ торчать в дверце ящика, снова взгромоздился на свой трон и лениво предложил:

— Давай, Бусыгин, ты первый!

Гений-изобретатель торопливо вытащил из кармана бутылку с остатками водки и жадно употребил ее прямо из горла. Затем привычно прошел вперед, и встал точно в центре

квадрата. Тотчас Великий Бог Кайфолом легонько стукнул его по голове своим посохом, и внезапно, к вящему ужасу путешественников, гений-изобретатель сплюснулся и размазался, образовав разноцветные фишки в клетках доски. В центре же доски возник золотой кубик, копия тех, что держал в руках Великий Бог. На гранях кубика виднелись какие-то надписи.

Кучка путешественников дружно ахнула. Однако Великий Бог, не обращая на них никакого внимания, подошел к центру доски и самолично положил еще три золотых кубика поверх первого. Затем он вернулся на своё место и повелительно махнул рукой.

— Давай, ребята!

Тут же Влом и Невлом затрепыхали крылышками, спрыгнули со своих сундуков, и сноровисто открыли их крышки. Затем своими длинными клювами они принялись выхватывать из них кубики: Влом — белого, а Невлом — черного цвета, и бросать их как попало на доску. Фишки, попавшие на главную диагональ, тут же подсвечивались зеленым цветом. Вепрев пригляделся: на каждом кубике светилась какая-то надпись, неразборчивая издали.

Тем временем, закончив один слой, Влом и Невлом приостановились, и уставились на Кайфолома. Тот утвердительно кивнул, и птички быстренько навалили еще два слоя кубиков. После этого они захлопнули крышки сундуков, ловко взлетели и опустились на прежние места.

Великий Бог Кайфолом своим посохом слегка ударил по стопке золотых кубиков, и все фишки по диагонали стали сливаться, образуя в центре доски еще три золотых кубика. Остальные фишки пропали. В итоге из центра доски торчал столбик из семи золотых фишек. Кайфолом покачал головой, и снова ударил посохом по столбику в центре доски.

Тут же на месте столбика фишек возник голый гений-изобретатель, выросший до трехметрового роста, который истерически хохотал, глядя перед собой безумными глазами, и продолжал расти, конвульсивно корчась в судорогах.

— Эк старикашку плющит! — задумчиво заметил экс-математик Вепрев, — видать, в чудовищном кайфе!

— Чем это только кончится, — мудро заметила Галина, — передоз — штука опасная, уж я-то знаю!

Минут через пять стриптиз-шоу Великий Бог Кайфолом легонько стукнул посохом по голове старикашки, и гений-изобретатель внезапно стал уменьшаться в размерах. Вскоре в центре доски на куче засаленных тряпок лежал, радостно гугукая, новорожденный младенец.

— Ну, я так и знал, — пророкотал Кайфолом. — Три фишки — это реальный перебор!

— Уа-уа-уа — заблажил младенец Бусыгин, и все с ужасом уставились на него.

— Он кушать хочет, — сказала Галина, — вот когда у моей сестры сын родился, так он целыми днями только ел, спал и гадил под себя!

— И че делать? — спросила Машка, — кто теперь с ним нянчиться будет?

— Не трепыхайся, голубонька, горю твоему поможем! — прогудел Кайфолом со своего трона. — Дака-ся младенца-то сюда. Кстати, герлица, — обратился Великий Бог к Машке, — это твой дедушка, познакомься!

— Какой еще дедушка? — изумленно спросила Машка, — я своих дедушек знаю!

— Э! — Махнул рукой Кайфолом, — то по бумагам. А твою мамашу Бусыгин натрахал когда крутил шуры-муры с твоей бабулей, откуда ты и произошла.

Машка с любопытством посмотрела на младенца, взяла его на руки, поднялась на постамент и передала младенца Кайфолому. Тот умело перевернул его кверху попкой, сунул

корявый палец в задницу и выковырял один задругим все шесть дополнительных кубиков. Кубики он сунул в карман, а дитяти отдал Машке с наказом: «Пооди, голубонька, положи его на место!» Маша взяла своего дедуленьку на руки и отнесла вниз. Положив младенца в центр щита, она отошла к кучке путешественников, изумленно наблюдающих происходящее.

Внезапно тельце младенца начало содрогаться и мгновенно рассыпалось на щите слоем черных и белых фишек. В центре же сиял золотым цветом кубик Золотой Глюк-Фишки. Кайфолом, видевший все происходящее с высоты своего трона, стукнул по фишке своим посохом. Тут же все фишки начали сливаться друг с другом, образуя стремительно крутящийся вихрь, и через несколько секунд в центре щита стоял голый старикашка Бусыгин, стыдливо прикрывая срам горстью. На его мордочке блуждала странноватая улыбочка счастливого идиота, а из уголка губ сочилась струйка слюны.

Быстренько оглядевшись, гений-изобретатель утер губы тыльной стороной руки и принялся торопливо натягивать свои разбросанные на полу шмотки. Одевшись, он несколько театрально поклонился Кайфолому и прочувствованно обратился к нему:

— Спасибо, тебе Великий Бог! Такого ломового кайфа в жизни не было!

— Што, даже пенную клизму перебило? — ехидно спросил Великий Бог и заливиств заржал, радуясь своему остроумию.

— Перебило тысячекратно, — признал старикашка.

— Ну и ладно, пророкотал Кайфолом. — Кто следующий? Ты, дамочка? Не раздумала?

Галина испуганно затрясла головой и категорически заявила:

— Нет уж, это слишком сильно, простите.

— Ну и ладненько, — легко согласился Великий Бог, и, сразу потеряв интерес к визитерам, приказал своим шестеркам:

— За дело пацаны! От жаркой работы срок тает!

Влом и Невлом живо соскочили со своих сундуков, и выжидательно уставились на Кайфолома. Тот, кряхтя, наклонился к корзинке с заготовками, и, покопавшись в ней, достал один из шариков, отличавшийся от прочих золотистыми пятнами на поверхности. Тотчас белая птичка, обозначенная как Влом, подсакала к подножию трона Кайфолома, осторожно взяла яйцо в клюв, и, вспорхнув, отнесла прямо в центр щита. Тотчас Великий Бог Кайфолом легонько стукнул посохом по шарик и он тут же рассыпался на разноцветные фишки, покрывшие всю доску равномерным слоем. В центральной клетке вместо шарика лежала особо яркая фишка, мягко светящаяся голубовато-зеленым цветом. На верхней грани ее красовался черный бубновый туз в перекрестии прицела.

Тут же Влом и Невлом принялись, как и ранее, заваливать доску фишками из своих сундуков. По завершению процесса Кайфолом стукнул по центру щита, и фишки, оказавшиеся на диагонали, слились в Золотую Глюк-Фишку, сверкавшую гранями точно в центре поверх бубновой фишки. Остальные фишки пропали. Затем что-то щелкнуло и через пару секунд обе фишки мгновенно слились, образовав бабочку с огромными золотистыми крыльшками. Бабочка неторопливо расправила крыльшки, и стало видно, что на них нанесено изображения бубнового туза. Немного потоптавшись на месте, бабочка изящно вспорхнула и улетела к потолку пещеры, где завывала вентиляционная труба, ведущая неведомо куда.

Гений-изобретатель, которому вся эта кутерьма была хорошо знакома, неторопливо натянул на себя свои драные одежды, почесал волосатую задницу и подошел к компании, увлеченно наблюдавшей за работой троицы.

— Зря отказались! — заявил он довольным расслабленным тоном, — Кайф реально крышесносный!

— Да, внушает — сказал Шурик, но Машка тут же перебила его, в упор строго спросив старикашку:

— Так вы, выходит, мой дедушка? И как такое случилось?

— Да обыкновенно, — пожал плечами ничуть не смутившийся инженер, — Степан-то, ну, муженек твоей бабушки, пил как скотина, на бабушку твою — ноль внимания, только деньги отнимал да с кулаками кидался. Ну, я и воспользовался случаем, когда он двухлетку на крытке мотал за пьяную драку в кабаке.

Машка только сглотнула, переваривая информацию, затем спросила:

— Ну и че дальше?

— А дальше надо добираться до Интерфейса Богов, от него можно моментально куда хочешь добраться, — наставительно отвечал гений-изобретатель, — Пошли за мной, я вас коротким путем проведу. Да, Сашок, ты по пути ключик выдерни, стодится еще.

— Дедушка, а вот мы на карте надпись видели «Игольное ушко». Это что? — спросила Машка.

— А, это... ну, это путь в рай, там только человек вкрай правильный пройти сможет — сообщил старикашка, — меня вот не пропустят просто так — выхлоп не тот, кхе-кхе...

— А кто не пропустит? — вяло полюбопытствовал Вепрев.

— Стражники там стоят, с лошадиными мордами, — сообщил старикашка, — за версту перегар чувят.

— А зажать не пробовал? — спросил Вепрев, — Вот, салол говорят некисло отбивает!

— Да нет, — неопределенно ответил старикашка, — я по другому заходил. Да только че мне в раю том делать? Там же тоска беспросветная, только и занятий — Папику жопу лизать.

— А может, зайдём, посмотрим, — внезапно вмешался до того молчавший Семенов. — Жутко интегесно! Может, я там и останусь если понгавится.

— Ладно, тогда пошли назад, — легко согласился старикашка, — это надо опять граммофон покрутить.

— Какой граммофон? — спросила Маша.

— Ну, вороток-то этот, — уточнил дедок. — В общем, пошли! Да! Ты ключ-то заведи, Вепрев!

И старикашка, а за ним весь коллектив, двинулись обратно к выходу из пещеры Кайфолома. Вепрев, воровски оглянувшись, подскочил к ящичку, из которого все еще торчал ключ, сунул его в карман и побежал за кампанией. Великий Бог, увлеченный процессом изготовления Золотых Глюк-Фишек, ничего не заметил.

Молча прошагав короткий тоннель до Граммофона, путники вновь очутились в знакомом зале. Там немного постояли, осматриваясь, после чего старикашка предложил:

— Ну, впрягайтесь, молодежь! Крутите назад, против часовой, пока не скажу.

Шурик, Машка и парочка животрупов заняли места в вороте и принялись налегать на ручки. Немедленно картинки на стенах с шуршанием поползли назад, демонстрируя все те же пустынные места с редкими кустиками и уродами. Работа, впрочем, длилась недолго — уже на четвертом обороте старикашка махнул рукой и громко крикнул:

— Стоп машина!

Все мигом прекратили крутить ворот и уставились на экран в центре ворот. Там

торчало мутное изображение портала, сильно смахивающее на узкое игольное ушко. Рядом стояла парочка стражей в железных шапках и с лошадиными мордами. В руках эти лошары держали огромные бердыши.

— Ну, пошли! — предложил старикашка, — кстати, заодно и пожрать добудем!

Коллектив дружно потянулся вслед за старикашкой к воротам, и уже без опасений все прошли сквозь картинку. Перед ними открылся отстойный пейзаж — голая земля с чахлыми кустиками, среди которых паслись двугорбые верблюды, да какой-то круглый шалман, на котором красовалась кривая вывеска с надписью «Ара, захады, да!». Неподалеку справа высилась высокая и узкая арка портала, и в самом деле похожая на огромное игольное ушко, возле которого уныло переминалась с ноги на ногу парочка мужиков с лошадиными мордами и бердышами в руках.

— Щас зайдем к Ахмету, жратвы и бухла закупим, — сообщил старикашка, и во главе коллектива зашагал к шалману. По хозяйски распахнув дверь, Бусыгин вошел внутрь и уверенно подошел к длинному прилавку, заваленному разнообразной снедью, за которым высились полки с водкой и пивом. Посреди прилавка стоял восточный человек в папахе, вероятно, это и был сам Ахмет.

— Зидиравствуй, дарагой, хахади, гостем будишь, — забухтел восточный человек, — у меня все есть! — с гордостью сообщил он, указывая на прилавок, — ну, вот все, чито хочишь, мамой киянусь! А тебе чито нужна, дарагой?

— Ну, как что? — недоуменно пожал плечами старикашка, — Водки! Ну, и зажрать чем!

— Айн момент! — миготом отозвался Ахмет, и на прилавке перед компанией вмиг выстроилась батарея поллитровок с водкой и горка банок с бычками в томате.

— Вот, плис! — радушно сообщил Ахмет, — чем пилятить будишь, дарагой?

— Фьючерсами! — сообщил Бусыгин, — щас в рай заедем, вынесу тебе пару доз амброзии.

— Вах, дарагой, — запричитал Ахмет, — да кто же тибя типерь в рай-то пустит? Ты же там так засвэтился, чито висе гурии понэсли! Неэкому, панымаишь, гироев абслуживать!

— Не робей, Ахметушка, прорвемся, — уверенно заявил гениальный инженер Бусыгин, — кстати, там, снаружи, чьи верблюды пасутся?

— Э! — пренебрежительно махнул рукой Ахмет, — дикие они. Можишь сибе забрать!

— Это хорошо, — ответил дедуля, складывая принесенный товар в мешок, неведомо как оказавшейся в его кармане. — Жди меня и я вернусь! Только о-о-чень жди! Пошли, молодые люди.

И компания вышла из шалмана, волоча за собой позвякивающий мешок с водкой. Не останавливаясь, старикашка пошел прямо к пасущимся верблюдам и, схватив на уши парочку скотинок поздоровее, заставил их опуститься на колени.

— Залезай, братва! — гаркнул он сотоварищам, — поехали в рай!

— Какой еще рай? — тупо спросил Вепрев.

— В тот самый, — ответил старикашка, — залезайте! А мешок здесь оставьте, не украдут.

Путники кое-как вскарабкались на верблюдов, и по команде старикашки двинулись к portalу, охраняемому парочкой лошар. Едва они приблизились к ним, как оба молодчика наставили бердыши и гаркнули:

— Стой, кто такие?

— Доставка! — солидно ответил старикашка, — отвалите, уроды!

«Уроды» послушно отошли в сторонку, только один из них ехидно спросил:

— И как ты пройти думаешь, Бусыгин?

— Помолчи! — отрезал старикашка, — Ибо сказано Пророком: легче верблюду пройти игольное ушко, чем грешнику. Вот я и въеду на верблюде! Цоб-цобе! Пщёл!

И старикашка, а вслед за ним и второй верблюд с подельниками, подъехали к узкому portalу, и свободно проникли сквозь него.

— Учись, молодёжь! — проскрипел Бусыгин, — наглость — второе счастье! Мы в Раю!

Вокруг, действительно, был совсем иной пейзаж, нежели по ту сторону портала: кругом плотно стояли ларьки с самыми разнообразными вывесками, предлагавшими любой раскумар — анашу, мета, крек, кокаин, герыч, крокодил и другие неслыханные гадости. Отовсюду доносилась загробная музыка, нудная, как зубная боль. Вдали, скрытое туманной дымкой, возвышалось колоссальное строение со шпилем.

Однако Бусыгин, не обращая внимания на обстановку, сразу завернул направо и подъехал к небольшому магазинчику с надписью «7/24 Амброзия» на аккуратной вывеске. Здесь он что-то сказал на ухо верблюду, и тот покорно опустился на колени.

Бусыгин слез с шеи дромадера и крикнул Вепреву, сидевшему с Машкой и на втором верблюде:

— Слезайте пока! — и, обращаясь к Вепреву, наставил его: — Скажи ему в ухо «Напол!» — враз опустится.

Шурик так и поступил и вместе с Машкой слез с верблюда.

— Ээээ..., Сеггрэй Владимирович, — проскрежетал Семенов, — неужели этот база называется гаем? Сомнительно!

— Э! Не сцы, паря, — ответил Бусыгин, испытывавший к инженеру чувство глубокого уважения за пенную клизму, — тут все есть, тока походить надо!

И старикашка уверенным шагом направился к лавке, пинком ноги открыл хлипкую дверь и зашел внутрь. Попутчики неохотно последовали за Бусыгиным, ожидая очередной подвох. Однако внутри оказалось довольно приличное место — небольшое помещение, заваленное какими-то мешками, а впереди торчал прилавок, за которым восседала злобная с виду тетка климактерического возраста с волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет.

— Привет, Сысоевна — бросил тетке Бусыгин, — амброзии мне!

— А чем платить будешь? — спросила тетка, не трогаясь с места.

— Верблюдами! — Ответил старикашка, — выйди, глянь!

Тетка неохотно подняла свой необъятный зад и, переваливаясь словно утка, вышла на улицу. Увидев пару Бусыгинских верблюдов, она повернулась к старикашке и спросила:

— Обоих отдаешь?

— Ага, бери, — легко согласился старикашка.

— Две дозы, — твердо сказала тетка.

— Три, — обозначил контрпозицию дедок.

— Ладно, хуй с тобой, бери три, — махнула рукой тетка и, вынув из кармашка три маленьких пакетика, вручила их Бусыгину. Тот торопливо схватил их и сунул в свой бездонный карман.

Тетка пошла было к верблюдам, но вдруг, словно что-то вспомнив, обернулась к компании и сказала, указывая пальцем на Вепрева:

— А вот тебя, парниша, в розыск объявили. За оскорбление Божова Сына. — Тетка

задрала толстый, как сосиска, палец, — учти! Да вон, уже скачут, чай, за тобой! — тетка указала пальцем на столб пыли, приближающийся к ним.

Все с тревогой уставились на пылевой вихрь, и через несколько минут стало возможно разглядеть, что в плотном столбе торнадо скачет на своих черных хвостах рота уже подзабытых ассенизаторов. Посреди их строя верхом на здоровенном крысоиде скакал вконец обдолбанный Патлатый, держа скотинку за уши и светясь улыбкой идиота. Увидев это, климактерическая тетка, схватив верблюдов за уши, мигом удрала вместе с ними во дворик за своей лавкой.

— Шурик, и че делать-то будем? — встревоженно спросила Маша, — может, бежим отсюда?

— Э! Не сцы, мать мы этого утырка одна дыхнуть через колено кинем! — самоуверенно заявил Вепрев, и пошел навстречу надвигающейся кавалерии. Ассенизаторы же, подскакав к группе путников, застыли столбами на своих черных хвостах, как будто чего-то ожидая, только Патлатый начал истерически хохотать, указывая пальцем на Бусыгина.

— Бусыжка-мартышка, где твоя сберкнижка? — заблажил Патлатый дурным голосом, — Хахахахахаха — залился он гомерическим хохотом вконец обдолбанного наркомана. — Что, все пропил?

Бусыгин хотел было что-то ответить, но внезапно издалека донесся звон бубенчиков и вскоре на русской тройке, запряженной пряничными лошадьми, теми же, что караулили вход в Игольное Ушко, на расписных санях подъехал сам Папик в компании со своей заплаканной, как всегда, супружницей — Боговой Матерью.

Звякнув напоследок колокольчиками, тройка замерла возле группы путников.

— Ну что, Вепрев, — начал вступление Папик ласковым голосом, — ремни будем со спины резать или хватит полутора тысяч шомполов?

— Да ты, дедуля, прям садо-мазо какое-то! — спокойно ответил бывалый математик, — че надо то? Я твоего бастарда-наркота сто лет в гробу видал!

— Штаааа!?! Бастарда?! В гробу?! Хамить? Мне!?! — взревел Папик, — да я... да я... да я... тебя... в алебастр сотру, сучёныш, одна дыхнуть!

— Да ладно уж тебе, батюшка, не горячи сердце! — вдруг вмешалась Богова Мать, трогая Папика за рукав белоснежного балахона, — молодой человек, подойдите, пожалуйста, ко мне, — попросила она Вепрева. Папик, сердито сопя, отвернулся.

Экс-математик осторожно подошел к саням. Вблизи стало видно, что супруга Папика была молодой женщиной исключительной красоты с умными, хотя и заплаканными глазами.

— Здравствуйте, Александр, — вежливо поздоровалась Богова Мать глубоким грудным голосом.

— Здравсьте, — буркнул Вепрев, не ожидая ничего хорошего от такого обращения.

— Вы знаете, я хочу поговорить с вами о моем сыне, — сообщила она экс-математику просительным тоном, — только это строго приватно.

Сказав это, Богова Мать выбралась из саней, технично показав стройные ножки, подошла к оробевшему Шурику и увлекла его в сторонку, чтобы никто их не слышал.

— Понимаете, — начала она доверительным тоном, вытирая кружевным платочком припухшие от слез глаза, — мой сын... вы его знаете... — Богова Мать мельком проницательно взглянула на Вепрева. Тот только кивнул, все еще не понимая, чего от него хотят.

— В общем, он превратился в законченного наркомана, — сообщила Богова Мать, снова

ударяясь в загробные рыдания.

— И чем вставляется? — деловито поинтересовался Вепрев.

Богова Мать, мигом успокоившись, пристально посмотрела на Шурика. Казалось, она в чем-то усомнилась, но все же выдохнула:

— Всем... — и вновь разразилась загробными рыданиями.

— Ну, да, я, в принципе, знаю, — промямлил Вепрев, — но я то что могу тут сделать?

— Вы отведете его в пещеру Кайфолома, поставите в центр разделочной доски, а когда он разложится на Элементы Сущности, изымете его Глюк-Фишку и замените ее на ту, что найдете в спецзначке Кайфолома, — неожиданно жестко ответила Богова Мать повелительным тоном, и даже прекратила загробные рыдания. — А ежели откажетесь, — она предостерегающе подняла руку, — то учите, что все эти шомпола и ремни со спины — отнюдь не пустая угроза!

— Да как я скажу все это Кайфолому-то? — взбрыкнул Шурик, — да он меня просто нахуй пошлет, а то и че похуже!

— Скажешь ему трижды зачатое слово нсчндтси и он завалит ебало на пару часов. Усек, шмакадявка? — грозно спросила Богова Мать вконец охреневшего Шурика. Тот только торопливо кивнул, не зная, что и ответить.

— Слово то это, повторите явственно, пожалуйста — вежливо попросил он Богову Мать.

Богова Мать нахмурилась, но послушно выговорила:

— Нсчндтси. Усек?

— Ага, — вякнул Вепрев, глубоко сомневаясь в успехе авантюры, и, наморщившись, с трудом, со злобой, выговорил: «нсчндтси».

— Вот и хорошо, — одобрила Богова Мать, и обернулась к Ассенизаторам, — эй, вы там, тащите сюда моего излюбленного сынулю!

Тотчас ассенизатор с Патлатым на плечах послушно подскакал к Боговой Матери, наклонился, и Патлатый, пошатываясь, встал на ноги, с трудом удерживая равновесие.

— А, это ты, Вепрев! — обрадовался он, — здорово, друган! Пошли к тете Наде, пивку вдарим!

— А ну, цыц, — приказала Богова Мать, — пойдешь сейчас с ним, да не в пивную, а на повторную инициацию.

— Ах, маман, ужо сто раз инициировали, заебало! — промычал Патлатый пьяным голосом, одновременно золотым ножичком тайком срезая с мамашиного манто золотую подвеску с бриллиантами, — ну, скока можно?

— Пока не исправишься! — отрезала строгая маман, и пошла назад к саням. Едва она уселась на свое место, Папик оглушительно свистнул в четыре пальца, пряничные лошаки дружно тронулись, и вскоре сани исчезли в клубах пыли. На площадке возле магазина осталась только рота верховых ассенизаторов, разомлевшие путники да трясущийся от ломки Патлатый.

— Ну что, пошли? — спросил Вепрев Патлатого, — так сказать на экзекуцию, ыгыгыгыгыгыгы...

Патлатого передернуло, он злобно уставился на Шурика и прохрипел:

— Не кипишуй, паря, сначала похмелиться надо — и, обернувшись к лавке, громко рыкнул: — Эй, ты там, Сысоевна! Гони Столбовой две банки!

— Щас, щас князюшка, — заверещала из-за забора тетка с фиолетовыми волосами, —

сей секунд подтяну.

Через несколько секунд она выкатилась из лавки, неся в руках две двухлитровки с яркой этикеткой, снабженной надписью «Водка Особая, Столбовая, 120 градусов», завидев которые Патлатый заржал от радости. Выхватив бутылку из рук торговки, он ловким движением руки вышиб пробку и жадно присосался к горлышку. Залив в себя крупными глотками половину содержимого, он оторвался, шумно выдохнул и прохрипел:

— Харашэ пашлэ! Круто вставляет! — и протянул поллитру Шурику, — Нака-ся, спрыснись, друган! Божественно!

Вепрев, как это принято в культурной столице, интеллигентно обтер горлышко об рукав, и осторожно сделал глоток. Пойло оказалось восхитительным, оно приятно согрело горло, а в желудке постепенно разгоралось божественным огнем. Голову сразу плавно повело, и весь этот дрянной мир показался Вепреву раем, и даже жопастая тетка с фиолетовыми волосами превратилась в жгучую сеньориту из мексиканского сериала.

— Капитально вставляет, — одобрил Вепрев, и хотел было добить содержимое, но Машка решительно отобрала у него бутылку.

— Делиться надо, — наставительно произнесла наглая девица и основательно хлебнула. Тотчас же ее глаза округлились, и Зверева, мигом допив оставшееся, принялась без умолку хохотать, указывая пальцем на Сысоевну:

— Ну, вылитая Хуанита из сериала, забыла название, аахахахахахаха!

— А платить кто будет? — обиженно спросила Сысоевна, — товар дорогой!

— На, отвяжись, — сказал Патлатый, выковыривая из мамашиной подвески брильянт помельче. Отдав его тетке, он взял из ее рук вторую поллитру и столь же ловко откупорил ее. Затем точно так же ополовинил содержимое и протянул остатки Бусыгину.

— Накося, освежись, Владимирыч, это — Божье!

Бусыгина уговаривать не пришлось, и старикашка в один глоток ополовинил тару. Остатки он протянул Семенову, сказав напутственно:

— Не пей в меру, но пей досыта!

Семенов, а затем и Галина приложились к «Столбовой особой», и вся компания мигом превратилась в сообщество милейших счастливейших людей. Один только Вепрев, памятуя об обещанных шомполах, вспомнил задание Боговой Матери и решительно потянул Патлатого за собой.

— Пошли на инициацию, што ли? — спросил он, — или ты как?

Э! — Махнул рукой Патлатый, — толку не будет, но хоть кайфану, когда он будет глюк-фишку вставлять. Щас, погоди.

И Патлатый, как и давеча в отстойнике перед ситом, содрал и смотал в рулон весь окружающий пейзаж райских кущей вместе с попутчиками Вепрева, и оба они в мановение ока оказались в пещере Кайфолома. Здесь их встретило полное уныние — и Кайфолом, и подручные его, Влом и Невлом, уныло сидели на своих местах, загибаясь от скуки. Завидев парочку, Кайфолом оживился и мигом залебезил:

— Ах, чувствительно рад видеть вашсвтво, с чем препожаловали в мой скромный чертог, хе-хе?

— Внеплановая смена глюк-фишки, да не на простую, а на ту, что в твоей заначке! — прямо ответил Патлатый, — вот, Вепрев подтвердит.

Шурик неохотно кивнул, подтверждая слова Патлатого.

— Да нет у меня никакой заначки, — бегая по сторонам крысиными глазками заявил

Кайфолом, — тупой стандарт!

Ведрев, которому все это как-то сразу надоело, решил, и, выступив вперед, экс-математик громко трижды произнес зачатое слово:

— Нсчндтси! Нсчндтси! Нсчндтси!

Кайфолом мгновенно преобразился, и с каменной мордой на деревянных ногах встал с трона и полез под сиденье.

— Ключ надо, слышь, Ведрев? — глухо донеслось из-под него. Ведрев вытащил из кармана ключ, поднялся к трону, и тоже полез под сиденье. Там оказался китайский сейф для домашнего пользования, запертый за висячий замок в самопальных ушках.

— Открывай! — Прохрипел Кайфолом, и Ведрев, неудобно изогнувшись и пару раз чихнув от пыли прямо в морду Великого Бога, отпер дверцу.

Кайфолом тотчас запустил волосатую руку в сейф и вытащил пригоршню Золотых Глюк-Фишек. Их он рассыпал перед Ведревым, и предложил:

— Выбирай, че там тебе Богова Мать напела!

— Насчет выбора и слова не было! — ответил Ведрев, — я думал, у тебя только одна фишка!

— Ладно, бери тогда вот эту, — Кайфолом протянул Ведреву особо яркую Золотую Глюк Фишку, переливавшуюся всеми цветами радуги, и добавил, прищелкнув языком, — для себя берег, да уже ладно, бери! Ты так и скажи Боговой Матери, от души де оторвал Кайфолом, ради нее, красавицы!

— Ага, скажу, — легко соврал Ведрев, и, зажав в кулак фишку, полез наружу. На свету он прочитал, что на всех гранях Глюк-Фишки светящимися буквами написано: «Устав РККА 1937 г.». «Че за хрень?» — подумал Ведрев, который в свое время ловко откосил от армии, прикинувшись на комиссии полным идиотом — «в армию, что ли этого пацана забирают? Да похуй». И, пожав плечами, Шурик спустился к разделочной доске и велел Патлатому:

— Вставай в позицию, что ли!

Тот передал Ведреву смотанный в трубку пейзаж райских кушей и послушно встал посреди доски. Тут же Кайфолом слегка стукнул его по голове жезлом, и Патлатый мгновенно превратился в набор фишек, раскиданных по клеткам. В середине опять возникла Золотая Глюк Фишка, мягко светящаяся золотым светом. Ведрев, по знаку Кайфолома, снял ее с доски, заменил на сборник уставов РККА и отошел в сторонку. Тотчас же Влом и Невлом соскочили со своих сундуков и принялись по обыкновению, заваливать доску белыми и черными фишками. Немедленно по завершению, Великий Бог Кайфолом стукнул жезлом по заветной Золотой Глюк Фишке. К вящему изумлению Шурика, на ее месте образовалась высоченная башня из нескольких сотен золотых кубиков.

Довольно взоржав, Великий Бог Кайфолом стукнул жезлом по верхней Глюк-Фишке. Свет в пещере мигнул и на месте кубиков появился голый Патлатый, мрачно оглядывающий окрестности. Увиденное, очевидно, ему не понравилось, и Патлатый, передернув плечами, напялил на себя валявшийся на полу балахон. Затем он все так же молча взял из рук Ведрева скатанный пейзаж Райских Кушей, и неуловимым движением размотал его.

Немедленно Ведрев со своим спутником опять оказались возле компании из Бусыгина, Машки и обоих говнологов, которые даже не заметили их отсутствия, пребывая в кайфе от принятой дозы Столбовой водки.

— Алкоголь — враг дисциплины! — внезапно проревел Патлатый, — ударим по врагу!

И, обернувшись на магазин амброзии повелительно рявкнул:

— Эй, ты! Сысоевна! Ящик Столбовой мне, живва!

Из магазина тотчас выкатилась давешняя жопастая тетка с фиолетовыми волосами, толкая перед собой тачку с ящиком Столбовой водки. Едва подойдя к Патлатому Сысоевна молча протянула руку, и тот, тоже молча, сунул ей в руку парочку брюликов, стыренных у маман. Сысоевна мигом выгрузила ящик и молча покатила тележку назад.

Патлатый подошел к своему крысиному войску, ткнул пальцем в первого попавшегося крысоида и скомандовал:

— Забери ящик! Живва!

Тот торопливо подбежал к ящику и взвалил его на свои плечи. Одобрительно кивнув головой, Патлатый обратился к путникам:

— Садись на моих коней, ребята, нечего здесь зависать.

Тотчас четверо ассенизаторов подбежали к путешественникам и нагнулись, подставляя свои шеи для посадки. Сначала Бусыгин, а за ним и остальная компания, взобрались на предоставленный транспорт, и Патлатый скомандовал:

— Шяо-о-о-о-ом! Арш! — и колонна крысолюдей с седоками на плечах поскакала в обратный путь, в такт подпрыгивая на хвостах. Все встречные посетители базара, завидев Патлатого во главе колонны, разбегались куда глаза глядят. Беспрепятственно пройдя сквозь игольное ушко, колонна по просьбе Бусыгина подошла к оставленному мешку с водкой и закуской.

— Вы тут погодите, а я щас амброзию отдам Ахмету, — попросил Бусыгин.

Патлатый, слышав слово «Амброзия», насторожился.

— И много ее у тебя? — спросил он старикашку.

— Три дозы, две щас отдам, третью сменяю на что-нибудь.

— Давай свою дозу мне! — потребовал Патлатый, — а взамен можешь ящик Столбовой водки забрать, и десяток моих аскеров в рабы.

Тотчас же десяток крысоидов выскочили из строя и молча пали ниц перед Бусыгиным. Носильщик же ящика с водкой молча поставил перед гением-изобретателем ящик и замер.

Бусыгин молча сунул Патлатому пакетик с белым порошком, жестом приказал рабам-крысоидам следовать за собой и, сделав ручкой, скрылся в дверях Ахметовой лавки. Все внимательно наблюдали за Патлатым

— Сейчас вставляться будет, — вполголоса произнесла Галина, — не утерпит!

И действительно, Патлатый сначала зачем-то понюхал пакетик, затем вдруг откинул верхнюю часть своего черепа, обнажив розовые головные мозги, и хладнокровно высыпал на них пакетик с амброзией. Затем он захлопнул череп и, прикрыв глаза, замер в наслаждении от тончайшей работой райского порошка.

Внезапно он захохотал, как безумный, и принялся кататься по земле, сотрясаясь от хохота. В какой-то момент его начало плющить и Патлатый, прекратив хохотать, принялся содрогаться в конвульсиях, выкрикивая с пеной у рта уставные команды: Смиррррна! На кряяя... Ул!! Шяоооом! Арш! Рявнение Наааа! Пряву! Наааа! Леву!!! Ать-два! Ать-два! Драй! Жлай! Трщ! Комбриг! Параааад! Смииииирррррна! Рррявнение Нааа.... Леву!

— Че это с ним? — спросил старикашка Бусыгин, вернувшийся от Ахмета, и принесший с собой густой аромат свежевывитой водки. Карман гения-изобретателя явственно оттопыривался от спрятанной в нем двухлитровой бутылки Особой Московской. В другом кармане явственно позвякивали золотые монеты, полученные за проданных Ахмету рабов-крысоидов.

— А хуй его знает! — озадаченно сказал Шурик, — он амброзией мозги посыпал, может через то и накатило!

— Ну, это поправимо, — сказал старикашка, вынимая из кармана купленную у Ахмета двухлитровку с надписью «Московская Особая, 40 градусов», — подержите-ка его!

Коллектив дружно навалился на Патлатого, и прижал к земле за руки и за ноги. Старикашка Бусыгин, ни слова не говоря, зацепил ногтем какую-то щелочку на голове страдальца, и откинул крышку черепа. Все ахнули — мозги Патлатого пузырились грязно-белой пеной, остро воняющей казарменной карболкой.

— Мда! — глубокомысленно промычал Бусыгин, — хорошо его вставило! Это от того, что его Глюк-Фишка не совместима с амброзией. Ты ему какую фишку-то вставил? — спросил он Вепрева, — ну, что на ней написано было?

— Сборник уставов какой-то РККА, — ответил Шурик, — че это может значить?

— Эр-Кэ-Кэ-А? по складам повторил старикашка и заржал, — так это же красноармей... ладно, шас полечим.

И старикашка твердой рукой откупорил бутылку и стал поливать мозги Патлатого водкой. По мере того, как грязно-белая пена смывалась на песок, сопротивление Патлатого ослабевало, а когда мозги приобрели естественный розовый цвет он и вовсе успокоился, и что-то неразборчиво промычал.

— Чего тебе? — спросил старикашка пациента.

— Оставь, говорю водчары накатить, — глухо ответил Патлатый.

— Ладно, — согласился Бусыгин, — Санек, давай-ка старую фишку!

Вепрев вытащил из кармана и протянул старикашке Золотую Глюк-Фишку, снятую с разделочной доски в пещере Кайфолома. Тот взял ее кончиками пальцев и, недолго думая, вдавил ее в розовые мозги Божова Сына. Затем он захлопнул его черепную коробку и принялся ждать. Внезапно у Патлатого начались конвульсии, он принялся извиваться, поднимая тучи песка, и внезапно затих.

— Так, шас мы его откатим, — изрек старикашка Бусыгин, и, приподняв край белого балахона страдальца, вытащил из его задницы заветную Глюк-Фишку Кайфолома с той же надписью «Устав РККА, 1936 г.». Затем он помог Божову сыну сесть на песке и сунул в руки ненужную более глюк-фишку.

— На, спрыснись, — протянул он Божову Сыну полупустую двухлитровку. Патлатый радостно взоржал и, сунув Глюк-Фишку в карман, схватил бутылку и жадно присосался к вместелищу эликсира жизни. Не успели путники и глазом моргнуть, как бутылка опустела.

— Харашэ пашлэ! — промычал Патлатый, и метко швырнул пустую тару в пасущегося рядом верблюда. Бутылка, описав красивую параболу, вцепилась точно в лоб дромадера, и несчастное животное поскакало в пустыню, жалобно взревывая и взбрыкивая задними ногами.

— Ладно, — заявил излечившийся Патлатый, — шас домой поеду. Ужо держитесь у меня, папа и мама, всё попомню! — погрозил он кулаком огромному дворцу, стоящему в отдалении. — Эй, ты! — крикнул он крысоиду, на котором проехал в Игольное Ушко, — А ну, в позу раком, становись!

Крысоид безропотно подскакал к Патлатому, встал на четыре кости и подполз между расставленными ногами Божова Сына.

— Подъем! — скомандовал Патлатый, и крысоид поднялся. Теперь у него на плечах плотно сидел Божов Сын, держась за уши крысоида.

— Так, пацаны, — обратился Патлатый к Путникам, — спасибо за компанию, приятно познакомится и все такое. Вам, кстати, куда надо-то?

— Мы вааще к Интерфейсу Богов собирались, — робко сообщила Машка. — А сюда за припасами зашли. А еще нам надо рецепт на Фиал Вечности! — внезапно выпалила Машка случайно вспомнив поручение Горыныча.

— Окей, герлица, — выпишу я вам и рецепт, а потом путь сокращу — прямо к Повелителю Смещения подкину.

И Патлатый, сорвав с неба белое облачко, что-то нацарапал на нем ногтем мизинца и протянул листочек Машке.

— У Ахмета отоварь, — посоветовал он Машке, — а листок пусть себе возьмет для оплаты.

Машка неуверенно взяла облачко, превратившееся в лист бумаги, и прочитала рецепт. Там корявыми буквами было написано:

— «Фиал Вечности, 1 шт. 200 мл»

Ладно, — сказала она, — я щас. — Саша, пойдешь со мной?

Вепрев пожал плечами и вместе с подругой пошел в шалман Ахмета, который, завидев в руках Машки рецепт, позеленел от ужаса и заблажил:

— Вах, вах, вах, чито хочишь, ханум?

— Тут написано! — ответила Маша, протягивая листок.

Ахмет прочитал рецепт, икнул, но беспрекословно полез под прилавок и извлек из-под него флакон, похожий на тот, в которых в доисторические времена продавали одеколон Шипр. На этикетке значилось: «Фиал Вечности, 200 мл, отпускается строго по рецепту!»

— Ладно, — сказала Маша, — а в уплату можешь листок этот забрать.

Ахмет торопливо закивал и вручил Маше двухлитровую бутылку водки.

— Премия лучшему покупателю! — торжественно заявил он, и добавил, — захады всегда, ханум, у Ахмета все есть!

— Ладно, — повторила Маша, вручая бутылку водки приятелю, — пошли, Шурик, нас ждут.

И молодые люди вышли из шалмана к ожидающей их кучки путников. Очевидно было, что они пропустили еще по одной, поскольку непрерывно хохотали под анекдоты патлатого.

Завидев парочку, Патлатый оборвал разговор на полуслове, снова взобрался на своего верхового крысоида, и заявил:

— Ну, пока! Приятно было познакомиться! — и в который уже раз ловко сорвал окружающий пейзаж как отсохшие обои, смотал их в рулон и тотчас исчез, умчавшись незнамо куда в окружении строя Ассенизаторов.

Люди и переминавшийся возле ящика Столбовой водки крысоид обнаружили себя в длинном коридоре, кое-как освещенном огоньками от масляных плашек, тут и там прикрепленных к корявым стенам. Дорогу им перегораживал огромный камень, перед которым торчало какое-то сооружение, отстоящее от камня примерно на метр. Сооружение походило на корявую палку высотой метра два, на которую кто-то насадил здоровенный кусок гнилого сырого мяса с двумя красными крысиными глазками сверху. Вместо рук с палки свешивалось множество извивающихся плетей с утолщениями на концах, — Вепрева аж передернуло:

— Это че за Люля Кебаб? — изумился он, и, обернувшись к Бусыгину, спросил — это, что ли, твой Интерфейс Богов, козел блекотный?!

— Да нет, — махнул рукой Бусыгин, — Это и есть он, Повелитель Смещения!

— Ладно, посмотрим, чо там как, — буркнул Шурик и принялся внимательно оглядывать конструкцию. В метре за «палкой» с Люля-Кебабом в преградившей путь стене находилась ниша глубиной метра два, и в нише той на высоте человеческого роста виднелось мутное оконце размером с форточку (сначала Вепрев и впрямь принял его за форточку, и, было, обрадовался). Под этой «форточкой» торчала ручка, очень похожая на те, что в доисторические времена использовались шоферней для завода автомобилей.

— Эт чо за хрень такая? — поразился Вепрев, указывая на ручку, — типа, заводной ручки, что ли? — Вепрев зашел в нишу и слегка подергал последний шанс древних водил с севшим аккумулятором, — может, покрутить?

— И чо будет? — опасливо спросила Машка.

— Хуй его знает, — задумчиво ответил Вепрев, — а что еще можно сделать с рукой?

— По-моему, это какая-то кофемолка, — с сомнением протянул Семенов, — У моей бабки такая же была, с гучкой...

— А может, лучше обойдем как-то? — предложила Маша, — хотя... не, не пройдем, — протянула девица, оглядев плотный стык камня со стенками тоннеля.

— Ну а ты что скажешь, дедуля? — спросил Вепрев у Бусыгина, который по обыкновению захрапел, привалившись к корявой стенке.

— А, что? — с трудом очнулся старикашка, и вдруг взревел:

— Огонь с левого фланга!!!

— Чо делать, спрашиваю — раздраженно бросил Вепрев, — а то завел, понимаешь, Иван Сусанин!

Старикашка встряхнулся и, придя в себя, непререкаемым тоном заявил:

— Сам Сусанин! Один путь — давай, крути ручку эту, что из стены торчит.

— За этим Люля-Кебабом, что ли? — спросил Вепрев. — А он не будет кусаться?

— Не бойсь, — успокоил старикашка, — у него и зубов-то нетути.

— Саш, а может, через окошко это надо пролезть? — предложила Машка, указывая на форточку, торчавшую в нише над заводной ручкой.

Вепрев с сомнением глянул в нишу, и, осторожно обойдя Люля-Кебаба, приблизился к «форточке». На оной форточке не было никаких ручек, замков, и прочих запоров — просто кусок мутного стекла, вмурованный в стену. Вепрев постучал кулаком по этому «стеклу» — оно звучало как барабан, но сколько Вепрев ни стучал — окно оставалось целым. Видимо, оно было крепким, словно бронебойное. Привстав на цыпочки, математик попробовал разглядеть помещение за окном. Снова неудача — «форточка» оказалась совершенно непрозрачной, только на самом «стекле» была нарисована какая-то мутная, словно смазанная, картинка.

Глаза Вепрева забегали по сторонам, в поисках выхода, и снова остановились на ручке. Внезапно в голове блистательного математика мелькнула тупая мысль:

— «Не может быть» — сказал Вепреву внутренний голос, — «штоп ручка просто так торчала! За каким тогда хуем ее повесили? Может, прав старый хрен — крутануть как следует, заведется мотор, так и поедем типа как на такси?».

И блистательный математик решился.

— Ладно, не хуй рассусоливать! — решительно произнес Вепрев. С этими словами он взялся за ручку и резко крутанул по часовой стрелке, как он когда то заводил в деревне древний дедовский Москвич 402, собираясь съездить в магазин за водкой.

Ручка с хорошо слышимым завыванием легко прокрутилась, и тотчас Люля-Кебаб ожил: крысиные глазки сверху куска мяса полыхнули рубиново-красным светом, а плети, свисавшие с него, ожили и принялись размахивать по сторонам. Вепреву едва удалось увернуться от одной из этих плетей; он успел только краешком глаза заметить, что на конце плети находится отнюдь не шарик, а змеиная голова с высунутым раздвоенным язычком и двумя огромными клыками. Вскоре беспорядочное перемещение «плетей» прекратилось. В некий неуловимый момент они вцепились в край камня, преградившего путникам дорогу, и замерли.

— Размахался, пидор! — погрозил Вепрев кулаком Люля-кебабу, — чуть не хлестанул! Теперь и выйти страшно!

— А ты понизу, — ласково посоветовала Машка, — у него руки до земли не достают. Действительно, хотя руки-плетки твари легко дотягивались до оконца и торчащей под ним заводной ручки, до земли они не доставали.

— Я лучше проползу... — решительно проговорил Вепрев, и, не говоря более ни слова, бухнулся пузом на грязный камень, и подполз по-пластунски к основанию твари. Вблизи стало видно, то эта тварь более похожа на какое-то дерево, поскольку от ствола в подиум отходило множество мощных корней.

— Это прям-таки какой-то цветок душистых прерий, — сообщил он Машке, — эх, мне бы пилу сейчас!

Внезапно в куске тухлого мяса на палке прорезался рот, и Люля-Кебаб заговорил скрипучим голосом:

— Ты, оннако, паря не базарь, а ручку крути плавнее! Чай не Москвич твой гребаный!

— Че? — поразился Вепрев, — слышь, мать, оно говорить умеет!

— Не оно, а Повелитель Смещения! — по-прежнему скрипучим голосом заявил Люля-Кебаб, — но, ваще говоря, Вепрев, мне имя Люля-Кебаб нравится.

— Ты чо, типа мои мысли читаешь? — поразился экс-математик, — не, ну ващееее...

— Дык у тебя и мыслей-то нетути, паря, — добродушно сообщил Повелитель Смещения, — так, мельтешня.

— Ладно, — махнул рукой блистательный математик, — чо ты там нащел ручки-то?

— А ты, паря, покрути в обратную сторону — увидишь, — радушно предложил Люля-Кебаб, — Тока легче, легче!

— Ладно, хули базарить! — решительно произнес Вепрев, зашел в нишу и попробовал плавно покрутить ручку против часовой стрелки. Против его ожиданий сделать это оказалось совсем нетрудным, в отличие от дедовского москвича, завести который было сущей пыткой. В «форточке» над ручкой поплыли какие-то мутные картинки.

Почти сразу же он услышал за спиной удивленные возгласы путешественников. Оглянувшись, Шурик заметил, что огромный камень, преградивший им дорогу, пополз вперед по дороге, удаляясь от кучки путников. Вепрев отпустил ручку. Однако движение камня не прекратилось и Шурик, оглядев свое хозяйство, обнаружил, что плети-змеи, вцепившиеся в камень, постепенно вытягиваются из Люля-Кебаба, проталкивая его вперед.

— Ага, понял, — заявил экс-математик, — давайте ко мне, прокатимся!

Тотчас вся компания сбилась в нише возле Вепрева и плавно поехала вперед стараниями Люля-Кебаба. Сзади безропотно подпрыгивал на хвосте крысоид с ящиком Столбовой на плечах.

— Ой, Саш, ты прям гений, — восхитилась Маша, — только куда он нас вывезет?

— Не робей, внучка, тут дорога одна — успокоил Машку Бусыгин, — до Интерфейса доедем — и все. Стоп машина.

Минута тянулась за минутой, и путники, скучая, принялись глядеть в форточку. Однако там только неторопливо ползли однообразные мутные картинки, похожие на набегающую под колеса дорогу.

— Слышь, изобретатель, — внезапно обратился Вепрев к Бусыгину, — а чем этот Кайфолом занимается?

— Дык ты же видел, — удивился старикашка, — кубики эти стругает, они Золотыми Глюк-Фишками зовутся.

— И что с ними дальше? — настаивал заинтригованный математик.

— А дальше, — наставительно произнес Бусыгин, — он в корзинке, что под ним стоит, берет Заготовку, помеченную золотым маркером, и шнырь его, Вломом зовут, соединяет их. Получается бабочка, это, типа, зародыш.

— А зачем она? — любопытствовала Машка, не отрываясь от созерцания в форточку.

— Ну, дальше она в человека вселяется с даром особым — или в науках, или в музыке, либо в каком другом деле.

— Ой, кажется приехали! — воскликнула Маша, увидев на картинке огромную статую. Тотчас разговоры смолкли, и компания стала внимательно следить за наползающим пейзажем.

Через пару минут движение прекратилось, и камень, преграждавший дорогу, откатился, открывая путь в гигантскую пещеру, границ которой не было видно.

— Ну, добрались, наконец, — сообщил старикашка, — здесь Интерфейс-то и находится.

Путники вышли в пещеру. Сразу, как только вышел их хвостатый носильщик, камень закрыл тоннель и плавно покатился обратно. Проводив его глазами, компания принялась с любопытством озираться.

Прямо перед ними стояла колоссальная статуя, видимо, очередного божка. Подойдя ближе, все заметили, что между его слегка расставленными ногами есть проход, за которым чернела глубокая и широкая пропасть, над которой свисал колоссальный член статуи. По другую же сторону пропасти высилась вторая огромная статуя, изображавшая сисястую и губастую бабищу, стоящую аки коровушка на четырех костях, лицом к пропасти. Обе сиськи бабищи свешивались аж до земли, а на ее чудовищном лице, обрамленном колхозным платочком, был прям таки написан пламенный призыв к ее визави. На стенке пропасти под бабищей крупными русскими буквами было написано «Интерфейс Богов».

— И как туда перебраться? — спросил Вепрев старикашку. Тот только развел руками — Не знааааююю... раньше мостик был, Логосом звали, а сейчас, видать, все переделали, — уныло сообщил он экс-математику.

Семенов подошел к краю пропасти и заглянул внутрь. Там, глубоко внизу шумел бурный поток горной реки.

— Внизу гека, — сообщил доцент-животновод, — не пегейти!

— Так может, обойдем? — предложила Галина.

Все посмотрели по сторонам. Похоже было, что пропасть окружает пещеру по периметру, и нигде не смыкается.

— Фигушки-хуюшки, — заявил Вепрев, — лучше мостик соорудить!

— Можно статую эту обвалить, как раз длины хватит! — смело заявила Машка.

Компания, задрав головы, принялась с сомнением разглядывать монумент. Статуя

высотой метров в двадцать, была отлита из какого-то серебристого металла, и весила тонн двести, а то и больше. Изображала она голого мужика с козлиными рогами, курчавой бородой и задумчивым взором, устремленным как раз на вход в пещеру на другой стороне пропасти.

— Не обвалить! — авторитетно заявил Вепрев, — сил не хватит!

— Ой, смотрите, — глупо захихикала Машка, указывая на огромный фаллос, свисающий между ног скульптуры. — Как раз хватит, чтобы в ту пещеру перебраться!

— Да уж, только как бы его поднять! — сострил Вепрев, и от нечего делать щелкнул по головке, нависающей прямо над его макушкой. Тотчас раздался ржавый скрежет, и огромный прибор естественных отправлений начал подниматься, одновременно удлиняясь. Одновременно губастый рот бабищи на другой стороне пропасти начал открываться с пронзительным скрипом. Через несколько секунд член достиг губ бабищи, и, продолжая удлиняться, точнёхонько зашел глубоко в ее рот, после чего замер, а из задницы бабищи донесся паровозный гудок.

— Колоссально! — только и смог выговорить Бусыгин, — вот это потенциал!

— Ой, смотрите, что на нем написано! — со смехом воскликнула Машка, указывая на надпись на члене. Путники задрали головы и с изумлением компания прочитала, что на этом огромном органе размножения зеленой масляной краской написано: «Привет из Балты!».

— Мдаааа.... — только и нашел, что сказать Вепрев.

— Так ведь это как раз то, что нам надо! — радостно заявила Галина, — только вот как на него влезть?

— Была бы охота — влезешь! — попытался состричь доцент-животновод, и гнусно захихикал.

— Может, можно как-то вскарабкаться? — задумчиво заметил Вепрев, и в этот миг оба огромных яйца колосса диаметром в пару метров, начали опускаться вниз, гремя стальными цепями. Через несколько секунд они с глухим стуком бухнулись перед компанией — люди едва успели отскочить в сторонку. Тотчас на сферах откинулись круглые крышки, словно приглашая войти внутрь яиц, из которых доносились гнусавые аккорды свадебного марша Мендельсона, исполняемого на волынке под барабан с бубенчиками.

— Это вроде лифта, что ли? — предположила Машка. Любопытная девица подошла к одному из яиц и заглянула внутрь люка.

— Ой, а здесь даже скамейки есть! Точно — лифт!

— Ага, лифт в небо, — попытался шутить Семенов.

— Вот сейчас и проверим, — решительно заявила Машка. — По кабинам! Ты со мной, Вепрев? — и отважная девица первой влезла в люк. За ней полезли Вепрев и гений-изобретатель. Путники с трудом разместились в тесной кабинке.

— Ну, а мы во второе, — заявила Галина, и смело забралась в "лифт". Семенов последовал за ней.

— А мне куда? — внезапно произнес шипящим голосом всеми забытый Ассенизатор, который все так же покорно держал ящик со Столбовой водкой на плечах. Вепрев высунул голову и крикнул:

— Поставь ящик и можешь идти домой!

Крысоид покорно опустил ящик, затем молча повернулся и степенно поскакал назад, к темнеющему входу в тоннель.

— Ну что, все на месте? — внезапно прогудело сверху густым басом.

Шурик, задрав голову, увидел, что бородатый хозяин лифта наклонил голову и вопросительно смотрит на них. Экс-математик, уже попривыкший к здешним чудесам, громко крикнул:

— Все! Поднимай!

Тотчас обе крышки захлопнулись, и яйца стали быстро подниматься вверх. Через несколько секунд они со стуком зафиксировались в положенных им местах. Крышки тотчас откинулись, удалая компания быстро покинула кабинки и осмотрелась. Как оказалось, лифт доставил их в небольшую овальную камеру в корешке этого огромного фаллоса, из которого в нужную им сторону вела узкая дыра диаметром с кулак.

Неугомонная Машка потыкала пальцем стенку камеры. Она была упругой и теплой, словно резиновой.

— Да он живой, поразила девича, — ничего себе!

— Плевать! — ответил Вепрев, и, подойдя к дыре потыкал преграду концом ботинка.

— Не пролезть! — с досадой произнес экс-математик и грязно выругался.

— Я говорил! Я говорил! — тотчас заверещал доцент-животновод, — спустите меня назад, эй вы! — и принялся стучать кулаками по стенке камеры. В этот же момент стенки камеры начали быстро смыкаться, сгоняя путников к центру.

— Ой, сейчас раздавит! — испуганно воскликнула Галина. Ситуация быстро стала критической, но внезапно проход, ведущий в нужную сторону, конвульсивно расширился. Вепрев, начавший уже кое о чем догадываться, с воплем «за мной!» бросился в открывшийся проход. Путники, толкаясь и торопясь, последовали за ним. Проход тотчас сомкнулся, закрывая путь назад, и компания снова оказалась в небольшой замкнутой камере с такой же дыркой впереди. Вдруг стенки этой камеры тоже начали сжиматься, а проход впереди расширился.

— Вперед! — рявкнул экс-математик, и все бросились за ним, чтобы не быть раздавленными.

Так повторилось раз пять, и под конец измученные и растрепанные путники были выброшены в точно такую же камеру, в которую они попали в начале переправы. Снаружи приглушенно доносилось довольное кряхтение.

— И чо теперь? — взволнованно спросила Машка, неизвестно к кому обращаясь. Но ответ пришел сам: внезапно в дне камеры откинулись две крышки, открывающие эскалаторы, ведущие вниз по колоссальным сиськам бабищи.

— А вот и ответ! — отозвался Вепрев. — Прямо как в метро! Поехали!

И путешественники, неторопливо спустившись вниз, вышли из круглых люков, образующих соски этой чудовищной машины. Слегка обалдевший от непривычного путешествия народ с любопытством осмотрелся. На противоположной стороне пропасти высилась статуя рогатого мужика, в которую они недавно залезали, а на стене под ней красовалась надпись: «Интерфейсы б.у.» Огромный фаллос статуи с мерзким скрежетом опускался, укорачиваясь на ходу, а чудовищная пасть бабищи с громким дребезгом смыкалась.

— Это как такое могло получиться? — спросил Вепрев неведомо кого, — чудеса!

— Не парься, Санек, — проскрипел Бусыгин, — пути Аллаха неисповедимы, как говорил мне по пьянке один татарский попик.

Новоприбывшая компания огляделась. Под их ногами находилась абсолютно ровная, словно полированная, поверхность, сплошь утыканная какими-то пеньками, словно ранее на

этом месте рос лес, а потом его спилили. Между пеньками деловито сновали существа, которых Вепрев ранее принял за собак, но теперь он разглядел, что они больше похожи на огромных муравьев с головами ящериц, которые праздно перебегали от пенька к пеньку, но ничего не делали.

— И чо это все значит? — спросил Вепрев старикашку Бусыгина. — Где Интерфейс твой?

— А вон та шайба — это и есть интерфейс, — ответил гений-изобретатель, указывая на огромное сооружение в форме шайбы в центре равнины, — а пеньки эти — они типа для каких-то настроек, я еще не разобрался.

Вепрев подошел к одному из пеньков и пригляделся. Он сразу увидел, что пеньки натканы не как попало, а блоками по 25 штук, причем некоторые были задвинуты. Каждый «пенек» представлял собой полированный металлический цилиндр диаметром с полметра и высотой по колено.

— И чо эта хуйня значит? — задумался блистательный математик, и потыкал один из ближайших пеньков. Впечатление было такое же, как если бы он стучал ногой в бетонную стену — «пенек» даже не шелохнулся. Тогда он попробовал надавить на выдвинутый пенек. Тот неожиданно легко подался, вжавшись до обрубка в 5–6 см, а где-то вдалеке послышался звонкий щелчок. Тотчас к Вепреву подбежал один из «муравьев», быстро вытащил «пенек» обратно своими паучьими лапками, и убежал.

— Не трогай, Саша! — забеспокоилась старикашка, — а то перенастроишь интерфейс, и чо делать будем?

— Ладно, хуй с ними, пошли к этой шайбе, — блистательный математик махнул рукой в направлении огромной шайбы в центре, — после разберемся!

И Вепрев решительно направился к центру равнины. Коллектив безропотно зашагал за вожакom. Через пару шагов Семенов, грязно выругавшись, упал, споткнувшись об один из пеньков, но покорно встал и поплелся далее.

Приблизившись к сооружению в центре, коллектив обнаружил, что оно представляет собой круглую конструкцию с пропорциями хоккейной шайбы диаметром метров 100 и высотой метров 30, сделанное из цельного куска какого-то материала типа черного полированного гранита. Сверху над «шайбой» непонятно на чем висел ярко светящийся шар диаметром с метр, который испускал во все стороны ослепительно белый свет. Подойдя почти вплотную к полированной стенке этого сооружения, Вепрев заметил, что в ней не отражается ничего из окружающего мира — ни сами путники, ни тоскливый пейзаж, состоящий из странных «пеньков», ни снующие здесь и там «муравьи».

Единственное, что выделялось в окружающем пейзаже — ярко-золотистый круг с полметра диаметром, отстоящий примерно на метр от «шайбы».

— Саш, а почему отражения нет? — с недоумением спросила Маша, тщетно пытаясь разглядеть себя в гладкой отполированной поверхности.

— Мне-то откуда знать? — удивился Вепрев, — ты вот лучше скажи, чо это за круг такой? — и Вепрев потыкал ногой в центр круга. Тотчас в глубине зеркальной поверхности «шайбы» что-то полыхнуло, и вслед за вспышкой там появилась какая-то извивающаяся клякса, похожая на кривляющийся ярко светящийся фантом. Фантом немного походил на человека с паучьими лапками. Вепрев тотчас шарахнулся от стенки, и фантом мигom пропал.

— Ой, че эт было-то? — озадаченно спросила Галина. — Вроде какой-то человек там...

— А, Бусыгин? — спросил Вепрев, обернувшись к старикашке.

— Не знаю, я тут еще не пробовал разобраться, — развел руками гений-изобретатель, — мудрёно тут все, но сила ощущается!

— А вот мы сейчас узнаем, — заявил расхрабренный доцент-животновод Семенов и решительно вступил в круг. Тотчас в полукруглой полированной стене напротив него появился все тот же фантом, похожий на человека с паучьими лапками, и принялся кривляться, корча рожи и жестикулируя паучьими конечностями. Все оторопело смотрели на сие диво, не в силах вымолвить ни полслова.

— Может, он к нам пробиться хочет? — с опаской спросила Машка, памятуя свою схватку с рогатым отражением в камерке Бусыгина. — Лучше отойти!

— И то правда, — согласился Вепрев, — давай отойдем подальше.

Все, кроме Семенова, отступили на пару шагов назад. Семенов же не смог сдвинуться с места, словно его ноги приклеились к кругу. Вепрев уже собирался ему помочь, как клякса фантома внезапно размножилась, и на цилиндрической поверхности шайбы появилось множество клякс самых разных форм, которые тоже начали кривляться.

— Это чо это он? — с испугом спросила Маша. Вепрев тупо пожал плечами — ответить было нечего.

Внезапно шайба начала вращаться, издавая едва слышный гул. Кривляющиеся фантомы один за другим проплывали мимо замершего от ужаса животновода Семенова, и каждый раз на лбу ужасного призрака на несколько секунд вспыхивали два кроваво-красных глаза. Вепреву даже показалось, что эти глаза прощупывают несчастного животновода насквозь, словно пытаются о чем-то спросить. Однако Семенов молчал, только мелко трясся и что-то бормотал, дергая ногами в тщетных попытках освободиться. Пауза затягивалась.

— Слышь, доцент! — наконец, окликнул Вепрев животновода, — ну..., ты..., типа, скажи им, чо тебе надо! Может, отвяжутся!

— А-ва-ва-ва.... — заблеял несчастный клизмостановщик, — а что сказать?

— Скажи, хочу, мол, ящик пива холодного, — ехидно встряла нахальная Машка, которой жутко надоело топтаться без толку перед странным сооружением, а хотелось легкомысленной девице в Анталию, на берег теплого турецкого моря, где она в обалденном купальнике от Армани..., ну, там, ...БМВ..., и все такое....

— Хочу ящик пива! — послушно вякнул животновод, и поспешно добавил: — холодного!

Вращение шайбы на миг приостановилось, но затем она начала вращаться еще быстрее. Кляксы фантомов на ее стенке начали пульсировать, словно тщетно пытались принять нужную форму, но не могли. Наконец, «шайба остановилась, а все фантомы замерли и у всех у них на лбу вспыхнули кроваво-красные глаза.

— Не то что-то, — констатировала Галина, и окликнула несчастного клизмодела:

— Леня, ты вообще-то пиво любишь?

— Ага, — проблеял несчастный животновод.

— А какое? — продолжила допытываться Галина.

— Светлое, — признался Семенов.

И тут произошло чудо: шайба снова начала вращаться, и из ее центра в высокий потолок пещеры начала выдвигаться какая-то штуковина, типа винтового пандуса. По его боковой поверхности беспорядочно металась причудливые кляксы, некоторые из них на миг превращались в неразборчивые штрихи, а потом снова расплывались в пятна. Так продолжалось минут 5, и за это время шайба превратилась в нечто подобное винтовому

пандусу или Вавилонской башне, которую Вепрев однажды видел на картинке в Интернете. Вход на этот пандус оказался как раз перед ногами клизмолога Семенова.

— Слышь, животновод, — окликнул Семенова Вепрев, — они типа приглашают тебя зайти...

— Ничего не знаю! — истерически взвизгнул животновод, — я тут не пги чем! Я пгосто пива пожелал!

— Леня, ты не паникуй, — примирительно вставила Галина, — ты иди, иди... Может, и пивка там попьешь!

— Иди, как же, — с сомнением в голосе выдавил Семенов, — а что там? — он мотнул головой на верхушку башни, что высилась перед ним.

— Ящик пива, — утешила животновода Машка, и многозначительно добавила, подняв палец: — холодного!

— Правильно, — продержал отважный математик Вепрев женскую половину коллектива, — иди доцент, а мы за тобой!

Животновод неуверенно переступил ногами, и тут же восхитился:

— Да я свободен! — и попытался выйти из круга. Но не тут-то было — выйти из золотого круга ему не удалось. Круг, словно световое пятно от прожектора, следовал за ним, все время оставаясь под ногами. Вепреву тотчас припомнился его единственный визит в балетный театр, на который его затащила одна из многочисленных подруг, желавшая проявить высокое культурство перед потенциальным женихом. Там тоже круг света от прожектора неотступно следовал за парочкой из мускулистого мачо и его анорексичной партнерши, виртуозно изображавших высокохудожественный половой акт гуманоидов языком танца.

— Давай на пандус, доцент! — скомандовал Вепрев струхнувшему животноводу, — а мы следом!

Животновод Семенов неуверенно ступил на пандус и поплелся вверх. Остальная компания последовала за ним. И, что удивительно, едва животновод зашел на пандус, золотистое пятно мигом пропало и возникло на прежнем месте. Наши же путешественники, гуськом поднимаясь вслед за животноводом, наконец, достигли вершины на высоте метров сто.

На самой верхушке пандуса спираль наматывалась на толстенную ось диаметром со слоновою ногу, а в центре оси зияла замочная скважина, прекрасно видимая в лучах светящегося шара, поднявшегося вместе с шайбой. Однако ящик пива нигде не наблюдался. Все остановились, и, отдышавшись, принялись думать, что делать далее.

— Ой, смотрите, — воскликнула Машка, указывая пальчиком на замочную скважину, темневшую в оси, — а тут скважина! Саш, а может сюда дедулин ключ подойдет?

Вепрев, щурясь от яркого света, пригляделся — скважина, как будто, и в самом деле подходила под Бусыгинский ключ.

— Господи, да что тут глядеть-то?! — всплеснула руками Галина, — попробовать, и всех дел!

— Точно, — согласился Вепрев, и, вытащив из кармана Бусыгинский ключ, попытался вставить его в скважину. Ржавая Бусыгинская самоделка удивительно легко вошла в дыру, словно под нее и была некогда кое-как выточена ржавым же напильником. Но компанию ждало разочарование — ровно ничего не произошло.

— Теперь надо его повернуть, что ли, — неуверенно предположила Маша.

— А то! — самоуверенно ответил экс-математик, и попробовал повернуть ключ против часовой стрелки, как он привык делать, отпирая двери. Замок, однако ж, не поддавался.

— А ты попогубуй наобогот! — внезапно предложил животновод Семенов, — иногда замки специально так делают, ну, типа, от вогов...

— Щас, — буркнул математик и попробовал покрутить ключ по часовой стрелке. К его вящему изумлению, ключ удивительно легко повернулся, словно в отличном замке германского производства. Тотчас раздался легкий гул, и спираль пандуса слегка повернулась в обратную сторону, ровно настолько, что один ее виток исчез. Все чуть не попадали, но удержались.

— Ой, — взвизгнула Машка, хватая Вепрева за рукав. — Че это, Саш?

— Не знаю, мать, — озадаченно протянул экс-математик, — мейби, эта хрень типа заводной пружины? Ну, типа часов пружинных?

— А что это такое? — тупо спросила Машка — ну, часы пружинные?

— Это, мать, которые без батарейки тикают, — снисходительно просветил Вепрев подругу, затем встряхнул головой, и решительно заявил: — А, да ладно!

И отважный математик принялся крутить ключ по часовой стрелке, отнюдь не задумываясь о последствиях. При каждом обороте ключа очередной виток пандуса исчезал, словно виток заводной пружины в часовом моторе. В итоге через пару десятков оборотов все витки исчезли, и компания оказалась на плоской крыше исходной шайбы. Крыша была абсолютно ровной и плоской, только в самом центре осталась дырка скважины, из которой торчал Бусыгинский ключ. Над головой по-прежнему висел яркий светильник.

— И что дальше? — спросила Галина, — вроде все, завел машинку! Где пиво-то?

— Мда.... - протянул Вепрев, — задачка! Ну, да ладно...

И Вепрев попытался вытащить ключ. Сделать это удалось без малейшего труда. Но! НО!! Но!!!! Едва Вепрев вытащил ржавый бусыгинский Инструмент Управления Вселенной из скважины, все окружающее пространство полыхнуло ослепительно белым светом, и на несколько секунд коллектив совершенно ослеп. Когда же зрение к ним вернулось, они обнаружили себя сидящими за самым уютным угловым столиком в заведении тети Нади. Столик был плотно уставлен запотевшими бокалами пива с пышными шапками пены, в центре же громоздилась гора астраханской рыбы тараньки. Рядом стоял ящик с запотевшими бутылками пива Балтика.

И все бы было просто замечательно, если бы не одна единственная ужасная подробность окружающей обстановки: все вокруг — и алкота, толпящаяся у стойки, и прочая публика, и сама тетя Надя, — ну, словом все, все, все — было совершенно неподвижно, словно в застывшем кинокадре!

Первым опомнился Вепрев:

— Ну, это не беда, можно поправить! — самоуверенно заявил экс-математик, — надо только Жидкое Время слить.

— Ку-ку-ку-да слить? — заикаясь, спросила Галина.

— В Исток! — опередил всех с ответом старикашка Бусыгин, — через Фильтр пропустить и — туда.

— А как его найти, Исток то этот? — с тоской спросила Машка, которой до смерти надоело таскаться по темным и грязным пещерам Загробного Мира.

— Да, гогубчик, хотелось бы побольше конкгетики! — прогундосил доцэнт-животновод. — где его найти, исток этот ваш?

Вместо ответа Бусыгин взял кружку с пивом и жадно высосал ее до дна. Его примеру последовала остальная компания и на душе у коллектива слегка захорошело.

— Эх, и жить хорошо, и жизнь хороша, когда пивом залита душа! — процитировал старикашка классика. — А Исток в Нуль-материи начинается, — сообщил он, — нам проще всего сначала зайти в Адскую Долину, а там и до истока доберемся, он там с краю.

— Че за Нуль-материя? — полюбопытствовал Вепрев.

— Это, Санек, мутное место, — конфиденциальным тоном сообщил гений-изобретатель, — это материя, ваще не имеющая свойств.

— Это как это? — спросила Машка, — и вообще, мне пива хочется!

И нахальная девица взяла следующий бокал с пивом и одним махом выпила половину. Остальные последовали ее примеру, а затем старикашка Бусыгин пустился в объяснения.

— Нуль-материя, молодые люди, это область пространства, в которой неравенство Гейзенберга превращается в равенство. Отсюда следует, что волновая функция частицы в этом пространстве описывается кривой Гаусса и занимает всего одну клетку в фазовом пространстве. А это само собой означает, что нулевая материя — это предельно упорядоченная материя, не имеющая вообще никаких свойств. Например, ее теплоемкость бесконечна, а все расстояния равны нулю. Так вот, в этом пространстве нуль-материи имеется огромная полость, в которую и помещены все имеющиеся во вселенной материальные тела. Они и образовались-то в результате эксперимента Кодеров — они на внутренней поверхности этой полости атомную бомбу грохнули.

— А кто они — Кодеры? — спросил Вепрев, — ну, как они выглядят?

— Неизвестно, Санек, — до этого я еще не добрался, — развел руками старикашка, — они типа Супербогов, все от них пошло. А Исток этот — как раз то место, где бомба рванула.

— Ладно, — решительно сказал Вепрев, — допиваем, и пошли в этот самый Исток. Только сначала в твою конуру зайдем, я там Сосуд Бездонный оставил.

Компания молча посидела за столом еще с полчаса, переваривая услышанное, затем все молча допили остатки пива и двинулись на выход из шалмана. Ящик пива так и остался стоять у столика в подарок тете Наде.

На улице старикашка сразу повел компанию на соседнюю улицу и возле ржавого канализационного люка в глухом закоулке остановился. Все огляделись. Было до ужаса необычно видеть улицу, заполненную неподвижными фигурами людей и машин. Вепрев покрутил головой и спросил старикашку:

— Теперь куда, папаша?

— А вот сюда и полезайте, — старикашка указал на люк, — помогите-ка мне, ученые!

С помощью Вепрева и Семенова люк был благополучно отодвинут, и путники безропотно спустились в полутемный тоннель, густо провонявший крысами и дерьмом, Машку и Галину аж заколдобило.

— Пошли за мной, — приказал старикашка, и вся компания послушно зашагала за Бусыгиным в вонючую тьму фекальной клоаки.

К счастью, идти пришлось недолго — всего с десятков метров, когда в тоннеле справа показалось узкое ответвление. Старикашка мигом скрылся в нем и щелкнул выключателем. Над головами загорелась тусклая лампочка, и стало относительно светло. Тотчас из узкого рукава с пронзительным писком бросилась врассыпную крысиная стая.

— Ну, вот он, мой портал, — с гордостью заявил Бусыгин, указывая на узкий лаз в конце туннеля, ведущий неведомо куда, но точно не в райские кущи. Старикашка сунул руку в лаз и, немного повозившись, повернул какой-то рычаг. Что-то явственно громынуло, и на месте лаза появился переливающийся всеми цветами радуги портал, ведущий в Загробный Мир.

— Полезайте за мной, тут недалече, — предложил он коллективу и первым залез в дыру портала. За ним последовал Вепрев, потом Машка, а парочка животрупов замыкала процессию. Лаз и в самом деле оказался порталом — сразу же за мерцающей границей он вывел компанию в небольшую комнату, освещенную какими-то гнилушками, густо покрывающими стены. На противоположной стене торчала ржавая железная дверь.

Не говоря ни слова старикашка подошел к двери, широко распахнул ее и приглашающе махнул рукой:

— За мной, Золотая Рота! — и смело двинулся вперед по тускло освещенному проходу. Через несколько шагов он вывел коллектив в широкий тоннель, по которому все вернулись в давешнюю пещеру, в которую они недавно попали из логова Бусыгина.

— Ну, а теперь, молодые люди, подождите меня тут, — предложил старикашка, — а я разведу че там да как.

С этими словами старикашка ловко, как таракан, залез в темный лаз и вскоре его зад с заштопанной дырой на штанах скрылся во тьме. Путешественники опасливо озирались по сторонам, памятуя о недавней встрече с крысоидами в этой же пещере. Но сейчас все было тихо.

— Наверно, крыски на обеденном перерыве, — сострила Галина, — закусывают!

— Интегесно, кем? — сварливо заметил доцент-животновод, — может, они людишек вогуют, как моголки Уэллса?

— А что, вполне! — согласился Вепрев, — портал то — вон он, за углом!

— Ужас! — пробормотала Машка, — выходит, они в Питере человечинной промышляют?

Вепрев уже открыл было рот, чтобы сказать что-либо остроумное, но в этот момент из лаза донесся голос старикашки:

— Залезайте, все нормально.

Коллектив дружно, по очереди, влез в нору и после недолгого, хотя и неприятного путешествия ползком по грязному тоннелю, все вылезли из-под кровати в вонючей хованке Бусыгина. Сам Бусыгин уже сидел за столом и, по обыкновению, причащался портвешком 777 из стоящей тут же бутылки.

— Заходите, гости дорогие, — радушно приветствовал старикашка попутчиков, — садитесь, угощайтесь!

Путешественники расселись за столом, и дружно накатили по стакану портвешка. Казалось, все плавно катится к новому банкету, но Вепрев, как всегда, проявил твердую целеустремлённость:

— Так, папаша, поясняй, где дорога к Истоку этому гребаному?

— Эхе-хе, молодежь! Все не терпится! — посетовал старикашка, но все же поднялся из-за стола и подошел к одежному шкафу с зеркалом. Там, ни слова не говоря, он распахнул дверцу шкафа, но вместо вешалок с одеждой там открылась какая-то огромная пещера, сплошь уставленная странными машинами, судя по всему — пыточным станкам. Там были испанские сапоги, дыбы, железные люди и прочая хрень из арсенала инквизиторов. Возле каждого такого орудия истязания стояла парочка крысоящеров, вперившись красными глазами в нежданных гостей. Освещение давали столбы с электрическими лампочками, стоящие возле пыточных станков. От всего этого места остро воняло свежевypущенными кишками и испражнениями, и отовсюду неслись дикие вопли терзаемых людей, испытывающих запредельную боль.

— Добро пожаловать в Ад, дамы и господа, — провозгласил старикашка с неприятной ухмылкой, — только ничего не трогайте!

— А че это за место такое? — настороженно спросил Вепрев.

— Это Ад, Санек, — пожал плечами старикашка, — а комната моя — сторожевая кандейка к Аду. Я у них в охране состою.

— Ну, ты силен, папаша, — покрутил головой Вепрев, — ладно, народ, пошли в Ад.

И путники, настороженно оглядываясь, зашли по одному в бусыгинский шкаф. Тотчас дверца сама собой захлопнулась, и все увидели на ее оборотной стороне надпись: «Оставь надежду навсегда».

Однако долго задерживаться не пришлось, — старикашка призывно махнул рукой в сторону обширной сумрачной долины, раскинувшейся перед нежданными гостями. Долина была сплошь заставлена разнообразными пыточными станками. Некоторые из них простаивали, но большая часть активно использовалась, и от душераздирающих воплей терзаемых грешников закладывало уши. Крысоящеры, используя свои станки, заживо пилили людей вдоль и поперек, рвали на части, давили прессами, жгли в факелах газовых горелок, раскатывали в блин катками — не перечсть тех зверств, которые практиковались в этом премиллом местечке. Впрочем, все это ничуть не вредило истязуемым — разрезанные, распиленные, раздавленные и сожженные тела мгновенно восстанавливались, достаточно было пыточному станку остановиться на миг перед новым циклом. Вепрев сам видел, как парочка крысоидов вырубил пилораму, на которой только что распилили страдальца вдоль, и принялись менять сточившийся диск. Все это время истязуемый страдалец стоял, мелко подрагивая, упитанным телом, но целый и невредимый.

Справа вдали виднелась величественная мраморная лестница, уводящая в проем в потолке пещеры. У подножия лестницы стояла монументальная арка с надписью золотыми буквами «Райские кущи», охраняемая парочкой крысоящеров в бескозырках с надписью на тульях «Крысгвардия» и вооруженных дубинками. Слева же виднелась грязная шахта, скорее сточный канал, на арке перед которой вкривь и вкось было написано мелком «Добро пожаловать в Ад». Из шахты крысоящеры непрерывным потоком гнали каких-то истошно вопящих людишек, которых немедленно передавали экзекуторам, нетерпеливо

переминающимся в длинной очереди.

А в самом конце обширной долины на фоне бескрайней черной стены Мрака возвышалась высоченная башня, напоминающая водокачку. Башня была сложена из красного кирпича, и на ее верхушке черными буквами было написано «Фильтр».

— Вон, в ту башню нам и надо, — сказал старикашка, указывая на водокачку, — туда надо Время слить.

— Пгастите, а как мы дойдем до нее? — сварливо спросил доцэнт-животновод.

— Ножьками, ножьками, — сострил Вепрев.

— Ну да, но эти крыски нас не пропустят! — слабо вякнула Галина, — сожрут!

— Слышь, Вепрев, а ведь Галя права! — встряла Машка, — вдруг они и нас пилить начнут? Ужас!

— Мммндааа... — протянул Вепрев, — в самделе... — начал было он, но неожиданно экс-математику пришла в голову очередная гениальная мысль:

— Слышь, Владимирыч, — обратился он к старикашке, — а откуда сюда электричество идет?

Задумчиво почесав задницу и не оборачиваясь, Бусыгин равнодушно ответил:

— Дык там рубильник есть, поверни — все сдохнет.

— А где, где он, ну, рубильник-то этот?

— А вон в той щитовой, — Бусыгин указал Вепреву неказистую будку невдалеке, вкривь и вкось сколоченную из горбылей, из которой во все стороны торчали провода, и доносилось низкое гудение мощного трансформатора.

— А ну, пошли туда, — распорядился экс-математик, и сам поразился командному металлу в голосе.

Компания безропотно подошла к будке, хрустя черепами, густо устилающими пол, и, подойдя вплотную, все остановились, разглядывая это деревянное убожество.

— Ты че задумал-то, Санек? — спросил Бусыгин Вепрева, — ежели хошь все это дело пресечь, — старикашка мотнул башкой на окрестности, наполненные страдальческими воплями, — так оно того не стоит, не нашего ума это дело.

— Нашего, не нашего! — грубо передразнил Бусыгина математик Вепрев, — а как нам через эту хрень прорваться? Загрызут, уёбки хуевы! Забыл, как они твоей башкой в футбол играли?

— А чо ты хошь сделать-то? — спросила Машка.

— Увидите! — зловещим голосом сказал Вепрев, входя в незапертую будку. В ней он увидел здоровенный трансформатор фирмы Сименс выпуска 1920 года, сильно нагревшийся и гудящий от натуги. На трухлявой стенке торчал огромный ржавый рубильник, кое-как привинченный парой шурупов. Вепрев, недолго думая, подошел к рубильнику, и рванул ручку на себя. Раздался скрежет ржавого металла, сверкнула искра и на пол посыпались хлопья окисла. Моментально грохот и рев пыточных станков снаружи стих, и наступила относительная тишина, только где-то еще слышались вопли страдальцев, видимо, не успевших свариться в котлах с кипящим маслом или сгореть в газовом пламени.

Выйдя из будки, Вепрев увидел странную картину: все обитатели Ада, и крысоиды и люди, числом немереным, молча стояли, уставившись на него немигающими глазами. И тут Шурика прорвало, как будто мощная океанская волна с неодолимой силой плавно приподняла его и понесла в сияющие дали. Не говоря ни слова, Вепрев вскарабкался на трансформаторную будку, и заблажил завывающим голосом, подражая речи Патлатого в

кабаке у тети Нади:

— Слушайте меня, люди и прислужники Адовы! Истинно, истинно базарю вам, аз есмь Господь Бог ваш истинный, предвечный! И вот, сейчас я пришел к вам, и даю я вам заповедь новую, конкретную, доскональную: да будут отныне грешники праведниками, и да судят они судей своих тою же мерою, какой судимы были! Око за око! Зуб за зуб!

Проорав эту хрень, Вепрев облизнул губы и крикнул вниз:

— Эй, доцэнт! Включай рубило!

Семенов стремглав метнулся в будку, и вскоре из нее донесся глухой стук. Моторы на пыточных станках снова приглашающе взревели, словно ожидая очередных жертв, а по толпе крысоидов и людей пронесся оглушительный стон. Затем все принялись вопить, о чем-то спорить, размахивая руками и потрясая кулаками. Одни только крысоиды молча топтались на месте, словно не в силах переварить поносные слова ересиарха Вепрева.

Вдруг из толпы новоприбывших страдальцев выкатился жирненький и плюгавенький человечешка в бородке клинышком и пенсне на носу, взобрался на высоченный пресс для раздавливания гениталий грешников и принялся вещать истошным картавым голосом, размахивая длинными, тщательно завитыми пейсиками:

— Бгатья стгядальцы! Да будет суд ваш пгяведным, по слову Божию, котогый заповедал: око за око, зуб за зуб! Мочи этих угодов хвостатых конкгетно, чем и они нас!

Тотчас в Аду началось великое смятение: людишки, которых ранее истязали крысоиды, скрутили в бараний рог своих мучителей и принялись испытывать на них работу могучих пыточных агрегатов. Тотчас воздух наполнился пронзительным визгом крысоящеров, быстро истребляемых мощными механизмами. Однако теперь, поскольку на крысоидов не было наложено проклятие Папика, их тела не восстанавливались, и они так и оставались валяться на грязном полу в жирных лужах черной кровищи.

Тем временем пейсатенький мужичек, подбивший убогий народец на бунт, украдкой пробрался к райской лестнице и, нервно повизгивая, торопливо поскакал вверх, придерживая полы лапсердака и прыгая сразу через три ступени. Вскоре он скрылся в дыре, в которую вводила лестница.

Побоище же в Аду закончилось минут через десять: все крысоиды были истреблены начисто, и толпа бывших грешников, сбившись в плотную стаю вокруг будки, на которой все еще монументом возвышался Вепрев, внезапно пала ниц и принялась, завывая, восславлять дворника-математика:

— Ом мани падме хуммм!... Господи помилуй, господи помилуй... Аллах Акбар!...

Новоявленный Великий Бог Вепрев милостиво махнул рукой:

— Хуй с вами, милую! Канайте в рай, пацаны, там раскумаритесь! Дорогу-то кто-то знает?

Из толпы вывалился солидный мужичок с большим пузом:

— Я знаю, Божественный, живал я там, покуда не пал невинной жертвою превратностей судьбы!

— Во, давай, канай, папаша, веди массы — распорядился Вепрев, затем спрыгнул с будки и спросил компанию:

— Ну как? Эффектно?

— Ой, Саша, да ты просто прирожденный лохотронщик! — восхищенно воскликнула Машка, старикашка же Бусыгин только пожал плечами, а Семенов с Галиной смотрели на Вепрева с испугом в глазах.

Тем временем гигантская толпа бывших страдальцев с ревом сотен тысяч глоток неудержимой лавиной понеслась к лестнице в Райские кущи и принялась взбираться по ней, топча и сшибая с ног всех, кто мешал. Адская долина пустела прямо на глазах — вскоре в ней остались только ревущие вхолостую пыточные машины и новоявленный самозванный божок Вепрев со товарищи.

— Вот теперь можно и к Фильтру, — заявил Шурик и первым двинулся в путь. Компания последовала за ним, с почтительной опаской поглядывая на экс-математика.

Идти пришлось довольно долго, пробираясь по еле заметным тропкам, протоптанным между пыточными агрегатами. Под ногами хрустели черепа грешников, скопившиеся за столетия. От нечего делать Вепрев на ходу рассматривал страшные карательные машины, иногда поражаясь извращенности и изобретательности их конструкторов. Более всего Вепрева восхитило одно из устройств, напоминающее огромный штопор, который, судя по всему, ввинчивался в задний проход жертвы. В ней и сейчас раком стояла туша все еще живого крысоида, навинченного на штопор, который громко верещал и сучил конечностями. Вепрев, походя, дернул за ранее примеченный рычаг, и штопор с диким скрежетом отъехал назад, выдрав потроха крысоящера.

— Акт гуманизма! — заявил он компании, и громко заржал от хохота.

Еще через сотню метров внимание новоявленного божества привлекла машина, похожая на огромную шашлычницу, в которой крутились уже подгоревшие крысоиды, насаженные на шампуры. От машины мерзко воняло горелым мясом и дерьмом, и Вепрев предпочел, не задерживаясь, торопливо прошагать мимо.

Наконец, далекая в начале водокачка, постепенно выросла в колоссальную башню, сложенную из красных кирпичей, кое-где вывалившихся, но все еще внушающую почтение своими размерами. Внизу водокачки виднелась небольшая железная дверь, а с противоположной стороны торчала толстенная труба, из которой в мутный ручеек изливалась тонкая струйка слегка опалесцирующей жидкости, вроде той, что Вепрев видел в пещере под Эрдрумом. Но самым поразительным была черная стена мрака, тянущаяся во все стороны, сколько было видно. В том месте, где она близко подходила к Водокачке, виднелась огромная рваная дыра, слабо светящаяся по краям. Из дыры истекал небольшой ручеек, на берегу которого уныло лежал вместительный катер, зачем то привязанный к кольшку на берегу. На противоположной стороне ручейка стоял столб, с которого торчали два толстенных кабеля, утыкающиеся в черную стену. Все это место навевало благоговейный ужас перед мощью неведомых сил, сотворивших этот мир.

— Ну, ладно, налюбовались! — сказал Вепрев, вдоволь насмотревшись на пейзаж, — я пойду, по-быстрому солью Время, а вы подождите.

И доблестный математик, взяв двумя руками Бездонный Сосуд, пинком отворил железную дверь и принялся подниматься по крутой винтовой лестнице. Верная подруга Машка вскрикнула: «Ой, Саш, и я с тобой!» и бегом последовала за ним, тревожась за приятеля, на что Вепрев просто не обратил внимания. Для бывалых путешественников подъем оказался пустяковым — уже через пяток минут они вышли в обширное помещение вверх водокачки. В центре его находилась воронка диаметром метров в пять, в устье которой торчала зубастая пасть какой-то ужасной зверюги. Над воронкой клубился опалесцирующий пар, который, конденсируясь, стекал в пасть, которая жадно глотала эту гадость.

— Видать, это и есть фильтр, — с сомнением в голосе пробормотал Вепрев, — ты как,

мать?

— Да, наверное, — равнодушно согласилась Маша, — а ты плесни в нее малость, посмотрим, чо будет»

— Точно! — согласился Вепрев, — опыт — царица доказательств!

С этими словами, недолго думая, Вепрев плеснул в воронку вонючую жижу из Бездонного Сосуда. Стекая по стенкам воронки, она достигла жаждущей пасти в центре фильтра. Тотчас раздался утробный рев и тварь жадно, с хлюпаньем, засосала эту дрянь. Закончив, зверюга высунула голову из воронки и уставилась на сладкую парочку парой немигающих глаз размером с блюдечко. Осмотрев молодых людей, голова удовлетворенно кивнула, и из огромной зубастой пасти послышался хрип, в котором можно было с трудом разобрать:

— Еще! — и тварь снова опустилась в воронку.

Вепрев, которому уже до печенок надоело таскать тяжеленный Бездонный Сосуд, наклонился над фильтром и, перевернув Сосуд горлышком вниз, принялся сливать Жидкое Время. Пасть принялась захлеб заглатывать эту дрянь, мерзопакостно воняющую испражнениями, и вскоре снизу башни послышался шум, как от мощного водопада.

— Маша, глянь, че там шумит, — попросил Вепрев подругу. Машка подошла к узкому окошку и выглянула наружу. Там виднелись три крошечные фигурки Бусыгина и Галины с Семеновым, смотрящие куда-то на заднюю сторону водокачки и оживленно жестикулирующие. Маша подошла к окошку напротив и увидела, что из ржавой трубы внизу башни мощной струей истекает прозрачная, слегка опалесцирующая жидкость, которая вливалась в ручеек, превратившийся уже в самую настоящую реку. Неподалеку на волнах покачивался катерок.

— Время пошло, Саша, — улыбаясь, сообщила Маша приятелю, — у тебя руки не устали? Давай я подержу!

— Да ну, че тут стоять столбом, — отказался Вепрев, — мы щас оптимизируем процесс!

С этими словами Вепрев широко размахнулся и швырнул Бездонный Сосуд прямо в пасть чудищу, которое его мигом заглотило и принялось жадно сосать как леденец. Вепрев и Маша прикинули к окнам и принялись наблюдать за последствиями. На их глазах поток жидкости внизу усилился до того, что река начала выходить из берегов, подступая к Водокачке.

— Щас поплывем, — буркнул Вепрев, — видать, в сосуде этом в самом деле все время упаковано было!

— Это что, ты посмотри, что там делается! — откликнулась Машка, указывая пальчиком на место, откуда они вошли в Адскую долину.

Действительно, посмотреть было на что. Из входа в Ад начала густо валить огромная толпа новоприбывших лохов, а вниз по Райской лестнице плотной стеной спускались Крысгвардейцы, гнавшие перед собой гигантскую толпу удравших от расправы грешников. На головах этих крысоящеров красовались форменные морские бескозырки с золотой надписью «Крысгвардия». За гвардейцами плотной толпой спускались крысоящеры-эксекюторы, идущие на замену истребленным собратьям. Согнавши всех лошар в Адскую долину, крысоящеры принялись хватать людишек и бегом растаскивать их по работающим вхолостую карательным машинам. Тотчас по всему аду возобновился утробный рев и вой страдальцев, и жизнь в Адской Долине потекла своим чередом.

— Да уж, от кармы не уйдешь! — философски прокомментировал Вепрев

происходящее, и крикнул вниз Бусыгину и парочке животрупов, отступивших от прибывающей жидкости к самой башне:

— Эй, вы там! Подымайтесь! Утонете!

Те не замедлили воспользоваться приглашением и вскоре присоединились к Вепреву и Машке. Войдя в фильтровальную, новоприбывшие быстро огляделись, и доцент-животновод деловито спросил:

— И что дальше?

— Ждем-с! — коротко ответил Вепрев, — пусть вода сойдет, тогда и решим, че делать!

Все расселись, и, привалившись к стенкам, с наслаждением вытянули натруженные ноги.

— Господа! — внезапно предложил старикашка Бусыгин, — не пора ли нам накатить и закусить? Кто «за»?

«За» оказались все, и, достав из мешков бутылки московской и банки бычков, оголодавшая компания стала жадно наверстывать упущенное.

— За сбычу мечт! — провозгласил Вепрев, подняв откупоренную поллитру, и, чокнувшись с коллективом, мигом, не переводя дыхания, отсосал из нее мало не половину. Прочие последовали примеру вожака и все принялись закусывать бычками в томате, легко вскрывая банки с помощью ногтей. Видимо, близость Ада не прошла бесследно, и путники медленно, но верно начали превращаться в демонов. Первым на это обратил внимание Семенов:

— Господа! Да мы же нынче уже в кгысоидов начали пгевгащаться!

Все посмотрели друг на друга. В самом деле, у всех уши заметно удлинились, а на пальцах выросли острые и прочные как сталь коготки.

— Этак, скоро и хвосты отрастут, — с испугом сказала Маша.

— И черным волосом покроемся, — добавила Галина, — бррррр.... какая гадость!

— Не ссыте, юноши, это пройдет! — успокоил разволнованный коллектив старикашка Бусыгин, — вон у Маши Фиал Вечности есть, хлебнёте по глотку — как рукой снимет!

— Ладно, за это — еще по одной, — провозгласил Вепрев, — вперед!

Коллектив допил то, что еще оставалось в бутылках, и все стали молча прислушиваться к своим ощущениям. Нельзя сказать, что они были неприятны — напротив, все чувствовали прилив сил и бодрости, исчезли все ссадины, ушибы и прочие последствия скитания по Загробному Миру.

— Господа! — вдруг воскликнул доцент-животновод, сняв очки и разглядывая окружающую обстановку, — да у меня близюкость пгошла! С детства была, а сейчас — нет!

— Мда.... чудеса! — протянул Вепрев, не зная, что сказать, — ладно, посмотрим, че там и как.

С этими словами он поднялся и прошел к окну. Наводнение уже закончилось, Жидкое Время опало, и под водокачкой текла ровная спокойная река. Тут же Вепреву снова пришла в голову гениальная мысль:

— А чего бы нам не сплавиться вниз по реке, а? Глядишь, там и выход найдем в Питер!

— А на чем сплавимся? — лениво спросил Семенов, — ну, из чего плот-то делать будем?

— На хуй плот! — отверг сомнения Вепрев, — там катерок торчит без дела. Так мы его сейчас приватизируем.

Все приподнялись и лениво выглянули в окна. В самом деле, на берегу реки,

покачиваясь на волнах, стоял вместительный катер с приглашающе распахнутыми дверями.

— Точно! — взвизгнула Машка, — Ты гений, Саша! Поехали!

И взбалмошная подруга Вепрева первая начала спускаться вниз, стремясь поскорее покинуть вонючую комнатку. Остальные не спеша последовали за ней, осторожно ступая по высоким крутым ступеням. Собравшись внизу, люди сбились в плотную кучку и дружно зашагали к катеру. Вскоре стало возможно разглядеть, что судёнышко носит гордое имя Лихой, и на корме у него торчит унылая тупая морда какой-то твари, не то сторожа не то механика.

Подойдя поближе, Вепрев вышел к берегу реки и, сложив руки рупором, громко крикнул в сторону катера:

— Эй, ты, как там тебя! Ехай сюда!

Тварь на корме покорно кивнула, тотчас катерок плавно и бесшумно подплыл к берегу и выбросил трап для пассажиров.

— За мной, — непререкаемым тоном рявкнул экс-математик, и первым взобрался на борт. Затем, обернувшись, помог взобраться Машке и Галине, а доценту-животноводу предоставил возможность искупаться в реке, после чего выволок его на борт за шкуру.

— Слышь, Санек! — внезапно прорезался до того притихший гений-изобретатель, — а давай-ка на тот берег переедем, я вам покажу кое-что.

— А что именно? — недовольно спросил Вепрев.

— Ты вон ту стену видишь? — старикашка ткнул пальцем в черную стену нуль-материи, почти вплотную примыкавшую к противоположному берегу, — давай туда подойдем, я вам фокусы покажу.

— Ну, ладно, — неохотно согласился экс-математик, — эй, ты, как там тебя, — крикнул он морде на корме, — давай на тот берег, живвва!

Морда кивнула, и, мгновенно убрав трап, плавно переехала на другую сторону Реки Времени. Там она снова выбросила трап на берег и замерла в тупом ожидании новой команды. Путешественники боязливо спустились на берег и гурьбой подошли вплотную к черной стене нуль-материи. Зрелище было обалденное — бескрайняя черная плоскость без единого изъяна, только в той точке, где она примыкала к Водокачке-Фильтру, виднелся огромный кратер, метров в сто диаметром, из которого через дыру в ручеек под водокачкой вливалась струйка черной жидкости. Рядом с путниками торчал деревянный столб, из которого вглубь Нуль-Материи уходили два толстенных железных штыря, а на противоположном берегу Реки Времени стоял другой столб, к которому от штырей отходили провода. Далее виднелась длинная вереница столбов линии электропередачи, ведущих к трансформаторной будке, питающей Адскую Долину.

— Саш, а помнишь, мы прыгали в какой-то туман во дворике? — спросила Машка, — тоже вроде этого, только серый.

Вепрев только неопределенно пожал плечами, и вместо него ответил Бусыгин:

— То, внученька, было нуль-пространство, то есть пространство без измерений. А это — трехмерная нуль-материя, классная вещь!

— И че в ней классного? — с сомнением спросила Машка, — одна чернота тупая!

— А вон, видишь штыри на столбе? — спросил он Машку.

— Ага, — равнодушно ответила девица.

— Вот от них весь Ад электричеством задарма снабжается!

— Ну и что? — пожал плечами Машка, — мне оно надо?

— А вот погоди! Дай-ка мне какую-нибудь вещь, любую.

Машка порылась в карманчике юбчонки и протянула старикашке бриллиант, выколупнутый из двери в зал Педрило. Старикашка взял камушек в левую руку, и вдруг сунул ее в черную стену. Тотчас же его рука высунулась рядом, по-прежнему держа камушек в грязных пальцах. Бусыгин правой рукой осторожно взял камушек из руки, и тут же вынул ее из стены нуль-материи. Все разом ахнули: в руке по-прежнему сверкал Машкин бриллиант!

— Видала, Маша? — ласково сказал дедуленька, протягивая Машке обе руки, в каждой из которых держал по брюлику, — удвоились твои капиталы!

Машка взяла оба камушка и сравнила. Различий не было никаких, хоть сколько верти в руках.

— Вот это круть! — восторженно заявила Машка, — а мне можно так?

— А че, давай, — согласился Бусыгин.

Стараясь не дышать, Машка подошла к черной стене и, взяв в левую руку оба камушка, сунула ее в стену. Тотчас рядом с алчной девицей высунулась ее же рука с двумя брюликами. Машка торопливо схватила оба красивых камушка, убрала руку, и тотчас высунула ее снова. В ее руке опять были два брюлика. Так она повторила раз пять, пока не сотворила целую горсть ослепительно прекрасных бриллиантов. Радостно хихикнув, алчная девица сунула сокровище в мешок, потом чмокнула старикашку в небритую щеку и сказала:

— Спасибо, дедуленька! Теперь у меня мне по гроб жизни бабла будет немерено!

— А что еще размножить можно? — заинтересованно спросил Вепрев, — вот, если водки бутылку так сунуть?

— Будет у тебя Санек две бутылки, — доброжелательно ответил Бусыгин.

Вепрев попробовал. Дедок не обманул: в итоге экс-математик стал обладателем двух совершенно одинаковых бутылок Московской Особой водки фабрики Кристалл.

— А ежели коговку туда загнать, а потом за гога вытащить? — с любопытством спросил доцент-животновод.

— Ну, будут у тебя две коровки, — ухмыльнулся старикашка, — молочка попьешь вволю!

— А если человека? — внезапно спросила Галина.

— А вот это не советую! — быстро ответил старикашка, — не надо этого делать. Не надо. Зачем тебе, Галочка, пара двойников? Одно мучение.

Путешественники постояли еще несколько минут, переваривая услышанное, когда Вепреву, как всегда, пришла в голову блистательная идея:

— А что бы нам припасов не наделать в путь-дорожку? — спросил Шурик у коллектива, — хуй его знает, сколько плыть придется!

Все согласились и тут же принялись размножать бутылки водки и банки бычков в томате, купленные давеча у Ахмета в райском предбаннике. Получившуюся огромную кучу размноженной жратвы и бухла они стащили в катерок и аккуратно разложили по полкам в небольшой каютке.

— Ну, теперь, можно и отчаливать! — заявил Вепрев, когда в каюте не осталось свободного места, — как там в песне: с якоря сниматься, по местам стоять!

Веселая компания вошла на борт, и тут же Вепрев повелительно скомандовал паровой твари:

— Эй, ты, как там тебя! Полный вперед!

Катер тотчас плавно двинулся вниз по реке. Путешественники сгрудились у борта и

принялись любоваться разнообразными картинками зверских пыток адовых страдальцев, мимо которых они проплывали. Особый интерес Вепрева привлек штопорный станок-кишкодер, на котором в этот момент карали жирненького молодчика, подбившего народ на бунт. На глазах погогатывающего от восторга математика в задницу молодчика, стоящего в позе раком и исходящего истошным воем, мощным мотором-редуктором вкручивался огромный ржавый железный штопор. Дойдя до дыхалки, штопор с визгом и скрежетом отъехал назад на салазках, выдирая из молодчика все его заросшие жиром потроха. Визг страдальца мгновенно стих, и молодчик, малость подергавшись в конвульсиях, опал на землю грудой костей. Тотчас же в зажимах станка вновь появился жирненький молодчик, все еще истошно орущий от ужаса, и вся процедура начала повторяться заново.

— Сик транзит gloria мунди! — глубокомысленно изрек Вепрев, и, широко зевнув, впери́л взор вперед, пытаясь понять, куда их несет. А несло их неведомо куда — Адская долина была огромна, а Река Времени пересекала ее всю.

Машке же особо приглянулась казнь на изящном станке с надписью «Доминатрикс» на вывеске. Там стояла внушительная дубовая скамейка, к которой был привязан голый мужик, задница которого выпукло приподнималась специальным валиком. Рядом стояла полуголая девица, хлеставшая его со всех сил по заднице ротанговой тростью. Мужик орал благим матом от боли и дергался на скамейке, вращая задом как пропеллером, на что девица не обращала никакого внимания.

— Сащ, я тоже так хочу постегать! — заявила Машка, — очень меня заводит!

— Ишь ты! — поразился Вепрев, — чета я не замечал за тобой таких наклонностей!

— А я нынче полудемоница! — заявила Машка, — мне можно!

— Ладно, — согласился экс-математик, и снова принялся любоваться пейзажами, проплывающими за бортом.

Через несколько часов путники, уставшие хохотать от наблюдения за терзаниями лошар, культурно пожрали, капитально залившись водочкой, а затем повалились спать для освежения организмов.

sss

Вепрев, проснувшийся первым, обнаружил, что катер стоит, уткнувшись в мощные решетчатые ворота, преграждающие дальнейший путь. Ворота были заперты на огромный замок пружинно-нажимного действия и весом, наверное, пуда в два. Справа от врат находилась пристань с будкой, на которой крупными черными буквами было написано: «Королевская Гавань». На берегу, неподалеку от пристани, стоял роскошный дворец, весь отлитый из черного сверкающего металла, и производящий пугающе мрачное впечатление. Его циклопические башни, отделанные драгоценными камнями, создавали впечатление ощеренной акульей пасти, стремящейся поглотить наблюдателя, а высокие стены опоясывал широкий ров, в котором мощным пламенем полыхала какая-то черная жидкость. В сторону реки смотрели литые ворота, украшенные барельефами из адской жизни и богато украшенные драгоценными камнями.

Вепрев слегка встревожился, увидев, что перед воротами стоит огромная масса крысоидов, как будто чего-то ждущих. Впрочем, не они привлекли основное внимание Вепрева, а толпа их собратьев, стоящая на пристани. Едва завидев экс-математика, крысоиды принялись поясно кланяться и что-то смутно выкрикивать вопленными голосами. Ничего не понимая, Вепрев на всякий случай помахал толпе рукой. Крысоиды немедленно радостно взвыли и, бухнувшись с хвостов на колени, принялись, стукаясь лбами об железный

пол пристани, кланяться Шурику.

— Ты теперь Король Ада, Санек, — сказал за спиной экс-математика бесшумно появившийся старикашка Бусыгин, — Соответствуй! Вон твой дворец, — старикашка ткнул пальцем в черный замок на берегу, — а перед ним толпа ходоков. Иди, разбирайся.

— Да ты че, папаша! — удивился Вепрев, — и это че, я могу делать тут все что хошь?

— Ага, — ответил Бусыгин, — только Папика и стоит опасаться, он тут типа императора.

— Ой, Саша, — восхитилась проснувшаяся Машка, — так я согласна Королевой на полставки!

— А вторую половину как заработаешь? — ухмыльнулся Король Ада, — В доминатрикс пойдёшь?

— Ага, — не моргнув глазом заявила наглая девица, — буду за бабки мужиков по жопам плеткой охаживать! Чувствую призвание!

— Ладно, об этом после, — заявил Вепрев, и скомандовал тупой морде на корме:

— Эй, ты там! Причаливай, перетереть надо.

Катер плавно причалил к пристани, и выбросил сходни. Вепрев собрался было сойти на берег, но вдруг обратил внимание на то, что Семенов и Галина так и продолжают спать и даже не дышат, словно мертвые.

— Че эт с ними? — спросил он старикашку, небрежно кивнув на парочку.

— Эхе-хе, — задумчиво изрек старикашка, почесывая задницу, — видать, померли оба, уже окончательно.

— А мы почему не померли? — спросил слегка озадаченный Вепрев.

— Так ведь ты себе и Маше бессмертие возжелал! — равнодушно ответил дедок, — вот и получай!

— Ладно, — задумчиво произнес Вепрев, и бросил взгляд на парочку покойничков. — И эт че, можно их теперь того, за борт аля-улировать?

— Ну да... если они тебе не нужны, конечно... — промямлил старикашка, — а то можно им внутрь влить по глотку из Фиала Вечности, тогда оклемаются.

Вепрев задумался — на кой черт ему эти двое? Теперь у него при дворе будет сколько угодно уродов для развлечения! Но все же за время совместных скитаний он привык к этим странноватым ребятам, и чувствовал, что ему будет их не хватать.

— Ладно, — сказал он, и обратился к подруге, — слышь, Зверева, залей им в пасти, плис, пусть живут. Если не жалко, конечно.

Маша пожала плечами и, вынув из мешка Фиал Вечности, осторожно влила обоим животрупам в рот по чуточке эликсира Богов. Семенов и Галина немедленно открыли глаза и принялись потягиваться.

— И как спалось? — осторожно спросил их Шурик.

— А нормально, — ответила Галина, — мне чудесные сны снились, будто бы я — придворная Короля и танцую менуэт на балу.

— А мне ниче не снилось, одни какие-то гыла, — посетовал Семенов, — аж тошнит!

— Ну, ладно, пошли на берег, — предложил Вепрев и первым сошел по трапу, приветствуемый радостным воем крысоидов. За ним поочередно, гуськом, на берег сошел остальной коллектив.

Ступившего на берег Короля Ада толпа крысоидов приветствовала радостным визгом и прыжками на хвостах. Вепрев мигом успокоил толпу, повелительно подняв руку, и произнес

первую в жизни тронную речь:

— Мои благодарные подданные! Я! Всегда! Да! Но! Я! Никогда! Не позволю! Бунтовать!

Тупым! Лошарам!

Засим Его Величество перевел дух и напутствовал толпу:

— Задача поставлена, цель ясна! За работу, верноподданные! — и Вепрев сделал толпе ручкой.

Восхищенный вой достиг апогея, после чего крысоиды стали быстро разбежаться, чтобы донести радостную весть по всем уголкам Адской Долины, и путники благополучно добрались до величественных врат в Черный Замок. По обе створки ворот, разделяя огромную толпу, стояли стражники — те же лошары, что и на входе в Игольное Ушко, а от Врат до распахнутых дверей в замок была расстелена ковровая дорожка, по обе стороны которой тоже стояла стража. Величаво прошествовав во дворец Вепрев тотчас попал в руки толстопузого крысоида-мажордома, обильно потеющего от служебного рвения.

— Что прикажете, Ваше Величество? — Елейным голосом, униженно кланяясь, спросил мажордом. — Весь дворец к вашим услугам!

— Проводи-ка меня, паря, в Тронный Зал, — потребовал Вепрев, — надо в курсы дел входить!

— Сей момент, Ваше Величество, — раскланялся мажордом, — извольте следовать за мной!

И путники двинулись по бесконечной анфиладе коридоров, отделанных полированным камнем и золотыми барельефами, в завитушках которых таинственно поблескивали искорки драгоценных камней.

Наконец утомительное путешествие закончилось, и мажордом подобострастно распахнул перед повелителем дверь в Тронный Зал. Но едва Вепрев со товарищи вошли в его дышащие мрачным великолепием своды, дверь с громким треском захлопнулась и на Златом Троне нарисовалась фигура Папика, одетого в своеобычный белый балахон, справа от него, на троне поменьше, восседала Богова Мать, а сбоку тупо топтался Патлатый со свежим фингалом под глазом.

— Ну что, Вепрев, никак твой фейс опять распечатался? — ехидно спросил Папик, — может, истребить тебя, чтоб не мельтешил?

— Обидно слышать, — нагло возразил экс-математик, — я вашего пацана на перезагрузку сводил, че еще надо?

— Сводить-то сводил, — заверещала Богова Мать голосом, дрожащим от гнева, — да только че он таким же олухом и остался? Вот, скажем, бриллиантовую подвеску у меня подрезал, и не колется?

— Это вы у Кайфолома спросите, че за фишку он ему всучил, а я не в курсах, — отрекся Вепрев ото всех претензий.

— Некада спрашивать, и так все ясно! — пресек начавшийся торг Папик, — слушай меня, как Бога и не вякай!

С этими словами Папик приосанился, и Вепрев приуныл, словно попавшийся уголовник, приготовившийся выслушать беспощадный приговор строгого судьи.

— Поскольку ты, Вепрев, нынче Король Ада, то вручаю тебе своего отпрыска на перевоспитание!

— Ах, Папик, вечно вы какую-то парашу метете! — капризно заявил Патлатый, — право же, запахло уже!

— Цыц! — строго сказал Папик, — а ты, Вепрев, его своей подружке, как там её... о! Доминатрикс отдай на потеху! Пусть поучит его уму разуму через жопу.

— Ах, какая честь ваше Высокопреосвященство, — сусальным голосом пропела Машка, — да я его прям щас начну воспитывать!

— Не здесь! В общий зал веди, чтоб лучше проняло! — рывкнул Папик, — а ты, Вепрев, оставайся, будешь Ад пасти, да смотри у меня! Чтобы процент исправления давал!

— Ага, — быстро согласился Вепрев, чтобы поскорее отвязаться, — будет процент, чтоб я сдох!

— Во-во, дерзай! — похвалил экс-математика Папик, и с легким хлопком исчез вместе с Божовой Матерью.

Немедленно дверь в Тронный зал сама собой распахнулась, и из нее мигом выкатился мажордом, трепеща от усердия.

— Пожалуйте на трон, ваше Величество! — пропел старый подхалим.

Вепрев величественно взошел на пьедестал и уселся на мягкую подушку, положенную на сиденье золотого трона. Рядом, на трон поменьше, нагло уселась Машка.

— Осмелюсь доложить Вашим Величествам, — проблеял Мажордом, — что ваши министры и верноподданные ждут приема для решения государственных и иных дел.

— Запускай по одному, — повелел Вепрев, — сначала пусть главный экзекутор зайдет.

Мажордом низко поклонился и, допрыгав на хвосте до двери в зал, бархатным голосом возгласил:

— Главного экзекутора сюда!

Тотчас в зал прискакал здоровенный крысоид, держащий в руках черную обугленную кочергу — главный символ Ада.

— Чего изволите, Величайший? — осведомился экзекутор, низко кланяясь.

— Отведи в Адской Долине лучшее рабочее место Верховной Даме-Доминатрикс, — Вепрев указал на Машку, — и пусть ее проводят туда вместе с этим пацаном! — Вепрев указал на Патлатого, уныло топчущегося в уголке.

— Слушаю и повинуюсь, — пропел экзекутор, и, жестом пригласив Машку, направился к выходу. Вслед за ними затрусил Богов Сын, заранее держась за жопу.

— Теперь давай Министра Двора, — велел Вепрев.

— Желание Вашего Величества будет исполнено, — провякал мажордом, и став в дверях громко рывкнул:

— Министра Двора к Величайшему!

Толстопузый Министр Двора мячиком подкатился к подножию трона адского короля.

— Слушаю и повинуюсь, Величайший, — пропел колобок, — что угодно Вашему Величеству?

— Пойди, обустрой этих ребят — указал Вепрев на двух животрупов и старикашку Бусыгина, да пусть в баню, что ли, сходят да одёжку поменяют. Ясно?

— Абсолютно, Ваше Величество, — пропел колобок, — будет исполнено, — и предложил троице:

— Прошу следовать за мною, ваши Высочества, — и покатился прочь из зала. Ошеломленные попутчики Вепрева безропотно последовали за ним.

— Ну, вот теперь делами займемся, — подвел черту Вепрев, — зови Премьера и директора Центробанка.

И жизнь в Адской Долине покатила по издавна заведенным рельсам. Машка с утра

восседала на троне справа от Вепрева, а после роскошного обеда в Царской Трапезной отправлялась в Адскую долину, где привязывала голого Патлатого к дубовой скамейке, заставляла поцеловать толстую березовую розгу и принималась беспощадно пороть его по задранной вверх заднице. Патлатый орал благим матом и грозил всяческими карами, но Машка неумолимо продолжала экзекуцию. Нанеся десяток ударов, она переходила на другую сторону, и пока она обходила карательный станок задница Патлатого полностью заживала. Затем Машка повторяла процесс. Но, сказать по правде, толку от такого воспитания было мало, поскольку задница Патлатого уже давно ороговела до того, что все Машкины усилия сводились на нет.

Галина и Семенов окончательно сошлись и регулярно ночевали вместе, а днем высиживали на приемах сбоку от трона Величайшего на бархатных стульчиках. Старикашка же Бусыгин беспробудно пьянствовал в ликеро-водочных погребах адского короля и нажрал себе внушительную репу на своем любимом блюде — рябчиках в сметане.

sss

Так прошло полгода. Вепрев, да и все его товарищи свыклись с новой жизнью и все реже поминали возвращение в Питер, привыкнув к праздной беззаботности дворцового планктона, к сытной жратве и разнообразным чувственным развлечениям. Но все прекрасное быстро кончается, и как-то однажды в Трапезный Зал, где в это время Вепрев наслаждался лицезрением танцами живота обнаженных одалисок, вкатился Министр Двора, и дрожащим голосом сообщил:

— Войско взбунтовалось! Король, говорят, у нас, — ненастоящий!

С этими словами старый подхалим быстренько ускакал в потайную дверь, спеша укрыться от народного гнева. Вслед за ним в зал хлынула плотная толпа Крысгвардейцев, и начала подползать на брюхах к Трону, шипя и скаля острые зубы.

Недолго думая, Вепрев, предвидевший такой оборот событий, нажал заветную потайную пимпочку и вместе с Галиной и доцентом-животноводом провалился в свой тайный кабинет в ликеро-водочном подвале замка, куда заранее распорядился снести всю адскую кассу. В кабинете имелась потайная дверь, ведущая за стены Черного Замка, и вторая дверь, выходящая в ликеро-водочные погреба Черного Замка. Сейчас она была широко распахнута, и было видно, что возле стоведёрной бочки с коньяком лежит мертвецки пьяный старикашка Бусыгин, широко раскинувший руки и ноги и издававший густопсовый храп.

— Эй, папаша! — окликнул старикашку Вепрев, — вставай проклятьем заклеяменный!

Для большего эффекта экс-математик потыкал носком ботинка ребра гения-изобретателя.

— А, что? — всколыхмятнулся старикашка, — уже вязать пришли?

— Точно, папаша, — ухмыльнулся Вепрев, — у нас войско взбунтовалось!

— Аааа... — вяло протянул дедок, почесывая лобок — нннууу... у них это постоянно, этсаааа..., корольков-то сносят!

— В общем, мы валим, — сообщил Вепрев, — ты с нами, или тут останешься?

— Да с вами я, с вами, — поспешно ответил дедок, — пошли.

И группа беглецов, с трудом отодрав от косяка прикипевшую потайную дверь, выбралась за стены Черного Замка по узкому и душному тоннелю. Семенову пришлось хуже всех, потому что Вепрев заставил его катить огромный сундук с драгоценными камнями, отобранными Машкой именно на такой случай. Вепрев же прихватил только толстенную сумку с пачками ассигнаций с портретом Папика, и не слишком запарился. Сразу на выходе

они увидели Машку, которая в полуголом наряде Верховной Дамы-Доминатрикс стегала Патлатого по голой жопе железным шомполом. Патлатый, видимо, непривычный к этому орудию истязания, орал благим матом и крутил задом как пропеллером.

— Маша, — позвал подругу Шурик, — бросай этого хмыря, у нас мятеж! Мы валить собрались!

— А этого куда? — спросила сообразительная Машка.

— Да брось его нахуй, — сказал было Шурик, но вдруг опомнился. — Хотя нет, ты вот что. Отвяжи его. Пусть он нас к катеру доставит! Доставишь? — обратился он к Патлатому.

В ответ Патлатый только что-то неразборчиво промычал, и для взбодрения Машка стегнула его разок по заднице.

— Да отнесу, отнесу! — заорал Патлатый, — скажи только своей психопатке, чтобы отвязалась!

— Что? Психопатке?! — заорала Верховная Дама-Доминатрикс, — Ах ты дрянь такая! Да я тебя запорю!

И Машка принялась с утроенной силой стегать Патлатого по жопе, а тот опять принялся орать благим матом.

Внезапно со стороны Черного Замка послышался шум и визг крысоидов. Вепрев быстро обернулся и увидел, что из потайного хода выкатилась целая рота крысгвардейцев и бодро поскакала к государственным преступникам на своих толстых черных хвостах, потрясая огромными трезубыми вилами.

— Зверева! — заорал Вепрев, — отвязывай его или нам пиздец!

Сообразительная Машка мигом отстегнула Патлатого и швырнула ему потрепанный бурнус.

— Давай, богов сын, — с командным металлом в голосе рявкнул Вепрев, — Уноси к катеру!

Патлатый привычным жестом сорвал весь окружающий мир как декорацию, и путники оказались на берегу возле Реки Времени возле своего катеришки. Оглядевшись, Вепрев тотчас увидел, что из ворот Черного замка к берегу уже скачет сотня крысгвардейцев, держащих наперевес свои огромные трезубы.

— Все на борт! — заорал Вепрев, — Эй ты, как там тебя! Отчаливаем!

Искушенные путники галопом заскочили на борт плавсредства, утащив за собой сундук с брюликами и Патлатого. Тупая морда на корме, не дожидаясь окрика, быстренько убрала трап и катеришко сноровисто отплыл от берега на недостижимую дистанцию. Наскакавшая толпа крысгвардейцев в бессильной злобе принялась выкрикивать оскорбления в адрес низвергнутого Короля Ада, высоко подпрыгивая на хвостах и потрясая трезубами.

Вепрев показал бунтовщикам средний палец и демонстративно повернулся к товарищам.

— Ну, братва, чо делать будем? — спросил он, — какие предложения?

Однако все молчали, привыкнув за полгода к тупому исполнению повелений Короля Ада.

— Ладно, — сказал Вепрев, — тогда сделаем так. Ты, — он ткнул пальцем в Патлатого, — свяжись со своим Папиком, обрисуй ситуацию.

— Уже обрисовал, — сообщил Патлатый, — обожди говорит, шас некогда, видите ли. Уррод!

— Ладно, — Вепрев повернулся к тупому рылу на корме, — а ты пока вези нас к

воротам.

Катеришко немедленно изменил курс и споро подплыл к воротам, перегородившим Реку Времени, запертыми на огромный пружинно-нажимной замок. Вепрев, недолго думая, вытащил из кармана заветный бусыгинский ключ, сунул в скважину и повернул. С легким щелчком замок открылся, и ворота широко распахнулись течением Реки Времени.

Только сейчас все увидели, что неподалеку от них Река времени уходит куда-то вниз по крутому и узкому тоннелю в высокой черной скале, и их кораблик неудержимо приближается к чернеющему входу, в котором течение пенилось бурным потоком.

— О, ептыть! — выругался Вепрев, — опять хуй знает куда прет!

— Не опять, а в Тартар! — внезапно раздался голос Папика откуда то сверху. Задрав головы, путники увидели, что в широкой и глубокой нише в скале восседает Папик, имеющий зело грозный вид и держащий в руках — кавалерийский стек.

— Осади назад, Вепрев, — повелел Папик, я на ваше корыто сойду.

— Ага, — ответил Шурик, — эй ты, как там тебя, задний ход!

Катеришко сдал назад и замер прямо под Папиком, и он ловко спрыгнул со скалы на палубу.

— Теперь ехай к причалу, — повелел Папик, — будем покарать зло!

Не дожидаясь команды Вепрева, катеришко развернулся на месте, шустро подъехал к пристани и выкинул на причал сходню. Путники, столпившиеся у борта, увидели, что у врат Черного Замка собрался огромный митинг, на который сбежалось тысяч сто крысоящеров, а охрану несла всего сотня крысгвардейцев. На высоком помосте из черепов лошар стоял давешний жирненький молодчик с бородкой клинышком, огромной лысиной и свежими пейсиками, а возле него — огромного крысоящера, который давеча выдирал из него кишки на карательном станке шнекового типа.

— Бгатья кгысоиды! — заливался пейсатый, — сколько можно выносить беспощадную эксплуатацию! Тгебуем от нового Коголя Ада, — пейсатый ткнул пальцем в Кишкодера, — оплаты за наши услуги в газмере тыщи гублей за обогот станка! Ты согласен? — молодчик ткнул пальцем в крысоящера.

— Ага, ага, — торопливо закивало чудище, — со всем согласен, отец родной!

— Молодец! — заявил пейсатый, — а я буду денежки собигать за агенду адских машин! Так?

— Ага, ага, — снова торопливо согласилось чудище, — ты, ты, отец родной.

Вепрев и его спутники, посмеиваясь, смотрели на этот развод лохотни, дивясь доверчивости крысоящеров. Папик грозно сопел, но пока что помалкивал.

— Ой, Саша, а ведь мы у них всю кассу увезли! — спохватилась Верховная Дама-Доминатрикс, — че будет то?

— Да не бойсь, смоемся, — ответил Вепрев, — узнать бы только, что за Тартар, куда эта река течет?

Папик, за спиной которого стояли молодые люди, видимо, все слышал, и ответил Вепреву:

— Тоннель идет в Тартар, дно Ада. — Папик обернулся и тяжелым взглядом проутюжил вытянувшиеся фэйсы путников. — И вы сейчас эту сладкую парочку, — Папик ткнул пальцем на жирненького молодчика и Кишкодера, — туда свезете и с рук на руки Нергалу сдадите!

— Как мы их отвезем-то? — с тоской пробормотал Вепрев, — вона их сколько!

— Не твоя забота, Вепрев, — пресек возражения Папик, тяжелой поступью сходя на берег. Там он, не задерживаясь, протолкался сквозь толпу митингующих крысоидов и вскарабкался на холм из черепов, служивший трибуной ораторам. Наверху, не говоря ни слова, Папик сгреб за шкуру пейсатенького жирненького молодчика, ловко сунул его плешивую голову промеж ног, заголил задницу и принялся полосовать ее своим кавалерийским стеклом.

— А вот тебе оплата за аренду, а вот тебе, а вот тебе, — приговаривал Папик, а молодчик только верещал благим матом, вращая жирной жопкой как пропеллером.

Наконец, когда задница пейсатенького стала напоминать кусок сырого бифштекса, он выпустил его и поволок за шкуру к Вепревскому катеришке. Крысоид-кишкoder поплелся следом сам, не переставая повторять, словно в горячечном бреде:

— Мы пскопские, мы пскопские....

Толпа, оставшаяся без вожаков, быстро разошлась, а Ад снова наполнился воем терзаемой лохотни. Папик же, взойдя на борт с пленниками, коротко бросил Вепреву, «Вперед» и прошествовал в Каюту, где швырнул пленников в нос, затем схватил первую попавшуюся бутылку Московской и выпил ее до дна на одном дыхании. По тому, как затуманился его божественный взор, видно было, что Папику капитально захорошело, но едва он собрался закайфовать, как ему помешал настырный экс-математик.

— А куда ехать то? — спросил Вепрев, сунув голову в каюту.

— Вперед ехай, в дыру эту, — ответил Папик, — куды ж еще!

— Да нас же там разобьет в блин! — взвыл экс-математик, — ты глянь, че там творится! — Вепрев ткнул пальцем на вход в тоннель, где пенился бурный поток.

— Не ссы, — пробормотал Папик, уже засыпая, — ехай давай!

Вепрев пожал плечами и крикнул тупой морде:

— Эй, ты, как там тебя! Вперед!

Тупая Морда вырулил катеришко на самый стрежень Реки Времени, и он с нарастающей скоростью понесся вперед. Среди путников началась легкая паника, но внезапно всех осадил резкий и злой голос Патлатого:

— Без паники! Щас прорвемся!

С этими словами Патлатый вырвал из головы волосок и бросил его в Реку Времени. Бурный поток внезапно замедлился и принялся течь как густая патока. Катеришко легко и плавно заскользил по течению и вскоре нырнул в длиннющий наклонный туннель, по которому Река Времени стекала в Тартар.

Все только ахнули, а Верховная Дама-Доминатрикс завизжала от восторга:

— Вот это американские горки! Круче не бывает!

Галина и Семенов помалкивали, а старикашка Бусыгин, махнув рукой, пошел в каюту, откупорил бутылку водки и осадил ее одним глотком. Затем, немного повозившись, он устроился на куче поллитровок и захрапел, перебивая громоподобный храп Папика.

Так продолжалось с полчаса, когда внезапно над головами путников появился широкий вертикальный ствол шахты, сверху которого виднелось светлое пятно и мелькали какие-то людишки, опрокидывающие вниз тяжеленные тачки с белым порошком. Эта дрянь, попадая на палубу катеришки, немедленно испарялась, оставляя задышливый запах мыльного раствора.

— Эт че за хуйня? — раздраженно спросил Вепрев Патлатого.

— Это Стибр, — равнодушно ответил тот, — времягаситель, усек? Ты его уже видел

перед моим пришествием в Питер, но об этом потом.

— Не усек, — озадаченно сказал Вепрев, — че он гасит-то?

— Ну, Время, Время! — с легким раздражением ответил Патлатый, — пока оно течет по Аду, все дерьмо к нему липнет, вот и чистим, чтоб назад не попадало.

— Ага, ясно, — согласился Вепрев, хотя ничего не понял.

За это время катерок спустился глубоко вниз, мрак в тоннеле сгустился, и стало почти совсем темно, поэтому для путников оказалось неожиданностью когда катерок внезапно вынырнул из туннеля, и, стрелой пролетев под каким-то мостом, снова нырнул в широко распахнутую пасть нового туннеля. Вепрев тотчас припомнил, что в эту пещеру он попал от Эрдрума, когда ходил за стаканом времени для спасения Машки из ментовки.

Наконец, пролетев в почти полной темноте еще с полчаса, катеришко влетел из тоннеля в какую-то обширную полутемную пещеру, и закачался на волнах, упершись носом в новую решетку. Волосок Патлатого уплыл дальше по течению, и поток, вновь ставший бурным, принялся швырять катеришку туда и сюда. В этом мире было сумрачно, задувал холодный ветер, а издалека долетали надрывные выкрики и звуки тяжелых ударов.

— Отпирай решетку, Санек, — внезапно раздался сзади голос старикашки, — глянь, там пристань есть, причалим да осмотримся.

— Ты здесь бывал? — задумчиво спросил Вепрев.

— Не бывал, но ужасы разные слышал, — с тревогой в голосе ответил старикашка.

— Не ссы, Бусыгин, тебе здесь понравится! — внезапно пророкотал голос Папика, вылезавшего из каюты, — Щас перетру кое с кем, и — свободны.

— Ладно, — сказал Вепрев, отпирая замок. Ворота немедленно распахнулись под напором Реки Времени. За ними виднелась пристань с надписью угольком «Тартар» на кривой будке, сложенной из картонных ящиков, а неподалеку на берегу стояли огромные ворота Тории, с которых на цепях свисала здоровенная рельса. Тут же на земле валялась кувалда, очевидно, предназначенная чтобы бить по рельсе. Неподалеку за пристанью над всем миром нависала огромная серая стена клубящегося Ничто.

— Саш, а помнишь, такая же стенка была во дворике после Педрило, — напомнила Вепреву Верховная Дама-Доминатрикс, — мы еще прыгали в нее?

— Как же, помню, — согласился Вепрев, и передернул плечами, — видать, это и есть оно, нуль-пространство.

Вдали, немного в стороне, стоял колоссальный замок, украшенный статуями крылатых жаб и змей, а прямо по курсу тупо мотылялась тачанка, запряженная тройкой крысоидов. В тачанке торчал какой-то плюгавый мужичонка в козьей шкуре, внимательно смотрящий на стену нуль-пространства. В одной руке он держал вожжи, а в другой был здоровенный жезл с набалдашником в форме львиной головы. Справа и слева виднелась длиннющая цепь крысоидов, стоящих наготове с алебардами наперевес.

Внезапно из стены нуль-пространства с оглушительным хлопком высунулась какая-то наглая козлиная морда с рогами. Мужичок тотчас же хлестнул вожжами своих крысоидов, и тачанка мигом подлетела в нарушителя. Там мужичок широко размахнулся своим жезлом и, резко выдохнув «Хок!», метко вдарил козлиную морду промеж рогов. Раздался тяжелый удар, и морда, взвизгнув напоследок, опала на землю, закатив глаза, а мужичок ловко подхватил ее за рога и вытащил наружу. Как оказалось, морда принадлежала какой-то безволосой обезьяноподобной твари с копытами на ногах и длинным, до колен, членом.

— А кто этот, с рогами? — спросил Шурик старикашку Бусыгина.

— А хуй ее знает, я ж говорил, еще тут не бывал, — задумчиво ответил гений-изобретатель.

Внезапно заговорил Патлатый — и это были его первые слова в этом мире:

— Это детеныш кодера, обитателя нуль-пространства! — Патлатый причмокнул, — оччень вкусный, ежели на вертеле зажарить, и с хреном! Да под водочку!

— А этот мужик кто? — любопытствовала Машка.

— Это Великий Бог Нергал, — пренебрежительно ответил Патлатый, — он тут за главного. Пока.

Между тем катеришко бодро подъехал к причалу, выкинул трап на берег и замер. Тотчас по трапу важно протопал Папик, держа в каждой руке за шкурки пейзаенького молодчика и Кишкодера.

— Вы тоже за мной, — скомандовал он спутникам, и все неохотно поплелись следом за Владыкой Мира, предчувствуя новую парашу на свою голову. К счастью тащиться им пришлось недолго: едва Папик ступил на берег, тачанка с плюгавым мужичонкой стремглав подкатила к визитерам, и Великий Бог Нергал, униженно сгибаясь в три погибели, выбежал навстречу Папику. Был этот Великий Бог из себя ростом мелок, прыщав, гнилозуб и вдобавок нестерпимо провонял козьим дерьмом. В руках его был все тот же жезл, в навершии которого красовалась львиная голова.

— Приветствую тебя, Величайший! — провякал Великий Нергал, заранее вжимая голову в плечи. Как оказалось, делал он это неспроста, поскольку Папик, не говоря ни слова, бросил на землю своих пленников и стукнул Гнилозуба по башке своим кавалерийским стеклом. Немедленно на месте Нергала образовалось нуль-вакансия в виде клочка мрака, медленно расползавшегося в окружающем пространстве, а посох с львиной головой упал на землю.

— Однако делааааа... — протянул Вепрев, — даааааа...

— Так, Вепрев, — обратился Папик деловым тоном, — ты теперь за Нергала будешь по совместительству, усек?

— Усек, — вяло сказал Вепрев, — че делать то? Где яму рыть, скажи, начальник!

— Не хами, Вепрев, не то в асфальт закатаю, — пригрозил Папик, — бери жезл, щас в замок пойдем. Да! И этого кодера заберёте в стадо, — Папик показал на тушку с козлиной мордой, валяющуюся на дне тачанки и уже слабо шевелящего ослиными ушами.

— Давай, Семенов! — велел Вепрев, — присмотри за скотинкой, как ты у нас животновод.

Семенов подошел к тушке кодера и пощупал пульс. Затем, покачав головой, приоткрыл ему веко и осмотрел мутный красный глаз пленного. Видимо, увиденное его не удовлетворило, и он произнес недовольным тоном:

— Сотрясение мозга! Неделю проваляется!

— Да пусть валяется, не заржавеет, — ответил Вепрев, — ты за ним присмотри, ага?

— Ага, — ответил Семенов и поволок кодера подальше от Папика.

Сам же Папик, позабыв про все, подошел к перекладине и что есть силы грохнул по рельсе кувалдой. Раздался оглушительный звон, Вепрев аж вздрогнул, а Верховная Дама-Доминатрикс ойкнула, зажав уши. Почти сразу же из стены нуль-пространства с треском выперся здоровенный кодер, одетый в пурпурную тогу и с золотой цепью с панагией на шее. На рогатой козлиной башке кодера красовалась барашковая шапка с павлиньим пером. Вепрев тотчас узнал его — это была та самая морда, от которой он получил бессмертие.

Величаво подойдя к компании, кодер проблеял бараньим голосом:

— Слушаю, тебя Низший! Привет, Вепрев, — сделал он экс-математику ручкой.

— Здрасьте, — только и вякнул Вепрев в ответ.

— Эээээ, — раболепно залебезил Папик, — приветствую тебя, Верховный!

— Ну, и чо те надо-то? — вяло спросил тот с нотками нетерпения в голосе.

— Предлагаю вот эту парочку рабов, — Папик ткнул пальцем в Пейсатенького и Кишкодера, — взамен на парочку зародышей.

Кодер покосился на предлагаемый товар, и вяло процедил:

— Хорошо, обоих — на фронт, — и вяло хлопнул в ладони.

Тотчас из стены нуль-пространства выскочила пара молодчиков, вылитых близнецов Пейсатенького, держа в руках по свертку. Свертки они безмолвно положили под ноги Папику, а Кишкодера и Пейсатенького, все так же, не говоря ни слова, пинками погнали в стену нуль-пространства.

— Чао! — сделал ручкой Кодер и неторопливо вошел в стену вслед за ними.

Папик, вытерев холодную испарину со лба, бережно подобрал свертки, и сунул в объемистый кулек. Затем сноровисто влез в тачанку и уселся на козлах и приглашающе махнул рукой своим попутчикам, наблюдавших всю сцену, разинув рты. Вепрев лениво подобрал жезл Нергала и вместе с товарищами и взгромоздился в тачанку с Владыкой Мира. Семенов держал на руках все еще не очухавшегося кодера.

Путь до замка Нергала оказался недолог, то ли это был очередной трюк этого мира, то ли он и в самом деле был недалеко. Едва тачанка подскакала к замку, златокованные ворота сами собой широко распахнулись и путники взошли по широкой лестнице к дверям замка, красиво инкрустированных золотыми фигурками людей и животных.

Папик постучал в дверь своим стеком, и тут же они широко распахнулись, открывая огромный зал, в дальнем конце которого стоял Золотой Трон. Справа и слева на пути к трону железобетонными стенами стояли шеренги придворных, разодетых в леопардовые и тигровые шкуры, не скрывающие огромные члены, свисающие до колен своих хозяев, с колпачками из драгметалла, украшенного брюликами на конце. Колпачки крепились к поясам золотыми цепями. Вепрев обратил внимание на то, что эти крысоящеры выглядят иначе, нежели уже привычные крысоиды, поскольку у всех на головах красовались преогромные козлиные рога, и из пастей торчали длинные клыки.

Важно прошествовав сквозь толпу подобострастных придворных холуев, Папик взгромоздился на трон и выдал вступительную речь:

— Представляю вам нового Владыку Тартара Великого Бога Нергала, — Папик вытолкнул Вепрева вперед, — бойтесь его и повинуйтесь, а не тооо... — Папик погрозил придворным стеком.

По рядам холуйчиков пронесся трепет, и раздались верноподданные вопли:

— Все сделаем, Величайший, однава дыхнуть — только глазом моргни! Слава Нергалу!

— Слава Нергалу! Слава Нергалу! — принялась скандировать дворцовая плесень.

— Вот так-то, Вепрев, — обратился Папик к Шурику, — садись на трон, и рули.

— А че делать-то? — наивно спросил экс-математик, — пытаться, резать, давить?

— Да нет, — поморщившись, отмел эти кровожадные предположения Папик, — тут рядом граница неформатированного пространства, видал? И оттуда все время разная сволота лезет. А ты их гасить должен своим посохом. Или поставишь кого-нибудь за себя. И за войском приглядывать. Просек?

— Ага, — тупо ответил Вепрев, — просек. Когда здесь обед подают?

— А когда прикажешь, — ответил Папик, — кстати, вот моего отпрыска можешь на передний край!

С этими словами Папик испарился, оставив Вепрева и его товарищей наедине с толпой рогатых крысоящеров. Однако доблестный математик Вепрев, уже привыкший к закидонам здешнего мира и приноровившийся командовать лохами, не растерялся, и, взобравшись на трон, рявкнул что было сил в пространство:

— Жрать! Водки! Блядей!

Тотчас в толпе у подножия Великого Нергала началось шевеление, и из толпы выкатился толстопузенький крысоид, одетый в ливрейную шкуру, который, кланяясь и низко приседая от ужаса, приблизился к трону и робко проблеял:

— Ваше Величество, прошу в трапезную. Сегодня подают изысканнейшее блюдо — младенцы кодеров в сметане.

— Ты че, охренел? Какие младенцы? — возмутился Великий Бог Нергал, — холестерин сплошной! Сами жрите! А мне ты мне рыбки подай, рыбки! И водки побольше! И блядей тащи, да чтоб голыми пели и плясали! Все усек?! Живва!

— Слушаю и повинуюсь, — проблеял крысоид, — сей момент! — и ускакал куда-то в боковую дверцу.

Вепрев принялся разглядывать толпу придворных. Были они все похожи друг на друга, и все светили тупыми козлиными мордами, навевающими смертную тоску.

— Премьер-министра сюда! — ни на кого не глядя бросил Великий Нергал в воздух.

Из толпы придворных на брюхе степенно выполз важный крысоид, одетый в бараний тулуп. На его кабаньей шее висела толстенная цепь с золотой звездой, а кончик его здорового члена украшал золотой колпачок с рубинами.

— Вот что, — я шас жрать пойду, а ты, Ормуз, приготовься — после обеда поедем на обзорную инспекцию. — Вепрев слегка удивился, откуда он знает имя премьера, — Усек?

— Усек, Ваше Величество, — с достоинством ответил премьер, — а как быть с Вашими спутниками?

— Этого, — Вепрев ткнул пальцем в Патлатого, — на стену, от кодеров отбиваться, остальные пока при мне будут, — небрежно бросил Вепрев, — ступай.

— Ах, Саша! — внезапно вмешалась Верховная Дама-Доминатрикс, — то есть, Великий Бог Нергал! — быстро поправились сообразительная девица, — оставь мне вот этого — Машка указала на Патлатого, — я его еще недоперевоспитала!

— Че, понравилось? — лениво спросил Вепрев, — ладно, развлекайся, — и сделал знак премьеру, — отведи рабочее место Верховной Даме-Доминатрикс! А на фронт за него министра обороны сошли!

Премьер подозвал одного из придворных и что то приказал. Тот тотчас подбежал к Машке, и низко кланяясь, раболепно обратился к ней:

— Прошу следовать за мной, Ваше Высочество!

И Верховная Дама-Доминатрикс с Патлатым на цепочке, величественно проследовала за сопровождающим в боковую дверку.

В другом конце зала парочка крысоидов в позе «ласточка» выводила из зала министра обороны — толстопузого крысоида с четырьмя золотыми звездами на цепи. Бывший министр громко верещал, протестуя против понижения.

Урегулировав все эти мелочи, Вепрев снова рявкнул в пространство:

— Где жратва?! Запорю!

— Все готово, Ваше Величество, — мигом нарисовался у трона Толстопузик, — прошу за мной.

Ведрев поднялся со Златого Трона, и лениво зашагал в трапезную за Толстопузиком. За ним двинулись его соратники, а затем и придворные. Таковы были традиции этого мира — Ведрев откуда-то знал и это — король обедает вместе с придворными. Как оказалось, Тронная Трапезная располагалась в соседнем зале и представляла собой огромное помещение с длинным столом, плотно уставленным жратвой и бутылками водки.

Усевшись во главе стола на возвышении, Ведрев жестом пригласил присаживаться придворных, и, дождавшись, когда все рассядутся по чинам, предложил первый тост:

— Господа! Выпьем за победу над кодерами! — и с ходу замахнул литровый фужер с водкой. Придворные последовали примеру Великого Нергала, и дикий разгул воцарился в подземном царстве ужаса.

sss

Машка и вedomый на цепи Патлатый вслед за сопровождающим вошли в кабинет с надписью «Экзекуционная», расположенный неподалеку от Тронного Зала. Увиденное поразило Верховную Даму-Доминатрикс обилием всевозможных орудий истязания, но особенно ей понравилась обыкновенная деревянная скамейка с дырками для головы и рук и ремешками для привязывания наказуемого. Рядом стояло ведро, в котором мокли березовые розги.

Снедаемая нетерпением Машка выгнала из кабинета придворного экзекутора, затем велела Патлатому:

— Раздевайся! Пороть тебя буду!

— Да хватит уже с меня! — взвыл Патлатый, — лучше на фронт!

— Но-но! — сказала Машка, сама торопливо раздеваясь догола, — мы сначала с тобой порезвимся!

— Порезвится можно, — вдруг согласился богочеловек, и, повалив Машку на пол, принялся вспахивать младое тело своим деревяненьким. Машка сначала попыталась отбиваться, а потом, смирившись, закатила глаза и только глухо взвизгивала, а под конец и вовсе заорала благим матом, забившись в диком оргазме, так что когда Патлатый, отыграв партитуру, встал на ноги, она так и осталась лежать на полу, корчась в экстазе. Наконец, Верховная Дама-Доминатрикс поднялась с пола и глухим голосом бросила Патлатому:

— Ложись! Я тебе щас задам!

И Машка, привязав Патлатого к скамейке, принялась охаживать его задницу длинной березовой розгой.

С тех пор так и повелось у этой странной парочки: с утра — дичайшее соитие, затем — долгая порка со свистом. От постоянного перебора Машка исхудала, но все ей было безразлично, кроме этих диких сцен, конца которым не предвиделось. Пищу и воду им доставлял все тот же придворный, который привел их сюда, а спали они вповалку, обнявшись прямо на полу.

Тем временем Пейсатенький и Кишкодер, доставленные под конвоем в нуль-пространство, были направлены на линию фронта, и были приписаны к ударному штрафному батальону, занимавшему оборону в направлении столицы Тартара. Бои были тяжелыми: кодеры, с виду похожие на двуногих рогатых козлов с львиными клыками перли немереным числом на позиции тартаров, и отбиваться от них приходилось тяжеленными

трехметровыми алебардами. Ими надлежало зацепить кодера за рога, а потом повалить, стреножить арканом и доставить приемщикам.

Кодеры же просто накалывали тартаров на рога и уносили вглубь нуль-пространства прямо на полковую кухню, где из них готовили закуски для господ офицеров, а из отходов — пищу для солдат. Потери были ужасающими, войска буквально пожирала друг друга, но Пейсатенький, а за ним и Кишкодер ловко приبلатнились при походно-полевой кухне, где из трупов убитых кодеров готовили жратву для войска. Пейсатенький, ловко сообразив что к чему, предложил шеф-повару сначала потрошить и обдирать кодеров, а потом жарить мясо на углях. Для потрошения были использованы природные способности Кишкодера, который выдирает все потроха одним движением руки. Это изобретение до того понравилось командованию, что Пейсатенького назначили Главным Военным Кулинаром, а Кишкодера — его ассистентом. И служба покатила легко и приятно, парочка сытно жрала, баловалась с пленными девками-демоницами из адких бардомов и наслаждалась изысканными напитками из подвалов Великого Кодера.

sss

Обед в Тронной Трапезной был в самом разгаре. Вепрева после пятого литра водки уже развезло в дым, а старикашка Бусыгин, пристроившийся за столом, уже и вовсе храпел, упав мордой в салат, когда в зал под визгливые звуки дудок вбежала полусотня голых одалисок и принялась плясать зажигательный танец живота. Отплясав, девицы по команде сутенера разбежались по придворным, и уселись на колени знати. Вепреву досталась их прима — сикилястая и жопистая цырла, увешанная золотыми побрякушками как Новогодняя елка. Она так умело вертелась у Шурика на коленях, что он, не выдержав, повалил девицу на стол и тут же принялся охаживать ее, рыча как дикий зверь. Тем же занимались и прочие придворные, и зал наполнился стонами и дикими выкриками. Как только они закончились, телки быстренько упорхнули, а на смену им выпорхнула стайка новых одалисок и все действие повторилось.

Через несколько часов этого занятия Вепрев совершенно выдохся, и, чтобы взбодриться, принял на грудь стакан водки. Однако тут в его мозгах совсем помутилось, и Великий Бог Нергал упал под стол и захрапел.

sss

Проснувшись через несколько часов, Вепрев обнаружил себя в роскошной спальне с тремя голыми телками возле себя. К удивлению экс-математика, он не ощущал никакого похмелья и усталости — видимо, теперь его божественное естество было выше этого. Тотчас вскочив, он рявкнул:

— Экипаж мне! Премьера позвать! На фронт поеду!

Тотчас же одна из стен комнаты широко распахнулась, и в помещение вкатился мозглявый холуёк, держащий под уздцы тройку крысоидов, запряженных в давешнюю тачанку Нергала. Взгромоздившись в нее, Вепрев в одну руку взял вожжи, в другую — львиноголовый посох, и, подобрав прискакавшего премьера, выехал из спальни в широченные ворота, прямо напротив границы нуль-пространства. Почти сразу же из-за границы появилась козлиная морда кодера. Вепрев треснул ее по рогам своей дубиной, а когда морда упала, он подцепил ее за рога и швырнул тушку в тачанку. Тут же он заметил еще одну морду, вылезавшую наружу. С ней он разделался точно так же, и бросил в кучу к предыдущей.

— Ладно, пока хватит, — заявил он, и, хлестнув вожжами крысоидов, направил тачанку

низ по Реке Времени.

— О, это опасно! — предостерег Премьер, — дальше по течению будет Провал Хроноса, куда стекает Время.

— И чем оно опасно? — вяло поинтересовался Вепрев, наблюдая, как бойцы его армии ловко расправляются с кодерами.

— Большая вероятность выпадения из метрики, Ваше Величество! — ответил Премьер, — Великий Хронос гипнотизирует всех, кто приближается к Провалу, и пытается утащить его к себе вместе с потоком Времени.

— Ладно, разберемся, — отмел сомнения Вепрев, нахлестывая крысоидов.

Через пару часов езды вдоль стены Нуль-Пространства Река Времени отвернула в сторону и потекла в обширную долину, в центре которой находилось неглубокое озеро круглой формы. В самой середке озера чернела огромная дыра, в которую с шумом водопада стекало Жидкое Время.

— Эта дыра и есть Хронос? — спросил Вепрев Премьера.

— О, да, Ваше Величество, — подтвердил тот. — Само Тело Великого Хроноса лежит под землей, только его рот виден нам.

Вепрев пожал плечами и, дернув вожжи, повернул назад.

— Хронос, хронос, — бурчал он про себя, — а не пошёл бы ты нахуй!

Галопом вернувшись к Дворцу, Вепрев высадил Премьера и, подъехав к стене Нуль-Пространства, принялся беспощадно истреблять кодеров, забыв обо всем.

Так оно и продолжалось долгое время: Вепрев похудел, почернел, но занятия не прерывал, словно какая-то неведомая сила гнала его вперед и вперед. Когда тачанка набивалась доверху, он отвозил ее в приемку, где теперь Семенов и Галина занимались откормом стада кодеров, число которых неуклонно росло. Сдав добычу, Шурик шел в Тронный Зал, где выслушивал доклады министров, а затем удалялся в Трапезную, где предавался дичайшему разгулу, пропуская за раз полсотни одалисок.

Потянулось время, которого здесь не было — Стибр, который Папиковы рабы бросали в Реку Времени в тоннеле, нейтрализовывал Время, так что в Тартаре время отсутствовало. И так бы оно и продолжалось до бесконечности, когда однажды Вепрев, проснувшись от громких воплей, вышел в коридор, собираясь покарать нарушителя тишины. Проходя мимо дверей, он остановился возле одной из них, откуда доносились особо громкие крики. Толкнув дверь, Великий Нергал увидел Патлатого, который беспощадно порол голую Машку, привязанную к гильотине. Машка дико орала и вращала аппетитной попкой, уже покрытой розовыми полосками поцелуев любви.

Завидев Великого Бога, Патлатый отбросил розгу и пал ниц:

— Приветствую тебя, Великий Бог, — раболепно приветствовал он Шурика.

— Ты че творишь? — грозно спросил Великий Бог, — кто велел? Как смел?

— Ах, Саша, отстань, — вдруг томно ответила Машка, — это игра у нас такая, можешь присоединиться.

Вепрев тупо переводил взгляд с Патлатого на Машку, и вдруг, подчиняясь порыву, взял свежую розгу и полоснул Машку по заднице. Девица взвизгнула, и отдернула попochку.

— Врешь, так не больно! — сказал Вепрев, — а вот так больнее, — Вепрев стеганул Машку еще раз, потом еще и еще, — я тебе покажу как блядовать с кем попало! — приговаривал Великий Нергал, не прерывая экзекуцию.

Машкам орала благим матом и просила о пощаде:

— Прости меня, Саша, я больше не буду-у-у-у-у!

— Вот выпорю, тогда прощу, — грозно заявил Великий Бог, не прекращая пороть изменщицу.

Наконец, когда попочка Машки капитально порозовела, Вепрев отбросил розгу и освободил Машку из зажимов гильотины.

— Одевайся и пошли, — велел он девице, — сваливаем отсюда.

Машка торопливо напялила свое облачение Верховной Дамы-Доминатрикс, и, послав Патлатому воздушный поцелуй, упорхнула вслед за Великим Нергалом. Вепрев, как будто протрезвев после месячного запоя, решил, наконец, взять ситуацию в свои руки и лично перетереть тему с Верховным Кодером. Больше всего его интересовало, к чему все эти войны и прочие непонятки, и как все это отменить навсегда. Однако первым делом Шурик решил забрать с собой попутчиков, которых давно потерял из виду.

Быстрым шагом пройдя коридор, Великий Нергал вышел во двор замка и двинулся на скотный двор, где Семенов и Галина воспитывали кодеров, прошедших первичный отсев. Провалившихся же Галина резала на месте, и отправляли на скотобойню в разделку на мясо. Вот и сейчас говнологи обучали детенышей кодеров не гадить где попало, а пользоваться отхожим местом и подтираться лопухами. Семенов читал об этом нотацию, а Галина на здоровенной колоде стегала плеткой какого-то ослушника, визжащего как недорезанный поросенок.

Завидев парочку, Вепрев махнул им рукой, и властно крикнул:

— Эй, вы там, говнологи! За мной! — и двинулся обратно во дворец, чтобы подобрать старикашку Бусыгина. Остальные затрусили за ним недружной стайкой.

Старикашка по обыкновению отсыпался после вчерашней попойки в компании пяти одалисок в своих «апартаментах», как он их называл, а попросту говоря — под столом в Тронной Трапезной. Подойдя к нему, Вепрев жестом прогнал одалисок и потыкал старикашку по ребрам носком сапога.

— А? Что? Уже? — всколыхнулся дедок, — наливай!

— Хорош гулять, пошли на терку, — велел ему Вепрев, — надевай штаны, папаша!

Гений-изобретатель торопливо напялил свои новые бархатные штаны и парчовый камзол — дар Великого Нергала, — и двинулся следом за Вепревым, позевывая и почесываясь. Сразу по выходе из дворца Тартаров из дверей выскочил Патлатый, и с криком «и я с вами!» побежал вслед за компанией. Пожав плечами, Вепрев промолчал и повел компанию к причалу, где все еще сиротливо покачивался на волнах их катерок с тупой мордой на корме. Там он сразу подошел к перекладине и пару раз трахнул кувалдой по рельсе.

Едва звон утих, как из-за границы нуль-пространства все так же вальяжно выступил Верховный Кодер, одетый на этот раз в красный плащ на меховом подбое и с короной на голове.

— Привет, Вепрев! С чем пожаловал? — обратился он к Шурику.

— Хочу, чтобы вы мне пояснили, — осторожно начал Вепрев, — из-за чего мы воюем?

— Нешто не понимаешь? — удивился Верховный Кодер, — жрать-то надо, Вепрев, сам понимаешь. Да и население сокращать надо, а то у меня народец плодится как тараканы!

— А полегче как-то нельзя? — спросил Шурик.

— Ну, пошли ко мне, потолкуем, — и Верховный Кодер зашагал к стене нуль-пространства. Не оборачиваясь, он скрылся в ней, и путники, с замиранием сердца,

последовали за Кодером. Как и в прошлый раз, путешествие свелось к бесконечному падению в бездну, но на этот раз оно закончилось в уже знакомом дворике, с которого начались все приключения Вепрева и Машки. Точно так же в центре дворика покачивался на козлах квадратный корень, а с осеннего неба моросил мелкий холодный дождик. На сей раз, однако, в двери одного из парадных стоял Верховный Кодер, маня путников пальцем. Все зашли следом за ним в обыкновенную зачуханную трехкомнатную квартиру на втором этаже, в одной из комнат которой стоял стол с компьютером и полупустой бутылкой водки и грязным стаканом рядом.

Не задерживаясь, Верховный Кодер пинком ноги отворил хлипкую фанерную дверь, из которой хлынул яркий солнечный свет, и все вошло в новый мир, который показался им до невозможности странным. Прямо напротив них возвышалась колоссальная туша какой-то твари, из которой бодренько вылезали все новые и новые кодеры — маленькие, едва стоящие на ногах. Они немедленно подскакивали к своей мамаше и начинали сосать молоко из одного из сосен ее сосков. Голова твари уходила в стену черного мрака — границу Нуль-Материи, стена которой возвышалась справа, которая, очевидно, служила пищей для несущки.

Тут же вокруг несущки топталось огромное стадо кодеров повзрослее, но и они занимались тем, что сосали огромные соски своей мамашы — другой еды вокруг не наблюдалось, ибо весь пейзаж составлял голый песок. Некоторые молодые кодеры по глупости высовывали свои головы за границу Нуль-Пространства, нависающую слева над всем миром, и, тотчас получив по рогам, выволакивались по ту сторону границы пространства солдатами Тартаров. Другие же забегали через границу Нуль-Материи, и тогда назад выскакивало уже два кодера, которые, посмотрев друг на друга, начинали яростно бодаться рогами. Наконец, наиболее сильные потомки залезали на свою мамашу и начинали яростно совокупляться с ней через одну из многих половых щелей.

Неподалеку за тушей плодоносящей твари торчал великолепный дворец, весь инкрустированный золотом, драгоценными камнями и украшенный скульптурами людей и животных, тоже отлитыми из золота.

— Ну, вот оно, мое царство, — с нехорошей усмешкой поведал Верховный Кодер, — запустил однажды процесс, а он все идет и идет, и конца ему нет. И эти уроды все множатся и множатся, скоро меня сожрут!

— А кто эта туша? — спросила Машка.

— Порождение Нуль-Материи, вроде кисты, — со злобой в голосе ответил Верховный Кодер, — вылезла однажды — и давай!

— А вы спигаль поставить ей не поговали? — спросил профессиональным тоном Семенов.

— Да какая спираль, у нее же матка как дирижабль! — с тоской в голосе ответил Верховный Кодер, че делать — ума не приложу!

— Надо ей матку вывернуть, — внезапно посоветовала Галина, — а потом отрубить начисто. Это я как бывший биолог говорю.

— Ну, давай! — охотно согласился Кодер, — выворачивай!

— А шас, — заявила Галина, — веревка есть?

— На, — мигом ответил Верховный Кодер, снимая пояс со своего бурнуса.

Галина сунула в карман расшитый золотом пояс и подошла к необъятной туше, засучивая рукава казенного халата. Зайдя сзади, откуда вылезали кодеры, она, улучив

момент, смело сунула руку в дупло несущки, немного пошурудила внутри и вдруг резким жестом вывернула наружу огромный пузырь матки, размером под стать своей хозяйке — метра три диаметром. На землю посыпались незрелые зародыши, и тут же набежавшая толпа взрослых кодеров начала жадно жрать своих не родившихся братишек. Не обращая на них внимания, Галина вынула из кармана пояс Верховного Кодера и намертво перевязала основание матки, после чего, вынув из-за пояса нож, которым резала для кухни Нергала отстающих в учении кодеров, уверенно откромсала пузырь и бросила его на съедение. Тотчас же кодеры жадной сворой накинулись на даровое мясо и принялись в драку пожирать то, что их же самих и породило, а Галина не спеша вытерла нож тряпкой и снова сунула за пояс.

— Ну, нет слов, — развел руками верховный кодер, — теперь живем. Проси, чего хочешь, голубица!

— Назад хочу, в Питер! — заявила ученая-говноведка, — в свой ларек!

— Ладно, — согласился Кодер, и тотчас же Галина исчезла.

— И я, и я хочу! — заорал Семенов, — в Питег!

Кодер пожал плечами и Семенов тоже исчез, как будто его и не было.

— Ну, а вас, юноши, прошу в гости, перетереть надо! — радушно предложил Верховный Кодер, указывая на свой дворец. Сократившаяся компания равнодушно последовала вслед за хозяином и, обойдя тушу охлажденной Несущки, вошли в сверкающий великолепием дворец Верховного Кодера. Войдя в Тронный зал, Кодер воссел на трон и обратился к своим гостям:

— Предлагаю такой расклад — все вы возвращаетесь в Ад, где Вепрев будет Королем Ада, Владыкой Тартара Великим Богом Нергалом, а все остальные — при нем. Согласны? По глазам вижу, что согласны!

— А в Питер можно? — осторожно спросила Машка, — у меня там родители, братишки...

— Да конечно, конечно! — замахал руками Кодер, — портал я вам обеспечу, можете даже жить в Питере, а в Ад являться только на работу. Хотя — не пойму, чего вам тут не хватает.

— А его как? — Вепрев кивнул на Патлатого. — Он ведь даже не человек!

Кодер хлопнул в ладоши. Тут же перед ним возник Папик с растрепанной бородой и распухшей со сна мордой лица.

— А? Что? Куда? — Забормотал дедуля.

— Забирай свое чадо! — Кодер указал на Патлатого. Папик тотчас дернул отпрыска за руку и мигом испарился.

Тут же на сцену вывернулся Бусыгин, и нагло заявил:

— А мне какая работа светит?

— А кем ты хочешь быть? — спросил Вепрев.

— Верховным Сомелье Великого Нергала! — непреклонно заявил Бусыгин, — хочу отдохнуть, хочу вознаградить себя за всю мою беспокойную трезвую молодость!

— Давай, — согласился Вепрев, — а Машка будет при мне Девой Марией, подругой жизни Великого Нергала, а по совместительству Верховной Дамой-Доминатрикс! — Пойдет?

— Пойдет! — по деловому кратко согласился Верховный Кодер, — вот тебе, Вепрев, Карта, — куда ткнешь, туда и попадешь, — и Верховный кодер выдал Вепреву тугой рулон карты Загробного Мира.

Вепрев развернул карту и, пошарив глазами, ткнул пальцем в надпись Дворец Короля Ада. Тотчас посреди Тронного зала появилось переливающееся всеми цветами радуги кольцо Портала, и Вепрев, махнув на прощание рукой Верховному Кодеру, скрылся в нем вместе с попутчиками. Очутившись в своем Тронном Зале, Великий Нергал поприветствовал придворную плесень, сделав всем ручкой, и тотчас повелел:

— Водки! Закуски! Блядей голых! Живва!

— Извольте пройти в Тронную Трапезную, Ваше Величество, — раболепно предложил шарообразный придворный, — все готово к удовольствию Вашего Величества.

И Вепрев с Машкой под руку и старикашкой Бусыгиным торжественно прошествовали в зал, и машина бешеного разгула снова бешено завертелась.

А где то там, в далеком Питерском морге, ошарашенные трупомойщики увидели, как завернутые в простыни ожившие мертвецы Галина и Семенов под ручку шествуют к выходу, садятся в метро и едут по домам. Случай этот ненадолго занял первое место в сообщениях соцсетей, но скоро утонул в прочих актуальных и не очень новостях.

Прошло полгода. Вепрев и Машка вполне освоились со своими новыми ролями, и находили их много лучшими, чем выгребание помоек или обучение арифметике детей-дебилов. Чтобы не отстать от жизни, Великий Бог Нергал повелел построить запруду на Реке Времени и на время своего загула просто останавливает Время. Старикашка же Бусыгин целыми днями торчит в ликеро-водочных погребах Великого Нергала, пробуя поочередно напитки из его бесконечно обширной коллекции. Он даже изобрел для себя специальную форму Верховного Сомелье, срисовав ее с какой-то старинной картины — величавый муж, разодетый в шелка и бархат и с золотой бляхой на груди.

И так оно все идет, и все идет, и идет...

Больше книг на сайте - Knigoed.net